This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Gessen, C. III.

В. М. Гессенъ.

На рубежѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типо-Литографія А. І. Розена (А. Е. Ландау). СПБ. Театральная пл

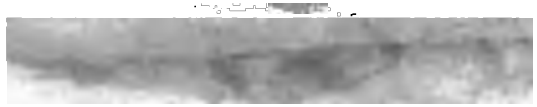
Предлагаемая читателю книга освѣщаетъ одну только, преимущественно правовую, сторону безконечно разнообразныхъ и сложныхъ событій переходной эпохи. Она состоитъ изъ статей и замѣтокъ, написанныхъ въ разное время, подъ непосредственными впечатлѣніями текущаго дня; теперь, съ ретроспективной точки зрѣнія, многое въ нихъ мнѣ кажется неправильнымъ, многое недосказаннымъ.

И тѣмъ не менѣе, я оставляю написанное мною безъ всякихъ—или почти безъ всякихъ—измѣненій.

Пусть эта книга явится отраженіемъ—конечно, неполнымъ и блѣднымъ — не только эволюціи общественной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и эволюціи опредѣленнаго теченія общественной мысли.

Вѣрю, что читатель, хотя бы во многомъ несогласный со мною, не усомнится въ одномъ,—въ искреннемъ моемъ стремленіи къ истинѣ и въ искренней моей любви къ свободѣ.

15 апрѣля 1906 г.



XIX вѣкъ.

(Январь 1901 г.).

Очнувшись отъ кошмара мучительно-тяжелой ночи, радостно встрѣтила Россія свѣтлую, весеннюю зарю XIX вѣка.

Юношей, полнымъ несокрушимой вѣры въ свои неначатыя силы, выступилъ XIX вѣкъ на поприще исторической жизни. Страстное стремленіе подняться отъ будничной дѣйствительности къ возвышеннымъ идеаламъ, непримиримо-рѣзкая критика существующаго и широкіе творческіе планы,—а, съ другой стороны, презрѣніе къ условіямъ и требованіямъ дѣйствительной жизни, незнаніе путей и средствъ къ осуществленію отвлеченныхъ идей, могучій полетъ воображенія и слабость воли, не закаленной житейской борьбою—однимъ словомъ, все, что характеризуетъ благородную, но безсильную юность,—характеризуетъ начало истекшаго вѣка, первые годы царствованія «Креза благихъ пожеланій», Императора Александра.

Александръ I вступаетъ на престолъ съ твердой рѣшимостью съ ногъ до головы преобразить Россію. Еще будучи наслѣдникомъ, въ 1796 г. Александръ пишетъ гр. Кочубею: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ непмовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ повсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расши-

ренію своихъ предѣловъ» [1]). «Я никогда не могу привыкнуть къ идеѣ, пишетъ Александръ Лагарпу, царствовать деспотически; я неспособенъ поддерживать угнетеніе» [2]). Старый режимъ, опредѣляемый однимъ словомъ «произволъ», ненавистенъ Александру. Единственную цѣль своей реформаторской дѣятельности онъ усматриваетъ въ томъ, чтобы «устранить вредъ, происходящій отъ произвола» [3]).

Спасеніе отъ произвола въ законѣ. Великая революція идей, завершившаяся къ концу XVIII в., завѣщала Европѣ новую, неизвѣстную старому режиму, идею законности. Въ то время, какъ произволъ всегда и необходимо остается продуктомъ индивидуальной человѣческой воли, случайной и непостоянной, руководимой не только разумомъ, но часто прихотью и страстями,—законъ является результатомъ искусственно-сложнаго процесса коллективнаго творчества, выраженіемъ самодовлѣющей и самосущей, *объективной* воли, возвышающейся надъ субъективнымъ усмотрѣніемъ людей.

Эпоха французской революціи создаетъ во Франціи истинный культъ закона. «Force à la loi», «obéissance à la loi», «au nom de la loi»,—таковы обязательныя вступленія къ требованіямъ исполнительной власти.

Съ такимъ-же культомъ закона мы встрѣчаемся въ Россіи. Въ память коронованія Императора Александра I выбита была медаль, рисунокъ которой характеризуетъ основную мысль, руководившую въ то время начинаніями Александра. Съ одной стороны медали находилось изображеніе Государя, а съ другой—обломокъ колонны и надпись: «законъ—залогъ блаженства всѣхъ и каждаго». Въ указѣ Сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ «Комиссіи составленія законовъ» заявлялось что «въ единомъ законѣ—начало и источникъ народнаго блаженства, что одинъ законъ можетъ утвердить въ госу-

[1]) Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. I, стр. 713.
[2]) Щегловъ, и. с. стр., 120.
[3]) Ib., стр. 721.

дарствѣ на вѣки счастливыя времена»! Величайшее зло существующаго порядка заключается, по мнѣнію Александра, въ случайности и безсвязности законовъ, истекающихъ отъ законодательной власти различными и часто *противоположными* путями, въ отсутствіи единства въ ихъ намѣреніяхъ и постоянства въ ихъ дѣйствіи. Отсюда «всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія» [1]).

Открывая засѣданія преобразованнаго Госуд. Совѣта въ 1810 г., Императоръ Александръ I произноситъ рѣчь, «исполненную чувства, достоинства и идей, которыхъ никогда еще Россія не слышала съ престола» [2]); въ этой рѣчи, въ широкихъ и смѣлыхъ штрихахъ, набросана программа всей, вообще, реформаторской дѣятельности Александра. «Одно личное дѣйствіе власти, говорится въ ней, въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить единства. Сверхъ сего, лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государства. Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не покидала. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на за конѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ».

Итакъ, учрежденія и законъ—такова программа преобразовательной дѣятельности Александра. Въ этой дѣятельности Александръ находитъ себѣ геніальнаго сотрудника въ лицѣ Сперанскаго.

Подобно Александру, Сперанскій подвергаетъ краснорѣчивой, юношески—рѣзкой критикѣ существующій строй;

[1]) Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд. 3, стр. 67.
[2]) Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, стр. 118.

въ результатѣ онъ приходитъ къ убѣжденію въ необходимости немедленной и коренной реформы.

Различать должно, говоритъ Сперанскій въ своемъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ», два рода власти: одну физическую, другую моральную. Если физическая власть осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію? Какое благотворное движеніе не искажено и не перетолковано?—Духъ партій и злонамѣренность, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ семъ участіе; но духъ партій не имѣлъ бы столько силы, если бы общій разумъ не расположенъ былъ къ его впечатлѣніямъ. Съ горестью, но достовѣрностью, можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть мѣста... Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ положеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія? Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее? Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горечь своего положенія. Наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть ничто иное, какъ общее выраженіе пресыщенья и скуки отъ настоящаго порядка вещей... Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи... Какъ можно изъяснить сіе безпокойствіе

иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка [1]).

Критика существующаго — рѣзкая и безпощадная, — отнюдь не можетъ и не должна быть объясняема личными свойствами характера или ума Имп. Александра или Сперанскаго. Это — общая черта времени, — времени молодого, горячаго, нетерпимаго. Сперанскій выражаетъ мнѣнія и чувства передового меньшинства, — общественное мнѣніе «молодой Россіи» [2]).

Критическому радикализму эпохи соотвѣтствуетъ творческій ея радикализмъ. Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap, любилъ повторять Сперанскій [3]). Баронъ Корфъ удачно называетъ творческій геній Сперанскаго «страстью создавать».

Россіи нужны законы; но еще больше законовъ Россіи нужны учрежденія.

Господство механическихъ воззрѣній на государство — такова характерная черта конца XVIII и начала XIX вѣка. Интересъ и вниманіе политическихъ мыслителей, теоретиковъ и практиковъ, прикованы къ идеямъ организаціоннаго характера. Законодательная мысль вращается вокругъ вопросовъ о формѣ правленія, объ установленіи правильнаго движенія въ ихъ дѣлъ и т. п.; ей чужда и малопонятна идея соціальныхъ реформъ. Совершенная организація государственной власти считается философскимъ камнемъ народнаго благополучія. Воззрѣніе на государство, какъ на искусную машину, придуманную механикомъ-человѣкомъ, проходитъ красною нитью чрезъ всѣ проекты усовершенствованія государственнаго механизма, которыми такъ богато начало XIX вѣка. Въ на-

---

[1]) Историческое Обозрѣніе, т. X, стр. 16.

[2]) См., между прочимъ, записку Кочубея: „О положеніи имперіи и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ и введенію лучшаго устройства въ разныя отрасли, правительство составляющія (Сбор. Ист. общ., т. 90), на стр. 6—о „воровствахъ и безпорядкахъ неслыханныхъ“, стр. 30—объ узурпаціи функцій государственнаго совѣта комитетомъ министровъ, стр. 34—о недостаткѣ въ государственныхъ людяхъ и мн. др.

[3]) Корфъ, ч. I, стр. 108.

стоящее время намъ кажутся странными и можетъ быть, немного смѣшными эти безконечные споры, это безчисленное множество проектовъ и контръ-проектовъ, касающихся подробностей устройства государственнаго совѣта, сената или министерствъ. Въ то время государственные люди были убѣждены, что, придумавъ наилучшее распредѣленіе дѣлъ между министерствами, наилучшее устройство государственной канцеляріи, они благодѣтельствуютъ Россію. Съ тонкой и, можетъ быть, безсознательной ироніей возстаетъ противъ грубо-механической концепціи государства неизвѣстный авторъ офиціальной записки по поводу контръ-проекта графа Гурьева по вопросу объ устройствѣ намѣстничествъ. Графъ Гурьевъ полагалъ, что съ учрежденіемъ намѣстниковъ, Россію постигнутъ ужасныя бѣдствія. «Я, съ съ своей стороны, увѣренъ, возражаетъ ему оппонентъ, что гибели Россіи не послѣдуетъ оттого, будутъ намѣстники или нѣтъ. У насъ были коллегіи и намѣстники и не было министерствъ, и дѣла шли; уничтожены были намѣстники, оставались коллегіи, и не было министерствъ,—и дѣла шли; сдѣлались министры, уничтожились коллегіи,—и дѣла идутъ; будутъ намѣстники,—и тогда все дѣла итти будутъ» [1]).

Сперанскій, дитя своей эпохи, былъ также «механикомъ»—но механикомъ необыкновеннымъ, Эдиссономъ политики. Проектъ уложенія государственныхъ законовъ, широко и смѣло задуманный, всеобъемлющій и художественно-стройный, навсегда останется въ нашей исторіи геніальной попыткой раціонализаціи русскаго государственнаго строя, колоссальнымъ памятникомъ политическаго воображенія и ума.

Упрекаютъ Сперанскаго въ чрезмѣрной подражательности французскому образцу. Дѣйствительно, между избирательной схемой французской конституціи 1799 г. и законодательной схемой Сперанскаго имѣется

[1]) Матеріалы комиссіи о преобразованіи губ. и уѣздныхъ учрежденій, II отд., I ч., стр. 66.

видимое сходство. Но за этимъ видимымъ сходствомъ скрывается глубокое, принципіальное различіе. Сперанскій вполнѣ сознавалъ призрачно-конституціонный характеръ консульскихъ и имперскихъ учрежденій. Во Франціи, говоритъ онъ, правленіе самодержавное, облеченное всѣми внѣшними формами закона, сохраняетъ, въ существѣ, ту же силу и то же пространство самодержавія. Для Россіи онъ предлагаетъ свободное представительство, государственную думу, выражающую общественное мнѣніе въ странѣ, судебную власть, основанную на выборномъ началѣ и вполнѣ независимую отъ правительства; исполнительную власть, отвѣтственную предъ госуд. думой.

Конечно, планъ Сперанскаго былъ неосуществимъ. Частичная реализація этого плана, въ видѣ новаго учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта, не только не измѣнила существующаго строя, но, наоборотъ, технически его усовершенствовавъ, сдѣлала его болѣе устойчивымъ и крѣпкимъ.

Эпоха Александра не внесла существенно-новыхъ началъ въ юридическую жизнь Россіи. Эта эпоха умѣла мечтать, она не умѣла дѣйствовать. Одаренная живымъ и неспокойнымъ воображеніемъ, она вѣрила въ реальность образа и мечты. Для нея, какъ юности, не существовало препятствій; ибо она, какъ юность, не умѣла ихъ понять. Ея идеалы были возвышены,—слишкомъ возвышены для того, чтобы исходящіе отъ нихъ лучи тепла и свѣта могли озарить и согрѣть печальную дѣйствительность.

Юность всегда радикальна. Эпоха Александра вѣрила въ возможность подчинить дѣйствительную жизнь отвлеченнымъ концепціямъ теоретической мысли. Она подвергла суровой критикѣ созданные вѣками учрежденія и институты; она расшатала гранитные, обросшіе мхомъ устои вѣкового зданія. Но когда отъ критической она должна была перейти къ созидательной работѣ, оказалось что она предприняла великій подвигъ, располагая ничтожными средствами. При первой встрѣчѣ съ дѣйствительной жизнью, безъ усилій и борьбы она сложила

предъ ней оружіе и малодушно признала себя побѣжденной.

Радикализмъ юности отваженъ, но неустойчивъ; онъ способенъ на отчаянный штурмъ и не выдерживаетъ томленья осады. Первая неудача,—и онъ падаетъ духомъ, отворачивается отъ грубой и неблагодарной дѣйствительности для того, чтобы въ созерцаніи «возвышенныхъ истинъ» опять найти утраченный покой. Мы знаемъ, чѣмъ кончилась преобразовательная эпоха десятыхъ годовъ. Все глубже и глубже опускаясь въ таинственный омутъ мистицизма,—Александръ отвернулся отъ жизни, и вмѣсто себя поставилъ Аракчеева надъ Россіей. Что удивительнаго, если въ 1824 г., уже предчувствуя близость развязки, онъ впадаетъ въ отчаяніе, не оставляющее его до смерти.

— «Славы для Россіи довольно,—говоритъ онъ,—больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри Россіи, мысль ложится мнѣ на сердце десятипудовой гирей. Отъ этого устаю» [1]).

И все-таки преобразовательная эпоха десятыхъ годовъ не прошла для Россіи безслѣдно. Только тотъ, кто въ юности стремился къ невозможному, осуществитъ возможное въ полномъ расцвѣтѣ мужественныхъ силъ. Не будь молодой Россіи начала вѣка, не было бы зрѣлой Россіи 60-хъ годовъ.

Не будь Александра Перваго, Россія застряла бы въ песчаной и безводной пустынѣ николаевскихъ временъ. Толчекъ, полученный ею отъ эпохи преобразовательныхъ плановъ, силой инерціи привелъ ее къ эпохѣ осуществленныхъ реформъ.

II.

Если эпоха Александра I—юность XIX в., то эпоха

[1]) Слова, сказанныя имп. Александромъ Ѳ. П. Лубянскому.

шестидесятыхъ годовъ—его зрѣлость, періодъ наибольшаго развитія духовныхъ его силъ.

Начало вѣка—время отвлеченныхъ идеаловъ, безпредметныхъ мечтаній о свободѣ, равенствѣ, общечеловѣческомъ братствѣ, евангельской любви.

Шестидесятые годы — время ясныхъ и твердыхъ принциповъ, опытомъ и наблюденіемъ отвлеченныхъ отъ фактовъ и явленій дѣйствительности. Созданные жизнью и для жизни, эти принципы преобразуютъ жизнь. Право индивида на свободу; право на права; уваженіе къ «святѣйшему изъ званій», къ человѣку; свобода мысли и слова; равенство въ отбываніи повинностей; правда и милость въ судахъ; освобожденіе отъ административной опеки; организація общественной самодѣятельности, — таковы принципы, опредѣляющіе содержаніе и цѣль правотворческой дѣятельности шестидесятыхъ годовъ. Эти принципы—конечно, не вполнѣ—воплощаются въ жизнь: они даютъ Россіи освобожденіе крестьянъ, отмѣну кнута, университетскій уставъ 63 г., облегченіе цензурныхъ правилъ, новый судъ, земскую и городскую реформу, всеобщую воинскую повинность.

Въ эпоху зрѣлости творческая энергія человѣка достигаетъ своего апогея, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ человѣкъ свершаетъ больше, нежели во всѣ остальные годы своей жизни.

Реформа шестидесятыхъ годовъ—дѣло умудреннаго опытомъ зрѣлаго вѣка. Шестидесятые годы создали новую Россію.

Въ настоящее время—именно вслѣдствіе колоссальности эпохи реформъ — старая дореформенная Россія, отдѣленная отъ насъ всего нѣсколькими десятилѣтіями, кажется уже сѣдой стариной, преданьемъ далекаго вѣка. Туманъ временъ скрываетъ и скрашиваетъ ея безобразно рѣзкія черты. Кто бы повѣрилъ, что уже теперь въ глазахъ многихъ забытое прошлое начинаетъ пріобрѣтать таинственную прелесть? Кто-бы повѣрилъ, что уже теперь создается легенда о «прекрасномъ далекѣ» тридцатыхъ,

сороковыхъ, пятидесятыхъ годовъ? Необходимо теперь же— и какъ можно скорѣе—разсѣять историческій туманъ, сгущающійся надъ дореформенной Россіей. Эта Россія не такъ далека отъ насъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Она не умерла: ея учрежденія, ея идеи живутъ среди новыхъ учрежденій и идей, въ вѣчной и непримиримой съ ними борьбѣ.

Чѣмъ была дореформенная Россія?

Она была страною двойного рабства. Снизу—порабощеніе человѣка человѣкомъ; 23 милліонное стадо «крещеннаго инвентаря», «крещенной собственности», принадлежащее ста тысячамъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ; темное царство безграничнаго произвола,—царство, куда не проникалъ ни одинъ лучъ далекаго и тусклаго закона. Сверху—порабощеніе человѣка государствомъ. Административный строй дореформенной Россіи былъ точнымъ воспроизведеніемъ, точною копіей крѣпостныхъ порядковъ. Если, съ одной стороны, помѣщикъ былъ «полиціймейстеромъ» своихъ крестьянъ, то, съ другой, губернаторъ былъ «хозяиномъ» своей губерніи. Въ рукахъ губернатора въ губерніи, исправника—въ уѣздѣ, сосредоточивалась вся полнота и вся сила правительственной власти,— de facto неограниченной и безконтрольной. Ничто не характеризуетъ въ такой степени стараго режима, какъ мертвая бумажность закона. Новый законъ создавалъ новыя средства къ его обходу,—и только. Не смотря на видимое всемогущество, никогда и нигдѣ верховная власть не была въ такой степени безсильной, какъ въ Россіи. Голосъ закона былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Обязанности, возлагаемыя закономъ на административную власть, и, слѣдовательно, права, даруемыя закономъ подвластнымъ, мертвою буквой оставались подъ спудомъ «пятнадцатитомной благодати» Свода законовъ. Какъ у крестьянъ по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, такъ у подданныхъ по отношенію къ власти были обязанности, но не было правъ. На все требовалось дозволеніе, на все требовался спросъ. «Едва вѣрятъ здѣшніе жители, писалъ

въ 1819 г. изъ Сибири Сперанскій, что безъ спроса и дозволенія они могутъ... ничего не дѣлать» [1]).

Монтескье полагалъ, что отличіе абсолютной монархіи отъ деспотіи заключается прежде всего въ наличности у первой и въ отсутствіи у второй—суда. Съ этой точки зрѣнія, дореформенная Россія была не абсолютной, а деспотической монархіей. Въ Россіи издавна было множество судебныхъ мѣстъ, но до 60-хъ годовъ не было въ Россіи суда; по выраженію Каткова, судебныя учрежденія были придаткомъ къ администраціи,—и только. Вспомнимъ, какая обширная область суда,—или, точнѣе, расправы—принадлежала помѣщикамъ, полиціи и всякимъ другимъ начальствамъ; вспомнимъ о широкомъ участіи полиціи—полиціи николаевскихъ временъ—въ уголовномъ процессѣ, объ исполненіи полиціей судебныхъ рѣшеній гражданскихъ судовъ; вспомнимъ о почныхъ птицахъ стараго суда, боящихся дневного свѣта, о неправосудіи и лихоимствѣ; о мертвой бумажности производства въ отсутствіи тяжущихся и подсудимыхъ; о безконечной, судебной волокитѣ; объ отсутствіи защиты на судѣ, о «пристрастныхъ допросахъ» на предварительномъ слѣдствіи,—и о многомъ другомъ, о чемъ тяжело и страшно вспоминать,—и мы согласимся съ публицистомъ, назвавшимъ великую реформу 64 г.—«изведеніемъ русскаго народа изъ юридической неволи» [2]).

По содержанію своей дѣятельности, дореформенная Россія была государствомъ военно-фискальнымъ.

Военные и фискальные интересы поглощали всецѣло вниманіе государственной власти. Тяжелое бремя рекрутчины и налоговъ лежало всецѣло на низшихъ безправныхъ и податныхъ классахъ. Положительныя задачи правительственной дѣятельности—забота объ улучшеніи матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народа,—отступали

---

[1]) Корфъ, ч. II, стр. 211.
[2]) Голосъ, 17 апрѣля 1866 г. (Цитируется Джаншіевымъ: «Изъ эпохи великихъ реформъ»).

на задній планъ, плохо сознавались и еще хуже осуществлялись правительствомъ.

Первоначальнаго народнаго образованія не было вовсе. Въ 1828 г. по свидѣтельству министра нар. просв. Шишкова на всю Россію приходилось не болѣе 600 школъ; въ царствованіе Императора Николая I, правительство проявляетъ нѣкоторую заботу о нар. просвѣщеніи въ селеніяхъ госуд. и удѣльныхъ крестьянъ; однако по отчетамъ министерства госуд. им. 1853 г. въ этихъ селеніяхъ насчитывается всего около 150000 учениковъ.

О врачебной помощи народу не было рѣчи. Народъ лечился толченымъ стекломъ, принимаемымъ внутрь съ крѣпкой водкой, ѣлъ ртуть; крестьянскія бабы рожали подвѣшенныя къ балкамъ въ баняхъ; новорожденныхъ парили въ горячемъ духу и трясли головою внизъ, чтобы не было грыжи; при глазныхъ болѣзняхъ бабки вылизывали глаза. Доктора народъ видѣлъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пріѣзжалъ со становымъ поднимать и потрошить мертвыя тѣла; больница считалась—и не безъ основанія—преддверіемъ кладбища.

Земледѣліе находилось въ младенческомъ состояніи первобытнѣйшихъ временъ.

Эпидеміи пожаровъ, по оффиціальнымъ даннымъ, ежегодно истребляли одну двадцать четвертую часть деревенской Россіи; въ 24 годъ вся Россія выгорала до тла; повальные падежи скота ежегодно отнимали у всего населенія Россіи около четверти рабочей силы.

Что сказать, наконецъ, о правительственной дѣятельности въ области высшихъ культурныхъ интересовъ народа,—въ области науки и печатнаго слова?

Основная тенденція царствованія имп. Николая I заключалась, какъ извѣстно, въ полномъ и безусловномъ разобщеніи Россіи отъ западной Европы,—въ стремленіи, какъ можно плотнѣе заколотить и законопатить окно, прорубленное въ Европу Великимъ Петромъ. Отсюда гоненіе противъ мысли и слова, репрессивныя мѣры противъ университетской науки 48-го и слѣд. годовъ, отсюда цензур-

ный, или, вѣрнѣе, *сверхъ-цензурный* Бутурлинскій комитетъ.

Еще въ 50-хъ годахъ *мыслить*—значило у насъ *протестовать*. Самый патріотизмъ находился подъ цензурнымъ запретомъ. Въ циркулярѣ петерб. цензурному комитету 1847 г. мы читаемъ:—«Особливой внимательности требуетъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, *общаго* или провинціальнаго, стремленіе становящееся иногда если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть».

Какимъ именемъ назвать порядокъ, который боится «послѣдствій» патріотизма?

Такова старая дореформенная Россія.

Реформы шестидесятыхъ годовъ создали новую Россію.

Въ преобразовательной своей дѣятельности Императоръ Александръ II не имѣлъ такихъ сотрудниковъ, какъ Сперанскій. Дѣятели 60-хъ годовъ были средними людьми честной, разумной и твердой воли. Живи эти люди въ началѣ вѣка, они сочиняли бы проекты объ организаціи министерствъ или о движеніи канцелярскихъ дѣлъ. Живи они теперь, они были бы не у дѣлъ. Но люди создаются временемъ. Истиннымъ творцомъ великихъ реформъ было время,—мужественное и свободное, полное кипучей энергіи и творческихъ силъ,—время 60-хъ годовъ.

19 февраля 61 г. падаетъ крѣпостное право,—заложенъ первый камень въ зданіи новой Россіи.—Освобожденіе крестьянъ имѣетъ такой же универсальный характеръ, какой въ свое время имѣло крѣпостное право. Оно излечиваетъ Россію отъ «отвратительнаго недуга» рабства, которымъ зараженъ былъ весь ея организмъ. Закрывается школа, единственная въ дореформенной Россіи,—школа, въ которой подвластные учились рабской покорности, начальники—рабовладѣльческому произволу. Съ освобожденіемъ крестьянъ неразрывно и тѣсно связана, судеб-

ная реформа, самая смѣлая и радикальная, самая совершенная изъ всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ.

Велико значеніе принциповъ, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ; велико значеніе объединяющей эти принципы основной идеи уставовъ,—идеи уваженія къ человѣческой личности, къ ея законнымъ правамъ. Укрѣпляя уваженіе къ личности, уставы укрѣпили уваженіе къ закону. Голосъ законодателя, не проникавшій въ темныя подземелья дореформенныхъ судовъ, громко и властно звучитъ на открытой площади новаго суда. Охраняя права, судъ охраняетъ право; ибо тамъ, гдѣ беззащитна личность, тамъ безсиленъ и ничтоженъ законъ.

Земская и городская реформы освобождаютъ русское общество отъ административной опеки, въ одинаковой мѣрѣ стѣснительной и безплодной.

Благодаря самоуправленію, содержаніе государственной дѣятельности измѣняется самымъ существеннымъ образомъ; наряду съ военно-фискальными задачами, выступаетъ на первый планъ заботливое содѣйствіе государства, въ лицѣ городскихъ и земскихъ учрежденій, матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ народа.

Народное образованіе создано самоуправленіемъ, земскимъ и городскимъ. Самоуправленіе открыло народныя школы, подготовило учителей, пріучило населеніе къ школѣ. Благодаря земству, уже въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи, и если бы не внѣшнія препятствія, непреодолимыя для земства, этотъ вопросъ получилъ бы въ недалекомъ будущемъ окончательное разрѣшеніе.

Дѣятельность самоуправленія въ области народнаго образованія величайшая, историческая его заслуга предъ русскимъ обществомъ.

Самоуправленіемъ создана народная медицина, преобразовано на раціональныхъ началахъ общественное призрѣніе. Въ послѣднее время земствомъ затрачиваются значительныя средства на содѣйствіе земледѣлію: устраиваются сельско-хозяйственныя школы, опытныя станціи и

поля, показательные участки, сельско-хозяйственныя выставки, фермы, музеи, метеорологическія станціи; съ каждымъ годомъ открываются все новые и новые сельскохозяйственные склады для снабженія населенія усовершенствованными земледѣльческими орудіями и улучшенными сѣменами. Однимъ словомъ, нѣтъ такой области народной жизни, въ которой бы не сказались—болѣе или менѣе ярко—благодѣтельныя послѣдствія земскихъ начинаній.

Мы не станемъ останавливаться на другихъ реформахъ 60-хъ годовъ.

Университетскій уставъ 1863 г.—каковы бы ни были частныя его несовершенства—создалъ въ Россіи науку и университетъ. Цензурныя правила 65 г., несмотря на всю ихъ боязливую незаконченность, положили начало—увы! одно только начало—отмѣнѣ предварительной цензуры. Законъ о всеобщей воинской повинности 1874 г., задуманный еще въ 1862 г. гр. Милютинымъ, превратилъ *рекрутчину*,—это позорное *наказаніе* за преступленіе и развратную жизнь, предусмотрѣнное закономъ наряду съ ссылкою въ Сибирь и содержаніемъ въ арестантскихъ ротахъ—въ почетную повинность,—отправляемую въ очередь гражданиномъ для защиты отечества.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, огромнаго воспитательнаго значенія, присущаго всѣмъ, вообще, реформамъ 60-хъ годовъ,—и освобожденію крестьянъ, и отмѣнѣ кнута, и судебной реформѣ, и всеобщей воинской повинности, и университетской реформѣ, и законамъ о печати.

Эпоха 60-хъ годовъ создала не только новый порядокъ, она создала новыхъ людей. Этими новыми людьми держится—и крѣпко держится—новый порядокъ. Конечно, отдѣльныя побѣды реакціи вполнѣ возможны; мы знаемъ какъ много такихъ побѣдъ одержано въ послѣднее время.

И, тѣмъ не менѣе, реакціонный радикализмъ—неизбѣжный продуктъ атавизма—ошибается, считая созданный 60 годами новый порядокъ колеблющимся и непрочнымъ.

Мы привыкли къ безотрадно-однообразной, горизонтальной плоскости нашихъ равнинъ. И когда, подъѣзжая къ югу, мы замѣчаемъ вдали зубчатую линію высокихъ горъ, мы не вѣримъ нашимъ глазамъ. Точно-ли это горы? Это облака, принявшія причудливыя очертанія горъ. Стоитъ только подуть съ сѣвера крѣпкому вѣтру,—и они исчезнутъ съ горизонта безслѣдно и навсегда... Нѣтъ, это горы, настоящія, каменныя горы. И никакому вѣтру ихъ не опрокинуть... Подымаясь къ небу снѣжной вершиной, подножіемъ онѣ глубоко уходятъ въ самое сердце земли.

III.

На смѣну зрѣлости приходитъ неизбѣжная старость. Жизнь, достигнувъ апогея, склоняется къ зениту. Слабѣетъ энергія; падаютъ силы. Свѣтильникъ духа начинаетъ мерцать.

Конечно, теперь еще не приспѣло время для объективной и свободной оцѣнки конца XIX вѣка. Исторія судитъ мертвыхъ; она не берется судить живыхъ. Только въ исторической перспективѣ опредѣляется истинное значеніе и дѣйствительный размѣръ явленій и фактовъ общественной жизни.

И тѣмъ не менѣе, врядъ ли мы ошибаемся, если назовемъ послѣднія десятилѣтія старостью XIX вѣка.— Основныя тенденціи переживаемой эпохи никакому сомнѣнію не подлежатъ.

Старость,—конечно,—мы говоримъ о духовной, а не о тѣлесной старости—богата опытомъ жизни. Она разсчетливо мудра; она практична. Но съ другой стороны, житейскій опытъ сушитъ сердце человѣка; разсчетливость и практичность убиваютъ идеализмъ. Старость любитъ покой; ей нуженъ сонъ. Она подозрительна и недовѣрчива; она боится новыхъ мыслей и, еще больше, новыхъ дѣлъ. Старости чужды великодушные порывы юношескаго альтруизма; она думаетъ о себѣ, о своихъ

недугахъ, наполняетъ время заботой объ искуственномъ возбужденіи и поддержаніи своихъ падающихъ силъ.

Страсть создавать, вдохновеніе творчества старости чужды. Внѣшнее совершенство и отдѣланность формы часто скрываютъ внутреннюю безсодержательность старческой мысли. Старость живетъ въ прошломъ; къ будущему она равнодушна.

Необычайный упадокъ правотворческой дѣятельности— одно изъ отличительнѣйшихъ свойствъ послѣднихъ десятилѣтій. Наше время боится новыхъ вопросовъ; оно предпочитаетъ копаться въ старомъ, передѣлывать сдѣланное, урѣзывать его, дополнять, толковать и т. д. и т. д. Все, что не успѣла довершить эпоха реформъ, остается недовершеннымъ до нынѣ.

Освобожденіе крестьянъ не разрѣшило крестьянскаго вопроса. Вчерашніе рабы нуждались, прежде всего, въ общественномъ перевоспитаніи, въ облагораживающемъ, укрѣпляющемъ и возвышающемъ воздѣйствіи объективнаго права. Ихъ помѣщаютъ въ торричеліеву пустоту *безправія*. Общее право не распространено на крестьянъ, крестьянскаго права не существуетъ. Тамъ, гдѣ предполагалось существованіе пресловутаго крестьянскаго обычая, въ большинствѣ случаевъ оказывались на лицо субъективное усмотрѣніе и произволъ помѣщиковъ или крестьянскихъ властей. Необходимо было, прежде всего, создать для крестьянъ право, или, вѣрнѣе, распространить на нихъ общее право, приспособивъ его къ крестьянской средѣ. Это сдѣлано не было, это не сдѣлано до сихъ поръ. Законъ 12 іюля 1889 г., есть не что иное, какъ *новая организація стараго усмотрѣнія*, соотвѣтственно измѣнившимся требованіямъ момента. Это — не реформа, а отсрочка реформы, уже давно настоятельной. Отъ ст. ст. 61 и 62 пол. земск. нач. вѣетъ духомъ дореформенныхъ временъ,—временъ, предшествующихъ 19 февраля 1861 г.

Наше мѣстное управленіе теперь, какъ и во времена Сперанскаго, покоится въ своихъ основныхъ началахъ

на екатерининскомъ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г.— Начиная съ учрежденія комитета 1826 г. реформа мѣстнаго управленія признается настоятельной. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ этой реформѣ не сходитъ съ очереди. Въ 1862 г. комиссія о преобразованіи губ. и уѣзд. учрежденій, резюмируетъ положеніе вопроса въ слѣдующихъ весьма энергичныхъ выраженіяхъ [1]).

«Нынѣ существующее губернское административно-полицейское управленіе, по сознанію мѣстныхъ властей, общественнаго мнѣнія и самого правительства, нисколько не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Настоятельная потребность коренного и радикальнаго (въ 60-хъ годахъ не боялись этого слова) пересмотра не только мѣстныхъ, но и самыхъ началъ всего положительнаго законодательства, *очевидна всѣмъ и каждому*». Сенаторская ревизія нѣкоторыхъ губерній 80 и 81 г.г., собравшая огромный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для сужденія о строѣ нашего временнаго управленія, доказала несомнѣннѣйшимъ образомъ совершенную несостоятельность существующихъ порядковъ и безусловную необходимость коренной ихъ реорганизаціи. Въ мотивахъ къ учрежденію комиссіи статсъ-секретаря Каханова для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, потребность преобразованія мѣстнаго строя признана «*неотложно необходимой*».

И тѣмъ не менѣе, мѣстная реформа до настоящаго времени остается неосуществленной. И теперь губернаторъ совмѣщаетъ въ своихъ рукахъ функціи активнаго управленія и надзора,—другими словами является органомъ надзора надъ собственной своей дѣятельностью. И теперь губернское правленіе,—по закону высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ—лишено тѣни малѣйшей самостоятельности, и de facto играетъ роль *второй канцеляріи* губернатора.

---

[1]) Матеріалы, собранные для Выс. учр. комиссіи о преобр. губ. и уѣзд. учр. Отд. админ. ч. I отдѣленія V, стр. 196.

И теперь полиція въ своей дѣятельности руководствуется наказомъ 1837 г., приписывающимъ ей аттрибуты божества: полновластіе, всевѣдѣніе, вездѣсущность. Современная полиція характеризуется тѣми же недостатками, которые въ свое время были отмѣчены объяснительной запиской къ проектамъ объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, выработаннымъ въ *1860 г.*: крайней неудовлетворительностью состава, ничтожностью содержанія, бумажностью производства, дискреціонностью власти при чрезвычайно широкомъ и неопредѣленномъ кругѣ вѣдомства.

Опытъ западно-европейскихъ государствъ, въ связи съ теоретическими данными науки, отводитъ въ настоящее время первое мѣсто въ ряду средствъ для обезпеченія правомѣрности управленія административной юстиціи. У насъ вопросъ объ административной юстиціи находится въ эмбріональномъ состояніи. Судебно-административныя функціи I департамента Прав. Сената вырабо-тались *исторически*, почти безъ непосредственнаго участія *законодателя*. Ни даваемое закономъ опредѣленіе компетенціи, ни порядокъ разрѣшенія дѣлъ, ни способъ и условія комплектованія личнаго состава не соотвѣтствуютъ значенію I департамента, какъ высшаго судебно-административнаго учрежденія Имперіи. На мѣстахъ функціи административной юстиціи находятся въ рукахъ, такъ называемыхъ смѣшанныхъ комиссій, возникшихъ разновременно, случайно, безъ всякаго общаго плана. Комиссіи эти, ни по своему составу, ни по предметамъ вѣдомства, ни по степени власти не соотвѣтствуютъ природѣ судебно-административныхъ функцій. Фактическая ихъ независимость болѣе, чѣмъ проблематична; ибо въ солнечномъ блескѣ губернаторскаго всемогущества блѣднѣютъ и гаснутъ звѣздные лучи quasi самостоятельныхъ, коллегіальныхъ учрежденій.

Мы могли-бы, разумѣется, еще продлить перечисленіе *неотложныхъ* реформъ, отложенныхъ на неопредѣленное время концомъ XIX вѣка.

Но и сказаннаго болѣе, чѣмъ достаточно для ха-

рактеристики усталой и неподвижной правотворческой мысли послѣднихъ десятилѣтій.

Существуетъ въ исторіи законъ, именуемый закономъ *солидарности соціальныхъ явленій*. Законъ этотъ констатируетъ необходимую однородность, однохарактерность сосуществующихъ въ пространствѣ и времени явленій. Въ силу этого закона никогда коренная, радикальная реформа одной изъ сторонъ общественнаго быта не проходитъ одна; ибо новый институтъ, насильственно вставленный въ прежнюю, чуждую и враждебную ему среду, необходимо окажется нежизнеспособнымъ. Онъ умретъ, не успѣвъ расцвѣсти. Необходимо соотвѣтственно цѣлымъ рядомъ реформъ преобразовать соціальную среду для того, чтобы каждый, въ отдѣльности, новый институтъ, солидарный съ новой средой, могъ въ ней развиваться и жить. Реформы шестидесятыхъ годовъ, несмотря на упорную и настойчивую энергію враждебныхъ имъ теченій, оказались живучими, именно, потому, что они захватили широкую область общественной жизни Россіи; каждая изъ нихъ, въ отдѣльности, поддерживается совокупностью всѣхъ остальныхъ.

Тѣмъ не менѣе, всеобщее преобразованіе юридическаго строя оказалось не подъ силу и 60-мъ годамъ. О солидарности институтовъ и явленій современной юридической жизни не можетъ быть и рѣчи. Въ современной дѣйствительности совмѣщаются *двѣ эпохи*, два порядка, рѣзко противоположные другъ другу: пореформенный судъ и дореформенная полиція; самоустанавливающееся земство и всемогущій губернаторъ,—органъ надзора и въ то же время органъ активнаго управленія; раскрѣпощенное общество и безотвѣтственная администрація, облеченная широкой дискреціонной властью; мощно развившійся гражданскій оборотъ и X. т. свода законовъ; просвѣщенная и облагороженная общественная нравственность и уложеніе о наказаніяхъ 45 г.

Именно хронической борьбой непримиримо противоположныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ современной

дѣйствительности, объясняются тѣ глубоко-прискорбныя явленія и факты, которые отъ времени до времени нарушаютъ спокойное теченіе общественнаго прогресса.— Мы считаемся съ этими явленіями и фактами и не замѣчаемъ, что всѣ они только симптомы одного общаго глубокаго и коренного зла. Солидарность государственныхъ институтовъ и соціальныхъ явленій—необходимое условіе нормальнаго и спокойнаго хода государственной и общественной жизни.—Эта солидарность не была и не могла быть осуществлена усталой и холодной старостью XIX вѣка.

Каково-же содержаніе правотворческой дѣятельности послѣднихъ десятилѣтій?

Мы указали уже, что дѣятельность эта сводится къ *передѣлкамъ сдѣланнаго*,—къ урѣзкамъ и сокращеніямъ законодательныхъ реформъ 60-хъ годовъ. Основной мотивъ этой дѣятельности—подозрительное недовѣріе ко всему тому, что не есть бюрократія, администрація, *власть*,—*недовѣріе* къ свободному слову, къ наукѣ, къ общественной самодѣятельности, къ независимому суду. Таковъ характеръ законовъ о печати 1872, 1873, 1882, 1897 гг., сократившихъ до minimum'а облегченія, дарованныя печати закономъ 6 апрѣля 1865 г. Таковъ характеръ новаго университетскаго устава 1884 г., положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., городоваго положенія 1892 г.,—наконецъ, тѣхъ безчисленныхъ новеллъ, которыя, по выраженію В. Д. Спасовича, плесенью и грибками поросли на судебныхъ уставахъ. Законодательная дѣятельность конца вѣка созидательнаго характера не имѣла; она не внесла и не могла внести ни одной новой мысли, ни одного новаго начала въ русскую жизнь.

Отличительная черта переживаемой нами эпохи—скептическое и презрительное недовѣріе ко всякимъ, вообще, отвлеченнымъ принципамъ. Мы, прежде всего, практичны. Намъ кажутся странными, и, можетъ быть, смѣшными, возвышенныя опредѣленія права Ульпіана и Цельза: ars boni et aequi. Мы готовы повторять за

юристами XVII в.,—эпохи наибольшаго упадка юридической мысли: juris prudentia est habitus practicus, quo jus ad actiones civiles convenienter accomodatur.

Не широкіе идеалы и не реальные принципы,—практичность,—эта грустная философія недолговѣчной старости—кладется въ настоящее время въ основу преобразовательныхъ реформъ.

Практично то, что соотвѣтствуетъ измѣнчивымъ и преходящимъ настроеніямъ настоящаго историческаго момента; этимъ настроеніямъ приносятся въ жертву постоянныя и неизмѣнныя требованія народной жизни. Во имя интереса упраздняется принципъ.

То, что Савиньи сказалъ о своей эпохѣ, съ бо́льшимъ основаніемъ можно повторить о нашей.

По истинѣ, не призвано законодательствовать наше время...

Мы стоимъ на рубежѣ двухъ столѣтій. Въ ночь на 1 января, когда стрѣлки часовъ сошлись на цыфрѣ XII, мы поздравляли другъ друга не съ новымъ годомъ, какъ всегда, а съ новымъ столѣтіемъ, какъ никогда больше поздравлять не будемъ.

И не смотря на всю исключительность, неповторяемость этого момента, съ какимъ холоднымъ равнодушіемъ мы встрѣтили новый вѣкъ!

Отсчитывая мгновенія мимолетной человѣческой жизни, часы не отсчитываютъ столѣтій исторической жизни народа. Не прямою, а ломанной линіей отдѣляются вѣка другъ отъ друга; въ 1901 г. мы живемъ еще въ XIX вѣкѣ,—и только самое чуткое ухо можетъ подслушать робкое вѣяніе приближающагося, но еще далекаго Новаго Вѣка. Онъ придетъ, когда снова помолодѣвшее общество воодушевится высокими и прекрасными идеалами права; онъ придетъ когда снова вдохновеніе творчества окрылитъ человѣческую мысль,—и снова поведетъ ее впередъ,—къ таинственнымъ берегамъ новой жизни.

Есть въ пустыняхъ рѣки. Тамъ гдѣ они текутъ, среди песковъ расцвѣтаетъ оазисъ. Земля покрывается тучной

и яркой зеленью, выростаютъ плодоносныя пальмы, и въ тѣни деревьевъ караваны находятъ гостепріимный пріютъ. Но вдругъ рѣка исчезаетъ съ поверхности земли. Засыпанная песками, она подъ ними пробиваетъ себѣ глубокое русло. На много верстъ однообразно и уныло тянутся мутно-желтые, раскаленные пески. А между тѣмъ, въ скрытую подъ этими песками рѣку незамѣтно вливаются новые подземные ключи. Она становится многоводнѣй и шире,—и, наконецъ, опять пробиваетъ себѣ путь на поверхность земли. И опять расцвѣтаетъ оазисъ, выростаютъ пальмы, и въ тѣни деревьевъ отдыхаетъ долго блуждавшій, истомленный караванъ.

Историческій урокъ.

(Октябрь, 1904 г.).

Еще недавно русскій «либералъ» — по крайней мѣрѣ, умѣренный — былъ далеко не всегда и далеко не вполнѣ конституціоналистомъ. Долго онъ вѣрилъ, или, точнѣе, старался вѣрить въ возможность «великихъ» реформъ въ условіяхъ современнаго политическаго строя. Не возставая противъ самодержавія, онъ требовалъ свободы печати, свободы общественныхъ собраній, неприкосновенности личности, широкаго развитія самоуправленія и другихъ подобныхъ же «либеральныхъ» реформъ. Для того чтобы убѣдительнѣе обосновать свои требованія, онъ старался доказать совершенную ихъ совмѣстимость съ принципомъ абсолютизма; больше того, онъ готовъ былъ утверждать, что осуществленіе либеральныхъ реформъ необходимо въ правильно понимаемыхъ интересахъ самого самодержавія. Свобода печати необходима, потому что при отсутствіи представительнаго собранія, свободная печать — единственное для монарха средство ознакомиться съ настоящей, неприкрашенной жизненной правдой. Земство необходимо, потому что бюрократическое средостѣніе между монархомъ и народомъ искажаетъ истинный смыслъ самодержавія и т. д.

Врядъ ли необходимо доказывать, что столь популярное еще недавно обоснованіе освободительныхъ реформъ «пользами» самодержавія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о крайней недозрѣлости нашей политической мысли. Аргу-

ментація, направленная къ этой цѣли, всегда и необходимо является либо очевидно неискренней, либо до крайности близорукой.

Мы идемъ, однако, дальше; мы думаемъ, что о такой же недозрѣлости политической мысли свидѣтельствуетъ всякое, вообще, требованіе „либеральныхъ" реформъ, хотя и не аргументирующее пользами самодержавія, но допускающее, однако, молчаливо или expressis verbis, осуществленіе этихъ реформъ самодержавною властью. Давно уже пора навсегда и безповоротно признать, что для русскаго общества, закованнаго въ цѣпи политическаго рабства, невозможно никакое движеніе впередъ, до тѣхъ поръ, пока оно, бездѣйствуя, томится въ „каменномъ мѣшкѣ" нашего политическаго строя; что всякое требованіе политической, или даже личной свободы, правовыхъ или соціальныхъ реформъ является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ недосказаннымъ требованіемъ упраздненія *абсолютизма*.

Если, вообще, принципіальная несовмѣстимость освободительныхъ и обновительныхъ реформъ съ самодержавнымъ строемъ еще нуждается въ доказательствахъ, то такое доказательство—неоспоримое и очевидное для всѣхъ—въ настоящее время у насъ передъ глазами. Кратковременная, но въ высшей степени выразительная дѣятельность покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ должна была, наконецъ, убѣдить всякаго, доступнаго, вообще, убѣжденію, что наивно до нелѣпости на что нибудь надѣяться и чего нибудь ждать отъ самодержавія. Въ этомъ смыслѣ тяжелое время пережитое русскимъ обществомъ, является для него весьма поучительнымъ и краснорѣчивымъ историческимъ урокомъ.

Значеніе исторической дѣятельности фонъ-Плеве заключается, именно, въ томъ, что ею съ необыкновенной убѣдительностью раскрывается истинное и необходимое содержаніе абсолютизма. Именно съ этой точки зрѣнія мы и попытаемся—разумѣется, въ общихъ чертахъ—познакомиться съ политической системой покойнаго министра.

Покойный министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве былъ менѣе всего человѣкомъ широкаго ума или большихъ знаній, вообще, менѣе всего культурнымъ человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ длиннаго ряда удивительно однообразныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Уже въ силу условій нашего политическаго строя, требуется совершенно исключительное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ для того, чтобы во главѣ бюрократіи могъ появиться человѣкъ истинно-культурный и, слѣдовательно независимый и свободный—человѣкъ ума и таланта. Дизраели и Гладстонъ, Тьеръ и Гизо въ Россіи невозможны. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши министры—куртизаны или чиновники,—люди, воспитавшіеся въ атмосферѣ дворцовыхъ интригъ или канцелярскаго бездѣлья. В. К. Плеве былъ чиновникъ съ головы до ногъ—и только.

Въ одномъ ему, однако, нельзя отказать. При всей своей ограниченности, при всемъ своемъ невѣжествѣ онъ былъ человѣкомъ твердой воли, логической и послѣдовательной мысли. Сущность самодержавія, его истинный смыслъ онъ понималъ несравненно лучше своихъ либеральныхъ противниковъ; и вся его дѣятельность является не чѣмъ инымъ, какъ послѣдовательнымъ осуществленіемъ принциповъ, съ логической необходимостью вытекающихъ изъ основного принципа самодержавія. Именно въ строгой послѣдовательности политики покойнаго министра заключается ея совершенно исключительная поучительность. По справедливости, она можетъ быть названа логической reductio ad absurdum абсолютизма. Основную цѣль своей дѣятельности покойный министръ понималъ совершенно опредѣленно: спасеніе самодержавія отъ его внутреннихъ враговъ—упроченіе и увѣковѣченіе во что бы ни стало политическаго status quo. Мы утверждаемъ, что, поставивъ себѣ такую цѣль, В. К. фонъ-Плеве не могъ и не долженъ былъ поступать иначе, чѣмъ онъ поступалъ въ дѣйствительности. Конечно, мы глубоко убѣждены въ совершенномъ безсиліи тѣхъ средствъ,

къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгать. Это безсиліе объясняется, прежде всего, утопичностью самой цѣли, ея совершенной неосуществимостью. Но, во всякомъ случаѣ, разъ цѣль категорически дана, другихъ болѣе вѣрныхъ средствъ для ея осуществленія въ его распоряженіи не имѣлось.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ политическій дѣятель, покойный министръ всего болѣе характеризуется глубокой и непоколебимой вѣрой во всемогущество силы, въ конечное торжество насилія. Въ существѣ дѣла, все внутреннее управленіе сведено было имъ къ полицейской функціи. Все то, что не входило непосредственно или посредственно въ компетенцію департамента полиціи, имѣло въ его глазахъ второстепенное значеніе. Къ наиболѣе сложнымъ вопросамъ нашей внутренней жизни онъ подходилъ съ полицейской точки зрѣнія. Реформа самоуправленія, земскаго и городского, крестьянская реформа, еврейскій вопросъ, реформа мѣстной администраціи и суда—*всѣ эти вопросы* интересовали его постольку, *поскольку* то или иное рѣшеніе способно было поддержать существующій порядокъ, предупредить броженіе, подавить смуту. Болѣе всего интересовала его организація полицейскихъ учрежденій вообще, и государственной полиціи, въ особенности. На дѣло полиціи онъ не жалѣлъ огромныхъ матеріальныхъ затратъ,—и не подлежитъ сомнѣнію, что за короткое время своего управленія министерствомъ онъ усиѣлъ поднять значеніе и вліяніе полиціи на необыкновенную высоту.

Конечно, слѣпая, почти религіозная вѣра покойнаго министра во всемогущество полицейскаго принужденія убѣдительнѣе всего свидѣтельствуетъ объ ограниченности его ума, о политической его некультурности. Питаемое совокупностью политическихъ и соціальныхъ условій, революціонное броженіе также мало можетъ быть задержано полицейскими барьерами, какъ приливъ океана—песочною дамбою, сооруженной на берегу играющими дѣтьми. Если бы фонъ-Плеве, русскій Меттерних, зналъ

немного исторію, онъ вспомнилъ бы судьбу своего австрійскаго прототипа. Какою дѣтски наивной, въ свѣтѣ послѣдующихъ событій, кажется теперь категорически выраженная фонъ-Плеве въ самомъ началѣ его министерской карьеры увѣренность въ томъ, что въ какіе-нибудь два мѣсяца ему удастся полицейскими мѣрами умиротворить Россію.

Все это такъ; но, съ другой стороны,—будемъ вполнѣ откровенны—былъ ли у покойнаго министра какой-нибудь выборъ? Могъ-ли онъ, оставаясь вѣрнымъ предоставленной ему цѣли, отказаться отъ тѣхъ средствъ, насильственныхъ и жестокихъ, къ которымъ онъ, въ дѣйствительности, съ каждымъ днемъ все чаще и чаще прибѣгалъ? Нѣтъ, не могъ и потому не могъ, что религіозныя и этическія основы, нѣкогда поддерживавшія самодержавіе, уже давнымъ давно рухнули въ сознаніи народа, что среди мыслящей части русскаго общества нѣтъ, можетъ быть, ни одного защитника самодержавія «за совѣсть» и что только вынужденное повиновеніе «за страхъ» можетъ хоть на короткое время продлить жалкое существованіе умирающаго абсолютизма; какъ астматикъ безъ сгущеннаго кислорода, самодержавіе не можетъ существовать внѣ сгущенной атмосферы насилія и произвола; оно должно быть полицейскимъ самодержавіемъ, или не быть вовсе.

Будемъ откровенны. Развѣ мы не увѣрены въ томъ, что всякое ослабленіе власти, всякое колебаніе полицейскаго престижа, бо́льшая умѣренность въ репрессіи, бо́льшая осторожность въ примѣненіи «мѣръ предупрежденія и пресѣченія» могутъ только увеличить существующую «смуту», превратить всеобщее пассивное недовольство существующимъ порядкомъ въ такое же всеобщее активное противодѣйствіе ему. Если это такъ, логика событій требовала отъ покойнаго министра того образа дѣйствій, который либеральными постепеновцами ставится ему въ вину.

Будучи послѣдовательнымъ и твердымъ поборникомъ

сильной полицейской власти, фонъ-Плеве не могъ не относиться отрицательно къ, такъ называемымъ, «правамъ личности» и прежде всего къ праву на личную неприкосновенность. Обыски и аресты, отдача подъ надзоръ полиціи, лишеніе права на общественную службу, административныя высылка и ссылка, употребленіе военной силы, массовыя сѣченія, групповая матеріальная отвѣтственность за ущербъ, причиненный дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ,—эти и имъ подобныя мѣры пріобрѣли при немъ, воистину, какой-то повально-эпидемическій характеръ. Не хватало тюремъ, жандармы измучились, сбились съ ногъ. Почти вся Россія объявлена была на положеніи усиленной охраны,—на положеніи, которое, какъ извѣстно, является сплошнымъ отрицаніемъ права на личную неприкосновенность «охраняемыхъ». Никакая «умѣренность» не спасала отъ тюрьмы; приближалось время, когда сознательному и честному человѣку становится стыдно не быть преступникомъ, стыдно жить на свободѣ.

Да, но что дѣлать? Что дѣлать, если самодержавіе *несовмѣстимо* съ правомъ на личную неприкосновенность, съ дѣйствительными, а не фиктивными правовыми гарантіями личности? A la guerre comme à la guerre. Со всѣхъ сторонъ самодержавіе окружено врагами; ему необходимо считаться и съ подпольной агитаціей, и съ террористическими покушеніями, и съ открытою почти проповѣдью конституціонализма. Рабочее и аграрное движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ; просыпается малодушная интеллигенція, и въ сознаніи самыхъ умѣренныхъ и слабыхъ людей растетъ и крѣпнетъ неудержимая потребность жертвы. Борьба съ эпидеміей требуетъ рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣръ. Сотни здоровыхъ людей томятся въ карантинѣ для того, чтобы одинъ больной не могъ внести съ собой губительной заразы. Гдѣ ужъ тутъ разбирать больныхъ и здоровыхъ, правыхъ и виноватыхъ. Что удивительнаго, если въ борьбѣ съ политической заразой примѣняются также «карантинныя» мѣры усиленной охраны, мѣры, въ основѣ которыхъ

лежитъ принципъ, діаметрально противоположный истинно правовому принципу: лучше покарать сотню невинныхъ, нежели одного виновнаго оставить безъ кары. Пусть полицейскія гоненія недѣйствительны, но они могутъ, по крайней мѣрѣ на время задержать движеніе, а что можетъ сдѣлать громоздкій аппаратъ суда, медленно дѣйствующій, обставленный формальными гарантіями, карающій не тенденцію, а уже совершившійся фактъ?

Бывшій въ началѣ своей служебной карьеры судебнымъ дѣятелемъ, В. К. ф.-Плеве питалъ даже нѣкоторую—весьма, впрочемъ, платоническую,—любовь къ «гарантіямъ правильнаго судопроизводства». И не его вина, если дальше двусмысленнаго закона—онъ пойти не могъ.

Этотъ законъ [1]), устанавливающій судебное разбирательство, въ искаженной до уродливости формѣ, для политическихъ дѣлъ «съ уликами» и сохраняющій въ неприкосновенности прежній административный порядокъ разбирательства для дѣлъ «безъ уликъ», — является краснорѣчивымъ доказательствомъ принципіальной несовмѣстимости — несовмѣстимости quand même — полицейскаго самодержавія съ правовыми гарантіями личности.

Анализируя дѣятельность покойнаго министра, мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ такимъ же отрицательнымъ отношеніемъ его къ другимъ проявленіямъ личной свободы. Покойный министръ былъ убѣжденнымъ противникомъ свободы печати. Не говоря уже о финляндской прессѣ, пользовавшейся еще недавно дѣйствительной свободой, а нынѣ преданной смертной казни «истинно—русскими» насильниками, —даже наша повременная ежедневная печать — за малыми исключеніями жалкая и ничтожная до отвращенія — испытала на себѣ тяжелую руку всемогущаго временщика. «Новое Время», «Новости» и «Петербургскія Вѣдомости»—,не говоря уже о другихъ болѣе яркихъ органахъ,—неоднократно подверга-

---

[1]) Законъ 7 іюня 1904 г. о порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ.

лись преслѣдованіямъ, несмотря на всю свою чистоту и благонамѣренность, за мысли и чувствованія, идущія въ разрѣзъ съ чувствованіями и мыслями Полицейскаго Промысла. Стараніями цензуры, трепещущей передъ энергичной и безцеремонной волей министра, провинціальная печать поставлена была въ фактическую невозможность «вредить». Все, что еще было въ ней живого и мыслящаго, задохлось въ отравленной атмосферѣ цензурнаго застѣнка. И «ужасъ молчанія» свинцовою тучей нависъ надъ однообразно-желтой песчанной пустыней печатнаго слова...

Кто изъ насъ не знаетъ, чего стоитъ Россіи это вынужденное изъ подъ палки и тѣмъ не менѣе постыдное и преступное молчаніе ея «легальной» печати. Будь у насъ свободная печать, — развѣ была бы возможна эта несчастная японская война, — величайшая изъ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ русскимъ народомъ на алтарь обезсиленнаго и выжившаго изъ ума абсолютизма?

Конечно, нѣтъ; но свободная печать и абсолютизмъ *взаимно*, съ роковой и безусловной необходимостью исключаютъ другъ друга. Развѣ можетъ режимъ, отрицающій народное представительство, т. е. организованное участіе общественнаго мнѣнія въ политической жизни страны, допустить участіе въ этой жизни неорганизованнаго общественнаго мнѣнія, т. е. свободной печати? И что было бы съ самодержавной Россіей, если бы, дѣйствительно, допустить, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, свободу печати? Кто можетъ учесть ту страшную силу, съ которой вырвался бы наружу такъ долго и такъ насильственно сдерживаемый общественный протестъ противъ всѣхъ безобразій и всѣхъ ужасовъ нашего государственнаго строя. Достаточно самой ничтожной трещины въ котлѣ подъ высокимъ давленіемъ для того, чтобы вызвать разрушительный взрывъ. Намъ думается, что покойный министръ совершенно искренно съ великимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на нашихъ, такъ называемыхъ, либераловъ, добивающихся, въ предѣлахъ суще-

лежитъ принципъ, діаметрально противоположный истинно правовому принципу: лучше покарать сотню невинныхъ, нежели одного виновнаго оставить безъ кары. Пусть полицейскія гоненія недѣйствительны, но они могутъ, по крайней мѣрѣ на время задержать движеніе, а что можетъ сдѣлать громоздкій аппаратъ суда, медленно дѣйствующій, обставленный формальными гарантіями, карающій не тенденцію, а уже совершившійся фактъ?

Бывшій въ началѣ своей служебной карьеры судебнымъ дѣятелемъ, В. К. ф.-Плеве питалъ даже нѣкоторую—весьма, впрочемъ, платоническую,—любовь къ «гарантіямъ правильнаго судопроизводства». И не его вина, если дальше двусмысленнаго закона—онъ пойти не могъ.

Этотъ законъ[1]), устанавливающій судебное разбирательство, въ искаженной до уродливости формѣ, для политическихъ дѣлъ «съ уликами» и сохраняющій въ неприкосновенности прежній административный порядокъ разбирательства для дѣлъ «безъ уликъ», — является краснорѣчивымъ доказательствомъ принципіальной несовмѣстимости — несовмѣстимости quand même — полицейскаго самодержавія съ правовыми гарантіями личности.

Анализируя дѣятельность покойнаго министра, мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ такимъ же отрицательнымъ отношеніемъ его къ другимъ проявленіямъ личной свободы. Покойный министръ былъ убѣжденнымъ противникомъ свободы печати. Не говоря уже о финляндской прессѣ, пользовавшейся еще недавно дѣйствительной свободой, а нынѣ преданной смертной казни «истинно—русскими» насильниками, —даже наша повременная ежедневная печать — за малыми исключеніями жалкая и ничтожная до отвращенія — испытала на себѣ тяжелую руку всемогущаго временщика. «Новое Время», «Новости» и «Петербургскія Вѣдомости»—,не говоря уже о другихъ болѣе яркихъ органахъ,—неоднократно подверга-

---

[1]) Законъ 7 іюня 1904 г. о порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ.

лись преслѣдованіямъ, несмотря на всю свою чистоту и благонамѣренность, за мысли и чувствованія, идущія въ разрѣзъ съ чувствованіями и мыслями Полицейскаго Промысла. Стараніями цензуры, трепещущей передъ энергичной и безцеремонной волей министра, провинціальная печать поставлена была въ фактическую невозможность «вредить». Все, что еще было въ ней живого и мыслящаго, задохлось въ отравленной атмосферѣ цензурнаго застѣнка. И «ужасъ молчанія» свинцовою тучей нависъ надъ однообразно-желтой песчанной пустыней печатнаго слова...

Кто изъ насъ не знаетъ, чего стоитъ Россіи это вынужденное изъ подъ палки и тѣмъ не менѣе постыдное и преступное молчаніе ея «легальной» печати. Будь у насъ свободная печать, — развѣ была бы возможна эта несчастная японская война, — величайшая изъ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ русскимъ народомъ на алтарь обезсиленнаго и выжившаго изъ ума абсолютизма?

Конечно, нѣтъ; но свободная печать и абсолютизмъ взаимно, съ роковой и безусловной необходимостью исключаютъ другъ друга. Развѣ можетъ режимъ, отрицающій народное представительство, т. е. организованное участіе общественнаго мнѣнія въ политической жизни страны, допустить участіе въ этой жизни неорганизованнаго общественнаго мнѣнія, т. е. свободной печати? И что было бы съ самодержавной Россіей, если бы, дѣйствительно, допустить, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, свободу печати? Кто можетъ учесть ту страшную силу, съ которой вырвался бы наружу такъ долго и такъ насильственно сдерживаемый общественный протестъ противъ всѣхъ безобразій и всѣхъ ужасовъ нашего государственнаго строя. Достаточно самой ничтожной трещины въ котлѣ подъ высокимъ давленіемъ для того, чтобы вызвать разрушительный взрывъ. Намъ думается, что покойный министръ совершенно искренно съ великимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на нашихъ, такъ называемыхъ, либераловъ, добивающихся, въ предѣлахъ суще-

ствующаго порядка, свободы печати; и, можетъ быть, онъ былъ не совсѣмъ не правъ....

Неумолимый врагъ свободной личности, фонъ-Плеве былъ такимъ же неумолимымъ врагомъ свободнаго общества, ибо свободное общество точно также несовмѣстимо съ самодержавіемъ, какъ и свободная личность.

Всякое проявленіе общественной самодѣятельности, всякое коллективное дѣйствіе, или даже коллективное изъявленіе мысли встрѣчало съ его стороны энергичное противодѣйствіе, въ своей послѣдовательности не останавливающееся ни передъ чѣмъ.

Вспомните печальный конецъ Пироговскаго съѣзда, или съѣзда дѣятелей по техническому образованію; вспомните несостоявшійся съѣздъ земскихъ дѣятелей по страховому дѣлу; печальную участь оффиціальныхъ совѣщаній о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; вспомните наконецъ поистинѣ чудовищное — чудовищное въ своемъ цинизмѣ — отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ общеземской организаціи помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ. Конечно, всѣ эти факты возмутительны; мы бы сказали, что они невозможны, если бы они не были фактами. И тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, мы вынуждены признать ихъ строго логическую необходимость.

Будемъ опять таки откровенны и логичны. Правительственная власть поступала совершенно послѣдовательно, противодѣйствуя изо всѣхъ силъ научнымъ съѣздамъ и оффиціальнымъ совѣщаніямъ. Въ общественной жизни Россіи наступилъ моментъ, когда всякое проявленіе общественной самодѣятельности, въ какой бы оно формѣ не проявилось становится не возможнымъ; ибо всякое такое проявленіе съ роковой необходимостью пріобрѣтаетъ политическій характеръ,—характеръ антиправительственной демонстраціи. Соберите какой угодно съѣздъ,—ну, хотя бы ветеринарный или фармацевтическій, и вы увидите, что по поводу скотскихъ падежей или аптекарской таксы ветеринары и фармацевты начнутъ говорить о необходи-

мости политическихъ реформъ. Caeterum censeo, Cartaginem delendam esse. При такихъ условіяхъ правительству,—и, вслѣдъ за нимъ всему русскому обществу — остается признать, что, дѣйствительно, никакая общественная самодѣятельность—хотя бы даже въ формѣ научныхъ съѣздовъ—съ самодержавнымъ режимомъ несовмѣстима.

Умаленіе и подавленіе личности, отрицаніе общества и борьба со всякимъ проявленіемъ общественной самодѣятельности, — такова первая и наиболѣе важная, по существу, отрицательная часть политической программы фонъ-Плеве. Было бы однако несправедливо утверждать, что въ программѣ его совершенно отсутствуетъ положительная часть.

Ставя своей цѣлью не только поддержаніе, но и усовершенствованіе существующаго status quo, фонъ-Плеве не могъ не прійти къ убѣжденію въ необходимости нѣлаго ряда органическихъ преобразованій. Въ ряду намѣченныхъ и отчасти осуществленныхъ имъ реформъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить реформу мѣстнаго управленія и крестьянскую реформу. Не столь значительна по существу, но зато въ высшей степени характерна его политика по еврейскому вопросу.

Переходя отъ полицейской къ преобразовательной дѣятельности покойнаго министра, необходимо констатировать слѣдующій фактъ.

Чѣмъ слабѣе и неувѣреннѣе правительство, чѣмъ большихъ жертвъ оно требуетъ отъ народа, тѣмъ меньше услугъ оно оказываетъ ему. Преобразовательная дѣятельность не подъ силу самодержавію, вынужденному изо дня въ день бороться за существованіе и тѣмъ не менѣе не увѣренному въ завтрашнемъ днѣ.

Неудивительно поэтому, что самыя широковѣщательныя реформы, въ конечномъ результатѣ, оказываются жалкими передѣлками существующаго, деревянными подпорками поддерживающими ветхія стѣны, готовыя съ минуты на минуту рухнуть. Больше того, поглощенное все-

цѣло борьбой за существованіе, самодержавное правительство не замѣчаетъ, какъ мало по малу, оно заболѣваетъ маніей преслѣдованія. Полицейская борьба съ «врагами порядка» становится навязчивой идеей,—и эта идея начинаетъ опредѣляющимъ образомъ вліять на реформы, имѣющія самое отдаленное отношеніе къ полицейской функціи. При такихъ условіяхъ всякая реформа съ какою бы цѣлью она ни была задумана, пріобрѣтаетъ палліативно-полицейскій характеръ.

Совершенная неудовлетворительность нашего мѣстнаго управленія—общепризнанный фактъ. Намѣченная фонъ-Плеве мѣстная реформа должна была завершиться, во первыхъ, упраздненіемъ губернскаго земства и, во-вторыхъ, усиленіемъ губернаторской власти. Такимъ путемъ предполагалось возможнымъ достигнуть того единства въ мѣстномъ управленіи, которое нарушено было реформами 60-хъ годовъ.

Система земскихъ ревизій, широко практиковавшаяся покойнымъ министромъ, по своей прямой и непосредственной цѣли, является не чѣмъ инымъ, какъ походомъ противъ губернскаго земства. Всеподданнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева знакомитъ насъ съ тѣмъ оружіемъ, которое пущено было въ ходъ бюрократіей противъ земства. Рапортъ этотъ является во всякомъ случаѣ любопытнымъ историческимъ памятникомъ, и будущій историкъ самодержавія несомнѣнно воспользуется имъ, какъ иллюстраціей къ той системѣ оффиціальной лжи, благодаря которой самодержавная власть менѣе кого бы то не было знаетъ и можетъ знать истинное положеніе вещей въ Россіи.

Аргументація т. с. Зиновьева, направленная противъ губернскаго земства, врядъ ли нуждается въ опроверженіи по существу. Не трудно понять, чего стоитъ обвиненіе губернскаго земства въ стремленіи къ централизаціи и бюрократизму, исходящее отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, систематически подавляющаго всякое проявленіе земской инціативы, самодѣятельности мѣстныхъ

общественныхъ силъ. Обвиненіе губернскаго земства въ томъ, что своею политикой оно способствуетъ устраненію, добровольному или вынужденному, отъ земской дѣятельности настоящихъ «мѣстныхъ людей» является ложью, безпримѣрной по своему цинизму. Кто не знаетъ, кто можетъ не знать у насъ въ Россіи—въ особенности теперь, послѣ воронежской, тверской и московской исторій,—что удаленіе отъ земской службы лучшихъ мѣстныхъ людей является дѣломъ нечистыхъ рукъ самого министра внутреннихъ дѣлъ?...

Конечно, не эти аргументы важны, Походъ противъ губернскаго земства въ дѣйствительности вызванъ тою «политической окраской» его дѣятельности, которая—какъ бы мимоходомъ—констатируется и т. с. Зиновьевымъ. Вся бѣда въ томъ, что въ средѣ губернскаго земства «легко образуются партіи, которыя, не интересуясь кажущейся имъ мелкою повседневною дѣятельностью, нерѣдко группируются на политической почвѣ, если во главѣ ихъ стоятъ опытные руководители».

Съ этой точки зрѣнія походъ противъ губернскаго земства въ такой же мѣрѣ понятенъ, въ какой необходимъ. Было бы несправедливо утверждать, что покойный министръ, дѣйствительно, вѣрилъ въ премудрость и всемогущество подчиненной ему бюрократіи. Наоборотъ, онъ вполнѣ понималъ, что безъ содѣйствія «общественныхъ силъ»—въ особенности, если это содѣйствіе безвозмездно и «искренне».—бюрократіи не справиться съ установившимися отношеніями общественной жизни. Въ сферѣ непосредственно полицейской дѣятельности онъ утилизировалъ съ большимъ искусствомъ даровую общественную силу въ лицѣ дворниковъ, швейцаровъ и другихъ охранителей порядка, завербованныхъ принудительнымъ образомъ на общественную службу. Само собою разумѣется, что съ такою же готовностью онъ утилизировалъ бы и даровую или, по крайней мѣрѣ, очень дешевую общественную силу въ лицѣ «мѣстныхъ дѣятелей» для несенія службы административной. Для этого, однако не-

обходимымъ условіемъ являлось согласіе этихъ мѣстныхъ дѣятелей довольствоваться въ отношеніи къ администраціи почетною, но скромною ролью швейцаровъ и дворниковъ. Дѣятели губернскаго земства такою ролью довольствоваться не пожелали.

Внутреннее органическое противорѣчіе, существующее между самодержавнымъ правительствомъ и самоуправляющимся обществомъ, нигдѣ не сказывается такъ наглядно и ярко, какъ именно въ отношеніи администраціи къ губернскому земству. По общему правилу, въ составъ губернскаго земства входятъ наиболѣе просвѣщенные, вліятельные и опытные изъ мѣстныхъ дѣятелей. Призванные въ предѣлахъ губерніи вѣдать земское дѣло, только территоріальной своей ограниченностью отличающееся отъ дѣла государственнаго, эти люди, естественно, не могутъ безразлично относиться къ вопросамъ общегосударственной политики, отъ того или иного рѣшенія которыхъ зависитъ въ высокой степени преуспѣяніе ввѣреннаго имъ дѣла. Они не могутъ помириться съ мыслью о политическомъ своемъ безправіи, они не могутъ понять, почему возможно бюрократическое управленіе государствомъ, когда бюрократическое управленіе губерніей невозможно.

Вполнѣ естественно, что съ пробужденіемъ въ земской средѣ политической мысли, выразителемъ этой мысли, прежде всего и главнымъ образомъ, является губернское земство. Министръ фонъ-Плеве былъ не такъ ужъ неправъ, полагая, что именно оно въ настоящее время является очагомъ антиправительственной оппозиціи. А такъ какъ всякая, вообще, оппозиція—и, въ особенности, организованная оппозиція земства—съ духомъ самодержавія несовмѣстима, то вполнѣ естестественно и законно враждебное отношеніе покойнаго министра къ губернскому земству...

Въ тѣсной связи съ предположеніемъ объ упраздненіи губернскаго земства стоитъ другое предположеніе объ усиленіи губернаторской власти. Въ существѣ дѣла задуманная г. фонъ-Плеве реформа является ничѣмъ инымъ,

какъ возвращеніемъ къ системѣ визирата, единственно совмѣстимой съ правильно понимаемымъ принципомъ самодержавія.

Поколебленная реформами 60-хъ годовъ система эта съ логическою необходимостью вытекаетъ изъ самаго существа самодержавной власти. Еще Монтескье училъ: «Dans le gouvernement despotique le pouvoir passe tout entier dans le mains de celui à qui on le confine. Le visir est le despote lui même et chaque officier particulier est le visir».

Реформы 60-хъ годовъ несомнѣнно являются инороднымъ тѣломъ, искусственно введеннымъ въ организмъ самодержавія. Это тѣло должно быть удалено изъ организма; иначе оно грозитъ ему разложеніемъ и смертью. Если бы фонъ-Плеве дано было провести свою реформу къ благополучному окончанію, во главѣ губерніи сталъ бы во всеоружіи власти «хозяинъ»—губернаторъ, управляющій ввѣреннымъ ему населеніемъ при помощи уѣздныхъ и, можетъ быть, приходскихъ гласныхъ, напоминающихъ выборныхъ засѣдателей блаженной памяти управы благочинія. Съ уѣздными гласными губернаторъ былъ бы на «вы», съ приходскими — на «ты»; и тѣ, и другіе слушались бы и любили губернатора, какъ родного отца. Конечно, мѣстная реформа фонъ-Плеве вернула бы Россію на сто лѣтъ вспять; но, вѣдь, именно это и нужно: сто лѣтъ тому назадъ вольготно жилось самодержавію на святой Руси.

Мы не станемъ подробно останавливаться на проектѣ крестьянской реформы. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, и мы думаемъ разсмотрѣть его въ ближайшемъ будущемъ въ подробной статьѣ. Замѣтимъ, однако, теперь же, что трудно себѣ представить примѣръ законодательной импотенціи современнаго режима болѣе блестящій, нежели изготовленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ крестьянской реформы. Коренная причина крестьянскаго нестроенія — сословная обособленность крестьянъ — является, по мнѣнію мини-

стерской коммиссіи, основнымъ и незыблемымъ началомъ крестьянскаго законодательства, — началомъ, одухотворяющимъ законодательный актъ 19 февраля 1861 г. Это начало не только удерживается въ полной неприкосновенности министерскимъ проектомъ, оно получаетъ въ немъ дальнѣйшее развитіе,—вплоть до принудительнаго исключенія изъ состава сельскаго общества лицъ, порвавшихъ фактическую связь со своими однообщественниками и утратившихъ крестьянскій обликъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, съ точки зрѣнія «пользъ и нуждъ» самодержавія, сословная обособленность крестьянъ является безусловно необходимой. Политическій режимъ, имѣющій своимъ девизомъ: «все съ крестьянъ и ничего для нихъ», долженъ, во что бы то ни стало, поддерживать и оберегать духовное, правовое и матеріальное рабство крестьянской массы; онъ долженъ охранять народную жизнь отъ «всякихъ разлагающихъ и безпочвенныхъ теченій», откуда бы они не шли.

Крестьяне должны быть невѣжественны, пришиблены и голодны для того, чтобы со всѣмъ мириться, и ничего не понимать,—для того, чтобы мириться, напримѣръ, съ японской войной, требующей отъ нихъ неимовѣрныхъ жертвъ и не понимать, что эта война — преступная затѣя какого-нибудь десятка хищныхъ авантюристовъ. Если это такъ, если, дѣйствительно, сословная обособленность крестьянъ — краеугольный камень самодержавія, возможна ли вообще крестьянская реформа въ условіяхъ современнаго политическаго строя?

Конечно, нѣтъ, и лучшее доказательство — проектъ крестьянской реформы, изготовленный вдохновеніемъ фонъ-Плеве. Ни одно изъ дѣйствительныхъ золъ крестьянской жизни не устраняется проектомъ. Для характеристики его достаточно, хотя бы, указать, что имъ оставляется нетронутымъ институтъ земскихъ начальниковъ. И мотивируется это тѣмъ, что цѣлью реформы является измѣненіе законовъ, опредѣляющихъ внутрен-

ніе распорядки крестьянской жизни, а отнюдь не тѣхъ, которые устанавливаютъ пріемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за ними. Какъ будто бы Положеніе 1889 г. не опредѣляетъ самымъ необходимымъ и самымъ печальнымъ образомъ внутреннихъ распорядковъ крестьянской жизни! При такихъ условіяхъ дальше жалкихъ палліативовъ проектъ не идетъ и не можетъ идти.

Намъ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи фонъ-Плеве къ еврейскому вопросу. Какъ извѣстно, ограничительныя мѣры, направленныя противъ евреевъ, мотивировались въ царствованіе Александра III соображеніями преимущественно экономическаго свойства. Защита населенія отъ еврейской эксплуатаціи—такова та цѣль, во имя которой въ 80-хъ и 90-хъ годахъ изданъ былъ рядъ ограничительныхъ законовъ, жестокихъ и не терпимыхъ, лишающихъ евреевъ возможности и права существовать. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ новѣйшаго законодательства о евреяхъ, необходимо констатировать одно чрезвычайно важное и, конечно, не предусмотрѣнное политическое его послѣдствіе. Невыносимый экономическій и моральный гнетъ, созданный законодательствомъ о евреяхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ необыкновенно быстрое и энергичное революціонизированіе еврейской массы. Молодая еврейская интеллигенція, передъ которой закрылись двери учебныхъ заведеній, и еврейскій пролетаріатъ, передъ которымъ поставлена была диллема: гибнуть въ борьбѣ, или гибнуть отъ голода,—оказались одинаково захваченными революціонной волной.

Этотъ фактъ, слишкомъ безспорный для того, чтобы его доказывать, не могъ, конечно, не остановить на себѣ зоркаго вниманія фонъ-Плеве.

Относясь вполнѣ безразлично къ экономической сторонѣ вопроса, и тѣмъ болѣе къ той націоналистической «идеологіи», которая, собственно говоря, скрывалась за

экономическими аргументами оффиціальнаго антисемитизма, ф.-Плеве въ еврейскомъ вопросѣ пошелъ какъ бы на уступки. Учрежденіемъ новыхъ «мѣстечекъ», отмѣной 50-верстной пограничной черты, циркулярами о пріостановкѣ выселеній и тому подобными мѣрами онъ пытался отчасти, по крайней мѣрѣ, смягчить средневѣковую дикость нашего современнаго законодательства о евреяхъ. И еврейскимъ вопросомъ, какъ и всѣми остальными, покойный министръ интересовался не съ экономической, а съ политической или, точнѣе, съ полицейской точки зрѣнія. Борьба съ «еврейской крамолой» — такова единственная цѣль его политики по еврейскому вопросу. И эта цѣль казалась ему настолько существенной и необходимой, что для ея достиженія онъ не остановился даже передъ Кишиневской и Гомельской рѣзней.

Конечно, мы далеки отъ мысли, будто Кишиневскій и Гомельскій погромы декретированы были, по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства, циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но вотъ фактъ: въ цѣломъ рядѣ сѣверо-западныхъ, южныхъ и юго-западныхъ губерній на ходатайства евреевъ о защитѣ отъ возможнаго повторенія погромовъ губернаторы отвѣчали стереотипнымъ отказомъ; имъ, конечно, жаль несчастныхъ и невинныхъ жертвъ, но до тѣхъ поръ, пока евреи не прекратятъ своей антиправительственной дѣятельности, власти не могутъ поручиться, что имъ своевременно удастся предупредить направленный противъ евреевъ взрывъ негодованія вѣрноподданнаго народа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта мысль внушена была губернаторамъ свыше; сами они додуматься до нея не могли бы и не посмѣли. А, между тѣмъ, смыслъ этой угрозы совершенно ясенъ: необходимо пугнуть погромами евреевъ для того, чтобы сами они, или, по крайней мѣрѣ, благоразумные изъ нихъ удержали неблагоразумныхъ отъ революціонныхъ затѣй. Что это дѣйствительно такъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ извѣстная аудіенція, данная еврейской де-

путаціи фонъ-Плеве. Общественное мнѣніе Европы не ошибалось, считая именно ф.-Плеве интеллектуальнымъ виновникомъ еврейскихъ погромовъ. Но въ такомъ случаѣ, можно ли сомнѣваться въ томъ, что нѣтъ такой жестокости, нѣтъ такой низости, за которую не ухватились бы послѣдовательные защитники самодержавія въ своемъ тщетномъ стремленіи поддержать, во чтобы то ни стало, режимъ, роковымъ образомъ обреченный нагибель.

Подведемъ итоги. Политическая система фонъ-Плеве имѣла исключительно полицейскій характеръ. Построенная на принципѣ физическаго принужденія, она являлась прямымъ и безусловнымъ отрицаніемъ элементарнѣйшихъ правъ личности,—и, въ особенности, права на личную неприкосновенность; вмѣстѣ съ тѣмъ, подавляя всякое проявленіе общественной самодѣятельности, она являлась прямымъ и безусловнымъ отрицаніемъ общественнаго существованія личности. Борьбу съ «крамолой» система Ф.-Плеве возводитъ въ самодавлѣющій принципъ государственной жизни; отсюда—ея безсиліе и безплодность. Въ сферѣ реформаторскихъ попытокъ она не идетъ и не можетъ идти дальше полицейскихъ палліативовъ. Подчиняя интересы народной жизни интересамъ самодержавія, система ф.-Плеве во имя raison d'état, оправдываетъ всякую жестокость, всякое преступленіе. Самодержавіе—Молохъ, которому она приноситъ человѣческія жертвы. Съ другой стороны, отвратительная и жестокая, безсильная и тупая политическая система фонъ-Плеве является единственно возможной, единственно послѣдовательной съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ «пользъ и нуждъ» современнаго самодержавія. Всякія уступки и колебанія гибельны для существующаго режима: онъ держится и можетъ еще нѣкоторое время держаться только насиліемъ, внушающимъ страхъ. Оффиціальный либерализмъ въ предѣлахъ существующаго политическаго status quo ничего не дастъ и не можетъ дать русскому обществу; ибо самыя скромныя минимальныя требованія либеральной программы, напримѣръ, свобода печати или

общественныхъ собраній — несовмѣстимы съ самодержавіемъ, и потому не могутъ быть имъ осуществлены. Практически оффиціальный либерализмъ можетъ выразиться развѣ только въ ослабленіи полицейской репрессіи; не удовлетворивъ самыхъ умѣренныхъ, онъ создастъ этимъ благопріятную почву для антиправительственной дѣятельности болѣе крайнихъ. Вотъ почему до тѣхъ поръ, пока существуетъ самодержавіе, всякая такъ называемая «либеральная эра» послѣ кратковременнаго прозябанія по необходимости должна будетъ уступить мѣсто эрѣ реакціонной, — въ самомъ прямомъ и страшномъ значеніи этого слова. Все это отлично понималъ фонъ-Плеве, и отому его система, по справедливости, можетъ быть названа логической системой абсолютизма.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ теченіе недолгаго своего пребыванія у власти ф.-Плеве былъ наиболѣе ненавидимымъ въ Россіи человѣкомъ. И понятно почему: именно, благодаря своей жестокой прямолинейности, этотъ якобинецъ абсолютизма въ глазахъ общества являлся живымъ олицетвореніемъ режима, невыносимо гнетущаго Россію.

Конечно, ненависть къ такимъ людямъ, какъ ф.-Плеве — въ порядкѣ вещей; онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, ибо — слуга и защитникъ самодержавія — онъ былъ сознательнымъ и опаснымъ врагомъ Россіи.

Мы думаемъ, однако, что изъ-за ненависти къ человѣку не слѣдуетъ забывать о режимѣ, которымъ этотъ человѣкъ былъ созданъ. Не слѣдуетъ забывать, что ф.-Плеве является только олицетвореніемъ принципа, что въ его лицѣ мы ненавидимъ послѣдовательно мыслящій и послѣдовательно дѣйствующій абсолютизмъ. Благодаря ф.-Плеве, русское общество знаетъ теперь, что̀ такое абсолютизмъ въ своей логической послѣдовательности и чистотѣ. И если оно хорошо усвоило преподанный ему урокъ, оно должно понять, что въ непреклонной борьбѣ самого общества съ существующимъ политическимъ режимомъ и въ побѣдѣ надъ нимъ — единственное спасеніе Россіи.

Основы правопорядка.

(Январь, 1904 г.).

I.

Не въ первый уже разъ правительство въ трудныя минуты государственной жизни обращается къ мѣстнымъ людямъ за помощью и совѣтомъ; и не въ первый уже разъ мѣстные люди на призывъ правительства откликаются откровенной критикой учрежденій и порядковъ, созданныхъ бюрократическою мудростью петербургскихъ канцелярій.

И однако, труды уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ одномъ отношеніи представляютъ существенную особенность. Въ нихъ слышится какая-то новая нота, чувствуется какой-то новый духъ.

Развитіе народнаго образованія, расширеніе компетенціи общественныхъ установленій, ихъ независимость отъ административнаго вмѣшательства, преобразованіе мѣстнаго административнаго строя,—эти и имъ подобныя требованія уже неоднократно, гдѣ и когда только возможно, предъявлялись и предъявляются къ власти мыслящей частью русскаго общества.

Съ этими требованіями мы встрѣчаемся и теперь въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ; но, на ряду съ ними, мы встрѣчаемся съ *новымъ* требованіемъ, — новымъ не столько, быть можетъ, по своему содержанію, сколько по категоричности и опредѣленности своей постановки.

Мы имѣемъ въ виду требованіе *законности* въ

управленіи, являющееся почти «общимъ мѣстомъ» комитетскихъ трудовъ.

При обсужденіи мѣропріятій для поднятія сельскаго хозяйства во главу угла должны быть поставлены *правовые вопросы* [1]). Печальное состояніе сельско-хозяйственной промышленности не можетъ измѣниться къ лучшему, пока не измѣнятся общія условія русской государственной и общественной жизни, пока она не проникнется *неуклоннымъ проведеніемъ начала законности*, подъ строгимъ общественнымъ контролемъ [2]). Необходимо, чтобы *законность* была руководящимъ началомъ для административной власти; только твердое и неуклонное исполненіе закона можетъ воспитать въ населеніи уваженіе къ нему и уваженіе къ лицамъ призваннымъ его примѣнять [3])

Таковъ тотъ Leitmotiv, который, во всевозможныхъ варіаціяхъ, проходитъ чрезъ труды значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ.

Частныя мѣропріятія, читаемъ мы въ *Новгородскомъ* докладѣ, техническія, агрономическія и т. под., которыя предлагаются и могутъ быть предложены, сами по себѣ весьма благожелательныя, разумныя и, повидимому, цѣлесообразныя, но не разсчитанныя на устраненіе причинъ, вызывающихъ тѣ или иныя неблагопріятныя явленія, окажутся палліативами, примѣненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, разочаруетъ самихъ авторовъ такихъ мѣропріятій, а въ населеніи, кромѣ того, укрѣпитъ и разовьетъ горькое чувство недовѣрія къ заботамъ о его благѣ. Улучшеніе свободнаго человѣка совершается не хозяйственными мѣрами, напоминающими улучшеніе живого инвентаря, а мѣрами нѣсколько иными, и, въ концѣ концовъ, общими для всѣхъ, соприкасающихся къ дере-

---

[1]) *Рузскій* у. к., докладъ А. И. Цыбульскаго.

[2]) *Грязовецкій* у. к., докладъ предсѣдателя Грязовецкой уѣздной земской управы А. Н. Брянчанинова.

[3]) *Краснинскій* у. к. срв. Козловскій у. к.; докл. кн. Н. С. Волконскаго.

внѣ и землѣ [1]) По глубокой мысли извѣстнаго англійскаго экономиста Джона Стюарта Милля, когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительныя дѣйствія, а вовсе никакого дѣйствія не производятъ [2]).

Для того, чтобы дѣйствительно помочь нуждамъ деревни, необходимо устранить тѣ *общія условія*, на почвѣ которыхъ они возникаютъ,—и, прежде всего, необходимо устранить на ряду съ народнымъ невѣріемъ, режимъ безграничнаго усмотрѣнія, царящій въ деревнѣ.

Тамъ, гдѣ, правовой порядокъ почти отсутствуетъ, а господствуетъ произволъ, невозможна правильная экономическая дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и прочное благосостояніе населенія [3]). Произволъ въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ въ крестьянскомъ быту тормозитъ всякую энергію и не даетъ свободно развиваться личной предпріимчивости [4]). Правильное устройство крестьянскаго сословія «на твердомъ основаніи законовъ» является насущнѣйшею нуждою сельско-хозяйственной промышленности Россіи. И помѣщичье хозяйство находится въ тѣсной зависимости отъ правовыхъ воззрѣній народа, отъ развитія въ немъ чувства законности. Живя въ деревнѣ, нельзя оградить себя отъ многообразныхъ сношеній, а часто и столкновеній съ крестьянами, и если послѣдніе не воспитаны въ уваженіи къ закону, не только хозяйственная дѣятельность, но и жизнь въ деревнѣ становятся невозможными [5]). Никакія частныя мѣры для подъема хозяйственнаго положенія деревни не принесутъ существенной пользы; необходимо самое строгое и неуклонное требованіе отъ населенія

---

[1]) *Козловскій* у. к.; зап. Ф. Н. Плевако.

[2]) Новгородской губ. комитетъ; коллективный докладъ предсѣдателя и членовъ Новгор. губ. земской управы и предсѣдателей Тихвинской и Старорусской уѣздныхъ земскихъ управъ.

[3]) Изъ доклада члена *Тихвинскаго* уѣзднаго комитета С. М. Бѣляка.

[4]) Сводъ постановленій *Нижегородскаго* уѣзднаго комитета.

[5]) *Тульскій* губ. к.; записка членовъ *Тульской* губ. земской управы, А. И. Пелопидуса, гр. Е. Н. Татищева и Н. Н. Караулова.

подчиненія закону и установленному порядку и признаніе закона *единственнымъ источникомъ* распоряженій, исходящихъ отъ начальствующихъ лицъ [1]). Необходимо регулированіе народной жизни только закономъ, охраняемымъ единымъ и общимъ для всѣхъ судомъ [2]).

Мы могли бы, конечно, ad libitum увеличить число цитатъ; врядъ-ли, однако, это необходимо. Всякій, кому пришлось познакомиться съ трудами уѣздныхъ комитетовъ знаетъ, что требованіе законности, какъ *перваго* условія общественнаго порядка, является въ этихъ трудахъ доминирующей нотой.

Въ указанномъ фактѣ мы усматриваемъ безспорное доказательство политической зрѣлости нашего мѣстнаго общества. Такая зрѣлость, во всякомъ случаѣ, необходима для того, чтобы отъ частныхъ и случайныхъ причинъ мѣстнаго нестроенія, отъ «плохого начальника», подняться къ причинамъ кореннымъ и общимъ,—къ недостаткамъ начальственнаго строя, вообще. Растущее не по днямъ, а по часамъ общественное мнѣніе становится и у насъ въ Россіи могущественнымъ факторомъ общественнаго прогресса, именно, потому, что, сознавши безнадежную тщетность какихъ бы то ни было законодательныхъ палліативовъ, оно начинаетъ сознательно стремиться къ измѣненію «общихъ условій»,—той почвы, которая питаетъ уродливыя явленія современной дѣйствительности.

Къ числу такихъ «общихъ условій» относится, прежде всего, режимъ попечительной опеки, въ атмосферѣ котораго задыхается и умираетъ законность.

Безгранично расширяя сферу господства административнаго усмотрѣнія, режимъ опеки соотвѣтственно суживаетъ сферу господства закона; законодательная власть разбивается на тысячу мелкихъ кусковъ, и каждый «начальникъ» является законодателемъ въ миніатюрѣ, законодателемъ на свой образецъ.

---

[1]) Постановленіе *Краснинскаго* у. к.
[2]) Постановленіе *Новомосковскаго* у. к. Срв. Дорогобужскій у. к., Оханскій у. к., Борисоглѣбскій у. к.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ режимъ опеки приводитъ къ безграничному господству административнаго произвола. Законодательная регламентація власти, опредѣленіе содержанія и формы правительственной дѣятельности отдѣльныхъ ея органовъ несовмѣстимы съ *патріархальной* идеей опеки, предполагающей сыновнее подчиненіе на одной сторонѣ и родительскую власть на другой.

Когда въ 80-хъ годахъ въ Кахановской комиссіи впервые возникла мысль объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, какъ органовъ *попечительной* надъ крестьянами власти, большинство комиссіи, высказываясь рѣшительнымъ образомъ противъ проектируемой меньшинствомъ мѣры, справедливо, утверждало, что «въ результатѣ предлагаемой реформы, оказался бы такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго оставалось бы бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положеніи, въ которомъ могли бы оказаться крестьяне» [1]).

Предсказаніе Кахановской комиссіи находитъ себѣ полное подтвержденіе въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ.

Современная деревня, читаемъ мы въ этихъ трудахъ, царство кулачнаго права, темное царство самоуправства,— гдѣ личность и имущество ограждаются не законною властью, а собственными силами отдѣльныхъ лицъ [2]), крестьянинъ не можетъ впитать въ свое сознаніе понятіе о гражданскомъ долгѣ, когда онъ постоянный свидѣтель разгула одной только грубой силы и полнаго произвола, когда понятіе о правѣ въ деревнѣ совершенно отсутствуетъ. Во всѣхъ случаяхъ нарушенія личныхъ и гражданскихъ правъ крестьянинъ не можетъ найти въ деревнѣ защитника. Безправіе въ деревнѣ не имѣетъ границъ, законъ обращенъ въ мертвую букву, а чувство законности совершенно вытравлено въ населеніи [3]); каждый въ отдѣль-

[1]) Моя статья: „Сельское общество и волость въ трудахъ Кахановской комиссіи“ въ сборн. „Мелкая земская единица“.

[2]) Журналы *Балашевскаго* у. к.

[3]) Изъ доклада Н. А. Александрова *Воронежскому* уѣздному комитету.

ности крестьянинъ совершенно беззащитенъ противъ произвола и во всякое время по распоряженію начальства можетъ быть схваченъ и лишенъ свободы, а міръ, состоящій изъ людей, которыхъ можно подвергать унизительному тѣлесному наказанію, хозяйственная дѣятельность которыхъ поставлена подъ опеку, а личность подлежитъ домашней расправѣ,—этотъ міръ людей, лишенныхъ правъ, располагаетъ властью надъ семейнымъ, имущественнымъ и личнымъ положеніемъ каждаго изъ своихъ членовъ. Таковы причины, создавшія въ крестьянской средѣ безправную личность и самоуправную толпу,—два начала, идущія въ разрѣзъ съ основными началами благоустроеннаго гражданскаго общества [1]).

Режимъ безправія, достигающій въ деревнѣ своего апогея, существуетъ не только въ деревнѣ; подъ давленіемъ бюрократической опеки задыхается не одна только деревенская жизнь. Останавливаясь преимущественно, по самому характеру своей задачи, на правовыхъ нуждахъ деревни, уѣздные комитеты не обходятъ, однако, молчаніемъ правовыхъ нуждъ современнаго русскаго общества, вообще,—не обходятъ молчаніемъ потому, что, въ существѣ дѣла, деревенская нужда является ничѣмъ инымъ, какъ обостренною формой нужды всероссійской.

Приходится съ сожалѣніемъ признать, читаемъ мы въ постановленіяхъ одного изъ уѣздныхъ комитетовъ, что русское общество теряетъ увѣренность въ неприкосновенности своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Цѣлый рядъ явленій нашей общественной жизни подтверждаетъ и съ необыкновенной ясностью доказываетъ, что эта неувѣренность имѣетъ полное основаніе. Видя, что всюду господствуетъ произволъ, испытывая его на себѣ, населеніе естественно утрачиваетъ всякое понятіе о законности и на произволъ отвѣчаетъ произволомъ и открытымъ неповиновеніемъ [2]).

Такъ жить, какъ мы живемъ въ глухой провинціи,

---

[1]) *Балашевский* у. к.
[2]) Постановленія *Краснинскаго.* (Смол. губ.) у. к.

съ опасеніями за свое имущество и за себя, больше нельзя. Нельзя хладнокровно смотрѣть на то, какъ растутъ въ окружающей средѣ произволъ и безправіе, какъ утрачивается и извращается чувство законности... и какъ надъ всѣмъ этимъ грозною тучей надвигаются зловѣщія осложненія въ формѣ волненій народной массы [1]).

Требованіе законности является въ устахъ уѣздныхъ комитетовъ ничѣмъ инымъ, какъ, именно, протестомъ противъ *принципа* попечительной опеки, создающей режимъ административнаго усмотрѣнія и произвола.

II.

Въ тѣсной и неразрывной связи съ требованіемъ законности стоитъ другое требованіе уѣздныхъ комитетовъ—требованіе для населенія *гражданскихъ и публичныхъ правъ.*

Законность—понятіе формальное; она является тѣмъ, металлическимъ, не дающимъ течи сосудомъ, въ который законодателемъ вливается конкретное содержаніе права. Законность—необходимое предположеніе реальнаго значенія закона, реальнаго могущества законодателя. Вливая содержаніе права въ бездонную бочку произвола, законодатель обрекаетъ себя на безплодный и безсмысленный трудъ Данаидъ.

Конкретное содержаніе права образуется изъ создаваемыхъ закономъ субъективныхъ обязанностей и субъективныхъ правъ.

Въ правовомъ государствѣ отношенія между гражданами и властью, опредѣляемыя закономъ, имѣютъ характеръ *правоотношеній*; они складываются изъ обязанностей и правъ какъ той, такъ и другой стороны: правамъ власти соотвѣтствуютъ обязанности гражданъ; правамъ гражданъ—обязанности власти. Индивидъ въ право-

---

[1]) Докладъ комиссіи *Воронежскаго* у. к.

вомъ государствѣ—лицо публичнаго права, субъектъ публичныхъ правъ.

Являясь отрицаніемъ законности, режимъ административной опеки является въ то же время прямымъ и необходимымъ отрицаніемъ правомѣрнаго характера отношеній между гражданами и властью. Гдѣ нѣтъ законности, тамъ не можетъ быть правъ. Предъ лицомъ попечительной власти индивидъ является объектомъ административнаго воздѣйствія, а не субъектомъ публичныхъ правъ. Административное усмотрѣніе, съ одной стороны, и гражданское безправіе, съ другой, — коррелативныя понятія, всегда и необходимо сопутствующія другъ другу.

Понятно, такимъ образомъ, почему уѣздные комитеты, требуя законности управленія, въ то же время требуютъ для управляемыхъ гражданскихъ правъ. Законность, по мнѣнію комитетовъ, именно, потому необходима, что безъ нея нѣтъ и не можетъ быть обезпеченности и неприкосновенности правъ; между тѣмъ такая обезпеченность и неприкосновенность правъ является необходимымъ условіемъ общественной и личной самодѣятельности,—единственнаго источника культурнаго, вообще, и хозяйственнаго, въ частности, прогресса.

Личная самостоятельность, предпріимчивость и энергія возможны только при условіи *правовой охраны* личности отъ всякаго надъ нею насилія, при условіи признанія личности неприкосновенной въ мѣрѣ, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ и признанной наукою права [1]). Для экономической самодѣятельности населенія необходимо сознаніе, что населеніе обладаетъ извѣстной суммою правъ, гарантирующихъ его хозяйственную работу отъ разнаго рода случайностей, а также сознаніе способности отстаивать эти права [2]). Безъ увѣренности въ неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ не можетъ быть никакой производительной

---

[1]) *Новгородскій* губ. к., докладъ *Новгородской* губ. з. управы и др. (см. выше стр. 46, прим. 3).

[2]) *Полтавскій* у. к.; докладъ комиссіи по экономич. вопросамъ.

дѣятельности, никакой предпріимчивости [1]). Первымъ и самымъ существеннымъ условіемъ для предотвращенія окончательнаго упадка деревни должно служить обезпеченіе *свободы личности* (т. е. неприкосновенности личныхъ правъ) въ интересахъ развитія иниціативы, предпріимчивости и хозяйственной самостоятельности населенія. Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté [2]).

Система административной опеки приводитъ къ гражданскому безправію; гражданское безправіе—къ отсутствію самодѣятельности, общественной и личной. Всего меньше самодѣятельности тамъ, гдѣ всего больше административной опеки,—въ крестьянской средѣ. Самодѣятельности крестьянина негдѣ проявиться; даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица [3]). Властная опека надъ крестьянами, распространяющаяся даже на сферу частной жизни опекаемаго населенія, укрѣпляетъ въ нихъ ту „неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ“, которая манифестомъ 19 февраля справедливо была признана необходимымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права [4]); она принижаетъ сельское населеніе, убивая въ немъ лучшія гражданскія чувства и низводя даже самыхъ лучшихъ и разумнѣйшихъ крестьянъ на степень безсловесныхъ рабовъ [5]). Вѣчно опекаемое, всѣмъ и каждому подчиненное, исполняющее лишь приказанія другихъ, наше крестьянство исторически не могло выработать тѣхъ положительныхъ качествъ, которыя необходимы для проявленія творческой дѣятельности [6]).

---

[1]) Постановленія *Краснинскаго* у. к.
[2]) Цитата изъ Монтескье въ докладѣ кн. Ухтомскаго *Свіяжскому* у. к.
[3]) *Смоленскій* у. к., записка предсѣдателя комитета.
[4]) Докладъ 18 членовъ въ *Московскій* губ. к.
[5]) *Кирилловскій* у. к.; докладъ А. М. Тютрюмова.
[6]) *Костромской* у. к.; докладъ Костромской у. з. у.

Ничто такъ не убиваетъ личную энергію, какъ состояніе подъ опекой, постоянная зависимость отъ другого [1]). Система доброжелательнаго попечительства, примѣняющаяся, хотя и не въ одинаковыхъ формахъ, къ различнымъ группамъ населенія, приноситъ вездѣ одинаковые результаты: она убиваетъ самодѣятельность [2]). До тѣхъ поръ, пока система административной опеки останется неприкосновенной, самостоятельность, самодѣятельность, иниціатива останутся несвойственными нашему крестьянству [3]). Для развитія въ населеніи самодѣятельности, предпріимчивости и энергіи необходимо ослабленіе общинной и административной опеки, необходимо предоставленіе ему большей свободы [4]).

Такимъ образомъ, подобно требованію законности, и требованіе для населенія публичныхъ правъ, по мысли уѣздныхъ комитетовъ, является, прежде всего и главнымъ образомъ, протестомъ противъ системы административной опеки, создающей гражданское безправіе и тѣмъ самымъ убивающей самодѣятельность населенія.

III.

Законность,—наличность и обезпеченность гражданскихъ правъ,—таковы два краеугольныхъ устоя нормальнаго правопорядка; эти устои подрываются системой административной опеки.

Какъ уже указано раньше, и требованіе законности и требованіе гражданскихъ правъ, столь всеобщее въ уѣздныхъ комитетахъ, является именно *реакціей* противъ начала административной опеки, опредѣляющаго содержаніе и характеръ нашего законодательства послѣднихъ десятилѣтій.

---

[1]) Сводъ постановленій *Нижегородскаго* у. к.
[2]) *Полтавскій* у. к.; докладъ комиссіи по экономич. вопросамъ. [3]) *Тверской* губ. к.; докладъ губ. з. у.
[4]) Постановленіе *Костромской* у. з. у. Срв. *Симбирскій* губ. к.; записка Симбирской губ. з. у.

Какъ извѣстно, съ 80-хъ годовъ въ Россіи предпринимается въ широкихъ размѣрахъ законодательный опытъ возвращенія къ попечительному режиму полицейскаго государства. Самый фактъ созыва особаго совѣщанія уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ неопровержимо доказываетъ, что опытъ этотъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Единственная, быть можетъ, его заслуга заключается, именно, въ томъ, что, благодаря ему, великое значеніе *правовыхъ основъ* общественной жизни постигнуто, наконецъ,—и кажется вполнѣ и навсегда—живою и мыслящею частью русскаго общества.

Никѣмъ не отрицается тотъ фактъ, что «деревенская нужда» достигла своего апогея, что общественная жизнь Россіи уперлась въ тупикъ и дальше, по тому же направленію, идти ей некуда.

Доказывать оскудѣніе земледѣльческаго населенія нѣтъ надобности, ибо фактъ этотъ настолько уже рѣзко выразился, что сталъ уже неизбѣжно общепризнаннымъ. Благосостояніе земледѣльческаго населенія, вступившаго было въ 60-хъ годахъ, съ отмѣной крѣпостнаго права, на путь правильнаго развитія экономическихъ силъ, значительно и постепенно повышалось вплоть до половины 80-хъ годовъ, но затѣмъ послѣдовалъ періодъ столь же постепеннаго упадка этого благосостоянія [1]). Матеріальное положеніе крестьянъ не только понизилось противъ сравнительно недавняго прошлаго, но оно окончательно упало. За исключеніемъ кулаковъ и міроѣдовъ, все остальное крестьянство—просто нищенствующее населеніе [2]). Мѣстное крестьянское хозяйство при теперешнихъ условіяхъ существованія является малоспособнымъ къ дальнѣйшему развитію и находится въ томъ положеніи неустойчивости, когда малѣйшія осложненія неблагопріятныхъ условій наиболѣе ощутительны и грозятъ возможностью окончательнаго упадка [3]).

---

[1]) *Новгородскій* у. к., коллективный докладъ предсѣдателя и членовъ *Новгородскои* г. з. у. и др.

[2]) *Костромской* у. к., докладъ *Костромскои* у. з. у.

[3]) *Курганскій* отдѣлъ Московскаго сельско-хозяйствен. об-

Весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что не только прогрессивное большинство уѣздныхъ комитетовъ, но и реакціонное ихъ меньшинство безусловно признаетъ самый фактъ чрезвычайнаго упадка современной деревни. И оно не отрицаетъ, что «$^2/_3$ населенія бѣднѣетъ и изнываетъ въ трудѣ», что народъ, «великій и сильный терпѣніемъ въ несчастьяхъ», бѣжитъ изъ деревень [1]), что деревня находится въ тяжеломъ положеніи и что въ настоящее время страдаютъ и мужикъ и крупный землевладѣлецъ [2]), что упадокъ деревни «съ такою быстротою идетъ по наклонной площади, и что одинаково падаетъ благосостояніе землевладѣльцевъ всѣхъ, вообще, сословій» [3]).

Конечно, у реакціонныхъ комитетовъ имѣется свой, весьма своеобразный, рецептъ для радикальнаго излеченія «губительныхъ язвъ» современной деревенской жизни: объ этомъ рецептѣ мы скажемъ ниже. Что касается большинства комитетовъ, то, по его мнѣнію, излеченіе «губительныхъ язвъ» должно быть начато съ *устраненія системы административной опеки,*— той системы, которая возникла на почвѣ законодательства послѣднихъ десятилѣтій [4]).

Необходимо вернуться къ завѣтамъ эпохи «великихъ реформъ».

Нельзя не указать, читаемъ мы въ одной изъ записокъ, что кромѣ сильнаго упадка хозяйственнаго быта народа, замѣтенъ упадокъ нравственной силы, энергіи,

---

щества. Этому отдѣлу поручено было обсужденіе, на правахъ уѣзднаго комитета, вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

[1]) *Сергачскій* у. к., докладъ предсѣдателя у. к.

[2]) *Мценскій* у. к., докладъ С. А. Нилуса.

[3]) *Чернскій* у. к., докладъ предсѣдателя А. Н. Сухотина.

[4]) Срв. резолюціи *Рузскаго, Звенигородскаго, Нижегородскаго, Опочецкаго, Донецкаго, Костромскаго, Новоторжскаго, Черновецкаго, Полтавскаго, Рыбинскаго, Бирскаго, Лебедянскаго, Епифанскаго, Новоузенскаго, Новомосковскаго, Ливенскаго, Тихвинскаго, Устюжскаго, Боровичскаго, Моршанскаго, Тамбовскаго, Весьегонскаго, Зубцовскаго* у. к. и мн. др. Срв. *Симбирскій* у. к.; докл. кн. С. М. Баратаева; *Тамбовскій* губ. к.; докл. Л Д. Брюхатова.

надежды и вѣры въ будущее. Этому печальному явленію въ особенности содѣйствовали тѣ урѣзки и измѣненія реформъ Императора Александра II, которыя выполнены были въ періодъ 1882 г. по настоящее время... Эти измѣненія и урѣзки поколебали въ русскомъ обществѣ надежду на возможность дальнѣйшаго правильнаго культурнаго развитія, на зависимость какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и общественныхъ учрежденій отъ незыблемаго, всѣми уважаемаго закона, а не отъ произвола и усмотрѣнія мѣстныхъ властей. Необходимо поэтому вернуться на путь реформъ въ духѣ шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ только и можетъ быть поднятъ упавшій духъ народа, и создана необходимая личная общественная свобода, безъ которой немыслимы ни матеріальное благосостояніе сельскаго населенія, ни дальнѣйшее духовное развитіе его, ни даже самый твердо охраняемый законами и независимымъ судомъ порядокъ [1]). Реформы послѣднихъ десятилѣтій XIX в. внесли въ деревню мало порядка и только еще болѣе выдвинули всѣ недочеты въ правовомъ положеніи крестьянъ. Трудно себѣ представить и объяснить, какъ такая громадная масса народонаселенія столько времени живетъ безъ опредѣленія своихъ обязанностей и правъ [2]).

Устраненіе системы административной опеки предполагаетъ, прежде всего, измѣненіе или отмѣну законодательныхъ актовъ послѣднихъ десятилѣтій; противъ этихъ актовъ и направлена критика значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ.

Первое,—по существу, отрицательное — требованіе уѣздныхъ комитетовъ можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: необходимо отказаться отъ началъ законодательной политики послѣднихъ десятилѣтій; необходимо возстановить въ первоначальной чистотѣ основныя начала великаго законодательнаго акта 19 февраля,

---

[1]) *Кириловскій у.* к., докладъ А. М. Тютрюмова.

[2]) *Епифанскій у.* к., сводъ постановленій. Срв. *Костромской* у. к., докладъ комиссіи.

устранивъ изъ законодательства о крестьянахъ все то, что прямо или косвенно началамъ этимъ противорѣчитъ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію положительныхъ требованій комитетовъ, мы должны сосредоточить свое вниманіе на этомъ отрицательномъ ихъ требованіи.

Само собою понятно, что главное, съ разсматриваемой точки зрѣнія, вниманіе уѣздные комитеты посвящаютъ Положенію 12-го іюля 1889 г. объ участковыхъ земскихъ начальникахъ; именно этимъ закономъ установлена надъ личностью и имуществомъ крестьянъ административная опека, являющаяся однимъ изъ тормазовъ, препятствующихъ поднятію крестьянскаго сельскаго хозяйства и его производительности [2]).

Смѣшеніе судебной и административной власти въ лицѣ земскаго начальника естественно приводитъ къ спутанности отношеній въ области правонарушеній, ослабляетъ чувство законности и подрываетъ въ корнѣ правильныя понятія объ институтѣ собственности, разъ въ имущественные порядки вносятся усмотрѣніе и произволъ [3]); опека земскихъ начальниковъ лишь развращаетъ народъ и убиваетъ въ немъ чувство законности [4]).

Предоставленное земскому начальнику право разсматривать и представлять въ уѣздные съѣзды для отмѣны всѣ приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ (ст. ст. 30 и 31 полож.) приводитъ на практикѣ къ тому, что въ настоящее время ни одинъ сколько-нибудь важный приговоръ не вступаетъ въ силу, пока онъ не разсмотрѣнъ земскимъ начальникомъ, что, конечно, и вполнѣ естественно, такъ какъ при отсутствіи срока для протеста, ни одно общество не можетъ рѣшиться привести въ исполненіе свое постановленіе, которое во всякое время можетъ быть, по представленію земскаго начальника,

---

[1]) *Новгородскій* губ. к., докладъ *Новгор.* г. з. у. и др.
[2]) *Рузскій* у. к., докладъ А. И. Цыбульскаго.
[3]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.
[4]) *Суджанскій* у. к., докладъ редакціонной комиссіи.

отмѣнено [1]). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр., въ Тульской, земскіе начальники получаютъ на просмотръ, а если нужно, провѣряютъ на мѣстѣ, почти каждый приговоръ схода, а нѣкоторые изъ нихъ требуютъ для просмотра даже всѣ, безъ исключенія, приговоры [2]). Если такая опека въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и можетъ остановить тѣ или другія злоупотребленія, то, съ другой стороны, она должна привести къ подрыву самодѣятельности сельскаго общества,—вредъ, который уже ничѣмъ нельзя восполнить. Очевидно, что земскій начальникъ не можетъ взять на себя руководство мелочными хозяйственными распоряженіями всѣхъ сельскихъ обществъ, входящихъ въ составъ его участка, но власть его достаточна для того, чтобы парализовать ихъ самостоятельную дѣятельность [3]).

Статьею 39 полож. на земскаго начальника возложено попеченіе о нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ; такими полномочіями власть его выводится изъ предѣловъ юридическихъ отношеній въ область, неподлежащую воздѣйствію принужденія. Всякія попытки осуществить на дѣлѣ эту власть приводили и приводятъ къ самымъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ. Очевидно, что цѣль нравственнаго воспитанія не можетъ достигаться приказомъ, а достигается воздѣйствіемъ церкви и школы, проведеніемъ строгой законности въ управленіи. Напротивъ, всякое вмѣшательство подъ угрозою наказанія въ семейныя и личныя отношенія приводитъ лишь къ разладу и достигаетъ обратныхъ послѣдствій [4]).

Ст. 61 полож., предоставляющая земскому начальнику право подвергать крестьянъ административнымъ взысканіямъ за неисполненіе собственныхъ его законныхъ распоряженій и требованій, весьма нерѣдко примѣняется къ дѣяніямъ, никакимъ закономъ невоспре-

---

[1]) *Московскій* губ. к., записка 18 членовъ.
[2]) *Тульскій* губ. к., записка членовъ *Тульской* губ. з. упр.
[3]) Журналъ *Балашовскаго* у. к.
[4]) Тамъ-же.

щеннымъ [1]). Принципъ закономѣрнаго повиновенія, т. е. повиновенія единственно законнымъ требованіямъ власти—при такомъ порядкѣ неосуществимъ, ибо земскій начальникъ, налагая административное взысканіе, является безапеляціоннымъ *судьею* законности собственныхъ своихъ распоряженій. О чрезвычайно широкомъ толкованіи ст. 61 пол. земскими начальниками свидѣтельствуютъ многочисленныя разъясненія по этому предмету Правительствующаго Сената. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, когда земскій начальникъ подвергнулъ наказанію весь сельскій сходъ (95 чел.), по одному рублю каждаго, за нежеланіе избрать предложенное имъ лицо въ старосты [2]). Введенная съ цѣлью обезпечить исполненіе законномѣрныхъ требованій земскихъ начальниковъ, ст. 61 пол. становится орудіемъ произвола и злоупотребленій. Бываютъ случаи, что наказаніе по этой статьѣ налагается на крестьянъ, отказавшихся исполнить заключенный съ земскимъ начальникомъ, какъ землевладѣльцемъ, договоръ найма, или на крестьянъ, не соглашающихся дать своему имуществу назначеніе, угодное земскому начальнику. Злоупотребленія этой статьей вопіющія, а между тѣмъ возможность обжаловать ихъ призрачна и практически безцѣльна [3]). Случаи примѣненія ст. 61 весьма часты; въ Тульской, напр., губерніи она примѣняется, въ среднемъ, 2678 разъ въ годъ; всего за время 1891—1899 г.г.—24103 раза [4]). Значеніе этихъ цифръ станетъ еще болѣе яснымъ, если принять во вниманіе, что, во избѣжаніе прямого примѣненія 61 ст. пол., земскіе начальники нерѣдко примѣняютъ ее косвенно, въ замаскированномъ видѣ, заставляя старостъ и старшинъ подвергать крестьянъ, на основаніи ст. 64 и 86

---

[1]) *Московскій* губ. комит., записка 18 членовъ.

[2]) *Красноярскій* уѣздный комитетъ, докладъ Е. П. Шольпа. Срв. здѣсь же подробности о крестьянскихъ начальникахъ Сибири (ст. 40 зак. 2 іюня 1898 г. сравнительно со ст. 51 пол. участ. зем. нач.).

[3]) *Звенигородскій* у. к., записка В. А. Маклакова.

[4]) *Тульскій* губ. комитетъ, записка *Тульской* з. у.

общ. полож., административнымъ взысканіямъ «за маловажные проступки», разумѣя подъ ними неисполненіе собственныхъ своихъ «законныхъ распоряженій и требованій» [1]).

Предоставляя земскимъ начальникамъ дискреціонную власть какъ надъ личностью отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и надъ крестьянскимъ обществомъ, положеніе 12 іюля 1889 г. приводитъ къ тому, что въ жизни деревни рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ административное усмотрѣніе земскаго начальника.

О крестьянскомъ самоуправленіи земскій начальникъ съ полнымъ основаніемъ можетъ сказать: самоуправленіе—это я.

Усиливая въ чрезвычайной мѣрѣ административную опеку надъ крестьянами, законодательство 80-хъ годовъ въ такой же мѣрѣ усиливаетъ общественную опеку надъ ними; впрочемъ и общественная опека—именно, вслѣдствіе рѣшающей власти надъ обществомъ земскихъ начальниковъ,—является, въ сущности, только другой формой той же административной опеки. Уѣздные комитеты подробно останавливаются на законахъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, 8 іюля 1893 г. о предѣлахъ мірской земли, 14 декабря 1893 г. объ отчужденіи крестьянскихъ надѣловъ, 3 іюня 1894 г. о видахъ на жительство и нѣкоторыхъ другихъ.

Что касается, прежде всего, закона о семейныхъ раздѣлахъ, то, по мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, полная зависимость раздѣла отъ воли старшаго члена семьи, двухъ третей сельскаго схода и усмотрѣнія земскаго начальника часто искусственно связываетъ такія семейныя отношенія, отъ которыхъ ничего хорошаго ждать нельзя. Никакая цѣлесообразная экономическая дѣятельность невозможна въ насильственно связанной семьѣ. Допущеніе раздѣловъ обусловлено, между прочимъ, обезпеченностью поступленій числящихся на семьѣ недоимокъ и

---

[1]) Сводъ мнѣній *Епифанскаго* у. к.

щеннымъ [1]). Принципъ законом'Ърнаго повиновенія, т. е. повиновенія единственно законнымъ требованіямъ власти—при такомъ порядкѣ неосуществимъ, ибо земскій начальникъ, налагая административное взысканіе, является безапеляціоннымъ *судьею* законности собственныхъ своихъ распоряженій. О чрезвычайно широкомъ толкованіи ст. 61 пол. земскими начальниками свидѣтельствуютъ многочисленныя разъясненія по этому предмету Правительствующаго Сената. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, когда земскій начальникъ подвергнулъ наказанію весь сельскій сходъ (95 чел.), по одному рублю каждаго, за нежеланіе избрать предложенное имъ лицо въ старосты [2]). Введенная съ цѣлью обезпечить исполненіе законом'Ърныхъ требованій земскихъ начальниковъ, ст. 61 пол. становится орудіемъ произвола и злоупотребленій. Бываютъ случаи, что наказаніе по этой статьѣ налагается на крестьянъ, отказавшихся исполнить заключенный съ земскимъ начальникомъ, какъ землевладѣльцемъ, договоръ найма, или на крестьянъ, не соглашающихся дать своему имуществу назначеніе, угодное земскому начальнику. Злоупотребленія этой статьей вопіющія, а между тѣмъ возможность обжаловать ихъ призрачна и практически безцѣльна [3]). Случаи примѣненія ст. 61 весьма часты; въ Тульской, напр., губерніи она примѣняется, въ среднемъ, 2678 разъ въ годъ; всего за время 1891—1899 г.г.—24103 раза [4]). Значеніе этихъ цифръ станетъ еще болѣе яснымъ, если принять во вниманіе, что, во избѣжаніе прямого примѣненія 61 ст. пол., земскіе начальники нерѣдко примѣняютъ ее косвенно, въ замаскированномъ видѣ, заставляя старостъ и старшинъ подвергать крестьянъ, на основаніи ст. 64 и 86

---

[1]) *Московскій* губ. комит., записка 18 членовъ.

[2]) *Красноярскій* уѣздный комитетъ, докладъ Е. П. Шольпа. Срв. здѣсь же подробности о крестьянскихъ начальникахъ Сибири (ст. 40 зак. 2 іюня 1898 г. сравнительно со ст. 51 пол. участ. зем. нач.).

[3]) *Звенигородскій* у. к., записка В. А. Маклакова.

[4]) *Тульскій* губ. комитетъ, записка *Тульской* з. у.

общ. полож., административнымъ взысканіямъ «за маловажные проступки», разумѣя подъ ними неисполненіе собственныхъ своихъ «законныхъ распоряженій и требованій» [1]).

Предоставляя земскимъ начальникамъ дискреціонную власть какъ надъ личностью отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и надъ крестьянскимъ обществомъ, положеніе 12 іюля 1889 г. приводитъ къ тому, что въ жизни деревни рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ административное усмотрѣніе земскаго начальника.

О крестьянскомъ самоуправленіи земскій начальникъ съ полнымъ основаніемъ можетъ сказать: самоуправленіе—это я.

Усиливая въ чрезвычайной мѣрѣ административную опеку надъ крестьянами, законодательство 80-хъ годовъ въ такой же мѣрѣ усиливаетъ общественную опеку надъ ними; впрочемъ и общественная опека—именно, вслѣдствіе рѣшающей власти надъ обществомъ земскихъ начальниковъ,—является, въ сущности, только другой формой той же административной опеки. Уѣздные комитеты подробно останавливаются на законахъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, 8 іюля 1893 г. о предѣлахъ мірской земли, 14 декабря 1893 г. объ отчужденіи крестьянскихъ надѣловъ, 3 іюня 1894 г. о видахъ на жительство и нѣкоторыхъ другихъ.

Что касается, прежде всего, закона о семейныхъ раздѣлахъ, то, по мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, полная зависимость раздѣла отъ воли старшаго члена семьи, двухъ третей сельскаго схода и усмотрѣнія земскаго начальника часто искусственно связываетъ такія семейныя отношенія, отъ которыхъ ничего хорошаго ждать нельзя. Никакая цѣлесообразная экономическая дѣятельность невозможна въ насильственно связанной семьѣ. Допущеніе раздѣловъ обусловлено, между прочимъ, обезпеченностью поступленій числящихся на семьѣ недоимокъ и

---

[1]) Сводъ мнѣній *Епифанскаго* у. к.

текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ; трудно предположить, однако, чтобы даже интересы фиска были сколько-нибудь ограждены насильственнымъ удержаніемъ семьи отъ раздѣла. Законъ 18 марта запретилъ раздѣлы не оффиціальные, но, конечно, онъ вовсе не уничтожилъ ихъ и только осложнилъ и запуталъ излишней регламентаціей одну изъ интимнѣйшихъ сторонъ народной жизни [1]). Законъ 18 марта, стѣснившій естественную склонность новой семьи къ самостоятельности, упустилъ изъ виду нравственную сторону вопроса въ угоду экономическимъ и фискальнымъ соображеніямъ [2]); исходя изъ фискальныхъ воззрѣній на крестьянъ, какъ на податную силу, онъ стѣсняетъ самымъ существеннымъ образомъ свободу ихъ личной жизни [3]).

Ссылаясь на сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ, уѣздные комитеты доказываютъ экономическую несостоятельность и фактическую неосуществимость закона 18 марта. По мнѣнію большинства совѣщаній, формальное раздѣленіе семействъ, распадающихся вслѣдствіе внутреннихъ несогласій и раздоровъ, даже въ экономическомъ отношеніи предпочтительнѣе сохраненія такихъ семействъ [4]). Въ дѣйствительности, воспрещеніе раздѣловъ не достигаетъ цѣли; ибо, за невозможностью, или затруднительностью дозволенныхъ, законныхъ раздѣловъ, послѣдніе, по общему правилу, совершаются произвольно [5]), между тѣмъ, самовольные раздѣлы ведутъ къ неисчисли-

---

[1]) *Тульскій* губ. к., записка членовъ Тульской губ. з. у. Срв. Сенгилевскій у. к., докладъ А. А. Ярошевича.

[2]) Сводъ мнѣній *Епифанскаго* у. к.

[3]) *Московскій* губ. к., коллективный докладъ 18 членовъ.

[4]) *Красноярскій* у. к., докл. Е. П. Шольпа.

[5]) *Рузскій* у. к., докладъ М. С. Толмачева; въ докладѣ, напр., приводятся слѣдующія данныя, заимствованныя изъ свода заключеній губ. совѣщаній: въ Спасскомъ у. (Казанской губ.) самовольныхъ раздѣловъ въ 30 разъ больше, чѣмъ законныхъ; въ Минской губ. разрѣшенные считаются десятками, неразрѣшенные десятками тысячъ; въ Ставропольской губ. 80 проц.; въ Бузулукскомъ 95 проц. произвольныхъ раздѣловъ.

мымъ недоразумѣніямъ въ случаѣ возникновенія судебнаго спора между раздѣлившимися.—Необходима поэтому совершенная отмѣна закона о семейныхъ раздѣлахъ, съ тѣмъ, чтобы такіе раздѣлы, въ спорныхъ случаяхъ, разрѣшались въ судебномъ, а не въ административномъ порядкѣ [1]).

Въ тѣсной связи съ законами о семейныхъ раздѣлахъ находится положеніе о видахъ на жительство, обусловливающее право на отлучку крестьянъ-домохозяевъ согласіемъ сельскаго общества, а неотдѣленныхъ членовъ крестьянскаго двора—разрѣшеніемъ домохозяина.

Требуемое положеніемъ согласіе общества на выдачу крестьянамъ-недоимщикамъ пятилѣтнихъ паспортныхъ книжекъ на практикѣ приводитъ къ тому, что книжки эти крестьянамъ, по общему правилу, не выдаются вовсе; такъ, напримѣръ, въ 8 уѣздахъ Орловской губ. въ 1901 г. крестьянамъ выдано было всего 37,102 вида на жительство—въ томъ числѣ 252 паспортныхъ книжки (0,1 проц.) и 36,850 (99,9 проц.) годичныхъ паспортовъ [2]). Предоставленное обществамъ право отказывать крестьянамъ-недоимщикамъ въ возобновленіи хотя бы годичныхъ паспортовъ сплошь и рядомъ ставитъ крестьянъ въ необходимость возвращаться,—нерѣдко изъ отдаленныхъ губерній—къ мѣсту приписки, не успѣвъ въ теченіе перваго, наиболѣе труднаго года, обезпечить себѣ существованіе на чужой сторонѣ.

Статья 19 положенія, обусловливающая какъ полученіе, такъ и возобновленіе видовъ на жительство неотдѣленными членами крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтними, согласіемъ хозяина крестьянскаго двора, влечетъ за собою совершенную зависимость неотдѣленныхъ крестьянъ отъ домохозяина, каковымъ нерѣдко является не отецъ, а родственникъ или свойственникъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ статья эта является источ-

---

[1]) См. постановленія *Рузскаго* у. к., *Епифанскаго* у. к., *Звенигородскаго* у. к., *Тихвинскаго* у. к., *Арзамасскаго* у. к., и мн. др.

[2]) *Орловскій* у. к., записка *Орловской* губ. з. у.

никомъ ссоръ и семейныхъ неурядицъ и нерѣдко демо-рализующе дѣйствуетъ на домохозяевъ, давая имъ широкій просторъ для вымогательствъ. Предоставляя земскимъ начальникамъ право распоряжаться выдачей отдѣльныхъ видовъ на жительство неотдѣленнымъ крестьянамъ, несмотря на отказъ въ такой выдачѣ со стороны домохозяина, ст. 19 положенія пытается устранить административнымъ усмотрѣніемъ возможныя крайности семейной опеки надъ совершеннолѣтними крестьянами. Само собою, однако, разумѣется, что дискреціонная власть земскихъ начальниковъ является плохой гарантіей самостоятельности крестьянъ въ семейномъ отношеніи [1]).

Справедливо усматривая въ «паспортномъ закрѣпощеніи» и «паспортной волокитѣ» одну изъ немаловажныхъ причинъ бѣдственнаго положенія современной деревни, многіе уѣздные комитеты настойчиво ходатайствуютъ объ упраздненіи общественной и административной опеки надъ передвиженіемъ крестьянъ. Полагая, что при общинномъ строѣ крестьянской жизни трудно достигнуть совершеннаго уравненія крестьянъ съ лицами другихъ сословій въ отношеніи полученія паспортовъ, нѣкоторые комитеты довольствуются требованіемъ *усовершенствованія* паспортной системы въ видахъ большей обезпеченности права на передвиженіе крестьянъ. Такъ, напр., *Епифанскій* у. к. выражаетъ пожеланіе, «дабы дѣла по выдачѣ или невыдачѣ паспортовъ, поступающія къ земскимъ начальникамъ, были признаны не оконченными и подлежали обжалованію въ съѣздъ, хотя бы по предварительномъ исполненіи» [2]).

Гораздо категоричнѣе другіе комитеты. По ихъ мнѣнію необходимо устранить всѣ, вообще ограниченія, ли-

---

[1]) *Орловскій* у. к., записка *Орловской* губ. з. у. Срв. *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольца.

[2]) *Епифанскій* у. к. По вопросу о паспортной системѣ предсѣдатель комитета и меньшинство членовъ остались при особомъ мнѣніи въ смыслѣ полной ея отмѣны и сравненія въ этомъ отношеніи крестьянъ съ другими сословіями.

шающія крестьянъ права свободнаго передвиженія и выбора занятій [1]); крестьянамъ должны быть предоставлены одинаковыя съ другими сословіями права на полученіе паспортовъ [2]). Паспортная система, стоящая въ зависимости отъ круговой поруки и власти домохозяина и сильно стѣсняющая крестьянъ, нуждающихся въ свободномъ передвиженіи для пріисканія большихъ заработковъ, должна быть радикально измѣнена [3]). Необходимо предоставить каждому крестьянину право на полученіе паспорта внѣ зависимости отъ домохозяина и сельскаго общества; каждый совершеннолѣтній крестьянинъ долженъ имѣть право на полученіе паспорта, независимо отъ воли родителей или старшихъ домохозяевъ [4]).

Съ такимъ же безусловнымъ и категорическимъ осужденіемъ системы административной и общественной опеки мы встрѣчаемся въ комитетахъ и при обсужденіи другихъ вопросовъ крестьянскаго права. Говоря о пріемѣ новыхъ членовъ въ крестьянскія общества, объ увольненіи изъ общества, о передѣлахъ мірской земли (законъ 8 іюня 1893 г.), объ отчужденіи крестьянскихъ земельныхъ участковъ (зак. 14 декабря 1893 г.), о переселеніяхъ (законъ 13 іюня 1888 г.),—уѣздные комитеты постоянно обличаютъ стремленіе законодателя къ чрезмѣрной регламентаціи крестьянской жизни, къ созданію всеобъемлющей, ни передъ чѣмъ ни останавливающейся опеки, административной и общественной, надъ личностью и имуществомъ крестьянъ [5]). Ограничительныя и стѣснительныя тенденціи такой опеки часто оказываются безсильными предъ категорическими требованіями жизни, но съ другой стороны, всегда и необходимо онѣ препятствуютъ правильному удовлетворенію назрѣвшихъ потреб-

---

[1]) *Нижегородскій* у. к.; Борисоглѣбскій у. к.
[2]) *Елецкій* у. к.
[3]) *Ливенскій* у. к.
[4]) *Орловскій* у. к.
[5]) Труды *Рузскаго* у. к.; см. въ особенности: доклады Толмачева, журналы *Лохвицкаго* у. к., сводъ мнѣній *Епифанскаго* у. к. и мн. др.

ностей, создаютъ искусственныя преграды, задерживаютъ спокойное и свободное теченіе общественной жизни. Ни законъ о переселеніяхъ 1888 г., ни позднѣйшая административная практика, усиливающая ограничительныя его тенденціи (напр., циркуляръ м-ва вн. д. 20 февраля 1897 г.) не остановили, конечно,— и не могли остановить переселеній въ Сибирь деревенской бѣдноты; безысходная нужда, хроническое голоданіе гонитъ крестьянина изъ родной деревни,—и онъ уходитъ изъ нея, не смотря ни на какія административныя препоны. А между тѣмъ, насильственное удержаніе крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства создаетъ многочисленный классъ «самовольныхъ переселенцевъ» [1]), поставленныхъ въ чрезвычайно тяжелыя условія, препятствующія благополучному ихъ водворенію на новыхъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, переселенцы, не получившіе требуемаго разрѣшенія отъ администраціи, не имѣютъ права пользоваться льготнымъ переселенческимъ тарифомъ: они лишаются разнаго рода льготъ на законномъ основаніи, имъ отводятся наихудшія земли, и то если таковыя окажутся; они не пользуются путевыми ссудами и пр. и пр. [2]).

Говоря о системѣ административной опеки, уѣздные комитеты сосредоточиваютъ преимущественное свое вниманіе на вопросахъ крестьянской жизни,—во первыхъ, потому что эти вопросы ближе всего касаются непосредственной задачи комитетовъ и, во вторыхъ, потому что система административной опеки достигаетъ своего апогея, именно, въ примѣненіи къ крестьянской жизни. Тѣмъ не менѣе, въ вопросѣ объ административной опекѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо иномъ—уѣздные комитеты не ограничиваютъ своихъ трудовъ тѣснымъ кругомъ чисто-крестьянскихъ вопросовъ: нужды деревни такъ тѣсно связяны съ нуждами всесословными, съ нуждами русскаго

---

[1]) Число такихъ самовольныхъ переселенцевъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 1899 г. достигло 50% всѣхъ, вообще, переселенцевъ.

[2]) *Лохвицкій* у. к., докладъ М. И. Туганъ-Барановскаго.

общества, вообще, что говорить о первыхъ, не касаясь вторыхъ, представляется невозможнымъ. Поэтому обсуждая вопросъ о постановкѣ у насъ дѣла народнаго образованія, объ организаціи земскихъ учрежденій и мн. др., уѣздные комитеты постоянно возвращаются къ мысли объ отрицательномъ вліяніи на русскую жизнь системы административной опеки.

Признавая «самой первой, основной, насущной и неотложной необходимостью Россіи народное образованіе» [1],—комитеты въ системѣ административной опеки, подозрительной и недовѣрчивой, стѣсняющей личную инициативу, усматриваютъ важнѣйшую причину, тормозящую развитіе народнаго образованія въ Россіи. Необходимо устраненіе ограниченій и излишнихъ формальностей, стѣсняющихъ распространеніе просвѣщенія [2]. Предоставивъ земству, въ числѣ его функцій, дѣло народнаго образованія, правительство всячески высказываетъ свое недовѣріе, ставитъ на его пути невозможные тормазы и явно обнаруживаетъ свое несочувствіе строю и порядку дѣла земско-школьнаго обученія. Необходимо освобожденіе просвѣтительной дѣятельности земства отъ режима административной опеки [3]. Въ настоящее время развитію просвѣщенія препятствуетъ не только недостатокъ школъ, но и крайнее стѣсненіе внѣшкольнаго образованія; достаточно указать хотя бы на то, что для публичнаго прочтенія даже печатнаго произведенія требуется исполненіе такой сложной процедуры по испрошенію разрѣшеній, что трудно себѣ даже представить возможность такой процедуры въ странѣ, гдѣ бы знанію и умственному развитію придавалось хотя-бы малѣйшее значеніе [4]. Необходимо облегченіе частной и общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія и всякой борьбы съ некультурностью [5], замѣна дѣйствующаго

[1]) *Костромской* у. к.; докладъ Костромской з. у.
[2]) Рез. *Костромской* у. к.
[3]) *Харьковскій* у. к. докладъ предсѣдателя.
[4]) *Костромской* у. к. докладъ Костромской у. з. к.
[5]) *Звенигородскій* у. к.

разрѣшительнаго порядка, порядкомъ явочнымъ, въ направленіи большаго довѣрія къ общественнымъ силамъ [1]). Въ области внѣшкольнаго образованія, въ частности, необходимо упрощеніе порядка устройства народныхъ чтеній, открытія народныхъ и школьныхъ библіотекъ и воскресныхъ школъ, облегченіе доступа книгъ въ библіотеки и читальни, измѣненіе порядка разрѣшенія книгъ для народныхъ библіотекъ [2]) и т. д., и т. д.

Что касается земства, то административная опека надъ нимъ касается не только просвѣтительной дѣятельности его въ области народнаго образованія, но и всей, вообще, совокупности культурныхъ его начинаній. Эта опека, сама по себѣ, ни къ чему не ведущая, обидна въ особенности по тому, что она не регулирована никакимъ положительнымъ и точнымъ закономъ и выражается часто въ дѣйствіяхъ, совершенно произвольныхъ. То, что одинъ губернаторъ или предсѣдатель собранія гдѣ нибудь въ Воронежѣ, считаетъ прямо чуть ли не преступленіемъ, въ другой губерніи или въ другомъ уѣздѣ дозволяется и не считается предосудительнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ при посѣщеніи Курской губернской земской управы интересуется соображеніями разныхъ управъ за и противъ устройства мелкой земской единицы, а въ другихъ мѣстахъ вопросъ объ этой единицѣ считается какимъ-то «гремящимъ жупеломъ»,—вопросомъ, имѣющимъ непосредственную связь съ подрываніемъ основъ государства. Такія колебанія въ опредѣленіи дозволеннаго и недозволеннаго указываютъ, прежде всего, конечно, на то, что наши мѣстные администраторы не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія: они боятся разрѣшить произнесеніе всякой новой, самой безобидной мысли, всякаго новаго слова, самаго легальнаго и осторожнаго, они всѣхъ и во всемъ подозрѣваютъ, вездѣ ищутъ только подпольныхъ преступниковъ. Такому порядку вещей долженъ быть положенъ предѣлъ. Необходимо болѣе довѣр-

[1]) *Епифанскій* у. к.
[2]) *Кузнецкій* у. к.

чивое отношеніе къ работѣ мѣстныхъ дѣятелей; необходимо предоставленіе земскимъ учрежденіямъ большей самостоятельности, безъ ежедневной, ежечасной, и, очевидно, ни на что не нужной, обидной опеки со стороны мѣстной административной власти [1]).

IV.

Устраненіе системы административной опеки—таково первое, отрицательное, по существу, условіе созданія у насъ правильнаго и нормальнаго правового порядка. Наряду съ нимъ уѣздные комитеты указываютъ рядъ положительныхъ условій, осуществленіе которыхъ необходимо, по ихъ мнѣнію, для достиженія этой цѣли.

Начало законности предполагаетъ, прежде всего, существованіе правовыхъ нормъ, ясныхъ и опредѣленныхъ по своей формѣ, юридически-содержательныхъ и практически-возможныхъ по своей сущности.

Разсматривая вопросъ о формахъ или *источникахъ* права, уѣздные комитеты останавливаются съ особымъ вниманіемъ на роли и значеніи *обычнаго права* въ крестьянской жизни. Весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что, всѣ безъ исключенія, уѣздные комитеты, коснувшіеся этого вопроса, относятся съ крайнимъ скептицизмомъ къ самому факту существованія обычнаго права.

Господство обычнаго права, читаемъ мы въ одномъ изъ докладовъ, возможно при медленно измѣняющемся складѣ экономической жизни и при слабомъ воздѣйствіи на нее правительственной власти. Въ современный-же бытъ... крестьянина, несмотря на кажущееся его однообразіе, проникаетъ масса вліяній, которыя, если такъ

[1]) *Рязанскій* у. к., докладъ Н. И. Родзевича. Срв. *Козловскій* у. к. зап. кн. Волконскаго: „не путаютъ ногъ у лошади, запрягая ее, чтобы ѣхать. Хорошій ѣздокъ боится даже задерживать ее возжами, держитъ возжи такъ, чтобы лошадь едва ихъ слышала, и сама бѣжала туда, куда хочется хозяину. Лучше совсѣмъ не имѣть учрежденій, чѣмъ, устроивъ ихъ, мѣшать имъ дѣйствовать".

можно выразиться, взбалтываютъ мѣстныя правовоззрѣнія населенія и не даютъ имъ возможности отложиться въ обычаи... Въ дѣйствительности, вмѣсто идеализированнаго народнаго обычнаго права въ волостныхъ судахъ царитъ въ лучшемъ случаѣ канцелярско-административная мудрость волостныхъ писарей, понадерганная изъ разныхъ справочныхъ изданій и циркуляровъ. При такихъ канцелярскихъ «нормахъ права» трудно разсчитывать на прочный и ясный правопорядокъ въ деревнѣ [1]).

По словамъ другого доклада, ст. 25 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, предписывающая судамъ рѣшать дѣла по совѣсти, руководствуясь мѣстными обычаями, возвращаетъ крестьянство къ временамъ Гостомысла,—съ тою, однако, разницей, что тогда обычаи были воспитаны многовѣкою жизнью народа и постоянною практикой обновлялись въ сознаніи дикаря, теперьже они измельчали, утратили свою свѣжесть и выцвѣли почти до полнаго исчезновенія... Пословицу, быть можетъ перешедшую къ намъ отъ времени Гостомысла: «Что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай», въ примѣненіи къ настоящему времени можно бы замѣнить другою: «Что ни голова, то обычай». При такомъ обиліи и разнообразіи обычаевъ они не имѣютъ и не могутъ имѣть руководящаго значенія и, слѣдовательно, необходимо признать, что вовсе нѣтъ обычаевъ, пригодныхъ для суда [2]).

Указанія на отсутствіе обычнаго права мы встрѣчаемъ не только въ отдѣльныхъ докладахъ, но и въ заключеніяхъ уѣздныхъ комитетовъ. Такъ, по словамъ *Епифанскаго* у. к., обычаи, если только и были въ нашей мѣстности, давно исчезли; ихъ замѣнило усмотрѣніе,—начиная съ усмотрѣнія волостного суда и кончая

[1]) *Красноярскій* у. к. докладъ Е. П. Шольпа. Въ докладѣ этомъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ указаніемъ на отсутствіе не только крестьянскихъ, но и инородческихъ, такъ называемыхъ, степныхъ обычаевъ.

[2]) *Тихвинскій* у. к., докладъ землевладѣльца Богданова. Срв. *Сенгилевскій* у. к., докладъ А. А. Ярошевича.

губернскимъ присутствіемъ. Такого-же мнѣнія *Звенигородскій* уѣздный комитетъ [1]).

Въ своемъ прекрасномъ докладѣ о наслѣдованіи въ крестьянскомъ имуществѣ *Орловская* губернская земская управа, на основаніи анализа рѣшеній волостныхъ судовъ, приходитъ къ заключенію, что обычаи, на которые разрѣшено ссылаться крестьянамъ въ судахъ при современныхъ усложнившихся отношеніяхъ, все болѣе и болѣе теряютъ значеніе и мѣстами перестаютъ вовсе соотвѣтствовать измѣнившимся формамъ народной жизни. Во всѣхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, разсмотрѣнныхъ управой, указывается прямо, что данное дѣло рѣшено на основаніи того или иного закона. Правда законы эти толкуются судомъ весьма своеобразно, нерѣдко они вовсе не относятся къ разрѣшаемымъ дѣламъ; однако, отсутствіе и въ рѣшеніяхъ суда, и въ заявленіяхъ истца и отвѣтчика, и въ показаніяхъ свидѣтелей ссылки на обычай довольно краснорѣчиво. При такихъ условіяхъ позволительно, по мнѣнію управы, сдѣлать тотъ выводъ, что въ дѣлахъ волостныхъ судовъ совершенно нельзя уловить какихъ-либо устойчивыхъ и постоянныхъ нормъ, регулирующихъ наслѣдованіе въ крестьянскомъ имуществѣ,—т. е., именно, тѣ отношенія, въ которыхъ примѣненіе обычая обязательно не только для волостныхъ, но и для общихъ судовъ. А это обстоятельство заставляетъ поставить вопросъ, существуютъ-ли эти нормы и въ сознаніи населенія, которое судится и судитъ въ волостномъ судѣ?

Совершенную непримѣнимость и непримѣняемость обычнаго права въ крестьянской жизни уѣздные комитеты доказываютъ ссылкой на организацію крестьянской юстиціи. Предположимъ даже, что обычное право существуетъ и волостные суды рѣшаютъ дѣла на основаніи

---

[1]) По мнѣнію *Ардатовскаго* у. к., мѣстные обычаи существуютъ лишь исключительно въ наслѣдованіи; установленіе обычая на практикѣ представляетъ большое затрудненіе и добросовѣстность опредѣленія его подвергается сомнѣнію.

обычаевъ. По апелляціи, дѣло, рѣшенное волостнымъ судомъ, поступаетъ въ уѣздный съѣздъ. Какъ будетъ пересматривать его съѣздъ, состоящій изъ дворянъ, совершенно незнакомыхъ съ крестьянскими обычаями? [1]). Высшей кассаціонной инстанціей для волостныхъ судовъ является губернское присутствіе, опять таки совершенно не свѣдущее въ вопросахъ обычнаго права [2]). Что удивительнаго, если при такихъ условіяхъ, множество правоотношеній между крестьянами вовсе не нормируется положительнымъ правомъ, или нормируется общегражданскими законами, которые, при своемъ несовершенствѣ, въ рукахъ волостного писаря толкуются весьма произвольно. Спутанность и неопредѣленность крестьянскаго права настолько велика, что для всѣхъ властей въ деревнѣ, начиная съ нижнихъ и кончая высшими, не говоря о самихъ крестьянахъ, является непонятнымъ, какую норму когда нужно примѣнить, что, въ точности, составляетъ вѣдомство суда и что администраціи. Рѣшенія мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій часто основываются на «усмотрѣніи», берутъ свое начало скорѣе изъ жизни, чѣмъ изъ закона [3]).

Отрицая существованіе крестьянскаго обычнаго права, уѣздные комитеты вполнѣ, однако, сознаютъ совершенную невозможность распространенія на крестьянскую жизнь дѣйствія обще-гражданскихъ законовъ, и въ ча-

---

[1]) *Тихвинскій* у. к., доклады Богданова.

[2]) *Красноярскій* у. к. докладъ Е. П. Шольпа.

[3]) *Епифанскій* у. к.—Въ своемъ докладѣ *Красноярскому* у. к. Е. П. Шольпъ касается вопроса о внутреннихъ несовершенствахъ обычнаго права,—о консерватизмѣ его, мѣшающемъ прогрессу сельско-хозяйственной промышленности. Цитируя слова профессора Л. І. Петражицкаго, Е. П. Шольпъ заключаетъ, что „отъ обычно-правовыхъ кристаллизацій и наслоеній различныхъ эпохъ культуры съ отличными отъ новѣйшихъ условіями и потребностями производства, механизмъ народнаго производства ржавѣетъ и засоряется разными посторонними тѣлами, вызывающими треніе, мѣшающими быстрому и свободному движенію производства и обмѣна, иногда только при помощи закона можно освободиться отъ устарѣвшей обычно-правовой рутины". Срв. *Ельнинскій* у. к., журналъ 28 сент., мнѣніе членовъ изъ крестьянъ.

стности, т. X, ч. I св. зак. Полное несоотвѣтствіе, существующее между X т., съ одной стороны, правовыми воззрѣніями крестьянства и условіями правовой жизни деревни, съ другой, вполнѣ сознается уѣздными комитетами.

Не считая поэтому невозможной совершенную отмѣну обычнаго права, нѣкоторые уѣздные комитеты высказываются въ пользу кодификаціи *несомнѣнныхъ* его нормъ [1]).

Та же, по существу, мысль о необходимости кодификаціи обычнаго права выражается иногда въ формѣ пожеланія точнаго указанія въ законѣ, въ дополненіе къ X тому, случаевъ примѣненія обычнаго права [2]).

По мнѣнію другихъ комитетовъ, такая кодификація невозможна, вслѣдствіе отсутствія *несомнѣннаго* обычнаго права. Можетъ быть раньше и возможно было бы кодифицировать обычаи (?!), но теперь, когда судьи видятъ, что съ обычаемъ не считается ни уѣздный съѣздъ, ни губернское присутствіе, они перестали ихъ примѣнять, и обычаи мало-по-малу исчезли [3]).

Считая невозможной кодификацію обычнаго права, нѣкоторые комитеты требуютъ замѣны этого права, *какъ несуществующаго*, точными гражданскими нормами [4]). Согласно другому, болѣе осторожному мнѣнію, достаточно расширеніе положительнаго закона на область обязательственнаго и вещнаго права крестьянъ, въ сферѣ же наслѣдственнаго и семейнаго права долженъ сохраниться обычай, такъ какъ только въ этихъ, медленно измѣняющихся областяхъ права, юридическія правила, живущія въ сознаніи народа, успѣваютъ отложиться и кристаллизоваться въ обычное право [5]).

Поскольку уѣздные комитеты допускаютъ сохраненіе

---

[1]) Напр., *Звенигородскій* у. к., *Ливенскій* у. к.; *Суджанскій* у. к. и др.
[2]) *Нижегородскій* у. к.
[3]) *Епифанскій* у. к.
[4]) *Суджанскій* у. к. Срв. ред. юридич. комиссіи. *Орловскій* у. к.
[5]) *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольпа.

обычнаго права, они вполнѣ послѣдовательно требуютъ соотвѣтственной реорганизаціи строя крестьянской юстиціи: призванный примѣнять обычное право, судъ долженъ, во всякомъ случаѣ, его знать. Отсюда—требованіе выборнаго суда изъ мѣстныхъ жителей,—требованіе, о которомъ подробнѣе мы скажемъ ниже.

Кромѣ опредѣленности и несомнѣнности права, по его формѣ, господство законности требуетъ *юридической содержательности* и *практической возможности* права, по его сущности.

Въ сферѣ нашего административнаго законодательства весьма и весьма нерѣдко встрѣчаются нормы, лишенныя юридическаго содержанія, никому не предоставляющія никакихъ правъ и ни на кого не возлагающія никакихъ обязанностей. Ни въ одномъ законодательствѣ сфера дискреціоннаго усмотрѣнія административныхъ органовъ не очерчивается такими широкими границами, какъ, именно, у насъ.

Конечно, извѣстная степень дискреціонности требуется самимъ существомъ административныхъ функцій: никакой законъ всего предусмотрѣть и все регламентировать не можетъ. Однако же, чрезмѣрно расширяя дискреціонныя полномочія администраціи, законодатель тѣмъ самымъ соотвѣтственно суживаетъ собственныя свои полномочія; онъ ограничиваетъ самого себя, отчуждаетъ свою власть, умаляетъ значеніе и силу своихъ велѣній. *Содержательность* права обратно пропорціональна объему допускаемаго имъ административнаго усмотрѣнія. Широта дискреціонныхъ полномочій естественно и необходимо приводитъ къ тому, что важнѣйшія отношенія общественной жизни опредѣляются не объективною нормой, примѣняемой однимъ, какъ другимъ, къ одному, какъ къ другому, а субъективнымъ усмотрѣніемъ судящихъ и правящихъ лицъ, непостояннымъ и пристрастнымъ, измѣнчивымъ во времени и пространствѣ. При такихъ условіяхъ, какъ о законности управленія, такъ и о правахъ гражданъ не можетъ быть рѣчи.

Обращаясь къ дискреціонной власти, законъ теряетъ свой безусловный и властный, свой *нормативный* характеръ; онъ становится поученіемъ и совѣтомъ,—«монологомъ законодателя», не обязательнымъ ни для кого. Въ сферѣ дискреціонныхъ полномочій администраціи законъ безсодержателенъ и безсиленъ.

Возставая противъ дискреціонности административныхъ полномочій, уѣздные комитеты тѣмъ самымъ настаиваютъ на необходимости законодательной регламентаціи административной власти, законодательнаго опредѣленія гражданскихъ обязанностей и правъ [1]). Не на зыбучемъ пескѣ усмотрѣнія, а на твердомъ камнѣ закона должна покоиться народная жизнь. Господство законности возможно только въ томъ случаѣ, если законъ устраняетъ, а не узаконяетъ дискреціонность исполнительной власти.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о юридической содержательности права стоитъ другой вопросъ,—о практической примѣнимости, о *возможности* его.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что нашъ законодательный аппаратъ имѣетъ рѣзко выраженный, исключительно бюрократическій характеръ. Законопроекты зарождаются въ петербургскихъ канцеляріяхъ; они пишутся петербургскими чиновниками, — пишутся нерѣдко на основаніи «докладовъ», «рапортовъ», «соображеній», сочиняемыхъ такими же петербургскими чиновниками, временно проживающими на мѣстахъ.

Отсюда—такое явленіе: цвѣты бюрократической мудрости, взращенные въ канцелярскихъ теплицахъ, законы не выдерживаютъ пробы суровой дѣйствительности; они отцвѣтаютъ и вянутъ подъ первымъ холоднымъ дыханіемъ настоящей *невыдуманной* жизни.

Никто, конечно, не станетъ отрицать извѣстнаго, болѣе или менѣе интенсивнаго воздѣйствія на жизнь законодательнаго творчества, но, съ другой стороны, точно

---

[1]) Срв. постановленія *Новомосковскаго* у. к. См. также *Звенигородскій* у. к., записка В. А. Маклакова.

также никто не считаетъ такое воздѣйствіе всесильнымъ. «Природа вещей», фактическія условія общественной жизни ставятъ законодательной волѣ, формально безграничной, матеріальныя, твердыя и непреодолимыя, границы. Жизнь не считается съ закономъ, который не считается съ жизнью. Такой законъ не дѣйствуетъ; онъ остается мертвою буквой, канцелярскимъ упражненіемъ на заданную тему.

Если мы обратимся къ нашему законодательству, то, независимо даже отъ критической оцѣнки его содержанія по существу, мы должны будемъ констатировать, что многіе законы,—въ особенности недавняго происхожденія,—находятся въ столь безусловномъ противорѣчіи съ «природой вещей»,—что фактически они оказываются *недѣйствующими*; поскольку же они дѣйствуютъ, они даютъ не тѣ результаты, какіе имѣлись въ виду законодателемъ.

Не говоря уже о такихъ законахъ, какъ уставъ лѣчебныхъ заведеній 1893 г. или новый ветеринарный законъ 12 іюня 1902 г., даже формально, не смотря на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, не вступившіе въ дѣйствіе, и другіе законы, напр., продовольственныя правила 1900 г., немедленно по ихъ утвержденіи потребовали цѣлаго рода существеннѣйшихъ измѣненій,—разумѣется, произведенныхъ въ административномъ порядкѣ,—въ виду совершенной ихъ неприспособленности къ дѣйствительнымъ условіямъ деревенской жизни.

Разсматривая общее положеніе о крестьянахъ, законы о семейныхъ раздѣлахъ, о передѣлахъ мірской земли, о переселенцахъ и др., уѣздные комитеты, независимо отъ критики по существу, систематически указываютъ на фактическую непримѣнимость, на *недѣйствіе* этихъ законовъ, вопреки общему положенію, поселенный поземельный моменты не совпадаютъ въ понятіи сельскаго общества: наряду съ сельскими сходами существуютъ поселенные и частные сходы. Семейные раздѣлы,

вопреки закону 18 марта 1886 г., составляютъ повседневное явленіе въ деревенской жизни; установленные законами правила, стѣсняющія эти раздѣлы, на практикѣ не соблюдаются вовсе. Несмотря на ограничительныя тенденціи закона 1888 г., крестьяне, вынуждаемые необходимостью, не испрашивая требуемаго разрѣшенія, тысячами покидаютъ родныя деревни и т. д., и т. д.

Для того, чтобы установленное право стало *дѣйствующимъ* правомъ, существуетъ, по мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, одно только средство. Необходимо отказаться отъ господства исключительно бюрократическаго начала въ процессѣ законодательнаго творчества; необходимо участіе, въ *той или иной формѣ*, въ выработкѣ законопроектовъ, касающихся мѣстной жизни, мѣстныхъ же людей,—людей свободныхъ отъ бюрократической предвзятости, знающихъ мѣстную жизнь не въ искусственномъ отраженіи, а во всей ея непосредственной дѣйствительности [1]).

Участіе общественнаго элемента въ законодательной работѣ необходимо не только для того, чтобы законъ былъ *хорошимъ* закономъ; оно необходимо и для того, чтобы законъ былъ *закономъ*. Голосъ общественнаго мнѣнія не только помогаетъ разобраться въ вопросѣ: что хорошо и что дурно; онъ отвѣчаетъ на вопросъ: что осуществимо и чего осуществить нельзя.

Опредѣленность и несомнѣнность нормы, юридическая содержательность и фактическая примѣнимость ея,—таковы тѣ требованія, которыя могутъ и должны быть предъявляемы къ праву для того, чтобы господство законности стало совершившимся фактомъ.

Рядомъ съ этими требованіями, касающимися права, стоятъ другія, касающіяся суда. Господство законности необходимо предполагаетъ, прежде всего, наличность права и затѣмъ наличность охраняющаго его суда.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются уѣздные

---

[1]) Объ этомъ см. *ниже*.

комитеты на критикѣ современной организаціи крестьянскаго суда.

Значительнымъ числомъ уѣздныхъ комитетовъ волостные суды признаются неудовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ.

Волостной судъ—худшій изъ всѣхъ видовъ суда [1]), онъ подрываетъ довѣріе населенія къ суду, вообще [2]), онъ ниже всякой критики, и лучшіе люди устраняются отъ исполненія въ немъ судебныхъ обязанностей [3]). Убѣжденные, искренніе юристы пришли бы въ сильнѣйшее негодованіе отъ близкаго знакомства съ слѣпыми рѣшеніями волостныхъ судовъ и разнообразной по однообразнымъ дѣламъ практикой губ. присутствій [4]).

По временнымъ правиламъ о волостномъ судѣ, изданнымъ одновременно съ положнеіемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ, процессуальная сторона въ волостномъ судѣ не получила сколько-нибудь удовлетворительной постановки; компетенція же его, какъ въ области дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, значительно расширена, чѣмъ еще болѣе сужены гарантіи правильнаго суда для крестьянъ, и всѣ тяжбы и правонарушенія обыденной крестьянской жизни переданы на разрѣшеніе суда, устройство котораго нельзя назвать иначе, какъ совершенно примитивнымъ. Сама подсудность дѣлъ волостному суду опредѣляется не характеромъ только поступка, но и принадлежностью обвиняемаго или потерпѣвшаго къ тому или иному сословію, такъ что за одинъ и тотъ же поступокъ и даже одно и то же лицо въ зависимости только отъ того, противъ кого имъ совершено преступленіе, можетъ быть судимо различнымъ судомъ и присуждаемо къ совершенно различнымъ наказаніямъ. Такъ, напримѣръ, высшая мѣра наказанія, налагаемаго волостнымъ судомъ за кражу крестьяниномъ

[1]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А Маклакова.
[2]) *Суджанскій* у. к., докл. ревизіонной комиссіи.
[3]) *Воронежскій* у. к., докл. комиссіи.
[4]) *Бирскій* у. к.; докл. С. П. Балаховцева. Срв. *Козловскій* у. к., докладъ Ф. Н. Плевако.

у крестьянина—15-ти-дневный арестъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ 30-ти-дневный (ст. 38 врем. прав. о вол. судѣ), тогда какъ за кражу у лицъ другихъ сословій земскій начальникъ можетъ подвергнуть виновнаго тюремному заключенію до 6-ти мѣсяцевъ (ст. 169 уст. о наказ.). При этомъ необходимо замѣтить, что при существующемъ порядкѣ иногда отъ произвола потерпѣвшаго зависитъ, подвергнуть-ли обвиняемаго въ кражѣ 15-ти-дневному аресту, или 6-ти мѣсячному тюремному заключенію, такъ какъ лицамъ привилегированныхъ сословій предоставлено право предъявлять уголовныя обвиненія, по ихъ усмотрѣнію, у земскаго начальника или въ волостномъ судѣ. Врядъ-ли можно оспаривать нежелательность порядка, допускающаго подобный произволъ.

Съ совершенно такою же зависимостью наказуемости правонарушенія отъ подсудности его земскому начальнику или волостному суду, мы встрѣчаемся и въ другихъ случаяхъ,—напр., въ случаѣ мошенничества (ст. 177 уст. о нак. и ст. 38 врем. правилъ).

Еще болѣе поразительнымъ представляется отнесеніе къ уголовно-правовой компетенціи волостныхъ судовъ, на ряду съ кражей и присвоеніемъ чужого имущества, мотовства и пьянства, разстраивающихъ хозяйство, и нарушенія условій сельско-хозяйственнаго найма (ст. 38, п. 2 врем. прав.), т. е. такихъ поступковъ, которые для лицъ всѣхъ другихъ сословій, не составляя вовсе дѣяній, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія, входятъ въ область гражданскихъ правонарушеній, или даже просто нравственныхъ нарушеній, и не могутъ ни въ какомъ случаѣ влечь за собою преданія уголовному суду [1]).

Независимо отъ чрезмѣрной широты компетенціи волостныхъ судовъ, въ связи съ совершеннымъ отсутствіемъ правильнаго въ нихъ судопроизводства, недостатки

---

[1]) Сводъ мнѣній *Епифанскаго* у. к.; *Орловскій* у. к.; *Московскій* губ. к., докладъ 18 членовъ.

крестьянской юстиціи усугубляются крайне неудовлетворительнымъ личнымъ составомъ волостныхъ судовъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ волостные судьи полуграмотны. Вліяніе на нихъ иногда единственнаго твердо грамотнаго человѣка, волостного писаря, громадно, а что не всегда это вліяніе направлено къ строго надлежащему, правильному рѣшенію дѣла, доказывать тѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ волостными судами, не приходится. Далѣе, случаи подкупа, рѣшенія дѣлъ за водку встрѣчаются сплошь и рядомъ. Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что иногда волостные суды рѣшаютъ дѣла, по цѣнѣ далеко превышающія не только компетенцію призванныхъ наблюдать за ними земскихъ начальниковъ, но и уѣзднаго члена суда, притомъ дѣла очень сложныя, особенно по наслѣдованію [1]).

По словамъ одного изъ докладовъ, неуваженіе крестьянъ къ своему сословному волостному суду, вызывается крайне неудовлетворительнымъ подборомъ волостныхъ судей. На эту должность крестьяне смотрятъ не какъ на важную и почетную, а какъ на одну изъ неизбѣжныхъ повинностей.

Всѣ крестьяне, приглашенные въ уѣздный комитетъ (Красноярскій) единогласно высказались, что въ волостные судьи выбираютъ самыхъ малоспособныхъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ приводили даже сложившіяся въ уѣздѣ у крестьянъ поговорки: «въ судьишкахъ проболтается», или «судьи, что чурки» [2]).

Неудовлетворительность личнаго состава волостныхъ судовъ объясняется въ значительной мѣрѣ крайне зависимымъ, подчиненнымъ положеніемъ волостного судьи, надъ которымъ «царитъ опека земскаго начальника, имѣющаго право каждую минуту по своему личному усмотрѣнію посадить народнаго судью въ арестантскую». Естественно, что при такихъ условіяхъ лучшіе элементы изъ крестьянъ бѣгутъ отъ выборныхъ должностей; на

[1]) *Орловскій* у. к.
[2]) *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольпа.

крестьянскую службу идутъ худшіе люди, способные на угодничество и униженіе предъ сельскимъ начальствомъ [1]).

Не многимъ лучше волостного суда судъ земскихъ начальниковъ. Обиліе лежащихъ на нихъ административныхъ обязанностей, плохая ихъ юридическая подготовка, невольно пріобрѣтенная привычка къ административнымъ пріемамъ дѣйствія, взглядъ на тяжущихся, какъ на своихъ подчиненныхъ—дѣлаютъ изъ земскаго начальника плохого судью. Ошибочныя рѣшенія ихъ недостаточно исправляются съѣздомъ, а при отсутствіи контроля сената остаются такими-же и въ губернскихъ присутствіяхъ. Какъ бы ни смотрѣть на институтъ земскихъ начальниковъ съ точки зрѣнія административной, какъ органъ судебный, онъ уронилъ довѣріе населенія къ суду и закону [2]).

Независимо отъ существенныхъ своихъ недостатковъ, судъ земскаго начальника никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ скорымъ, дешевымъ и близкимъ къ населенію судомъ: въ участкѣ земскаго начальника проживаетъ отъ 30 до 50 тысячъ жителей, и тяжущимся, и свидѣтелямъ ради ничтожнаго дѣла приходится являться за 15—20 верстъ въ камеру земскаго начальника, а въ съѣзды и еще значительно далѣе; производство тянется иногда цѣлыми годами, причемъ расходы на веденіе дѣла превышаютъ иногда размѣры самого иска [3]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса объ организаціи земскихъ судовъ, уѣздные комитеты къ единогласному мнѣнію не приходятъ.

Тѣ изъ нихъ, которые считаютъ необходимымъ сохраненіе обычнаго, хотя бы и кодифицированнаго, права, стоятъ за сохраненіе волостныхъ судовъ, подъ условіемъ ихъ коренной реорганизаціи, и, въ частности, освобо-

---

[1]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.

[2]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова. Срв. выводы *Звенигородскаго* у. к.

[3]) *Трубчевскій* у. к.

жденія ихъ изъ-подъ опеки земскихъ начальниковъ. Съ этою цѣлью необходимо, по мнѣнію одного изъ комитетовъ, при сохраненіи настоящаго порядка выборовъ волостнаго суда, утвержденіе въ должности всѣхъ судей, а не одного только предсѣдателя, возложить на съѣздъ; во время нахожденія въ должности, судьи должны быть подвергаемы дисциплинарнымъ взысканіямъ, по ст. 62 полож. о земск. нач., лишь по опредѣленію съѣзда, а не земскаго начальника; не слѣдуетъ примѣнять къ судьямъ ст. 61 пол., по которой наказаніе налагается простымъ распоряженіемъ земскаго начальника, но желательно полное разбирательство дѣла съ примѣненіемъ 29 ст. уст. о нак. Необходимо также измѣненіе порядка подачи жалобъ на постановленія волостнаго суда, а именно: для рѣшеній въ неокончательной формѣ оставить настоящій порядокъ, а для окончательныхъ рѣшеній установить порядокъ кассаціонный [1]).

При обсужденіи вопроса объ организаціи волостныхъ судовъ неоднократно высказывалась мысль о необходимости поставить эти суды въ непосредственную іерархическую связь съ организаціей общихъ судебныхъ установленій [2]).

Такъ, напримѣръ, апелляціонной инстанціей для волостныхъ судовъ долженъ бы служить съѣздъ мировыхъ судей, кассаціонной—окружный судъ [3]); по другому, врядъ-ли осуществимому, мнѣнію, кассаціонной инстанціей для волостныхъ судовъ, какъ и для всякихъ другихъ, долженъ служить правительствующій сенатъ [4]).

Въ противоположность вышеприведеннымъ мнѣніямъ, нѣкоторые уѣздные комитеты высказываются рѣшительнымъ образомъ въ пользу совершеннаго упраздненія волостныхъ судовъ. Судъ долженъ быть независимымъ и

---

[1]) Сводъ постановленій *Нижегородскаго* у. к. Срв. *Ельнинскіи* у. к., докладъ Н. Н. Опочинина.

[2]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи; *Бирскій* у. к., докладъ С. П. Балахонцева; *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова; *Осинскій* у. к., докладъ Е. И. Каштымова и др.

[3]) *Бирскій* у. к., докладъ С. П. Балахонцева.

[4]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова.

равнымъ для всѣхъ, безсословнымъ и выборнымъ, рѣшающимъ дѣла на основаніи строго опредѣленныхъ законовъ; именно потому сословные суды должны быть упразднены и, вмѣстѣ съ ними, должны исчезнуть опредѣленія подсудности по сословнымъ отличіямъ [1]). Крестьянское населеніе должно быть подчинено общимъ судебнымъ установленіямъ съ отмѣной исключительныхъ въ этомъ отношеніи законовъ [2]).

Упраздненіе нынѣшняго сословнаго волостного суда должно повлечь за собою, по мнѣнію нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ, учрежденіе низшаго доступнаго населенію суда, общаго для всѣхъ сословій, входящаго въ составъ общаго судебнаго управленія и вполнѣ независимаго отъ администраціи [3]). Такой судъ долженъ бы дѣйствовать въ предѣлахъ небольшого района, не превышающаго размѣромъ средняго церковнаго прихода, представляя собою коллегію изъ лучшихъ мѣстныхъ людей всѣхъ, безъ различія, сословій [4]). По своему устройству онъ долженъ бы приближаться къ типу дѣйствующаго успѣшно болѣе 25 лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ гминнаго суда, состоящаго изъ мѣстныхъ жителей, въ качествѣ засѣдателей при коронномъ судьѣ [5]).

По мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ уѣздныхъ комитетовъ,—наряду съ преобразованными волостными судами, или вмѣсто нихъ, долженъ быть возстановленъ институтъ мировой юстиціи на выборномъ началѣ. Возвращеніе къ мировому институту, оставившему по себѣ въ населеніи глубокое и доброе воспоминаніе, явилось бы лучшимъ исходомъ изъ нынѣшняго положенія вещей [6]). Реформа

[1]) *Орловскій* у. к.; *Новгородскій* губ.к., коллективный докладъ предсѣдателя и членовъ *Новгор.* губ. з. у. и др.

[2]) *Боровичскій* у. к.; *Новоторжскій* у. к.

[3]) *Тихвинскій* у. к. Срв. проектъ волостного суда, предлагаемый *Ардатовскимъ* у. к.

[4]) *Трубчевскій* у. к.

[5]) *Елецкій* у. к.; *Трубчевскій* у. к.; *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольпа.

[6]) *Орловскій* у. к.; *Боровичскій* у. к.; *Устюжскій* у. к.; *Рузскій* у. к.; *Судженскій* у. к. и мн. др.; *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи; *Звенигородскій* у. к., докладъ Балахонцева; *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольпа.

судостройства должна заключаться въ полномъ возстановленіи судебныхъ уставовъ 64 г., въ ихъ первоначальной редакціи. Настоятельно необходимо и особенно важно возстановить выборный мировой судъ и компетенцію суда присяжныхъ. Лишь судоустройство на началахъ судебныхъ уставовъ дѣйствительно обезпечиваетъ правосудіе и въ то же время воспитываетъ населеніе въ духѣ уваженія къ закону и основаннымъ на немъ правамъ [1]).

V.

Если законность является *формальной* основой правомѣрнаго государственнаго и общественнаго строя, то наличность гражданскихъ и публичныхъ правъ у населенія является его *матеріальной* основой.

По самому характеру своей задачи останавливаясь, по преимуществу, на *нуждахъ деревни*, уѣздные комитеты естественно особенное вниманіе посвящаютъ вопросу о безправіи крестьянской массы, лишенной даже тѣхъ «минимальныхъ правъ личной свободы, какими пользуются у насъ другія сословія» [2]).

Отсюда—столь всеобщее въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ требованіе *уравненія правъ крестьянъ съ правами другихъ сословій* [3]).

---

[1]) *Новгородскій* губ. к., коллективный докладъ членовъ *Новгород.* губ. з. у. и др.

[2]) *Лебедянскій* у. к.

[3]) *Козловскій, Моршанскій, Усманскій, Весьегонскій, Зубцовскій, Старицкій, Рузскій, Епифанскій, Звенигородскій, Нижегородскій, Кузнецкій, Новомосковскій, Опочецкій, Балашовскій, Грязовецкій, Лебедянскій, Мензелинскій, Курганскій, Бирскій, Новоторжскій, Рыбинскій, Новоузенскій, Елецкій, Подольскій* губ. и мн. др. Срв. *Новгородскій* губ. к., докладъ *Новгор.* губ. з. у. и др. *Новоторжскій* у. к., докладъ Кулябки. *Красноярскій* у. к., докладъ Е. П. Шольпа. *Суджанскій* у. к., докладъ редакц. комиссіи, *Московскій* губ. к., докладъ 18 членовъ. *Тверской* губернскій комитетъ, докладъ *Тверской* губ. *Тихвинскій* у. к., докладъ Богданова. *Грязовецкій* у. к., докладъ Брянчанинова. *Кирилловскій* у. к., докладъ Тютрюмова. *Мензелинскій* у. к., докладъ Дубинина. *Тульскій* губ. к., докладъ *Тульск.* губ. з. у. *Балахнинскій* у. к., докладъ Килевейна. *Житомірскій* у. к., докладъ

Собственно говоря, требованіе «уравненія въ правахъ» является только новой формулировкой извѣстнаго уже намъ требованія «отмѣны административной опеки».

«Уравненіе въ правахъ» понимается комитетами въ самомъ широкомъ смыслѣ,—и, прежде всего, въ смыслѣ уничтоженія тѣхъ «остатковъ крѣпостного права», которыми такъ богата крестьянская жизнь. По мысли комитетовъ, безправіе крестьянина создается тяготѣющей надъ нимъ системой административной и общественной опеки. Чѣмъ послѣдовательнѣе проводится эта система, тѣмъ меньше у крестьянина правъ. Отсюда—то богатство содержанія «деклараціи правъ *крестьянина* и человѣка», съ которымъ мы встрѣчаемся въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ.—Право на семейную независимость, право на временныя отлучки и переселенія, на свободу промысловъ и занятій, право на честь, право на личную неприкосновенность, право на судебную защиту своихъ правъ, право на образованіе, отмѣна спеціальной наказуемости такихъ дѣяній, которыя, по отношенію къ другимъ сословіямъ, не признаются уголовно-наказуемыми,—таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе понятія «уравненія въ правахъ», требуемаго для крестьянъ уѣздными комитетами.

О нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ мы говорили уже выше. Право на семейную независимость предполагаетъ отмѣну закона о семейныхъ раздѣлахъ; право на передвиженіе—отмѣну предоставленнаго положеніемъ 1894 г. домохозяину и обществу права отказывать крестьянамъ въ выдачѣ паспортовъ, или требовать возвращенія ихъ къ мѣсту приписки; право на переселеніе—отмѣну крайне-стѣснительныхъ переселенческихъ пра-

---

Шестакова. *Вятскій* губ. к., докладъ *Вятской* губ. з. у. *Симбирскій* губ. к., докладъ *Симбирской* губ. з. у. *Ардатовскій* у. к., докладъ юридич. комиссіи. *Курмышскій* у. к., докладъ I комиссіи. *Симбирскій* у. к., докладъ кн. С. М Баратаева. *Осинскій* у. к., докладъ Е. И. Кыштымова и др. *Тамбовскій* губ. к., докладъ А. Д. Брюхатова. *Борисоглѣбскій* у. к., докладъ А. Я. Измайлова. *Моршанскій* у. к., докладъ Ю. Н. Новосильцева и др.

вилъ. О личной неприкосновенности крестьянъ не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока земскіе начальники и крестьянскія власти обладаютъ правомъ наложенія внѣ-судебнымъ порядкомъ административныхъ взысканій на крестьянъ, а равно до тѣхъ поръ, пока допускается административная ссылка крестьянъ по приговорамъ общества [1]).

Право на образованіе предполагаетъ, прежде всего, устраненіе административныхъ преградъ къ распространенію всякаго рода просвѣтительныхъ средствъ. До тѣхъ поръ пока для крестьянъ существуетъ особая система образованія, особыя библіотеки, особыя народныя чтенія,—всеобщность образованія является неосуществимой [2]).

Говоря объ «уравненіи въ правахъ», уѣздные комитеты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на нѣкоторыхъ правоограниченіяхъ крестьянъ строго сословнаго характера.

Такъ, по дѣйствующему крестьянскому праву, обученіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, занятіе должности по государственной службѣ, занятіе торговлей на правахъ купца требуетъ для крестьянина выписки изъ сельскаго общества при обязательномъ отказѣ отъ права на надѣльную землю.

Такимъ образомъ, изъ крестьянъ со всѣмъ своимъ потомствомъ выходятъ лучшіе элементы,—тѣ, которые своей культурностью, матеріальными средствами или знаніемъ жизни могли бы способствовать развитію своихъ односельчанъ [3]). Подобный порядокъ вещей свидѣтельствуетъ о такомъ взглядѣ на крестьянъ, при которомъ принадлежность къ крестьянскому сословію признается настолько унижающею человѣка, что онъ является недостойнымъ войти въ среду лицъ, занимающихъ даже самыя незначительныя ступени служебной лѣ-

---

[1]) *Ардатовскій* у. к. Объ административной ссылкѣ по приговорамъ общества см. *Тихвинскій* у. к.

[2]) *Новоторжскій* у. к.; *Лохвицкій* у. к.; *Юхновскій* у. к.; *Нижегородскій* у. к.; *Кузнецкій* у. к.; *Новомосковскій* у. к. и мн. др.

[3]) Ср. мнѣнія *Епифанскаго* у. к.

спицы, или къ нимъ приготовляющихся; взглядъ этотъ, впрочемъ, имѣетъ еще болѣе важное значеніе въ томъ отношеніи, что содѣйствуетъ изъятію изъ крестьянства элементовъ наиболѣе выдающихся и культурныхъ [1]). Весьма непослѣдовательно жаловаться на то, что молоко жидко, послѣ того, какъ съ него тщательно сняты сепараторомъ всѣ сливки [2]). Свобода занятій, свобода выбора профессіи безусловно требуетъ предоставленія крестьянамъ права обученія, гдѣ угодно, занятія какихъ-угодно должностей, безъ необходимости выходить изъ крестьянства, безъ потери права на надѣльную землю [3]).

Разсматривая, съ точки зрѣнія уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, вопросъ о спеціальной наказуемости нѣкоторыхъ, совершаемыхъ крестьянами, дѣяній (мотовство, пьянство), уѣздные комитеты справедливо усматриваютъ въ такой наказуемости ничѣмъ не оправдываемое умаленіе правъ и, слѣдовательно, ограниченіе свободы, спеціально устанавливаемое законодателемъ для лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются уѣздные комитеты на вопросѣ объ уголовной наказуемости расторженія крестьянами договора о наймѣ на сельскохозяйственныя работы. По положенію 12 іюня 1886 г., рабочій за досрочный уходъ съ работы подлежитъ, по усмотрѣнію работодателя, либо уголовному наказанію, либо гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки. Гражданская отвѣтственность за нарушеніе договора найма, конечно, вполнѣ понятна; наоборотъ, уголовная репрессія ничѣмъ не можетъ быть объяснена, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ невыполненія условій найма со стороны нанимателя (задержка денегъ, плохая пища и т. д.) послѣдній

---

[1]) *Московскій* губ. к., записка 18 членовъ.
[2]) *Новоторжскій* у. к. Срв. *Рузскій* у. к., докладъ А. И. Цыбульскаго.
[3]) *Елецкій* у. к., программа доклада юрид. комиссіи.

уголовной отвѣтственности не несетъ [1]). Введенная положеніемъ 1886 г. и оставленная въ проектѣ новаго закона 1899 г., уголовная отвѣтственность за неисполненіе договора найма должна быть отмѣнена какъ по тому, что подобная репрессія искажаетъ общіе принципы гражданскихъ договорныхъ отношеній, такъ и по тому, что практически опытъ примѣненія положенія 1886 г., даже по оффиціальнымъ даннымъ («Сборникъ заключеній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру положенія 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы»), не привелъ ни къ какимъ результатамъ, кромѣ обостренія въ отдѣльныхъ случаяхъ отношеній между нанимателями и рабочими [2]). Конечно, частно-владѣльческія хозяйства нуждаются въ умѣлыхъ, интенсивно-работающихъ и соблюдающихъ договоры рабочихъ; но никакіе, хотя бы самые строгіе, законы не могутъ обезпечить частныхъ владѣльцевъ такими рабочими, пока не измѣнится общее положеніе крестьянъ, ибо наиболѣе важной причиной неудовлетворительности сельско-хозяйственныхъ рабочихъ является, прежде всего и главнымъ образомъ, низкій культурный уровень нашего крестьянства [3]).

Переходя отъ спеціально-крестьянскихъ преступленій къ спеціально-крестьянскимъ наказаніямъ, уѣздные комитеты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на вопросѣ о тѣлесномъ наказаніи,—«о жестокомъ и развращающемъ наказаніи розгой» [4]). Тѣлесное наказаніе является прямымъ отрицаніемъ права на честь, на человѣческое достоинство крестьянина [5]). Примѣняемое только «къ крестьянамъ и преступникамъ», тѣлесное наказаніе

---

[1]) *Епифанскій* у. к.; *Малоархангельскій* у. к.; *Тихвинскій* у. к.; *Орловскій* у. к.; *Нижегородскій* у. к. и др. Срв. *Кирилловскій* у. к., докладъ А. М. Тютрюмова.

[2]) *Епифанскій* у. к.

[3]) *Грязовецкій* у. к., докладъ В. Н. Брянчанинова. Срв. *Лохвицкій* у. к.; *Звенигородскій* у. к.; *Харьковскій* у. к., докладъ предсѣдателя и др. Contra-*Гжатскій* у. к.

[4]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова. Срв. *Симбирскій* губ. к., записка *Симбирской* губ. з. у.

[5]) *Курганскій* у. к.

является въ настоящее время какимъ-то «непонятнымъ анахронизмомъ» [1]). Для того, чтобы поднять личность крестьянина, необходимо освободить его отъ возможности нести такія наказанія, которыя для другихъ сословій, какъ явно позорныя, не установлены [2]). При недостаточной самостоятельности волостныхъ судовъ и нерѣдко неразвитости судей тѣлесное наказаніе является ужаснымъ средствомъ для уничтоженія въ лучшихъ лицахъ крестьянскаго сословія человѣческаго достоинства и самостоятельности, безъ которыхъ одинаково немыслимы какъ разумная и плодотворная хозяйственная дѣятельность, такъ равно развитіе въ населеніи твердыхъ нравственныхъ и культурныхъ началъ [3]).

Возставая противъ тѣлесныхъ наказаній, одинъ изъ комитетовъ цитируетъ выдержку изъ мотивовъ Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи въ 1864 г. уст. о наказ., налаг. мир. суд.: «Тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служитъ еще болѣе вѣрною охраною общества отъ преступленія, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія» [4]).

Констатируя фактъ прогрессирующаго уменьшенія числа случаевъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, нѣкоторые уѣздные комитеты усматриваютъ въ этомъ фактѣ неопровержимое доказательство современной недопустимости тѣлесныхъ наказаній съ точки зрѣнія болѣе разви-

---

[1]) *Суджанскій* у. к., докладъ редакціонной комиссіи, *Рузскій* у. к., докладъ А. И. Цыбульскаго; *Хвалынскій* у. к.

[2]) *Рязанскій* у. к., докладъ Н. И. Родзевича. Съв. резолюціи *Пермскаго* губ. к.; *Борисоглѣбскій* у. к.; *Лебедянскій* у. к.; *Усманскій* у. к.; *Гаисинскій* у. к.

[3]) *Кирилловскій* у. к., докладъ А. М. Тютрюмова; *Симбирскій* у. к., докладъ С. М. Баратаева; *Тамбовскій* губ. к., докладъ Л. Д. Брюхатова.

[4]) *Епифанскій* у. к.

таго правосознанія и, слѣдовательно, безусловной необходимости ихъ окончательной и полной отмѣны [1]).

Требуя для крестьянъ «уравненія въ правахъ» съ другими сословіями въ области, такъ называемыхъ, правъ свободы (*«негативнаго статуса»*, по терминологіи Еллинека), уѣздные комитеты, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуютъ равноправности для крестьянъ и въ области правъ политическихъ,—въ частности, въ области избирательнаго права.

Выборное начало въ крестьянскомъ законодательствѣ проведено крайне несовершенно, и нельзя въ этомъ несовершенствѣ не видѣть признака неполноправія крестьянина. Во первыхъ, совершенно непонятно существованіе въ законѣ ст. 119 общ. пол. о крест., запрещающей крестьянину отказываться отъ должности, на которую онъ избранъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ указанныхъ въ законѣ уважительныхъ причинъ отказа. Во вторыхъ, нежелательнымъ является умаленіе выборнаго начала относительно волостныхъ судей (ст. 2-ая врем. прав. о вол. суд.) и стѣснительное иногда въ этомъ отношеніи требованіе, чтобы судьи были, по возможности, грамотными (?). Въ третьихъ, значительный шагъ назадъ сдѣланъ былъ положеніемъ о земск. учр. 1890 г. въ порядкѣ выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ, когда 51 ст. полож. дала губернатору право утверждать гласными отъ сельскихъ обществъ въ среднемъ не болѣе половины числа гласныхъ, избранныхъ на волостныхъ сходахъ; впослѣдствіи самостоятельное выборное право крестьянъ было еще болѣе ограничено предоставленіемъ земскимъ начальни-

---

[1]) *Епифанскій* у. к.; *Лебедянскій* у. к.; *Тихвинскій* у. к.; *Боровичскій* у. к.; *Малоархангельскій* у. к.; *Орловскій* у. к.; *Нижегородскій* у. к. и мн. др. *Тульскій* губ. к.; записка *Тульской* губ. з. у. Въ *Тульской* губ. число приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи утвержденныхъ земскими начальниками, распредѣляется по годамъ слѣд. образомъ:

1891 г.—494.	1894 г.—222.	1897 г.—60
1892 г—570.	1895 г.—182.	1898 г.—88.
1893 г.—329.	1896 г.—104.	1899 г.—75.

камъ и предводителю дворянства права рекомендаціи гласныхъ изъ крестьянъ изъ общаго числа выбраныхъ [1]).

Требуя для крестьянъ уравненія въ правахъ съ другими сословіями, уѣздные комитеты, естественно, не могли не остановиться на обсужденіи вопроса о правовомъ положеніи тѣхъ самыхъ «другихъ сословій», объ уравненіи съ которыми крестьянъ у нихъ шла рѣчь.

Отсюда—на ряду съ требованіемъ уравненія въ правахъ крестьянъ, другое, неразрывно связанное съ нимъ, требованіе предоставленія и другимъ сословіямъ тѣхъ правъ, безъ которыхъ общественное существованіе и развитіе личности является невозможнымъ.

И въ вопросѣ о субъективныхъ публичныхъ правахъ—правахъ гражданина и человѣка—уѣздные комитеты силою необходимости оказываются вынужденными выйти изъ тѣсныхъ рамокъ оффиціально установленной программы. Условія деревенской жизни такъ неразрывно переплетаются съ условіями жизни общерусской, что нѣтъ никакой возможности, касаясь первыхъ, не коснуться вторыхъ.

Въ частности, отсутствіе правовой обезпеченности, гарантій неприкосновенности личныхъ правъ воздвигаетъ многочисленныя стѣсненія на пути естественнаго вліянія болѣе культурнаго слоя населенія на деревенскую жизнь.

Всякая попытка культурнаго человѣка жить въ деревнѣ и сблизиться съ народомъ, вслѣдствіе полицейской точки зрѣнія на вещи, признается подозрительной, а при существованіи закона объ охранѣ, и небезопасной [2]).

Изъ совокупности субъективныхъ публичныхъ правъ уѣздные комитеты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на категоріи, такъ называемыхъ *правъ свободы*. Понятно почему: система административной опеки, противъ которой и направлена, главнымъ образомъ, критика комитетовъ, является необходимымъ, и прямымъ отрица-

---

[1]) *Епифанскій* у. к. Срв. *Малоархангельскій* у. к.; *Орловскій* у. к.; *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова; *Бузулукскій* у. к.; *Дорогобужскій* у. к.

[2]) *Звенигородскій* у. к.; докладъ В. А. Маклакова.

ніемъ, именно, этой категоріи правъ. Безгранично расширяя сферу административнаго усмотрѣнія, система эта соотвѣтственно суживаетъ сферу автономіи личности, ея независимости отъ административныхъ воздѣйствій.

Наши привиллегированныя сословія, читаемъ мы въ одной изъ записокъ, какъ въ совокупности, такъ и въ отдѣльныхъ лицахъ, лишены многихъ необходимыхъ условій самоопредѣленія и самодѣятельности. Еще до сего времени все лучшее, желающее работать на пользу общаго блага, встрѣчается у насъ администраціей съ недовѣріемъ и нерѣдко враждебно. Для правильной общественной жизни необходимо право собраній, подачи петицій, свободы слова и вѣроисповѣданія, освобожденіе открыто составляемыхъ и публично работающихъ просвѣтительныхъ обществъ и кружковъ отъ запрещеній и произвола администраціи. Дарованіе всѣхъ этихъ правъ населенію можетъ создать необходимыя условія для хозяйственной и просвѣтительной самодѣятельности и въ корнѣ подорветъ возникновеніе тайныхъ и нелегальныхъ сообществъ и кружковъ [1]).

Само собою разумѣется, что перечисленный въ цитированномъ докладѣ каталогъ правъ исчерпывающаго характера не имѣетъ.

Такъ, многіе уѣздные комитеты, въ ряду, такъ называемыхъ, правъ свободы, первое мѣсто отводятъ *праву на личную неприкосновенность*.

Необходимо безусловное проведеніе въ жизнь, безъ всякихъ исключеній, ст. 1-й уст. угол. судопр., согласно которой можно быть наказаннымъ *только* за преступленіе и *только* по суду [2]); необходимо опредѣлить законодательнымъ порядкомъ, что никто не можетъ быть лишенъ личной свободы и имущества иначе, какъ по судебному приговору; при чемъ законъ этотъ не долженъ подвергаться ни при какихъ условіяхъ никакимъ ограниченіямъ. Онъ долженъ распространяться на лицъ всѣхъ

---

[1]) *Кирилловскій* у. к., докладъ А. М. Тютрюмова.
[2]) *Звенигородскій* у. к.

сословій и состояній, ибо личная неприкосновенность, въ указанной мѣрѣ, не можетъ быть привилегіей только нѣкоторыхъ категорій лицъ, а должна быть непремѣннымъ достояніемъ каждой отдѣльной личности [1]). На всѣ сословія долженъ быть распространенъ общій, безъ всякихъ ограниченій законъ: «никто не можетъ быть лишенъ личной свободы и имущества безъ распоряженія судебной власти, подъ опасеніемъ уголовной и имущественной за то отвѣтственности» [2]). Признавая, что личная самодѣятельность ограждается только закономъ и отвѣтственностью предъ судомъ, а не усмотрѣніемъ административныхъ и полицейскихъ властей, одинъ изъ комитетовъ постановляетъ ходатайствовать, чтобы правительство сосредоточило все свое вниманіе на созданіи этихъ кардинальныхъ условій для русской личной и общественной жизни [3]). Для этой цѣли необходимо отмѣнить личное задержаніе и наложеніе запрета на имущество въ административномъ порядкѣ, уничтожить административныя кары, взысканія и ограниченія въ видѣ ареста, штрафа, высылки, отдачи подъ надзоръ полиціи и лишенія права участія въ общественной дѣятельности [4]).

Наряду съ правомъ на личную неприкосновенность, видное мѣсто въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ занимаетъ вопросъ о такъ называемой *союзной свободѣ*, т. е. о правѣ на образованіе *явочнымъ порядкомъ* всякаго рода союзныхъ единеній.

Само собою разумѣется, что, по характеру своей основной задачи, уѣздные комитеты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на условіяхъ возникновенія всякаго рода *хозяйственныхъ* союзовъ (т. н. кооперацій).

По мнѣнію комитетовъ, однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ развитію кооперацій является продолжительность

---

[1]) *Новгородскій* губ. к., докладъ *Новгородской* губ. земск. упр. и др.
[2]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.
[3]) *Новоторжскій* у. к.
[4]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.

и сложность мѣропріятій, необходимыхъ для ихъ учрежденія. Въ виду этого, желательно облегчить учрежденіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ, приравнять ихъ къ обыкновеннымъ товариществамъ, основываемымъ на началахъ договора, нотаріальнымъ порядкомъ [1]). Необходимо уничтожить многочисленныя затрудненія въ образованіи всякаго рода артелей, сельско-хозяйственныхъ союзовъ и т. п.; система предварительныхъ разрѣшеній, сопряженная со многими хлопотами и потерей времени, должна быть замѣнена системой явочной [2]).

Требованіе облегченія и упрощенія порядка учрежденія кооперацій, и, въ частности, замѣны разрѣшительной системы системою явочной, встрѣчается въ трудахъ значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ [3]). Весьма подробно вопросъ о развитіи кооперативнаго строя разсматривается въ постановленіяхъ *Псковскаго* у. к.; сущность этихъ постановленій сводится къ слѣдующему:

1) Кооперативное движеніе въ средѣ нашего сельскаго населенія можетъ не только оказывать поддержку личной иниціативѣ отдѣльныхъ хозяевъ, но служить и возбудителемъ такой иниціативы.

2) Необходимо пріурочить кооперативныя организаціи къ возможно мелкимъ территоріальнымъ единицамъ, хотя бы волостямъ, что не исключаетъ возможности, часто крайне важной, этимъ мелкимъ кооперацiямъ соединяться въ болѣе или менѣе крупные союзы.

3) Съ идеями кооперативнаго движенія необходимо знакомить самые широкіе круги населенія, путемъ изданія спеціальныхъ брошюръ, періодическихъ органовъ печати и приспособленія чтеній.

---

[1]) *Староконстантиновскій* у. к.

[2]) *Звенигородскій* у. к.

[3]) Кромѣ цитированныхъ выше, уѣздные комитеты: *Бендерскій, Хотинскій, Сорокскій, Бѣлецкій, Мелитопольскій, Двинскій, Семеновскій, Новомосковскій, Полтавскій, Псковскій, Островскій, Холмскій, Порховскій, Юхновскій, Ельнинскій, Винницкій, Брацлавскій* уѣздные комитеты *Пермской* губерніи и мн. др.

4) Высшія школы должны подготовлять сознательныхъ работниковъ въ области кооперативнаго движенія.

5) Безъ участія въ кооперативномъ движеніи деревни образованныхъ слоевъ населенія, нельзя надѣяться на сколько-нибудь широкое развитіе этого движенія.

6) Успѣхи кооперації зависятъ въ значительной степени отъ такой постановки представительства населенія въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, при которой экономическіе интересы населенія правильнѣе отражались бы въ составѣ гласныхъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время; для этой цѣли необходимо уменьшеніе имущественнаго при повышеніи умственнаго цензовъ.

7) Права сельско-хозяйственныхъ обществъ въ дѣлѣ развитія кооперативнаго движенія должны быть расширены.

8) Порядокъ учрежденія кооперацій долженъ быть явочнымъ.

Необходимо замѣтить, что уѣздные комитеты повидимому избѣгаютъ широкой постановки вопроса о союзномъ строѣ; такъ, они почти не касаются порядка образованія всякаго рода союзовъ и созыва собраній, не имѣющихъ исключительно хозяйственнаго характера. Можно, впрочемъ, указать на резолюцію болѣе общаго содержанія одного изъ комитетовъ, требующую «возможности объединенія и установленія солидарности между лицами и общественными единицами, находящимися въ одинаковомъ положеніи и имѣющими общіе интересы» [1]). Равнымъ образомъ, встрѣчается указаніе на необходимость предоставленія населенію «права свободнаго слова на общественныхъ собраніяхъ и права на открытіе общественныхъ собраній явочнымъ порядкомъ» [2]); наконецъ, касаясь вопроса о народномъ образованіи, многіе комитеты настоятельно требуютъ установленія явочнаго порядка

---

[1]) *Краснинскій* у. к.
[2]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.

для открытія всякаго рода просвѣтительныхъ обществъ и учрежденій.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются комитеты на вопросѣ о *свободѣ печати*.

Уже въ самомъ началѣ своихъ занятій, нѣкоторые комитеты, объявляя свои засѣданія публичными, коснулись при этомъ вопроса о значеніи *гласности* въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, по справедливому замѣчанію предсѣдателя *Рузскаго* уѣзднаго комитета, каковы бы ни были результаты добросовѣстнаго труда уѣздныхъ комитетовъ, самая публичность ихъ засѣданій имѣла несомнѣнное общественное значеніе; привлекая и заинтересовывая сравнительно многочисленную публику, эти засѣданія способствовали пробужденію въ средѣ мѣстныхъ обывателей общественныхъ интересовъ. Необходимо придавать гораздо большее значеніе проявленію общественности, общественной жизни на мѣстахъ, чѣмъ удовлетворенію ходатайствъ отдѣльныхъ комитетовъ [1]).

Само собою разумѣется, что съ разсматриваемой точки зрѣнія пробужденія общественнаго самосознанія—необходимость гласности, вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, необходимость свободы печати стоитъ внѣ всякаго спора.

Съ другой стороны, точно также внѣ всякаго спора—необходимость свободы печати, какъ могущественнаго орудія общественнаго контроля надъ дѣятельностью власти.

Стѣсненіе личной и общественной самодѣятельности, *правильнаго обмѣна идей, подавленіе общественной критики всякаго рода*, ограничительныя мѣры въ дѣлѣ народнаго образованія и развитія,—таковы первопричины настоящаго, болѣе чѣмъ печальнаго положенія дѣла; вывести на противоположный путь можетъ лишь довѣрчивое отношеніе правительственной власти къ народу и обществу съ предоставленіемъ ему полной возможности

---

[1]) Труды *Рузскаго* у. к., ч. I, стр. 54.

продуктивно работать въ цѣляхъ достиженія лучшаго будущаго [1]).

Чѣмъ полнѣе вся правительственная власть сосредоточивается въ бюрократическомъ механизмѣ, тѣмъ большій просторъ долженъ быть предоставленъ обществу заявлять о своихъ нуждахъ, обсуждать свои недуги. Полная свобода указывать въ печати на свои нужды, непорядки и злоупотребленія является необходимой поправкой къ бюрократическому всевластію. Но преобладаніе у насъ полицейской точки зрѣнія, опасеніе за престижъ власти, недовѣріе къ общественному мнѣнію и боязнь его, несмотря на кажущееся пренебреженіе имъ,—все это вызвало изъятіе, путемъ министерскихъ циркуляровъ, цѣлаго ряда вопросовъ изъ обсужденія ихъ въ печати. Въ результатѣ теряетъ власть, ибо лишается возможности, даже при добромъ, желаніи, хотя бы изъ печати знать нужды общества и подвиги своихъ низшихъ представителей. Не достигаютъ эти мѣры и своей цѣли, успокоенія умовъ, ибо стѣсненіе печати поощряетъ нелегальную и безотвѣтственную литературу, способствуетъ распространенію въ обществѣ самыхъ нелѣпыхъ слуховъ «изъ достовѣрныхъ источниковъ» и питаетъ довѣріе къ нимъ [2]).

Приведеніе въ исполненіе преобразовательныхъ реформъ возможно лишь при условіи самаго широкаго общественнаго контроля, для чего, какъ первое условіе, необходима полная свобода печати; она повлечетъ за собою мощный подъемъ общественнаго мнѣнія, общественной самостоятельности и общественной нравственности [3]).

Требованіе свободы печати,—въ смыслѣ отмѣны цензуры и распространенія на печать судебнаго режима—встрѣчается въ трудахъ значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ [4]). Когда въ одномъ изъ комитетовъ предсѣ-

---

[1]) Изъ записки *Мензелинскаго* город. головы.
[2]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова.
[3]) *Гайсинскій* у. к.
[4]) *Звенигородскій* у. к.; *Кузнецкій* у. к.; *Грязовецкій* у. к.; *Бирскій* у. к.; *Нижегородскій* у. к.; *Гайсинскій* у. к.; *Симферо-*

датель предложилъ ходатайствовать не о «свободѣ печати» вообще, а лишь о предоставленіи печати «большей свободы», комитетъ, полагая, что трудно опредѣлить границы возможной мѣры свободы, постановилъ ходатайствовать о полномъ освобожденіи печати отъ стѣснительныхъ административныхъ мѣропріятій. По мнѣнію комитета, слѣдуетъ всѣмъ и каждому предоставить право печатать все, что онъ пожелаетъ, подъ условіемъ отвѣтственности за написанное предъ судомъ [1]).

Кромѣ права на личную неприкосновенность, союзной свободы и свободы печати, уѣздные комитеты въ своихъ нуждахъ касаются, между прочимъ, и другихъ проявленій права свободы.

Такъ, напримѣръ, хотя, по вопросу о правѣ на передвиженіе, большинство уѣздныхъ комитетовъ останавливается по преимуществу или даже исключительно на сословно-крестьянскихъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ этого права, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ комитетовъ категорически требуютъ совершенной отмѣны паспортной системы и, слѣдовательно, полной свободы передвиженія для всѣхъ, безъ различія сословій.

По мнѣнію коммиссіи *Воронежскаго* у. к., въ числѣ другихъ правъ, необходимо признаніе логически-вытекающаго изъ свободы личности *права на свободу совѣсти*. Хотя право это, говоритъ комиссія, и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію комитетовъ, тѣмъ не менѣе именно въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ которомъ находится значительное количество сектантовъ-раскольниковъ, чувствуется больше всего необходимость отмѣны исключительныхъ по отно-

---

польскій у. к.; *Опочецкій* у. к.; *Лохвицкій* у. к. и др.; см. также *Новоторжскій* у. к., докладъ Кулябки; *Костромской* у. к., докладъ *Костромской* у. з. управы; *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи; *Суджанскій* у. к., доклады редакціонной комиссіи и П. Т. Волкова; *Грязовецкій* у. к., докладъ Брянчанинова; *Рязанскій* у. к., докладъ Дворжака; *Мензелинскій* у. к., докладъ гор. гол. Дубинина; *Царицынскій* у. к., докладъ К. Т. Туровскаго; *Тамбовскій* губ. к., докладъ Л. Д. Брюхатова.

[1]) *Звенигородскій* у. к.

шенію къ нимъ законовъ, неблагопріятно отражающихся на хозяйственныхъ нуждахъ этого разряда населенія.

Въ тѣсной связи съ требованіемъ свободы совѣсти стоитъ другое требованіе—*свободы національной рѣчи*. По мнѣнію комитетовъ, въ народныхъ школахъ необходимо вести преподаваніе на мѣстномъ народномъ языкѣ [1]); равнымъ образомъ, необходимо разрѣшить изданіе періодическихъ органовъ на языкѣ, родномъ населенію [2]).

Наряду съ правами свободы уѣздные комитеты касаются въ своихъ нуждахъ и другой категоріи субъективныхъ публичныхъ правъ, а именно, такъ называемыхъ, *политическихъ правъ*.

Сюда, по существу, относятся, прежде всего, всѣ вообще вопросы земскаго избирательнаго права, затронутые комитетами. Требуя безсословности земскихъ учрежденій или пониженія имущественнаго ценза, комитеты стремятся, по возможности, расширить кругъ лицъ, пользующихся земскимъ, активнымъ и пассивнымъ, избирательнымъ правомъ.

Сюда же, равнымъ образомъ, относятся довольно многочисленныя предположенія комитетовъ о привлеченіи населенія, въ той или иной формѣ, къ участію въ выработкѣ законопроектовъ, всѣхъ вообще или только касающихся интересовъ и потребностей, «пользъ и нуждъ» мѣстной жизни. Само собою понятно, что вопросы послѣдней категоріи могли быть затрагиваемы комитетами только мимоходомъ, и притомъ не съ *субъективной* точки зрѣнія, т. е. не съ точки зрѣнія политическихъ правъ населенія, а съ *объективной*, т. е. съ точки зрѣнія возможнаго участія народнаго элемента въ правительственномъ механизмѣ.

Въ многочисленныхъ докладахъ, дебатахъ и резолюціяхъ уѣздные комитеты развиваютъ мысль, между прочимъ высказанную бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на столѣтнемъ юбилѣе ввѣреннаго ему министерства: было-

[1]) *Лохвицкій* у. к.
[2]) *Новомосковскій* у. к.

бы «легкомысленнымъ сомнѣніемъ» полагать, что съ вопросами мѣстной реформы бюрократія можетъ справиться собственными силами; для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо прибѣгнуть къ «сокровищницѣ всѣхъ творческихъ духовныхъ силъ страны»...

Въ какой формѣ должно выразиться, по мнѣнію комитетовъ участіе «творческихъ силъ страны» въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, объ этомъ мы скажемъ ниже.

VI.

Требованія уѣздныхъ комитетовъ, выработанныя въ большинствѣ случаевъ въ сжатой и категорической формулировкѣ («упраздненіе системы административной опеки», «уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и т. под.»), не встрѣтили, какъ извѣстно, сочувствія въ средѣ большинства губернскихъ комитетовъ. Отрицательное отношеніе къ этимъ требованіямъ губ. комитетовъ объясняется, конечно, прежде всего, предсѣдательствованіемъ въ нихъ губернаторовъ, а затѣмъ отчасти и искусственнымъ подборомъ личнаго ихъ состава.

Главный упрекъ губ. комитетовъ по адресу комитетовъ уѣздныхъ заключается въ *безсодержательности* общей формулировки ихъ пожеланій.

Что такое огражденіе крестьянъ отъ административной опеки?—спрашиваетъ предсѣдатель *Симбирскаго* губ. комитета. Уравненіе правъ и огражденіе отъ опеки крестьянъ, все это, по его мнѣнію, общія пожеланія, не имѣющія прямой связи съ сельско-хозяйственной промышленностью и изложенныя въ такой общей формѣ, *что никакихъ выводовъ изъ нихъ сдѣлать нельзя.* И комитетъ «вполнѣ соглашается» съ мнѣніемъ предсѣдателя.

Позволительно думать, что все вышеизложенное является неопровержимымъ доказательствомъ совершенной несостоятельности упрековъ, дѣлаемыхъ уѣзднымъ

комитетамъ въ «безсодержательности ихъ пожеланій». За общей формулировкой этихъ пожеланій скрывается весьма содержательная и вполнѣ опредѣленная практическая программа, осуществленіе которой необходимо повлекло бы за собою коренное и всестороннее преобразованіе мѣстной жизни.

Уѣздные комитеты не ограничиваются, однако, установленіемъ основныхъ началъ проектируемыхъ ими преобразованій. Они идутъ дальше; они ставятъ вопросъ: при какихъ условіяхъ, какимъ путемъ эти преобразованія могутъ быть, дѣйствительно, осуществлены? Замѣчательной чертой комитетовъ является крайне скептическое отношеніе ихъ къ бюрократическому началу.

«Измѣненіе нашей внутренней политики въ смыслѣ возможнаго уничтоженія бюрократизма въ строѣ административныхъ учрежденій» является, по ихъ мнѣнію, необходимымъ условіемъ успѣшности всѣхъ, вообще, намѣченныхъ ими мѣропріятій [1]). Въ «чрезмѣрно сложномъ, централизованномъ, бюрократическомъ и дорого стоющемъ строѣ нашего государственнаго управленія въ ущербъ мѣстному самоуправленію» комитеты усматриваютъ одну изъ основныхъ причинъ «неблагополучія» мѣстной жизни [2]). Законодательная дѣятельность у насъ отстаетъ отъ жизни, а не идетъ наравнѣ съ ней; законъ часто превращается въ мертвую букву. Новые законы создаются въ бюрократическихъ кабинетахъ, при предположеніи, что выслушиваніе мнѣній тѣхъ, чьи нужды они должны удовлетворить, можетъ только повредить дѣлу [3]). Современное положеніе настолько серьезно, что, при всей своей доброжелательности и опытности, бюрократія не въ состояніи обнаружить ту жизненную чуткость, какая необходима въ дѣлѣ преобразовательныхъ реформъ [4]): неблагопріятное для народныхъ интересовъ направленіе финан-

---

[1]) *Харьковскій* у. к., докладъ предсѣдателя.
[2]) *Дорогобужскій* у. к.
[3]) *Смоленскій* у. к., зап. предсѣдателя.
[4]) *Кирилловскій* у. к., докладъ А. М. Тютрюмова.

совой политики, усиленіе системы административной опеки, мѣры, направленныя къ сохраненію за крестьянскимъ населеніемъ исключительнаго правового положенія, ограниченіе доступа населенія къ образованію,—всѣ эти явленія могли развиться только на почвѣ разобщенности между законодательною властью и мѣстными нуждами, какъ онѣ понимаются земскими дѣятелями. Необходимо, очевидно, осуществленіе въ жизни такихъ мѣръ, которыя гарантировали бы единство правительственной политики и мѣстныхъ интересовъ. Внѣ такихъ гарантій не можетъ существовать увѣренности въ томъ, что эта политика не будетъ развиваться въ противорѣчіи съ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ самоуправленія и съ интересами крестьянскаго хозяйства, и что всей созидательной дѣятельности земства не будетъ положенъ полный конецъ, какъ о томъ проникаютъ слухи и въ печать [1]).

По мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, необходимымъ условіемъ осуществленія преобразовательныхъ реформъ является, прежде всего, установленіе болѣе тѣсной, болѣе интенсивной связи между правительствомъ и земствомъ.

Въ какой формѣ можетъ и должна эта связь выразиться,—на этотъ вопросъ разные комитеты даютъ разный отвѣтъ.

Нѣкоторые комитеты довольствуются указаніемъ на необходимость расширенія и обезпеченія *права ходатайства*, принадлежащаго земствамъ. Мѣстные люди не могутъ опредѣлить въ точности все, въ чемъ они нуждаются, не могутъ однимъ рецептомъ гарантировать будущее свое благосостояніе, а потому, въ лицѣ своихъ учрежденій, они нуждаются не единовременно и случайно, а хронически въ правѣ свободно доводить о своихъ нуждахъ до свѣдѣнія высшаго правительства [2]). Необходимо предоставить всему населенію право свободно высказываться о своихъ нуждахъ, — непосредственно или чрезъ свои выборные органы, уѣздныя и губерн-

[1]) *Вятскій* губ. з., докладъ Вятской губ. земской управы.
[2]) *Ливенскій* у. к.

скія земскія собранія, заявляетъ [illegible], для того, чтобы правительство имѣло точныя свѣдѣнія о нуждахъ земской промышленности изъ первыхъ рукъ ¹).

Практическая безрезультатность земскихъ ходатайствъ является, однако, и въ глазахъ указанныхъ комитетовъ, достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ совершенной несостоятельности разсматриваемаго средства воздѣйствія мѣстнаго общественнаго мнѣнія на ходъ законодательныхъ работъ.

Поэтому, нѣкоторые комитеты считаютъ необходимымъ *предварительное представленіе законопроектовъ*, имѣющихъ отношеніе къ такъ наз., «мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ», *на заключеніе земскихъ собраній*. Законопроекты, имѣющіе связь съ интересами крестьянскаго и сельскаго, вообще, хозяйства, какихъ бы сторонъ этого хозяйства они ни касались, должны быть передаваемы на разсмотрѣніе и заключеніе губернскихъ земскихъ собраній ²). Необходимо сообщеніе на заключеніе земскихъ собраній и оглашеніе во всеобщее свѣдѣніе путемъ печати всѣхъ важнѣйшихъ законопроектовъ, затрагивающихъ съ той или иной стороны мѣстную жизнь ³). Для того, чтобы законодательная мѣра не явилась мертворожденнымъ дѣтищемъ и, вмѣсто блага, не внесла бы путаницы въ жизнь, въ высшей степени желательно, чтобы законопроекты, существенно затрагивающіе жизненные интересы населенія, предварительно ихъ превращенія въ положительный законъ, передавались на заключеніе въ губернскія земскія собранія. Голосъ мѣстныхъ людей, знающихъ мѣстную жизнь и руководящихъ интересами мѣстнаго населенія, не лишне выслушать и принять во вниманіе при разсмотрѣніи законодательнымъ учрежденіемъ законопроекта. Такой порядокъ не

---

¹) *Нижегородскій* у. к.; см. также *Опочецкій* у. к.; *Лебедянскій* у. к. выражаетъ пожеланіе, чтобы всѣ ходатайства губернскихъ земскихъ собраній принципіальнаго характера разсматривались въ Госуд. Совѣтѣ.

²) *Вятскій* губ. комитетъ; докладъ Вятской губ. з. у.

³) *Краснинскій* у. к.

умалитъ значенія законодательной власти и не уменьшитъ ея прерогативъ; напротивъ, онъ придастъ большую авторитетность закону, а, слѣдовательно, и законодательной власти, какъ отвѣчающей потребностямъ населенія [1]).

Нѣсколько дальше идутъ другіе комитеты. По ихъ мнѣнію, въ дѣлѣ законодательной реформы нельзя ограничиться мѣстнымъ опросомъ отдѣльныхъ земствъ. Возложенное на особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности дѣло представляется настолько отвѣтственнымъ и сложнымъ, что безусловно необходимо привлеченіе представителей отъ отдѣльныхъ земствъ въ составъ самого совѣщанія. Наибольшей гарантіей плодотворности и планомѣрности работъ совѣщанія можетъ быть лишь непосредственное участіе мѣстныхъ земскихъ людей въ его работахъ; необходимо, поэтому, вызвать въ особое совѣщаніе выбранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ представителей мѣстныхъ земствъ [2]). Всѣ предложенія, исходящія изъ уѣзда, должны быть проведены путемъ представительства въ особое совѣщаніе; желательно было бы имѣть здѣсь 1—2 представителей отъ губерніи, которые могли бы отстаивать предложенія, идущія отъ уѣздовъ [3]).

Для согласованія мнѣній, полученныхъ изъ разнообразныхъ мѣстностей и полученія безпристрастныхъ выводовъ было бы весьма полезно пригласить въ особое совѣщаніе представителей земствъ, которые, обладая вѣрнѣйшими свѣдѣніями о нуждахъ и потребностяхъ деревни и будучи заинтересованы въ ея дальнѣйшемъ развитіи, могли бы съ большею пользою намѣтить мѣры, какія необходимы и желательны для обновленія деревни [4]).

---

[1]) *Костромской* у. к.; докладъ Костромской у. з. упр. Срв. резол. *Козловскаго* у. к.

[2]) *Елецкій* у. к.

[3]) *Духовщинскій* у. к. Срв. также *Новоторжскій* у. к.; *Темниковскій* у. к.; *Зубцовскій* у. к.; *Тульскій* губ. к., докладъ Тульской губ. з. упр.; *Моршанскій* у. к., докладъ Ю. А Новосильцева; *Тверской* у. к., докладъ В. А. Унковскаго.

[4]) *Кирилловскій* у. к., докладъ А. М. Тютрюмова.

Указанный правительствомъ путь обращенія къ мѣстнымъ силамъ долженъ быть доведенъ до конца. Тѣ, у которыхъ правительство спрашиваетъ мнѣніе о сельскохозяйственныхъ нуждахъ на мѣстахъ, — тѣ же мѣстные элементы должны быть выслушаны и въ общихъ совѣщаніяхъ. Полезно и необходимо участіе выборныхъ отъ разныхъ сословій и мѣстностей въ всероссійскомъ совѣщаніи... [1]).

По мнѣнію одного изъ комитетовъ, весьма желательнымъ представляется образованіе въ составѣ совѣщанія отдѣльной комиссіи, съ приглашеніемъ въ нее представителей земства, для пересмотра земскихъ ходатайствъ, не получившихъ удовлетворенія и имѣющихъ отношеніе къ нуждамъ сельско-хозяйственной промышленности. По этимъ ходатайствамъ особое совѣщаніе получитъ освѣщеніе помѣстныхъ нуждъ населенія болѣе правильное, чѣмъ по спѣшнымъ работамъ комитетовъ съ ихъ случайнымъ составомъ [2]).

Какъ бы ни было организовано участіе земскихъ людей въ законодательныхъ работахъ—путемъ ли представленія законопроектовъ на обсужденіе собранія, или путемъ привлеченія земскихъ людей въ составъ законодательныхъ комиссій,—во всякомъ случаѣ, такое участіе необходимо предполагаетъ полную и безусловную свободу мнѣнія и слова.

По словамъ одного изъ докладовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительственная власть находитъ нужнымъ сама призывать къ совѣщанію земскихъ людей, сама спрашиваетъ ихъ, въ обязанность всякому должно быть поставлено не дипломатически-угодливое, но прямое и откровенное заявленіе своего мнѣнія, каково бы оно ни было. На дѣлѣ этого нѣтъ. Подозрительное отношеніе администраціи къ мнѣніямъ, съ ея политикой несогласнымъ, поспѣшное заподозрѣваніе ихъ благонамѣренности, въ связи съ дискреціонною властью, данной администраціи

[1]) *Воронежскій* у. к., докладъ комиссіи.
[2]) *Рузскій* у. к.

положеніемъ объ охранѣ, дѣлаетъ прямое высказываніе этихъ мнѣній не всегда безопаснымъ. Отсюда — вмѣсто откровеннаго и искренняго слова является малодушное умолчаніе о томъ, что можетъ навлечь непріятность. Вмѣсто помощи мнѣніемъ «за совѣсть» — дипломатическое молчаніе «за страхъ». Отъ этого теряетъ власть, ибо не узнаетъ истинныхъ нуждъ и желаній народа; развращается самое общество, ибо, вмѣсто благожелательной критики и честной помощи власти, въ немъ развивается пассивное недовольство и безплодное злорадство. Разладъ между властью и народомъ, создаваемый бюрократіей, все увеличивается, становится все тревожнѣй и его не заполнить одними полицейскими мѣрами [1]).

Разсмотрѣнныя нами выше предположенія уѣздныхъ комитетовъ, направленныя на установленіе возможно болѣе тѣснаго взаимодѣйствія между народомъ и властью, не выходятъ изъ рамокъ существующаго порядка вещей. Нѣсколько иной характеръ имѣютъ предположенія нѣкоторыхъ комитетовъ объ учрежденіи въ Россіи «центральной земской единицы» или представительнаго органа общероссійскаго земства. Такъ, по мнѣнію одного изъ комитетовъ, на-ряду съ мелкой, должна быть организована центральная земская единица для объединенія дѣятельности земской Россіи, выясненія и рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности всѣхъ земствъ [2]). Останавливаясь на необходимости устранить препятствія, мѣшающія правильному ходу земскихъ дѣлъ, другой комитетъ считаетъ болѣе всего важнымъ «установленіе общеземскаго органа изъ выбранныхъ отъ земства представителей, объединяющаго и направляющаго дѣятельность всѣхъ земствъ» [3]).

VII.

Мы познакомились на предыдущихъ страницахъ съ

---

[1]) *Звенигородскій* у. к., докладъ В. А. Маклакова.
[2]) *Бузулукскій* у. к.
[3]) *Мензелинскій* у. к. Срв. рез. *Череповецкаго* у. к.

программой преобразованій, предложенной прогрессивною частью уѣздныхъ комитетовъ.

Намъ предстоитъ теперь остановиться на вопросѣ: какова же программа, противопоставленная вышеизложенной, реакціонною частью комитетовъ?

Необходимо замѣтить, что по сравненію съ числомъ комитетовъ, обошедшихъ вовсе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, вопросъ объ основахъ правопорядка, число коснувшихся этого вопроса съ реакціонной точки зрѣнія, болѣе чѣмъ незначительно. Тѣмъ не менѣе, и на основаніи того—весьма скуднаго—матеріала, который имѣется въ нашемъ распоряженіи, можно составить себѣ общее представленіе о характерѣ и содержаніи политической программы, такъ называемой, «благомыслящей» части мѣстнаго общества.

Какъ нами указано уже выше, и реакціонные комитеты не отрицаютъ чрезвычайно тяжелаго положенія, въ которомъ находится нынѣ деревенская жизнь [1]). И по ихъ мнѣнію, устранить это положеніе возможно не иначе, какъ путемъ *радикальной* реформы существующаго правопорядка [2]).

Характеръ этой реформы всецѣло опредѣляется, конечно, характеромъ причинъ, создавшихъ настоящее положеніе вещей.

Главной причиной упадка деревни является *полный безпорядокъ и безвластіе*, царящіе въ ней, а также крайняя *распущенность* и *деморализованность* крестьянства [3]). Нынѣшнее поколѣніе крестьянъ выросло слабохарактерное, буйное, лѣнивое, вороватое, упрямое, трусливое въ одиночку, нахальное и неистовое, какъ звѣрь, въ толпѣ. Указанное явленіе въ свою очередь, со-

---

[1]) См. *выше* стр. 56.

[2]) Единственнымъ въ своемъ родѣ является заявленіе члена *Кузнецкаго* у. к., земскаго начальника А. С. Духовщикова: „я бы просилъ записать мое мнѣніе въ протоколъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какое отношеніе имѣетъ вопросъ о правахъ крестьянъ къ вопросу о нуждахъ сельск.-хоз. промышленности".

[3]) Заключенія *Чернскаго* у. к.

здается рядомъ крайне-неблагопріятныхъ для деревенской жизни условій. Сюда относится, прежде всего, распространеніе просвѣщенія въ народной массѣ.—До настоящаго времени народное образованіе не имѣло и не могло имѣть положительнаго вліянія на благосостояніе деревни, хотя бы уже потому, что мало-мальски грамотные въ деревняхъ не остаются жить, а идутъ въ города, на фабрики и заводы, въ писаря, въ конторщики по экономіямъ; землю же, свою родную кормилицу, бросаютъ и ищутъ болѣе легкую работу. Съ другой стороны, грамотные менѣе работоспособны и трудолюбивы; у нихъ менѣе развито чувство долга и, наоборотъ, развивается наклонность къ сутяжничеству. Грамотность побуждаетъ крестьянъ искать пути къ добыванію денегъ легкимъ путемъ, соблазняетъ ихъ къ безнравственнымъ поступкамъ [1]). Просвѣщеніе деревни ни къ чему не ведетъ и поэтому совершенно не нужно. Къ чему учить мужика, когда этимъ темнымъ мужикомъ создалось царство русское, когда предъ этимъ темнымъ мужикомъ и теперь трепещетъ вся Европа. Въ основѣ государственной жизни лежитъ другой принципъ, а именно: русское государство устроилось вѣрой Божіей. Теперь этотъ принципъ нарушенъ; необходимо комитетамъ отмѣтить и указать, что вѣра падаетъ, что родители не могутъ справиться съ дѣтьми, дѣти не слушаютъ родителей. Во главѣ всего должны быть поставлены вопросы вѣры [2]).

Наряду съ распространеніемъ просвѣщенія, на крестьянскую массу деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ экономическая политика государства, — и, въ частности, учрежденіе крестьянскаго банка. Крестьянскій банкъ настойчиво проявляетъ стремленіе продавать землю только богатымъ крестьянамъ, причемъ крестьяне, пользовавшіеся прежде среднимъ достаткомъ, разорились и обезлошади-

[1]) *Чернскій* у. к., докладъ И. А. Долинина-Иванскаго. Срав. также заключенія комиссіи. *Сердобскій* у. к., докладъ Н. Н. Лихарева; *Сенгилеевскій* у. к.; *Рославскій* у. к., докладъ Н. Н. Мясоѣдова.

[2]) *Миенскій* у. к., докладъ С. А. Нилуса.

лись, а землевладѣльцы лишились рабочихъ рукъ. Продажа земли товариществамъ, а не обществамъ гибельна, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Благодаря дѣятельности крестьянскаго банка, купившіе землю крестьяне работаютъ у частныхъ владѣльцевъ лишь въ случаяхъ крайней нужды; въ то же время они отказываются брать у помѣщиковъ землю въ аренду. Дѣятельность банка привела къ слухамъ объ отобраніи земли у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ и о передѣлѣ земли. По свидѣтельству сельскаго духовенства, въ крестьянской средѣ нерѣдко приходится слышать такія разсужденія: «мы выжили своего помѣщика; вѣдь самъ онъ не будетъ работать землю, а намъ дастъ крестьянскій банкъ деньжонокъ, и мы будемъ помѣщики»; или «не будемъ работать у помѣщика; побьются-де господа своею землею,— побьются, работать никто не идетъ, да и продадутъ; а мы, крестьяне, купимъ; казна поможетъ, а если не выплатимъ долгъ, пусть отбираютъ: съ насъ-де взять нечего, какъ были мужики, такъ и останемся».

Что касается частнаго землевладѣнія, то дѣятельность крестьянскаго банка, повышая стоимость рабочихъ рукъ и понижая размѣръ арендной платы, дѣйствуетъ на него губительнымъ образомъ. Крестьянскій банкъ неминуемо влечетъ за собою упадокъ частнаго землевладѣнія и даже совершенную его ликвидацію.

Независимо отъ крестьянскаго банка, на крестьянскую массу развращающе вліяетъ всякая оказываемая ей правительствомъ денежная помощь. У крестьянъ наблюдается отсутствіе желанія трудиться и думать о завтрашнемъ днѣ, въ надеждѣ на то, что, если чего не хватитъ на завтра, то Царь-Батюшка поможетъ. Вслѣдствіе этого земля обрабатывается настолько скверно, что нужно удивляться тому, что она что-нибудь еще даетъ. Въ зимніе восемь мѣсяцевъ никто ничего не дѣлаетъ [1]).

Губительнымъ образомъ на народную массу дѣйству-

[1]) *Чернскій* у. к., доклады Д. М. Бодиско, А. П. Коптева И. А. Долининъ-Иванскаго. Срв. также заключеніе комиссіи.

ютъ, далѣе, разнообразныя вліянія, проникающія въ нее изъ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ сферъ. Осуществленіе предположеній нѣкоторыхъ комитетовъ объ устройствѣ мелкой земской единицы, объ измѣненіи строя крестьянской жизни, общины, обычаевъ, суда и т. д. ничего другого, кромѣ уничтоженія самыхъ дорогихъ и твердыхъ историческихъ основъ русскаго народа, дать не могутъ и поведутъ лишь къ бѣдствіямъ, противорѣчащимъ истиннымъ, охранительнымъ основамъ жизни. Россія пока только богата, именно, своею духовною самобытностью, препятствующею наступательному движенію западныхъ идей и явленій нежелательнаго характера. Со временъ нашествія Наполеона I и возвращенія русскихъ войскъ изъ Парижа у насъ началась прививка западныхъ правовыхъ и революціонныхъ понятій къ русской жизни и, какъ естественное послѣдствіе этихъ понятій, явилось все то дурное, чему мы были свидѣтелями въ послѣдніе 20—30 лѣтъ. Это броженіе разныхъ теорій поставило, наконецъ, предъ обществомъ вопросъ совѣсти и религіи... Уничтожая правовое начало (?!) русскаго народа и сближая его съ нашей извращенной и утратившей вѣру интеллигенціей, легче будетъ сбить народъ съ толку и уничтожить все, что есть въ немъ великаго и сильнаго,—вѣру, правдивый смыслъ, историческія преданія, любовь къ родинѣ, твердость духа и терпѣніе въ несчастіяхъ, преданность завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ, — однимъ словомъ, все, чѣмъ, собственно говоря, жила и создавалась Россія, и благодаря чему она могла вынести на своихъ плечахъ внутреннія крамолы, нашествія татаръ, французовъ и т. п. [1]).

Наконецъ, одной изъ важнѣйшихъ причинъ современнаго нестроенія сельской жизни является упадокъ *порядка* и *власти* въ деревнѣ. На почвѣ безвластія возникаютъ явленія, свидѣтельствующія о глубокой порчѣ народной нравственности, какъ, напримѣръ: пьянство и

---

[1]) *Сергачскій* у. к., докладъ предсѣдателя П. Г. Бобоѣдова.

налипная роскошь въ костюмахъ; безсмысленные раздѣлы изъ-за нежеланія жены сына подчиниться и уважать старика-отца; неуваженіе, вообще, къ родительской власти; а засимъ, какъ послѣдствіе распыленности семьи, неуваженіе ко всѣмъ вообще властямъ; поджоги изъ злобы и зависти и т. п. [1]).

Таковы важнѣйшія причины нравственной распущенности и деморализованности крестьянъ.

Единственно-вѣрное средство для борьбы съ этимъ зломъ — *усиленіе власти*. По выраженію одного изъ докладчиковъ въ *Тотемскомъ* у. к., самое дѣйствительное средство и самый надежный проводникъ благосостоянія между крестьянами — «палка» и «розга». Злая воля должна встрѣчать самый рѣшительный и рѣзкій отпоръ, иначе она больше и больше укореняется въ средѣ народа. Сбродливое и глупое животное никто вѣдь не угощаетъ, а просто садитъ на цѣпь, чтобы поставить въ невозможность вредить [2]).

Сознавая безправіе деревни и желая водворить порядокъ и уваженіе къ закону и власти, Императоръ Александръ III создалъ институтъ земскихъ начальниковъ. И, конечно, теперь стало лучше, чѣмъ было, хотя его мысль, къ сожалѣнію, проведена въ жизнь не такъ, какъ слѣдовало: жизненность реформы убита формализмомъ. Земскому начальнику нельзя шагнуть шага безъ бумаги, безъ акта, протокола и т. под. Изъ земскаго начальника создали не администратора, а судью, не заступника, а карателя. Имъ связали руки бумагой, боясь какого-то произвола съ ихъ стороны [3]). Та дорогая мысль, которая

---

[1]) По мнѣнію Н. Н. Мясоѣдова (*Рославльскій* у. к.), развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на крестьянъ недостаточная охрана помѣщичьей собственности: „Если крестьянинъ, пишетъ онъ въ своемъ докладѣ, вздумаетъ ни съ того, ни съ сего пахать мою землю, а я вздумаю удалить его силою, то самъ же отвѣчу предъ судомъ. Какое же это право собственности, когда отвѣтственность за защиту его больше преслѣдуется (?) закономъ, нежели нарушеніе права.

[2]) *Рославльскій* у. к., докладъ Н. Н. Мясоѣдова.

[3]) *Сергачскій* у. к.; записка П. Г. Бобоѣдова.

законодателемъ была положена въ основу института земскихъ начальниковъ, убита формализмомъ, и живое дѣло превращено въ мертвую букву. Земскій начальникъ самъ видитъ, какъ у него на глазахъ нарушается порядокъ, но не въ силахъ тотчасъ-же его прекратить, такъ какъ отъ него требуется, чтобы онъ, прежде всего, соблюлъ букву закона и разъясненіе высшаго начальства. Такой порядокъ сильно подрываетъ авторитетъ начальника въ глазахъ народа, а потому оставить дѣло при существующихъ условіяхъ нельзя [1]).

Необходимо возстановить и расширить административную власть земскаго начальника и дать ему возможность правильно функціонировать въ жизни деревни [2]). Въ частности, земскимъ начальникамъ должно быть предоставлено болѣе широкое право по примѣненію ст. 61 пол., съ точнымъ указаніемъ, въ какихъ случаяхъ таковую они обязаны примѣнять, такъ какъ не всегда и не всякій земскій начальникъ понимаетъ, что такое дисциплина, да иной разъ не всякій желаетъ ее примѣнять просто изъ несочувствія къ административному праву, считая право сіе Шемякинымъ судомъ [3]).

Наряду съ расширеніемъ прерогативъ земскаго начальника, для поднятія авторитета его власти, необходимо отказаться безусловно отъ выборнаго порядка замѣщенія должностей по крестьянскому самоуправленію.

Сельскіе старосты и волостные старшины должны быть назначаемы земскимъ начальникомъ, съ утвержденія уѣздныхъ съѣздовъ [4]).

Возвышеніе власти земскаго начальника не можетъ, конечно, не оказать благотворнаго вліянія на русскую деревню. Тѣмъ не менѣе, сама по себѣ, такая мѣра имѣла бы характеръ лишь временнаго палліатива; ради-

---

[1]) *Сергачскій* у. к.; заключеніе комитета. Срав. также мнѣніе г. Семаева; *Рославльскій* у. к., докладъ Н. Н. Мясоѣдова.
[2]) Тамъ же. Срв. *Лебедянскій* у. к., докладъ Г. А. Ростовцева.
[3]) *Чернскій* у. к.
[4]) Тамъ же.

кальное излеченіе существующаго зла требуетъ иныхъ, болѣе радикальныхъ средствъ.

Такимъ средствомъ является возвращеніе нашему дворянству того политическаго значенія, какое оно имѣло при существованіи крѣпостного права. Государство россійское должно управляться Помазанникомъ Божіимъ, а главными помощниками Его должны быть дворяне, которые избраны быть руководителями деревенской жизни.

Необходимо возстановить то доброе, что было при крѣпостномъ правѣ. Власть надъ крестьянами всегда должна быть попечительная,—такъ сказать, любовная—и въ крѣпостномъ правѣ таковая и являлась въ лицѣ помѣщиковъ-дворянъ.

Пропали дворяне и пропала такая власть. Мужику и живется гораздо хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, потому что у мужика теперь нѣтъ власти руководящей, а крестьянинъ требуетъ себѣ руководителя. Такимъ руководителемъ деревенской жизни не можетъ быть земскій начальникъ. Число земскихъ начальниковъ слишкомъ незначительно, а обязанности ихъ слишкомъ велики,—поэтому имъ приходится предоставлять руководство деревенской жизни старшинамъ и старостамъ; *замѣстителями* прежнихъ помѣщиковъ, они, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть [1]).

Главная причина раззоренія крестьянскаго хозяйства заключается въ преждевременномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Нашъ крестьянинъ, лишенный отеческихъ попеченій помѣщика, въ силу своего вѣкового невѣжества, неспособенъ къ самостоятельной жизни, гдѣ отъ него требуются и агрономическія знанія, и участіе въ общественной, даже земской дѣятельности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нашъ крестьянинъ не дорось до такой гражданственности; ему необходимо нуженъ просвѣщенный руководитель. Таковымъ можетъ быть только помѣщикъ, — силы одного земскаго начальника

[1]) *Мценскій* у. к., докладъ С. А. Нилуса.

слишкомъ недостаточно для поднятія сельско-хозяйственной культуры въ странѣ [1]).

Намъ извѣстны два проекта возстановленія крѣпостного права,—одинъ, нерѣшительно останавливающійся на полу-пути, другой, послѣдовательно договаривающій до конца.

Согласно первому проекту, институтъ земскихъ начальниковъ долженъ быть сохраненъ, подъ условіемъ расширенія ихъ власти и увеличенія числа участковъ. Но наряду съ земскими начальниками, необходимо вернуть власть помѣщикамъ, наградивъ ихъ званіемъ почетныхъ земскихъ начальниковъ. Обязанности такихъ почетныхъ начальниковъ должны быть чисто-воспитательнаго характера. Движимый отеческимъ попеченіемъ о благѣ мужика, помѣщикъ, въ званіи почетнаго начальника, поведетъ его и его хозяйство по пути совершенствованія [2]).

Гораздо радикальнѣе другой проектъ, принадлежащій перу С. А. Нилуса.

Для того, чтобы создать власть попечительную и любовную, которая въ дореформенное время являлась въ лицѣ помѣщика, необходимо создать такую мелкую единицу или ячейку, изъ которой составлялось бы государство и, которая именно и была бы представительницей той власти, о которой говорено выше. Такой ячейкой долженъ явиться приходъ, при условіи, чтобы въ немъ ни въ какомъ случаѣ не примѣнялась выборная система; а во главѣ прихода долженъ стоять непремѣнно дворянинъ-землевладѣлецъ. Но такихъ дворянъ очень мало, *поэтому необходимо создать помѣстное дворянство;* это сдѣлать очень просто, стоитъ только въ каждомъ приходѣ *поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ*, тогда помѣщикъ явится сельскимъ начальникомъ, который вмѣсто жалованья будетъ получать доходъ съ вырѣзанной ему земли. Какъ создать та-

[1]) *Чистопольскій* у. к., докладъ г. Рембелинскаго. Срв. *Тверской*, у. к., докладъ Вл. Н. Трубникова.

[2]) *Чернскій* у. к., заключеніе комитета; *Чистопольскій* у. к., докладъ г. Рембелинскаго.

VIII.

Въ 1880 г., когда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ поставленъ былъ земствамъ вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго законодательства, голоса земскихъ дѣятелей раздѣлились. Прогрессивное большинство требовало послѣдовательнаго осуществленія въ жизни «великихъ реформъ» 60-хъ гг.; реакціонное меньшинство — усиленія надзирающей надъ крестьянами власти, «не отступая, впрочемъ, отъ незыблемыхъ началъ великаго законодательнаго акта 19 февраля». И большинство, и меньшинство стояло, такимъ образомъ, болѣе или менѣе искренне — на почвѣ законодательства 60-хъ годовъ, — *на одной и той же почвѣ*. Между воззрѣніями ихъ не было еще той непроходимой пропасти, которая, нынѣ, благодаря законодательству послѣднихъ десятилѣтій, раздѣляетъ политическія воззрѣнія противоположныхъ полюсовъ общественнаго мнѣнія.

Прошло 20 слишкомъ лѣтъ. И снова, благодаря иниціативѣ министерства финансовъ, мѣстному обществу дана возможность высказаться о необходимыхъ реформахъ общественнаго строя вообще, и крестьянскаго, въ частности. На этотъ разъ противоположность общественныхъ теченій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ, пріобрѣтаетъ *безусловный* и *непримиримый* характеръ. Въ то время, какъ большинство комитетовъ открыто и категорически ставитъ вопросъ объ основахъ правопорядка, о необходимыхъ условіяхъ правомѣрнаго развитія личности и общественнаго строя, — меньшинство откровенно требуетъ возстановленія — разумѣется, въ новыхъ формахъ — «добраго, стараго» крѣпостного права.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что причиной такой — во всякомъ случаѣ, многознаменательной — эволюціи общественныхъ теченій является, прежде всего, характеръ внутренней нашей политики послѣднихъ десятилѣтій?

Шиповская программа.

Май, 1905 года.

I.

Записка Д. Н. Шипова «къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 г.» имѣетъ програмный характеръ. Ея содержаніе—политическое credo дворянской партіи, — будущей правой народнаго представительства.

На нашихъ глазахъ протекаетъ весьма поучительный и важный историческій процессъ, — процессъ дифференціаціи общественнаго мнѣнія, постепеннаго образованія, кристаллизаціи изъ хаоса политическихъ симпатій и антипатій сознательныхъ политическихъ программъ, активныхъ политическихъ партій.

Пока совѣщаніе т. с. Булыгина занимается «собираніемъ матеріаловъ» и кабинетнымъ обсужденіемъ «намѣтокъ» предстоящей реформы, общественное движеніе,— та сила, отъ которой зависитъ будущность Россіи, растетъ и крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ. *Экстенсивно* оно вовлекаетъ въ круговоротъ политической жизни — все новые и новые общественные элементы, остававшіеся до послѣдняго времени индифферентными, замкнутыми въ тѣсномъ кругу своихъ личныхъ и профессіональныхъ интересовъ; такова цѣль безчисленнаго множества общественныхъ собраній и банкетовъ, профессіональныхъ союзовъ и съѣздовъ и т. д., — и т. д. *Интенсивно* — отъ политическихъ резолюцій общественное движеніе ведетъ къ политическимъ программамъ, отъ критики существующаго къ созиданію долженствующаго существовать. Только

поверхностному и близорукому взгляду можетъ казаться, что періодъ, начавшійся съ отставки кн. Святополкъ-Мирскаго, является періодомъ заминки въ процессѣ обновленія русской жизни.

Вдумчивый и внимательный наблюдатель знаетъ, что это время для русскаго общества даромъ не прошло: остановка, можетъ быть, еще возможная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—теперь невозможна.

Быстрота темпа современной политической жизни естественно приводитъ къ тому, что экстенсивное развитіе политической мысли обгоняется интенсивнымъ и скрещивается съ нимъ; отсюда—нѣкоторая спутанность политической эволюціи, болѣе, вирочемъ кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Вновь возникающія политическія партіи разлагаютъ еще не успѣвшіе вполнѣ сложиться политическіе союзы. Люди, еще вчера считавшіеся единомышленниками, сегодня оказываются въ разныхъ лагеряхъ. Люди, еще вчера подписывавшіе одну и ту же политическую резолюцію, сегодня ставятъ свое имя подъ различными политическими программами. Этотъ фактъ, естественный и неизбѣжный, многихъ пугаетъ,—но, надо сказать, совершенно напрасно. Конечно, «въ единеніи сила», но чѣмъ сознательнѣе единеніе, тѣмъ оно сильнѣе. Съ этой точки зрѣнія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ сознательное единеніе на почвѣ различныхъ политическихъ программъ сильнѣе безсознательнаго единенія на почвѣ тожественныхъ политическихъ резолюцій.

Образованіе дворянской партіи, несомнѣнно, вноситъ разложеніе въ обще-земскій политическій союзъ. Тѣмъ лучше для послѣдняго; ибо только съ выдѣленіемъ изъ его состава г. Шипова и его единомышленниковъ, общеземскій союзъ станетъ тѣмъ, чѣмъ ему давно уже пора стать,—земской партіей.

II.

По мнѣнію Д. Н. Шипова, воззрѣнія конституціонной партіи опираются на два, по существу, невѣрныхъ по-

ложенія: 1) на признаніе, что политическое творчество человѣчества изсякло, и что поэтому, разъ мы хотимъ отрѣшиться отъ господствовавшаго (?) у насъ бюрократическаго строя, тѣмъ самымъ мы, слѣдовательно, переходимъ къ конституціонному западно-европейскаго образца и 2) на признаніе, что условія какъ прошлаго, такъ и настоящаго Россіи не имѣютъ въ себѣ такихъ коренныхъ различій съ прошлыми и настоящими условіями жизни и развитія западно-европейскихъ государствъ, которыя могли бы помѣшать перенесенію къ намъ выработанныхъ на западѣ государственныхъ формъ.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ конституціонной, дворянская партія полагаетъ, что прошлое и настоящее Россіи настолько національно-своеобразно, что о заимствованіи западно-европейскаго конституціонализма не можетъ быть и рѣчи; необходимо самостоятельное національное творчество новыхъ формъ государственной жизни.

Такъ ли это?

Не будемъ говорить о прошломъ Россіи: этимъ прошлымъ создано ея настоящее, какъ оно есть. Строя будущую государственную жизнь, необходимо отправляться не отъ того, что было, а отъ того, что существуетъ теперь; и если настоящее создано прошлымъ, то будущее должно быть создано настоящимъ.

Итакъ, вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно ли существующій въ Россіи государственный строй столь существенно отличается отъ западно-европейскаго «стараго режима», что будущій государственный строй Россіи не можетъ имѣть ничего общаго съ современнымъ государственнымъ строемъ западно-европейскихъ государствъ. Или, другими словами, дѣйствительно ли настоящее Россіи столь отлично отъ прошлаго запада, что ея будущее не можетъ не быть отличнымъ отъ его настоящаго?

Намъ кажется, что даже г. Шиповъ и другіе авторы разсматриваемой программы на этотъ вопросъ не могутъ отвѣтить иначе, какъ отрицательно; ибо дѣйствительно, существующій въ Россіи государственный строй является

точнымъ снимкомъ, фотографической копіей западно-европейской абсолютной монархіи стараго режима.

Обратите вниманіе на цитаты подъ первой статьей нашихъ Основныхъ Законовъ; цитаты эти, какъ на источникъ 1-й статьи указываютъ на законодательство Петровской эпохи, — между прочимъ, на воинскіе артикулы 1716 г. и морской уставъ 1720 г. Раскройте соотвѣтственный томъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ, — и вы увидите, что воинскіе артикулы, въ собраніи законовъ *Россійской имперіи*, напечатаны *на нѣмецкомъ языкѣ*. Артикулъ 20-й, на который ссылается 1-ая ст. основныхъ законовъ, гласитъ: «Denn seine Majestät sind ein souverainer Monarch, der Niemanden auf Erden von seinen Verrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, Dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren [1]).

Нѣтъ, конечно, необходимости доказывать, что весь нашъ административный строй, начиная съ высшихъ и кончая низшими государственными установленіями, является точнымъ воспроизведеніемъ административнаго строя западно-европейскаго абсолютизма. Нашъ чиновникъ всегда былъ и остается теперь убѣжденнымъ западникомъ, — и вся разница между нимъ и конституціоналистомъ заключается въ томъ, что первый заимствуетъ у Европы учрежденія стараго, а второй — новаго порядка.

Позволительно поставить авторамъ разсматриваемой записки вопросъ: если, дѣйствительно, современный государственный строй Россіи ничѣмъ существенно не отличается отъ строя западно-европейскихъ государствъ XVIII в., почему переходъ къ конституціонализму, признаваемый всѣми, не исключая г. Шипова, исторической необходимостью для западной Европы, является исторической невозможностью для Россіи? И если своеобразность нашего далекаго историческаго прошлаго не могла

---

[1]) I-е п. с. з., т. V (№ 3006).

уберечь насъ отъ западно-европейскаго абсолютизма, почему та же своеобразность можетъ и должна насъ «уберечь» отъ свободныхъ государственныхъ формъ, выработанныхъ долгимъ историческимъ опытомъ западно-европейской культуры?

Знаетъ ли г. Шиповъ, что противоположеніе Россіи, какъ востока, конституціоннымъ государствамъ, какъ *западу* отнюдь не является откровеніемъ русской политической мысли?

Въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія германскіе публицисты считали востокомъ Германію и, какъ таковую, противополагали ее конституціонному «западу». Разсужденіе г. Шипова объ «условіяхъ прошлаго и настоящаго», препятствующихъ заимствованію у запада конституціонныхъ формъ, предвосхищено у него извѣстнымъ, печальной памяти, германскимъ публицистомъ Шмальцемъ [1]). И тѣмъ не менѣе, несмотря на «прошлое и настоящее Германіи», въ толкованіи г. Шмальца, врядъ ли можно утверждать, что заимствованіе конституціонныхъ формъ «ничего, кромѣ вреда» Германіи не принесло.

Странные люди—гг. дворяне Шиповскаго типа. Мы понимаемъ славянофиловъ. Для нихъ западно-европейскій конституціонализмъ являлся вообще,—«великою ложью нашего времени». — «Посмотрите на западъ, — писалъ К. С. Аксаковъ въ своей знаменитой запискѣ «О внутреннемъ состояніи Россіи», — народы, оставивъ тамъ внутренній путь вѣры и духа, увлеклись тщеславными побужденіями народнаго властолюбія, повѣрили въ возможность правительственнаго совершенства, надѣлали республикъ, настроили конституцій всѣхъ родовъ, развили въ себѣ гордость и тщеславіе власти міра сего,—и обѣднѣли душою, утратили вѣру и, несмотря на *мнимое* совершенство своего политическаго устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному паденію, то страшнымъ потрясеніямъ каждую минуту».

---

[1]) Schmalz. Das deutsche Staats-Recht. Berlin 1825. Vorwort.

На русскій народъ славянофилы смотрѣли (говоримъ въ прошедшемъ времени, потому что настоящихъ славянофиловъ теперь меньше, чѣмъ бѣловѣжскихъ зубровъ), какъ на народъ «*не-государственный*, т. е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ». Понятно, что для такого народа они не желали и не могли желать конституціоннаго режима.

Но г. Шиповъ и его единомышленники—просвѣщенные государственные люди. Они читали и Дайси, и Каутскаго, и Брайса. Въ частности, г. Шиповъ питаетъ «глубокое уваженіе къ политическому строю нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ» и даже признаетъ «его превосходство надъ нашимъ»; и тѣмъ не менѣе, онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что «попытка перенесенія его къ намъ ничего, кромѣ вреда, не принесетъ».

Почему? Отвѣтъ одинъ: г. Шиповъ не желаетъ «никакой ломки въ строѣ русской жизни»... Кого удовлетворитъ такой отвѣтъ?

III.

Отвергая конституціонализмъ «западно-европейскаго образца», составители разсматриваемой записки увѣрены въ томъ, что «политическое творчество человѣчества не изсякло»; какъ образецъ такого творчества, они предлагаютъ свой проектъ преобразованія государственнаго строя Россіи. Сущность этого проекта весьма несложна.

Въ ряду государственныхъ учрежденій современной Россіи должно быть отведено мѣсто новому учрежденію,—государственному земскому совѣту. Совѣтъ этотъ является учрежденіемъ выборнымъ, на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, распространеннаго по возможности, на всѣ части Имперіи. Русскій земско-государственный строй представляется въ слѣдующемъ видѣ: мелкія земскія единицы и уѣздные города объединяются въ уѣздныхъ зем-

ствахъ; уѣздныя земства и губернскія города — въ губернскихъ земствахъ; губернскія земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы — въ государственномъ земскомъ совѣтѣ.

Государственный земскій совѣтъ является законосовѣщательнымъ, а не законодательнымъ учрежденіемъ. Его обязанности: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ; б) обсужденіе государственнаго бюджета; в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ. Сверхъ того, государственному земскому совѣту предоставляется право законодательной инициативы и право запроса министровъ, отвѣтственныхъ, «какъ въ Германіи» (т. е., какъ въ Пруссіи!?) не предъ народнымъ представительствомъ, а предъ Государемъ.

Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ государственнаго земскаго совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которое и вноситъ ихъ въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго земскаго совѣта.

Предсѣдатель совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія совѣта докладываются Государю предсѣдателемъ совѣта.

Вотъ и все. Мы не останавливаемся на проектируемой г. Шиповымъ реорганизаціи земскаго избирательнаго права. Мнѣніе г. Шипова по этому вопросу въ настоящее время насъ не интересуетъ.

Таковъ проектъ, неопровержимо доказывающій неизсякаемость политическаго творчества человѣческой мысли...

Какъ жаль, что, иллюстрируя непригодность для Россіи конституціоннаго строя, составители разсматриваемой записки преимущественно пользовались трудами современныхъ западно-европейскихъ ученыхъ, — Дайси, Каутскаго и Брайса. Если-бы они обратились къ западно-европейской публицистикѣ эпохи разложенія абсолютнаго режима, они нашли-бы здѣсь не мало аргументовъ въ

пользу (и противъ) «ново-открытой» ими политической системы.

А еще лучше, если бы они хоть немного познакомились съ западно-европейской исторіей. Къ крайнему своему удивленію, они убѣдились бы, что идея законосовѣщательныхъ выборныхъ учрежденій отнюдь не національна и отнюдь не нова. Эта идея естественно *вездѣ* и *всегда* возникаетъ въ періодъ перехода отъ стараго къ новому порядку; она горячо защищается любителями исторической закономѣрности и политическихъ компромиссовъ. Въ свое время извѣстнымъ министромъ Людовика XVI Тюрго предложенъ былъ проектъ государственной реформы, удивительно напоминающій — разумѣется, въ общихъ чертахъ—схему г. Шипова.

По проекту Тюрго, во Франціи надлежало образовать мелкія земскія единицы (communautés d'habitants des campagnes) и городскія общины (municipalités des villes). Тѣ и другія должны избирать депутатовъ въ окружныя собранія. Окружныя собранія избираютъ депутатовъ въ собранія провинціальныя; наконецъ, послѣднія посылаютъ депутатовъ въ генеральное собраніе королевства, *имѣющее совѣщательный голосъ* и содѣйствующее, сообразно указамъ короля (sous les ordres du roi), управленію страной.

И въ другихъ государствахъ — нынѣ конституціонныхъ—выборныя совѣщательныя учрежденія являлись первой уступкой стараго режима освободительному движенію.

Въ Пруссіи, напримѣръ, вопросъ объ учрежденіи представительнаго собранія въ древне-германскомъ стилѣ возникаетъ въ 1845 году. Въ теченіе трехъ лѣтъ вопросъ этотъ обсуждается сперва приближенными къ государю лицами, затѣмъ (съ 1845 г.) спеціальной комиссіей и, наконецъ, совѣтомъ министровъ. И вся эта работа, говоритъ А. Е. Назимовъ, заключается въ томъ, что государственные люди доискиваются комбинаціи, при которой самодержавіе короля могло бы примириться съ народнымъ

представительствомъ [1]). Патентомъ 3 февраля 1847 г. учреждается «соединенный ландтагъ», въ составъ котораго входятъ члены провинціальныхъ сеймовъ. Въ области законодательства ландтагу принадлежитъ *совѣщательный* голосъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставляется, однако, право вотированія налоговъ.—Не успѣлъ появиться патентъ, какъ періодическая пресса, несмотря на цензуру, обрушилась на него съ безпощадной критикой; въ ученой литературѣ рѣзко противъ патента выступилъ Гервинусъ.

11 апрѣля 1847 г., въ день открытія ландтага, Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ своей рѣчи торжественно заявилъ, что «никакой земной власти не удастся его заставить замѣнить естественное отношеніе между монархомъ и народомъ отношеніемъ договорнымъ, конституціоннымъ». Въ отвѣтномъ адресѣ ландтагъ почтительно указалъ королю на необходимость предоставленія ему конституціонныхъ правъ.

Въ іюнѣ 1847 г. ландтагъ распускается королемъ, и затѣмъ, послѣ 1848 г., Пруссія силой необходимости становится «западнымъ» конституціоннымъ государствомъ.

Знакомы-ли эти факты г. Шипову? Знакома ли ему исторія австрійскаго «усиленнаго государственнаго совѣта» (Verstärkter Reichsrat) 1860 г.?

И если г. Шиповъ знакомъ съ исторіей, неужели онъ продолжаетъ вѣрить въ неизсякаемость своего политическаго творчества? Не вспоминаются ли ему грустныя слова Гетевскаго Мефистофеля:

> Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken,
> Das nicht die Vorwelt schon gedacht?

IV.

Есть и еще одинъ аргументъ противъ конституціонной реформы; защитники «улучшеннаго самодержавія» пользуются имъ часто и охотно.

---

[1]) *А. Назимовъ*, Реакція въ Пруссіи, стр. 75.

Конституціонная реформа невозможна у насъ по тому, что мы «недозрѣли». Конституціонный режимъ хорошо функціонируетъ въ странахъ, «опередившихъ насъ на пути политическаго развитія»; у насъ онъ не возможенъ. Г. Шиповъ—горячій поклонникъ европейскихъ конституцій; но—«то, что нѣмцу здорово, русскому смерть». Россіи «ничего, кромѣ зла» конституція не дастъ и не можетъ дать.

Въ самомъ дѣлѣ, дозрѣли мы или не дозрѣли?

Отмѣтимъ слѣдующее безусловно всеобщее явленіе: всякій разъ, когда гдѣ бы то ни было возникаетъ вопросъ о коренной реформѣ политическаго или соціальнаго строя, защитники существующаго порядка, возставая противъ реформы, ссылаются прежде всего на ея преждевременность, на неподготовленность къ ней еще недозрѣлой общественной мысли. Такъ было во Франціи въ концѣ XVIII в.; такъ было въ германскихъ государствахъ въ теченіе первой половины XIX в.; такъ было, наконецъ, и у насъ въ Россіи въ эпоху 60-хъ годовъ. Развѣ не вопили въ свое время наши крѣпостники о *преждевременности* освобожденія крестьянъ, о необходимости просвѣтить сначала крестьянскую массу и только затѣмъ отпустить ее на волю? Какъ жаль, что законодатель не внялъ благоразумнымъ совѣтамъ политической осторожности!.. Повременить бы ему съ освобожденіемъ крестьянъ,—скажемъ, до той поры, когда первоначальное обученіе станетъ у насъ всеобщимъ. И ждать бы пришлось недолго: кто не знаетъ какъ быстро и успѣшно развивалось народное просвѣщеніе въ крѣпостной Россіи.

«Политическая реформа необходима; но пока народъ до нея не дозрѣлъ. Подождемъ, когда онъ дозрѣетъ!» Съ такимъ мнѣніемъ нерѣдко приходится встрѣчаться и теперь. Позволительно, однако, спросить: почему же народъ не дозрѣлъ? И когда же онъ, наконецъ дозрѣетъ?

Мы думаемъ, что всякій, хоть сколько-нибудь знакомый съ общественной жизнью Россіи, не затруднится отвѣтить на эти вопросы.

Поскольку мы, дѣйствительно, не «дозрѣли», — въ этомъ исключительная вина враждебнаго просвѣщенію бюрократическаго режима; и мы не «дозрѣемъ» до тѣхъ поръ, пока этотъ режимъ будетъ держать въ своихъ желѣзныхъ тискахъ Россію.

Кто не знаетъ той роли, какую въ исторіи русскаго просвѣщенія сыгралъ бюрократическій режимъ? Кто не знаетъ, что именно въ области народнаго просвѣщенія наивысшаго напряженія достигаетъ тотъ трагическій конфликтъ, который не со вчерашняго дня существуетъ между обществомъ и властью? Въ то время, какъ общество, въ лицѣ своего самоуправленія, всегда считало и считаетъ теперь народное просвѣщеніе важнѣйшею потребностью народной жизни, бюрократія всю изобрѣтательность своего канцелярскаго генія направляетъ на то, чтобы парализовать усилія общественной мысли, затормозить общественную дѣятельность, направленную на просвѣщеніе народа. И, что всего важнѣе, поступая такимъ образомъ, бюрократія повинуется роковой необходимости: она *не можетъ* иначе поступать, потому что для нея просвѣщеніе народа равносильно *самоупраздненію*, отреченію отъ власти.

Намъ часто говорятъ о политической невоспитанности русскаго общества; но кто, какъ не цензура, является важнѣйшею причиною этой невоспитанности? Развѣ все назначеніе цензуры не заключается именно въ томъ, чтобы препятствовать свободному выраженію политической мысли, чтобы оберегать «святую простоту» народа отъ растлѣвающаго вліянія политическихъ идей?..

Намъ часто говорятъ объ отсутствіи въ обществѣ — даже въ верхнихъ его слояхъ — серьезныхъ научныхъ интересовъ, глубокихъ научныхъ знаній, о поверхностномъ направленіи общественной мысли. Пусть такъ, но почему это такъ? Почему университеты наши — не свѣтовые центры, озаряющіе и согрѣвающіе своими лучами атмосферу общественной жизни? Почему профессора наши — не передовые работники на нивѣ общественной мысли? Почему... почему... Намъ нетрудно отвѣтить на этотъ

вопросъ: мы хорошо знакомы и съ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ, и съ фактической обстановкой университетской жизни. Мы нисколько не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что до настоящаго времени въ отношеніяхъ бюрократіи къ университетской наукѣ доминирующее, если не исключительное, значеніе имѣлъ не педагогическій, не научный, а полицейскій моментъ. Вѣдь не въ интересахъ же просвѣщенія, въ самомъ дѣлѣ, уставъ 1884 г. упраздняетъ университетскую автономію, бюрократизируетъ корпорацію профессоровъ; вѣдь не въ интересахъ науки онъ одѣваетъ студентовъ въ мундиры и мельчайшими полицейскими правилами регламентируетъ внутренній распорядокъ университетской жизни. Почему упраздняется каѳедра западно-европейскаго государственнаго права? Развѣ конституціонное право — не наука? Что же оно такое, какая-то алхимія, что-ли? [1]).

Намъ говорятъ, что народъ коснѣетъ въ поголовномъ невѣжествѣ, что девять десятыхъ народонаселенія не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о политическихъ правахъ. Надо подождать, надо предоставить бюрократіи возможность просвѣтить народъ. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не подождать? Почему бы не повѣрить бюрократіи: вѣдь ею уже такъ много сдѣлано для просвѣщенія народа. Вспомнимъ, напримѣръ, положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года, имѣющее своей цѣлью «утверждать въ народѣ полезныя и нравственныя понятія и распространять полезныя знанія». Для достиженія этой цѣли положеніе создаетъ цѣлую армію инспекторовъ и директоровъ, которые, правда, ничему народъ не учатъ, но зато слѣдятъ за полицейской благонадежностью народныхъ учителей; оно создаетъ училищные совѣты, которые, правда, училищъ не открываютъ, но зато имѣютъ право во всякое время вредное училище закрыть.

---

[1]) См. № 2 „С. О.“ 1905 г.

Съ какимъ заботливымъ вниманіемъ относится бюрократія къ дѣятельности самоуправленія въ области народнаго просвѣщенія. Каждый учитель земской школы у нея на учетѣ. Мало того, у нея на учетѣ каждая книжка, каждая картинка для волшебнаго фонаря.

Конечно, народно-школьная политика земства не пользуется безусловнымъ довѣріемъ бюрократіи; очень часто ей приходится, по той или иной причинѣ, просвѣтительныя начинанія земства «пресѣкать». Въ 1900 году ей пришлось даже издать законъ о предѣльности земскаго обложенія, имѣющій своей цѣлью предупредить чрезмѣрныя траты на народное просвѣщеніе расточительнаго земства. Но зато какъ заботится благочестивая бюрократія о развитіи церковно-школьнаго дѣла. Развѣ не въ интересахъ народнаго просвѣщенія бюрократія отдаетъ церковно-приходской школѣ и даже школѣ грамотности безусловное предпочтеніе предъ земской школой? Развѣ не въ тѣхъ же интересахъ просвѣщенія церковнымъ школамъ рекомендуется начинать обученіе съ церковно-славянской, а не гражданской азбуки, и въ то же время воспрещается «сообщеніе учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра»? Конечно, учительскій составъ церковныхъ школъ мало удовлетворителенъ, и среди учителей сплошь и рядомъ встрѣчаются «отставные маіоры изъ философскаго класса семинаріи», «крестьяне домашняго образованія», «солдаты домашняго образованія», и другіе подобные спеціалисты, но зато курсъ ученія въ школахъ грамоты продолжается одинъ только годъ,—и притомъ, какое огромное количество этихъ школъ числится на бумагѣ!

Тотъ, кто относится съ недовѣріемъ къ просвѣтительной дѣятельности бюрократіи, пусть познакомится хотя бы съ правилами 1890 г. о публичныхъ библіотекахъ или съ правилами 1894 г. о безплатныхъ народныхъ читальняхъ; пусть познакомится съ фактическимъ примѣненіемъ этихъ правилъ учебной администраціей,— и тогда онъ увидитъ... онъ увидитъ, до какого невѣроят-

наго цинизма может дойти вражда бюрократіи къ народному просвѣщенію и страхъ передъ нимъ!..

Однако, довольно съ насъ фактовъ.

Мы знаемъ, *почему* мы не «дозрѣли», и мы знаемъ, *какъ* намъ дозрѣть. Мы не дозрѣемъ до тѣхъ поръ, пока обществу не получить возможности опредѣляющимъ образомъ вліять на законодательную и правительственную дѣятельность государственной власти. Несмотря на свою незрѣлость, русское общество знаетъ цѣну просвѣщенію и готово для него на всякія жертвы. Ужъ на что однобоко наше сословно-купеческое городское самоуправленіе, однако, и оно въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія не отстаетъ отъ земства. Пусть только у общества будетъ власть,—и Россія покроется густою сѣтью цвѣтущихъ народныхъ школъ. Пусть только у общества будетъ свобода,—и Россія сумѣетъ воспользоваться ею.

Великій старикъ Кантъ еще въ началѣ XIX вѣка сказалъ:

«Народу нужна свобода для того, чтобы онъ могъ для нея созрѣть».

V.

Составители разсматриваемой записки полагаютъ, что воззрѣнія конституціонной партіи опираются на два невѣрныхъ положенія; мы позволимъ себѣ указать *одно* невѣрное положеніе, лежащее въ основѣ политической программы дворянской партіи.

Защитники законосовѣщательныхъ учрежденій всегда исходятъ изъ той, — по существу, невѣрной, — мысли, будто правящая бюрократія *желаетъ* народной пользы, но она *не знаетъ*, чего, именно, эта польза требуетъ. Избранные мѣстнымъ населеніемъ, свѣдущіе люди должны *просвѣтить* бюрократію своимъ *совѣтомъ* и затѣмъ предоставить ей полную свободу дѣйствій. Просвѣщенная земскими людьми бюрократія будетъ дѣйствовать въ земскомъ духѣ.

Конечно, бюрократія многаго не знаетъ; ея недостаточная освѣдомленность можетъ быть, конечно, отчасти восполнена «совѣщаніемъ мѣстныхъ земскихъ» людей; существуютъ, однако, другіе, неизмѣримо болѣе важные, недостатки бюрократическаго строя, которые никакими «совѣщаніями» устранены быть не могутъ.

Мы утверждаемъ, что внѣ-общественный и противообщественный характеръ бюрократическаго режима объясняется не столько *незнаніемъ* условій и требованій общественной жизни, сколько *сознательнымъ нежеланіемъ* бюрократіи этимъ условіямъ и требованіямъ подчиниться. Возьмемъ для примѣра хотя бы колоніальную политику нашего правительства или его политику въ области народно-школьнаго дѣла, или, вообще, въ области земскаго самоуправленія; развѣ бюрократія могла хоть сколько нибудь резонно сомнѣваться въ томъ, что эта политика идетъ въ разрѣзъ съ желаніями и требованіями, интересами и нуждами огромнаго большинства русскаго народа? Что новаго могло бы сказать бюрократіи по этимъ вопросамъ совѣщаніе земскихъ людей? Что земцы считаютъ необходимымъ развитіе народнаго просвѣщенія? Но развѣ, издавая законъ о предѣльности земскаго обложенія, бюрократія хоть сколько нибудь сомнѣвалась въ отношеніи земства къ народному просвѣщенію? Сокращая компетенцію земства, подчиняя его учрежденія административной опекѣ, развѣ сомнѣвалась бюрократія въ томъ, что она дѣйствуетъ въ антиземскомъ духѣ, что политика ея единогласно осуждается общественнымъ мнѣніемъ земской среды? Неужели бюрократія до сихъ поръ незнакома съ общественной программой крестьянской реформы, съ господствующими въ обществѣ взглядами на задачу судебной или административной реформы?

Если, дѣйствительно, бюрократія повинна лишь «невѣдѣніемъ жизни»,—почему же она такъ настойчиво и упорно старается въ этомъ невѣдѣніи пребывать? Почему она «пресѣкаетъ» всѣми способами свободное выраженіе

общественнаго мнѣнія? Почему она систематически его игнорируетъ, сознательно дѣйствуетъ ему на перекоръ?

Нѣтъ, бюрократія не вправѣ «отговариваться невѣдѣніемъ жизни». Неискоренимый порокъ бюрократизма заключается не въ томъ, что онъ *не знаетъ* народныхъ нуждъ, а въ томъ, что онъ *не хочетъ* ихъ знать. Осуществляя государственную власть, бюрократія опредѣляется не интересами народной жизни, а самодавлѣющими интересами «командующаго класса».

Въ борьбѣ съ *этимъ* порокомъ бюрократизма всякіе палліативы недѣйствительны. Необходимо *подчинить* бюрократію общественному мнѣнію, поставить ее на службу интересамъ народной жизни. А для этого необходимо учрежденіе не совѣщательнаго собранія земскихъ людей, а законодательнаго собранія народныхъ представителей,—авторитетныхъ выразителей общественнаго мнѣнія страны.

VI.

Мы не станемъ останавливаться подробно на критикѣ политической программы г. Шипова—не станемъ останавливаться, прежде всего, потому, что эта программа, отъ начала и до конца, *утопична*.

Въ настоящихъ условіяхъ русской дѣйствительности «исконное самодержавіе» г. Шипова такъ же мало осуществимо, какъ соціальная республика соціаль-демократовъ.

Что касается критики самой идеи «законосовѣщательнаго народнаго представительства»,—то эта идея уже подвергнута была уничтожающей критикѣ задолго до насъ; въ Германіи, напримѣръ, еще въ 1845 г. несостоятельность этой идеи неопровержимо доказана извѣстнымъ философомъ и публицистомъ, консервативнѣйшимъ изъ консервативныхъ писателей, вождемъ реакціи, — Фридрихомъ Юліусомъ Шталемъ [1]).

[1]) Friedrich Julius Stahl, Das Monarchische Princip. Hdlb. 1845. Vorw.

Названный писатель, вообще, врагъ представительныхъ учрежденій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ, что, разъ они необходимы, имъ долженъ быть предоставленъ,—въ предѣлахъ, по возможности, съ уженной компетенціи,—рѣшающій голосъ.

По справедливому мнѣнію Шталя, ничто не можетъ быть опаснѣе для государственнаго порядка правовой незначительности совѣщательнаго представительства, наряду съ его огромнымъ моральнымъ значеніемъ. Лишенное правъ, оно вынуждено будетъ во что бы то ни стало ихъ добиваться. Свои разсужденія о совѣщательныхъ собраніяхъ Шталь заключаетъ слѣдующими классическими словами:

— «Man mag mit dem besten Freunde nicht gerne auf dem Fusse der blossen Gefälligkeit stehen statt der rechtlich bestimmten Leistung; es kommt das in allen Dingen theurer.

Что можно еще прибавить къ этимъ словамъ?

Намъ хотѣлось бы только указать на одну очевидную странность разсматриваемой политической программы. Цѣль народнаго представительства, по этой программѣ, заключается въ томъ, чтобы создать и сохранить навсегда живое и тѣсное общеніе и единеніе верховной власти съ народомъ. Казалось бы, для этой цѣли требуется, чтобы народное представительство являлось, дѣйствительно, выразителемъ интересовъ и мнѣній *всего* народа; другими словами, чтобы оно покоилось на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

По мнѣнію г. Шипова, всеобщее избирательное право возможно лишь въ томъ случаѣ, когда въ основу реформы полагается принципъ раздѣленія государственной власти между монархомъ и представительнымъ собраніемъ. Наоборотъ, законосовѣщательное учрежденіе должно состоять изъ представителей земствъ, ибо... *совѣщательное представительство должно быть выраженіемъ не интересовъ, а мысли народной.*

Мы ограничиваемся только указаніемъ на точку зрѣ-

нія г. Шипова: мы отказываемся отъ ея критики—просто потому, что не въ состояніи ее понять.

VII.

Странное—скажемъ прямо—двойственное впечатлѣніе производитъ политическая программа г. Шипова.

Съ одной стороны,—безусловное преклоненіе предъ существующимъ государственнымъ строемъ; съ другой—стремленіе ввести конституціонныя гарантіи, въ замаскированномъ видѣ, въ будущій государственный строй Россіи.

Составители программы старательно заботятся о томъ, чтобы мнѣнія земскаго совѣта докладывались «въ окончательной формѣ» непосредственно Государю, и притомъ избраннымъ предсѣдателемъ совѣта. Очевидно, они расчитываютъ, что при такихъ условіяхъ *de facto* мнѣнія совѣта будутъ имѣть для монарха такое же значеніе, какое *de jure* принадлежитъ рѣшеніямъ парламента.

Государственному земскому совѣту они предоставляютъ право *разсмотрѣнія* государственнаго бюджета, отчетовъ по исполненію росписи, и даже — horribille dictu—дѣятельности вѣдомствъ. Полагая, что такое разсмотрѣніе является «необходимымъ условіемъ, безъ осуществленія котораго немыслима была бы правильная постановка дѣла»,—они, очевидно, понятіе разсмотрѣнія сближаютъ съ понятіемъ контроля.

Для того, чтобы «обезпечить своевременность измѣненія нормъ, опредѣляющихъ жизнь страны», они предоставляютъ совѣту право законодательной инціативы,—то самое право, которое германскіе публицисты начала XIX в. считали несовмѣстнымъ съ «монархическимъ принципомъ».

Наконецъ, государственному земскому совѣту предоставляется право запроса министрамъ,—съ тѣмъ только чтобы министры оставались отвѣтственными предъ Госу-

даремъ. Забывая, что Германія—намъ не въ указъ, составители программы успокоительно прибавляютъ: «какъ это существуетъ въ настоящее время въ Германіи»...

Мы познакомились съ программой г. Шипова, и мы все-таки не знаемъ, каковъ собственно политическій идеалъ этой программы?

Да позволено намъ будетъ напомнить ея составителямъ ветхозавѣтный текстъ:

„И рече имъ Илія: доколе вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши? Аще есть Господь Богъ, идите въ слѣдъ его аще же Ваалъ есть, то идите за нимъ“

(3-я кн. Царствъ VIII, 21).

Государственная дума.

(*Августъ, 1905 г.*).

I.

Политическому перевороту, мирному или насильственному, всегда и необходимо предшествуетъ «революція умовъ».

Сущность этой «революціи» заключается въ томъ, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія власть, создававшая и поддерживавшая «старый порядокъ», теряетъ свой нравственный авторитетъ, а самыя велѣнія этой власти — свою нравственно-обязательную силу. Поколебленное въ своихъ глубочайшихъ основахъ, право все болѣе и болѣе сближается съ силой и, какъ таковое, вызываетъ противъ себя все болѣе общій и болѣе рѣшительный протестъ. Единственной опорой существующаго порядка становится физическое принужденіе, откровенно требующее повиновенія «не за совѣсть», а «за страхъ». Наступаетъ трагическое состояніе народной жизни, когда сила, которая нѣкогда была правомъ, вступаетъ въ открытую и безпощадную борьбу съ силой, которая хочетъ имъ стать. И единственный выходъ изъ этой борьбы—созданіе новаго порядка, при которомъ власть могла бы вернуть себѣ утраченный ею нравственный авторитетъ,—нравственное «признаніе» отшатнувшагося отъ нея народа; ибо самая могущественная власть недостаточно могущественна для того, чтобы постоянно господствовать, если только она не превращаетъ своей силы въ право, а послушанія другихъ—въ долгъ, (Руссо).

Не подлежитъ сомнѣнію, что «революція умовъ», о которой только что шла рѣчь, является въ настоящее время въ Россіи совершившимся фактомъ. Нравственный авторитетъ бюрократіи, правотворческой силы современной Россіи, утраченъ ею безповоротно и навсегда. Онъ утраченъ ею въ безславной войнѣ съ Японіей и еще больше въ безславномъ хозяйничаніи внутри Россіи. Господство бюрократіи опирается на силу нагаекъ и штыковъ. Чѣмъ болѣе падаетъ ея нравственный авторитетъ, тѣмъ болѣе необузданнымъ и тѣмъ болѣе безсильнымъ становится поддерживающее ея господство физическое принужденіе; и чѣмъ болѣе необузданнымъ—и безсильнымъ—становится физическое принужденіе, тѣмъ болѣе падаетъ ея нравственный авторитетъ. Заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода для бюрократическаго режима. Не по чьей либо злой прихоти, а силой необходимости, логикою вещей усиленная охрана, еще недавно достаточная для поддержанія существующаго порядка, повсюду уступаетъ мѣсто военному положенію. Надолго ли, однако военное положеніе способно поддержать существующій порядокъ? Выходъ одинъ: власть должна быть изъята изъ рукъ бюрократіи, вручена новой нравственно-авторитетной силѣ, пользующейся «признаніемъ» народа. Нѣтъ необходимости доказывать, что въ настоящихъ условіяхъ такою силой является *народное представительство*, и только оно. Либо народное представительство, либо бюрократическій абсолютизмъ! tertium non datur.

Такова дилемма, поставленная русскою жизнью и такъ или иначе *разрѣшенная* законодательными актами 6 августа 1905 года.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, *въ какомъ направленіи* эта дилемма разрѣшена законодателемъ? Или, другими словами, отвѣтить на вопросъ: упраздняетъ ли реформа 6 авг. бюрократическій абсолютизмъ, является ли государственная дума народнымъ представительствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова?

II.

Манифестомъ 6 августа государственная дума разсматривается, какъ представительство *всего народа*. По словамъ манифеста, «настало время призвать выборныхъ людей *ото всей земли русской* къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ». Манифестъ выражаетъ увѣренность, что «избранные довѣріемъ *всего населенія* люди покажутъ себя предъ всею Россіей достойными того царскаго довѣрія, коими они призваны къ сему великому дѣлу».

Положеніе о выборахъ въ государственную думу того же 6-го августа вноситъ, однако, въ слова манифеста значительную поправку. Не *все населеніе*, а нѣкоторыя—впрочемъ, многочисленныя—его группы обладаютъ, по закону 6 августа, избирательнымъ правомъ.

Какъ извѣстно, по общему правилу, выборы въ государственную думу производятся по губерніямъ и областямъ. Въ видѣ исключенія, столицамъ и нѣкоторымъ наиболѣе крупнымъ городамъ предоставлено право самостоятельной посылки депутатовъ въ государственную думу.

Въ губерніяхъ и областяхъ избирательное право, т. е. право избранія *выборщиковъ*, входящихъ въ составъ губернскаго избирательнго собранія, принадлежитъ крестьянамъ, уѣзднымъ землевладѣльцамъ и городскимъ избирателямъ.

1) *Крестьяне.* Волостные сходы избираютъ изъ среды крестьянъ данной волости по два уполномоченныхъ отъ каждой волости; въ каждомъ уѣздѣ образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, избирающій выборщиковъ въ положенномъ числѣ въ губернское избирательное собраніе.

2) *Уѣздные землевладѣльцы.* Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ принимаютъ участіе лица, владѣющія опредѣленнымъ въ особомъ расписаніи количествомъ

земли, въ томъ числѣ лица, владѣющія на посессіонномъ правѣ горно-заводскими дачами, а также и лица, владѣющія въ уѣздѣ инымъ недвижимымъ имуществомъ, не имѣющимъ торгово-промышленнаго характера, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже 15 тыс. рублей; кромѣ того, въ составъ съѣзда входятъ: а) уполномоченные отъ мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ десятою частью требуемаго количества десятинъ или иной недвижимой собственности, и б) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ церковными землями. Подобно съѣзду уполномоченныхъ отъ волостей, съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ избираютъ положенное число выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе.

3) *Городскіе избиратели.* Въ съѣздѣ городскихъ избирателей принимаютъ участіе, во 1-хъ, лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по земской оцѣнкѣ не менѣе $1^1/_2$ тыс. рублей; во 2-хъ, лица, владѣющія въ городѣ *или уѣздѣ* торгово-промышленными предпріятіями, требующими выборки торговыхъ свидѣтельствъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленныхъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ, и пароходныхъ—стоимостью не менѣе 50 руб. въ годъ; въ 3-хъ, квартиронаниматели, уплачивающіе государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше, и, въ 4-хъ, лица, уплачивающія особый промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду. Выборщики, избранные уѣздными съѣздами городскихъ избирателей, принимаютъ участіе въ губернскомъ избирательномъ собраніи на ряду съ выборщиками, избранными съѣздами уполномоченныхъ отъ волостей и съѣздами уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Что касается городовъ, получившихъ право самостоятельнаго избранія депутатовъ, то здѣсь избирательное право,—т. е., опять-таки, право избранія выборщиковъ, образующихъ избирательное собраніе,—принадлежитъ тѣмъ же разрядамъ лицъ, которые представлены въ уѣздныхъ съѣздахъ городскихъ избирателей. Только въ столицахъ

вводится повышеніе ценза для домовладѣльцевъ и лицъ торгово - промышленнаго класса: отъ первыхъ требуется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе 3 тыс. рублей; отъ вторыхъ—владѣніе предпріятіемъ, требующимъ выборки торговаго свидѣтельства перваго разряда или промышленнаго одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ, или, наконецъ, пароходнаго—стоимостью не менѣе 500 р. въ годъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, избирательная система, созданная закономъ 6 августа тек. года. Этой системой отъ активнаго участія въ политической жизни устранена, прежде всего, вся городская интеллигенція, за исключеніемъ весьма и весьма немногочисленной наиболѣе состоятельной ея части,—т. е. плательщиковъ квартирнаго налога по десятому разряду и выше. Журналисты и адвокаты, врачи, инженеры и педагоги, принимавшіе до сихъ поръ активное участіе въ политической борьбѣ,—въ той борьбѣ, которой, по крайней мѣрѣ, отчасти, создана реформа 6 августа, — обрекаются этой реформой на пассивную роль незаинтересованныхъ зрителей «государственнаго дѣйствія», разыгрываемаго «избранниками народа» на ихъ глазахъ. Въ уѣздахъ отъ участія въ политической жизни устраненъ весь такъ - называемый «третій элементъ», являющійся, во всякомъ случаѣ наиболѣе сознательнымъ элементомъ малокультурной уѣздной среды.

Политически-безправнымъ остается многочисленный рабочій классъ, уже доросшій до сознанія своихъ классовыхъ интересовъ и нынче ведущій упорную борьбу за право самозащиты. Даже торгово-промышленный классъ въ учрежденной 6 августа государственной думѣ представленъ будетъ только въ лицѣ своихъ высшихъ, наиболѣе состоятельныхъ и экономически сильныхъ разрядовъ.

Въ высшей степени проблемматично избирательное право, предоставляемое закономъ 6 августа крестьянамъ. Какъ извѣстно, крестьянскіе выборы по этому закону

многостепенны. Крестьяне-домохозяева избираютъ изъ своей среды «выборныхъ» волостного схода. Волостной сходъ избираетъ уполномоченныхъ для участія въ избирательномъ съѣздѣ; съѣздъ уполномоченныхъ избираетъ по-уѣздно выборщиковъ для участія въ губ. избирательномъ собраніи; наконецъ, крестьянскіе выборщики въ каждой губерніи сначала избираютъ изъ своей среды одного члена государственной думы и затѣмъ принимаютъ участіе, совмѣстно съ другими разрядами выборщиковъ, въ избраніи губернскимъ избирательнымъ собраніемъ остальныхъ членовъ думы. При такихъ условіяхъ врядъ-ли, конечно, можно говорить объ избирательномъ правѣ крестьянъ, какъ таковыхъ; ибо избраніе «выборныхъ» волостного схода никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ участіе, хотя бы и косвенное, въ избраніи членовъ государственной думы. Законъ съ своей стороны, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ составъ государственной думы вошли крестьяне; но онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы эти крестьяне вошли въ государственную думу, какъ дѣйствительные представители избирателей крестьянъ.

Чрезвычайно любопытенъ вопросъ: какими соображеніями руководствовалась бюрократія, создавая свою искусственную и сложную избирательную систему, съуживающую въ чрезвычайной степени кругъ избирателей? Какъ извѣстно, система, созданная закономъ 6 августа, менѣе всего оригинальна: она является въ своихъ основныхъ началахъ воспроизведеніемъ избирательной системы положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. Но въ то время, какъ система 1864 г. теоретически оправдывалась, правда, весьма малоубѣдительными соображеніями, вытекающими изъ существа мѣстнаго самоуправленія, — избирательная система закона 6 августа примѣнительно къ общегосударственнымъ выборамъ лишена какого бы то ни было теоретическаго оправданія.

Какъ извѣстно, составители положенія 64 г. разсматривали земство, какъ преимущественно-хозяйственный

организмъ. Съ этой точки зрѣнія, они могли, оставаясь послѣдовательными, предоставить избирательное право единственно плательщикамъ земскихъ налоговъ, т. е. лицамъ, матеріально заинтересованнымъ въ расходованіи земскихъ средствъ. Интеллигентные классы населенія, свободные отъ земскаго обложенія, тѣмъ самымъ исключались отъ всякаго участія въ земскомъ самоуправленіи. Само собою разумѣется, что хозяйственная теорія самоуправленія, признаваемая въ настоящее время, вообще, несостоятельной, не находитъ и не можетъ найти себѣ никакого примѣненія къ общегосударственнымъ выборамъ. Государство не частно-хозяйственный союзъ; заинтересованность гражданина въ государственномъ управленіи, а также способность принимать въ немъ участіе, отнюдь не опредѣляется количествомъ уплачиваемыхъ имъ въ пользу государства налоговъ. Обладаніе политическими правами не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ несовершенства податной системы. Если наиболѣе интеллигентные классы населенія лишаются избирательнаго права, то, очевидно, происходитъ это не по тому, что они не платятъ въ пользу государства прямыхъ налоговъ. Почему же это происходитъ?

Съ другой стороны, до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о мѣстномъ самоуправленіи, еще можно, пожалуй, съ нѣкоторымъ основаніемъ настаивать на цензѣ постояннаго и прочнаго водворенія: мѣстныя пользы и нужды лучше знакомы мѣстнымъ людямъ, чѣмъ пришлымъ. Предоставляя избирательныя права землевладѣльцамъ въ уѣздахъ, домовладѣльцамъ и торгово-промышленному классу въ городахъ, составители положенія 64 г. имѣли въ виду, что именно эти разряды населенія наиболѣе прочно и тѣсно связаны съ мѣстомъ своего постояннаго жительства; именно потому они предоставили имъ избирательныя права, какъ лицамъ наиболѣе компетентнымъ въ вопросахъ, касающихся «мѣстныхъ пользъ и нуждъ».

Не станемъ останавливаться на критикѣ теоретическихъ взглядовъ составителей положенія 64 г. Ихъ не-

состоятельность очевидна. Не подлежитъ сомнѣнію, что сплошь и рядомъ профессія въ большей степени привязываетъ человѣка къ мѣстности, чѣмъ владѣніе недвижимостью. Мѣстный врачъ или адвокатъ является въ большей степени «мѣстнымъ человѣкомъ», чѣмъ крупный землевладѣлецъ, только на отдыхъ пріѣзжающій къ себѣ домой. Допустимъ, однако, что составители положенія 1864 г. — правы; и въ такомъ случаѣ, болѣе чѣмъ очевидно, что соображенія ихъ никакого отношенія къ общегосударственнымъ выборамъ имѣть не могутъ. Государственная дума вѣдаетъ общегосударственныя, а не мѣстныя дѣла; члены думы даютъ торжественное обѣщаніе «памятовать лишь о благѣ и пользѣ Россіи»; они «не обязаны отчетомъ предъ своими избирателями». Каждый членъ государственной думы является народнымъ представителемъ, а не представителемъ избравшей его губерніи, «выборнымъ отъ всей земли русской», а не отъ той или иной административной ея части.

При такихъ условіяхъ, «цензъ постояннаго водворенія» теряетъ свой смыслъ. Какова бы ни была связь лица съ данной мѣстностью, если это лицо «избрано довѣріемъ всего населенія», оно является достойнымъ членомъ государственной думы.

Но, въ такомъ случаѣ, какъ понять и чѣмъ объяснить избирательную систему, созданную положеніемъ о выборахъ въ государственную думу?

Нельзя, конечно, удивляться тому, что бюрократическое совѣщаніе, подготовившее и осуществившее реформу, не остановилось на системѣ всеобщаго избирательнаго права: менѣе всего бюрократія склонна къ самоотреченію; и въ то же время она не чувствуетъ себя достаточно сильной для того, чтобы выдержать натискъ демократическихъ силъ.

И въ западно-европейскихъ государствахъ цензовыя системы представительства предшествовали системѣ всеобщаго избирательнаго права. Но тамъ теоретическимъ обоснованіемъ этихъ системъ являлось начало, такъ на-

зываемой «избирательной способности». Во Франціи, въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи, доктринеры и либералы (Роайе-Колларъ, Гизо, Бенжаменъ Констанъ и др.) доказывали справедливость высокаго имущественнаго ценза ссылкой на необходимость для участія въ политической жизни серьезной научной подготовки, досуга и личной незаинтересованности, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у людей, вынужденныхъ бороться за существованіе и жить заботой о завтрашнемъ днѣ.

Въ настоящее время, или, по крайней мѣрѣ, въ настоящей статьѣ, нѣтъ, конечно, необходимости доказывать несостоятельность «старо-либеральныхъ» теорій имущественнаго ценза. Теоріи эти, нѣкогда являвшіяся болѣе или менѣе прозрачнымъ прикрытіемъ классовыхъ интересовъ буржуазіи, нынѣ уже отжили свое время. Русская бюрократія—не на ихъ сторонѣ; нельзя, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ избирательной системы, созданной закономъ 6 августа, отнюдь не лежитъ начало «избирательной способности» въ западно-европейскомъ смыслѣ.

Вводя имущественный цензъ для городскихъ избирателей и уѣздныхъ землевладѣльцевъ, избирательный законъ въ то же время отказывается отъ какого бы то ни было ценза по отношенію къ крестьянамъ.

Кто, однако, не знаетъ, какого мнѣнія русская бюрократія, создавшая земскаго начальника, о русскомъ крестьянствѣ. И если, тѣмъ не менѣе, крестьянамъ предоставляется избирательное право, то, очевидно, отнюдь не потому что ихъ «избирательная способность» значительнѣе и выше избирательной способности городской интеллигенціи.

По части научной подготовки, досуга, и «личной незаинтересованности» городская интеллигенція, во всякомъ случаѣ, можетъ поспорить съ сельскимъ обывателемъ.

Очевидно, не въ «избирательной способности» дѣло. Такъ въ чемъ же оно?

Та задача, которую такъ или иначе пытается раз-

рѣшить реформа, можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: создать народное представительство съ тѣмъ, однако, чтобы бюрократическій абсолютизмъ и на будущее время оставался неприкосновеннымъ. Цѣль, если не оправдываетъ, то, во всякомъ случаѣ, опредѣляетъ средства. Та цѣль, которая предпоставлена была реформѣ, рѣшающимъ образомъ опредѣлила избирательную систему; въ ея основу легло не буржуазное начало избирательной способности, а бюрократическое начало «благонамѣреннаго образа мыслей». Политическая благонадежность—таковъ критерій «истинно-русской» избирательной системы. Цѣль реформы требовала самымъ безусловнымъ образомъ, чтобы избирательное право предоставлено было тѣмъ только элементамъ русскаго общества, которые уже проявили себя наиболѣе податливыми или наименѣе сознательными, наименѣе враждебными бюрократическому началу. Конечно, послѣдовательное и полное осуществленіе этой цѣли оказалось невозможнымъ «уѣздныхъ землевладѣльцевъ» реформа не съумѣла, или не рѣшилась обойти. Тѣмъ не менѣе, сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Такъ, прежде всего, избирательнаго права лишены наиболѣе оппозиціонные элементы русскаго общества: городская интеллигенція, уѣздный «третій элементъ», рабочій классъ. Напротивъ, повидимому, весьма широко—и, прибавимъ, весьма своеобразно—поставлено избирательное право крестьянъ. Само собою разумѣется, что при правильной организаціи избирательнаго права крестьянскіе представители врядъ-ли явились бы въ государственной думѣ надежной опорой существующаго порядка. Разсчитывая—съ достаточнымъ ли основаніемъ?—на «надежность крестьянскаго сословія въ политическомъ отношеніи», бюрократія, очевидно, имѣетъ въ виду тѣ специфическія условія, въ которыхъ, rebus sic stantibus, неизбѣжно протекутъ крестьянскіе выборы.

Для характеристики основной тенденціи реформы 6 августа весьма поучительны сужденія совѣта министровъ по вопросу о введеніи всеобщаго избирательнаго права

въ Россіи. По мнѣнію совѣта, необходимымъ условіемъ успѣшности всеобщихъ и равныхъ выборовъ является, прежде всего, достаточно высокій уровень развитія народныхъ массъ и, затѣмъ, увѣренность въ томъ, что въ выборахъ дѣйствительно приметъ дѣятельное и самостоятельное участіе все населеніе, а не отдѣльные случайные его члены. Этихъ условій у насъ въ Россіи въ настоящее время не имѣется на-лицо.

Казалось бы, приведенное сужденіе совѣтомъ министровъ можетъ быть относимо только къ крестьянству и къ городскому пролетаріату. Въ дѣйствительности, однако, крестьянамъ предоставляется избирательное право, и притомъ въ такой, именно, формѣ, при которой участіе въ выборахъ необходимо приметъ не все населеніе, а лишь отдѣльные случайные его элементы. Что касается фабрично-заводского населенія, то совѣтъ министровъ, въ принципѣ, отнесся «съ полнымъ сочувствіемъ» къ мысли о необходимости предоставленія ему избирательныхъ правъ. Не пришелъ же онъ къ окончательному заключенію по этому вопросу только потому, что рабочее населеніе могло бы получить избирательныя права лишь при выборахъ всеобщихъ, примѣненіе которыхъ, по условіямъ времени, невозможно.

Такимъ образомъ, оказывается, что и рабочій классъ достигъ, по признанію совѣта министровъ, «достаточно высокаго уровня развитія» для участія въ политической жизни страны. Но, въ такомъ случаѣ, почему же невозможно всеобщее избирательное право? Неужели изъза квартиропанимателей девятаго, восьмого и другихъ низшихъ разрядовъ?

Нѣтъ необходимости доказывать, что законодатель, предоставляющій избирательныя права крестьянамъ и не предоставляющій ихъ лицамъ либеральныхъ профессій, педагогамъ, адвокатамъ, врачамъ и инженерамъ не вправѣ ссылаться на «избирательную способность», какъ на принципъ избирательной системы. Само собою понятно, что лишеніе многомилліоннаго крестьянства избиратель-

ныхъ правъ явилось бы вопіющей несправедливостью, но, именно, потому совѣту надлежало бы признать принципіальную несостоятельность всѣхъ вообще возраженій противъ всеобщаго избирательнаго права.

Впрочемъ, не въ этихъ возраженіяхъ дѣло. Не потому рабочимъ не предоставлено избирательныхъ правъ, что не введено всеобщее избирательное право, а, наоборотъ, всеобщее избирательное право не введено *для того,* чтобы рабочимъ не предоставить избирательныхъ правъ.

И точно также городская интеллигенція отстранена отъ выборовъ, именно, потому, что она уже достигла «достаточно высокаго уровня» политическаго развитія...

Весьма любопытенъ слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно, въ число избирателей включены, между прочимъ, плательщики квартирнаго налога, начиная съ 10-го разряда и выше. Лишеніе всѣхъ прочихъ квартиронанимателей избирательныхъ правъ аргументируется совѣтомъ министровъ весьма лаконично: городская интеллигенція отстраняется отъ выборовъ *«во избѣжаніе излишняго расширенія круга избирателей»*... Другихъ аргументовъ у совѣта нѣтъ...

Допущеніе къ выборамъ наиболѣе просвѣщенныхъ и политически-сознательныхъ людей признается бюрократіей *излишнимъ* расширеніемъ круга избирателей... Но почему излишнимъ?.. И для кого излишнимъ?... Всѣ эти вопросы бюрократія, конечно, оставляетъ безъ отвѣта...

Еще одна весьма характерная деталь. Положеніе о выборахъ 6 августа предоставляетъ избирательное право священнослужителямъ, состоящимъ при церквахъ, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею. Но вѣдь кромѣ церквей, имущественнымъ цензомъ владѣютъ и другія общественныя корпораціи, напримѣръ, университеты. Почему избирательное право предоставлено церковному причту и не предоставлено, хотя бы, университетскимъ совѣтамъ? Отвѣтъ ясенъ: духовенство является, конечно, наиболѣе благонадежнымъ элементомъ населенія; какъ же ему не предоставить избирательныхъ правъ?!

Остановимся подробнѣе на системѣ крестьянскаго представительства: для характеристики тенденцій закона 6 августа система эта весьма и весьма характерна.

Какъ уже указано выше, законодатель обнаруживаетъ большую заботливость о томъ, чтобы въ составъ государственной думы вошли въ достаточномъ количествѣ крестьяне. Такъ, въ каждой губерніи крестьяне-выборщики отдѣльно отъ двухъ другихъ категорій выборщиковъ, избираютъ изъ своей среды по одному члену государственной думы; затѣмъ они входятъ въ составъ избирательнаго собранія и, вмѣстѣ съ другими выборщиками, избираютъ другихъ членовъ думы.

Такимъ образомъ, категорическое утвержденіе ст. 3 полож. о выб. въ гос. думу: «избраніе членовъ государственной думы по губерніямъ и областямъ производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ», оказывается не вполнѣ точнымъ. Часть членовъ думы (54 чел. [1]) избирается особыми, не поименованными въ законѣ коллегіями выборщиковъ крестьянъ. Сословное начало, — точнѣе, начало сословной обособленности — отвергнутое, вообще, составителями закона 6 августа, получаетъ, однако, частичное осуществленіе примѣнительно къ крестьянскимъ выборамъ. Въ составъ государственной думы, наряду съ представителями «отъ всего населенія», войдетъ особая и обособленная группа «представителей отъ крестьянъ».

Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ именно объясняется такая любовная и предусмотрительная заботливость бюрократіи о самостоятельномъ представительствѣ отъ крестьянъ? Почему именно крестьянамъ предоставляется двойной голосъ,—одинъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, и другой въ самостоятельной коллегіи выборщиковъ крестьянъ?

---

[1]) Въ томъ числѣ 3 члена, избираемыхъ въ губерніяхъ астраханской и оренбургской и въ области Войска Донского выборщиками отъ съѣздовъ, уполномоченныхъ отъ станицъ (ст. 49 пол. о выб.).

ныхъ правъ явилось бы вопіющей несправедливостью, но, именно, потому совѣту надлежало бы признать принципіальную несостоятельность всѣхъ вообще возраженій противъ всеобщаго избирательнаго права.

Впрочемъ, не въ этихъ возраженіяхъ дѣло. Не потому рабочимъ не предоставлено избирательныхъ правъ, что не введено всеобщее избирательное право, а, наоборотъ, всеобщее избирательное право не введено *для того,* чтобы рабочимъ не предоставить избирательныхъ правъ.

И точно также городская интеллигенція отстранена отъ выборовъ, именно, потому, что она уже достигла «достаточно высокаго уровня» политическаго развитія...

Весьма любопытенъ слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно, въ число избирателей включены, между прочимъ, плательщики квартирнаго налога, начиная съ 10-го разряда и выше. Лишеніе всѣхъ прочихъ квартиронанимателей избирательныхъ правъ аргументируется совѣтомъ министровъ весьма лаконично: городская интеллигенція отстраняется отъ выборовъ *«во избѣжаніе излишняго расширенія круга избирателей»*... Другихъ аргументовъ у совѣта нѣтъ...

Допущеніе къ выборамъ наиболѣе просвѣщенныхъ и политически-сознательныхъ людей признается бюрократіей *излишнимъ* расширеніемъ круга избирателей... Но почему излишнимъ?.. И для кого излишнимъ?... Всѣ эти вопросы бюрократія, конечно, оставляетъ безъ отвѣта...

Еще одна весьма характерная деталь. Положеніе о выборахъ 6 августа предоставляетъ избирательное право священнослужителямъ, состоящимъ при церквахъ, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею. Но вѣдь кромѣ церквей, имущественнымъ цензомъ владѣютъ и другія общественныя корпораціи, напримѣръ, университеты. Почему избирательное право предоставлено церковному причту и не предоставлено, хотя бы, университетскимъ совѣтамъ? Отвѣтъ ясенъ: духовенство является, конечно, наиболѣе благонадежнымъ элементомъ населенія; какъ же ему не предоставить избирательныхъ правъ?!.

Остановимся подробнѣе на системѣ крестьянскаго представительства: для характеристики тенденцій закона 6 августа система эта весьма и весьма характерна.

Какъ уже указано выше, законодатель обнаруживаетъ большую заботливость о томъ, чтобы въ составъ государственной думы вошли въ достаточномъ количествѣ крестьяне. Такъ, въ каждой губерніи крестьяне-выборщики отдѣльно отъ двухъ другихъ категорій выборщиковъ, избираютъ изъ своей среды по одному члену государственной думы; затѣмъ они входятъ въ составъ избирательнаго собранія и, вмѣстѣ съ другими выборщиками, избираютъ другихъ членовъ думы.

Такимъ образомъ, категорическое утвержденіе ст. 3 полож. о выб. въ гос. думу: «избраніе членовъ государственной думы по губерніямъ и областямъ производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ», оказывается не вполнѣ точнымъ. Часть членовъ думы (54 чел. [1]) избирается особыми, не поименованными въ законѣ коллегіями выборщиковъ крестьянъ. Сословное начало, — точнѣе, начало сословной обособленности — отвергнутое, вообще, составителями закона 6 августа, получаетъ, однако, частичное осуществленіе примѣнительно къ крестьянскимъ выборамъ. Въ составъ государственной думы, наряду съ представителями «отъ всего населенія», войдетъ особая и обособленная группа «представителей отъ крестьянъ».

Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ именно объясняется такая любовная и предусмотрительная заботливость бюрократіи о самостоятельномъ представительствѣ отъ крестьянъ? Почему именно крестьянамъ предоставляется двойной голосъ,—одинъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, и другой въ самостоятельной коллегіи выборщиковъ крестьянъ?

---

[1]) Въ томъ числѣ 3 члена, избираемыхъ въ губерніяхъ астраханской и оренбургской и въ области Войска Донского выборщиками отъ съѣздовъ, уполномоченныхъ отъ станицъ (ст. 49 пол. о выб.).

Припомнимъ систему крестьянскихъ выборовъ. Уполномоченные для избранія выборщиковъ избираются на волостномъ сходѣ. Сходъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ всѣхъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и, кромѣ того, изъ крестьянъ, избираемыхъ сельскими сходами по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. Общественное значеніе волостного схода совершенно ничтожно; вся его дѣятельность ограничивается выборомъ должностныхъ лицъ и раскладкой мірскихъ сборовъ, огромнѣйшая часть которыхъ (88%) идетъ на содержаніе волостного управленія и отбываніе волостью обязательныхъ повинностей. Собственно на общественныя нужды крестьянъ сходами тратятся совершенно ничтожныя суммы: отъ 100 до 150 р. въ годъ на волость.

Въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, что, какъ общественно-хозяйственная единица, волость является учрежденіемъ мертворожденнымъ; именно этимъ объясняется совершенно безразличное отношеніе крестьянъ къ выбору членовъ волостного схода. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выборы эти не происходятъ вовсе, а крестьяне отбываютъ обязанности «выборныхъ» по очереди. По отзыву вполнѣ компетентныхъ лицъ, сходы собираются очень рѣдко, въ неполномъ составѣ, и притомъ не изъ лучшихъ крестьянъ, а изъ лицъ, привлекаемыхъ на сходъ какими либо посторонними причинами и побужденіями и готовыхъ дѣйствовать во всякомъ, заранѣе указанномъ, направленіи.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ рѣшающее значеніе на сходахъ пріобрѣтаютъ должностныя лица крестьянскаго управленія и—черезъ ихъ посредство—земскій начальникъ. И на рѣшенія сельскихъ сходовъ земскій начальникъ оказываетъ рѣшающее вліяніе; но на сходахъ волостныхъ—онъ, по общему правилу, всемогущъ. Каждый земскій начальникъ, отнюдь не впадая въ преувеличеніе, вправѣ сказать: волостной сходъ—это я.

А между тѣмъ волостной сходъ является низшей избирательной единицей при выборѣ членовъ государствен-

ной думы! Можно опасаться, что порученіе сходамъ новой функціи, а именно, ихъ участіе въ выборѣ народныхъ представителей, не подниметь сколько нибудь значительно интересъ крестьянской массы къ избранію «выборныхъ» волостного схода. Не забудемъ, что крестьяне непосредственно избираютъ только «выборныхъ» схода; эти выборные избираютъ «уполномоченныхъ», уполномоченные — выборщиковъ, и только выборщики участвуютъ въ избраніи членовъ государственной думы. Опытъ доказываетъ, что въ государствахъ, гораздо болѣе культурныхъ, чѣмъ Россія, при двустепенныхъ выборахъ интересъ первоначальныхъ избирателей къ избранію выборщиковъ совершенно ничтоженъ [1]). Какого же интереса къ выборамъ можно ждать у насъ, въ Россіи, отъ крестьянъ при системѣ выборовъ *четырехстепенной?* Очевидно, и впредь, какъ теперь, «выборные» волостного схода, съ бору да съ сосенки собранные, останутся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ «твердой и близкой къ населенію власти». Въ этомъ обстоятельствѣ — причина отеческихъ заботъ «либеральной бюрократіи» о представительствѣ крестьянъ. Не довѣріемъ къ крестьянству — довѣріемъ къ земскому начальнику продиктованы эти заботы.

Итакъ, въ основѣ избирательной системы, созданной закономъ 6 августа лежитъ начало политической благонадежности; во имя этого начала производится остроумная перетасовка избирателей; козлища отдѣляются отъ овецъ, и «населеніе россійской имперіи, избирающее членовъ государственной думы» (ст. 2 учрежд.), очищается отъ нежелательныхъ и вредныхъ элементовъ.

При такихъ условіяхъ явится ли государственная дума народнымъ представительствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова? И—что еще важнѣе—будетъ ли она таковымъ *признана* общественнымъ мнѣніемъ страны и, въ

---

[1]) По Georg'y Meyer'y, при двустепенныхъ выборахъ голосуетъ не болѣе 20% первоначальныхъ избирателей; при прямыхъ выборахъ—около 70%.

особенности, общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ группъ, которыя, во имя неприкосновенности бюрократіи, выброшены за бортъ государственнаго корабля?

Не слѣдуетъ забывать той роли, какую въ образованіи общественнаго мнѣнія играетъ презираемая бюрократіей интеллигенція страны. Народное представительство, въ которомъ послѣдняя не находитъ себѣ мѣста, не можетъ быть представительствомъ общественнаго мнѣнія Россіи. Лишенная нравственнаго авторитета, того авторитѣта, который присущъ неподдѣльному народному представительству, государственная дума не въ силахъ будетъ осуществить великой задачи, возложенной на нее историческимъ моментомъ. И если, собравшись—а собраться она должна,—она сознаетъ свое безсиліе и скажетъ о немъ открыто, она исполнитъ свой долгъ.

III.

Можно считать доказаннымъ, что государственная дума отнюдь не является представительствомъ «всего населенія имперіи»—народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Является ли она, однако, представительствомъ—подлиннымъ, а не поддѣльнымъ—хотя бы тѣхъ группъ, которыя, по закону 6 августа, обладаютъ избирательнымъ правомъ?

Только при наличности двухъ условій можно говорить о выборномъ началѣ: всякіе выборы должны быть *сознательны*, во-первыхъ, и *свободны*, во-вторыхъ.

Сознательность выборовъ необходимо предполагаетъ свободу предвыборной агитаціи, свободу пропаганды политическими партіями своихъ политическихъ программъ. Избиратель долженъ имѣть возможность оріентироваться въ различныхъ направленіяхъ общественной мысли, избрать направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее его убѣжденіямъ и интересамъ, и сознательно примкнуть къ нему.

Необходимо имѣть въ виду, что выборы, вообще, безъ предвыборной агитаціи, невозможны,—и не только выборы въ такомъ широкомъ масштабѣ, какъ обще-государственные, но даже и самые скромные выборы мѣстнаго или общественнаго характера. Безъ предварительнаго уговора или соглашенія, голоса на выборахъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, разбиваются между множествомъ кандидатовъ, и самые результаты выборовъ оказываются случайными и часто неожиданными для самихъ избирателей. Въ средѣ любого общества, хотя бы даже научнаго или благотворительнаго,—въ любой общественной средѣ, гдѣ даже члены близко знакомы и тѣсно связаны другъ съ другомъ, выборамъ предшествуетъ агитація, соглашеніе мнѣній, предварительный уговоръ.

Полицейскія мѣропріятія, направленныя противъ предвыборной агитаціи, ни предупредить, ни устранить этой операціи не могутъ: стѣсняя однихъ, они тѣмъ самымъ создаютъ благопріятную почву для другихъ. Вопросъ заключается не въ томъ, быть ли агитаціи или не быть, а въ томъ, кому агитировать, всѣмъ ли, только ли избраннымъ или только... начальству. И если бы былъ изданъ законъ: «всякая предвыборная агитація воспрещена»,—этотъ законъ слѣдовало бы понимать такъ: «предвыборная агитація монополизирована правительствомъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое стѣсненіе предвыборной агитаціи причиняетъ сознательности выборовъ непоправимый ущербъ. При отсутствіи свободы печати, свободы союзовъ и собраній, свободы устнаго слова, борьба противоположныхъ мнѣній, взаимная критика противоположныхъ программъ становится невозможной. При такихъ условіяхъ избиратель, бродящій въ потьмахъ, легко становится жертвою ловкаго политическаго обмана; о сознательности его выбора, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Наряду съ сознательностью, необходима свобода выборовъ. Кто не знаетъ, какъ часто «свободное избраніе

населеніемъ достойныхъ представителей» превращается, благодаря злоупотребленіямъ власти, въ постыдную «избирательную комедію», дающую предуказанные напередъ результаты. Подкупъ, угрозы, насилія, все пускаютъ въ ходъ, чтобы обезпечить побѣду оффиціальнымъ или оффиціознымъ кандидатамъ правительства. И чѣмъ шире полномочія администраціи, чѣмъ дискреціоннѣе ея власть, тѣмъ могущественнѣе ея воздѣйствіе на исходъ выборовъ. Достаточно припомнить характеръ выборовъ во Франціи въ эпоху второй имперіи, или хотя бы выборы въ современныхъ балканскихъ государствахъ для того, чтобы понять во что превращаются выборы подъ давленіемъ всемогущей администраціи, не стѣсняющейся средствами.

Въ какія условія поставлены будутъ выборы,—по крайней мѣрѣ, первые выборы—у насъ, въ Россіи?

Если сознательность выборовъ необходимо предполагаетъ свободу предвыборной агитаціи, то, очевидно, у насъ на такую сознательность расчитывать трудно. Съ особенной интенсивностью ея отсутствіе скажется, конечно, на результатахъ крестьянскихъ выборовъ; оно останется, однако, не безъ вліянія и на результатъ выборовъ по другимъ разрядамъ.

Законъ (ст. 1 и 2 прил. къ ст. 38 полож. о выбор.) предусматриваетъ возможность предвыборной агитаціи только примѣнительно къ выборамъ городскимъ. Въ городахъ избирателямъ каждаго избирательнаго участка предоставляется въ теченіе мѣсяца до выборовъ образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить, для присутствованія на собраніи, одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. На подготовительномъ собраніи могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію полиціи, собраніе должно быть немедленно закрыто (ст. 1 и 2 прил. къ ст. 38 полож. о выбор.).

Это—въ городахъ. Естественно возникаетъ вопросъ: а какъ быть въ уѣздѣ? Разрѣшаются ли предвыборныя совѣщанія уѣздныхъ землевладѣльцевъ или выборныхъ волостного схода, или уполномоченныхъ отъ волости? По прибытіи въ губернію, могутъ-ли «совѣщаться» другъ съ другомъ выборщики, и если могутъ, то какъ,—поразрядно или въ общемъ собраніи выборщиковъ всѣхъ разрядовъ? На всѣ эти вопросы законъ не даетъ никакого отвѣта; по прежнему приходится искать отвѣта въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій...

Допустимъ, что предварительныя совѣщанія милостью начальства допущены будутъ и въ уѣздѣ, — конечно, въ присутствіи недреманнаго полицейскаго ока. Кто именно будетъ присутствовать на совѣщаніяхъ волостныхъ выборныхъ или уполномоченныхъ отъ волостей? Конечно, земскій начальникъ. Нетрудно себѣ представить, во что обратится, — по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ,— въ присутствіи земскаго начальника совѣщаніе крестьянъ!..

Высказываясь противъ участія въ выборахъ лицъ офицерскаго званія, совѣтъ министровъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду вызываемое такимъ участіемъ «взаимное стѣсненіе, при коемъ можетъ пострадать откровенное и свободное изъясненіе мнѣній». Очевидно, по мысли совѣта, присутствіе на совѣщаніяхъ полицейскаго чина,— въ особенности, при дѣйствіи положенія объ усиленной охранѣ, — способствуетъ «откровенному и свободному изъясненію мнѣній»...

Какъ извѣстно, въ губернскомъ избирательномъ собраніи выборы всѣхъ членовъ думы, кромѣ одного, производятся всѣми разрядами выборщиковъ совмѣстно. Крестьяне, такимъ образомъ имѣютъ право подавать свой голосъ за лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ. Доказывая справедливость такого порядка, совѣтъ министровъ справедливо полагалъ, что крестьянскіе интересы могутъ быть выражаемы и поддерживаемы не только крестьянами. По мнѣнію совѣта, нѣтъ основанія преграждать крестьянамъ возможность избирать изъ состава

другихъ сословій лицъ, снискавшихъ себѣ ихъ довѣріе, ибо такое стѣсненіе не вызывается ни дѣйствительною пользою крестьянъ, ни интересами самого дѣла.

Все это такъ; но въ такомъ случаѣ, почему волостные сходы должны избирать уполномоченныхъ исключительно изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ сельскимъ обществамъ данной волости? Почему съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, какъ и всѣ другіе съѣзды, должны избирать выборщиковъ исключительно изъ своей среды? Наконецъ, почему же губернское избирательное собраніе можетъ избирать членовъ государственной думы только изъ среды выборщиковъ?

Отвѣтъ одинъ: для того, чтобы не расширять предѣловъ «искусственной», «преслѣдующей свои особыя цѣли выборной агитаціи», могущей привести выборы къ «непредвидѣннымъ результатамъ».

Ограничивая кругъ подлежащихъ избранію лицъ членами съѣздовъ и собраній, законъ тѣмъ самымъ устраняетъ отъ всякаго участія въ предвыборной агитаціи лицъ, не пользующихся избирательнымъ правомъ; больше того, законъ заботливо охраняетъ выборщиковъ отъ вреднаго на нихъ вліянія самихъ избирателей.

Правила о порядкѣ производства городскихъ выборовъ вполнѣ категоричны: на предварительныхъ совѣщаніяхъ могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. Нѣтъ необходимости доказывать, что такой же порядокъ будетъ соблюдаться и въ уѣздахъ, если, конечно, въ уѣздахъ предвыборныя совѣщанія, милостью начальства, будутъ разрѣшены. Всякое совѣщаніе «уполномоченныхъ или выборщиковъ» съ «посторонними лицами» такъ и останется въ глазахъ начальства крамолой, подлежащей пресѣченію мѣрами усиленной охраны...

Многимъ, конечно, приходилось наблюдать теченіе предвыборнаго періода въ какомъ либо изъ западно-европейскихъ государствъ. Такіе наблюдатели помнятъ, конечно, необыкновенное оживленіе общественной мысли

въ предвыборный, періодъ: агитацію въ печати, лихорадочную дѣятельность партій, сотни тысячъ летучихъ листковъ и афишъ, народные митинги, собранія, программныя рѣчи кандидатовъ и т. д., и т. д. Перенесемся въ родную дѣйствительность и вспомнимъ, хотя бы объ отношеніи губернской администраціи къ распространенію среди крестьянъ оффиціальнаго текста рескрипта 18 февраля или оффиціальнаго отчета о пріемѣ земской депутаціи Государемъ, вспомнимъ о положеніи нашей повременной печати, вообще,—и, въ особенности, провинціальной печати: о тучѣ губернаторскихъ обязательныхъ постановленій, изданныхъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ или на основаніи военнаго положенія; объ административныхъ высылкахъ и арестахъ; о Schutz-und Trutz-Allianz'ѣ полиціи съ черной сотней.

Гдѣ ужъ тутъ думать о широкомъ развитіи предвыборной агитаціи, о сознательности и свободѣ выборовъ!

Нужно ли доказывать совершенную *несовмѣстимость* такихъ явленій, какъ обще-государственные выборы и положеніе объ усиленной охранѣ, или участіе крестьянъ въ государственной думѣ и положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ?!...

Законъ (ст. 23 полож. о выбор.) ввѣряетъ надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ, подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, губернаторамъ и градоначальникамъ по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ надлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и *дѣлать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.*

Нетрудно себѣ представить, какое значеніе пріобрѣтутъ полномочія эти въ рукахъ лицъ, облеченныхъ неограниченной, дискреціонной властью; не забудемъ, что, при дѣйствіи положенія объ усиленной охранѣ, всякій кандидатъ, не угодный администраціи, всякій «агитаторъ», дѣйствующій «возбуждающимъ образомъ» на избирателей, всякій избиратель, произносящій на предвыборныхъ

совѣщаніяхъ «возбудительныя» рѣчи, является, такъ сказать, признаннымъ кандидатомъ на административную высылку въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка. А положеніе о земскихъ начальникахъ: кто не знаетъ, что въ основѣ положенія 1889 г. лежитъ идея административной опеки надъ крестьянствомъ. Разсматриваемые какъ вѣчно-несовершеннолѣтніе, крестьяне, не только въ своей общественной, но и въ своей частной жизни, отданы подъ надзоръ, поставлены подъ ферулу попечительнаго начальства. И вдругъ, крестьяне—народные представители, члены государственной думы! Тѣ самые крестьяне, которые, вступивъ въ составъ государственной думы, подлежатъ отвѣтственности за служебныя провинности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для членовъ государственнаго совѣта (ст. 20 учрежд. госуд. думы), внѣ стѣнъ государственной думы за служебныя и иныя провинности подлежатъ безапелляціоннымъ взысканіямъ, налагаемымъ «безъ всякаго формальнаго производства»—мелкимъ административнымъ чиновникомъ. Крестьянинъ-выборный пользуется въ государственной думѣ «полною свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію думы» (ст. 14 учрежд.); и въ то же время, внѣ стѣнъ государственной думы, *никакой* свободой не пользуется крестьянинъ-выборщикъ?!... Нужно ли доказывать, что до тѣхъ поръ, пока власть администраціи надъ крестьянами сохраняетъ свой опекунскій характеръ, о сознательности и свободѣ крестьянскихъ выборовъ не можетъ быть и рѣчи?

Конечно, вода иногда прорываетъ плотину; чаще, однако, плотина задерживаетъ воду...

Таковы тѣ условія, въ которыхъ имѣютъ произойти первые выборы въ государственную думу; въ виду такихъ условій, можно ли разсчитывать, что дума, дѣйствительно, явится выразительницей *подлиннаго* общественнаго мнѣнія, если не всего народа, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ группъ, которыя призваны закономъ 6 августа къ участію въ политической жизни страны? И

если нельзя, то откуда возьмется у думы тотъ нравственный авторитетъ, который одинъ только является источникомъ истинной и дѣятельной силы государственныхъ учрежденій? И если люди, которые соберутся въ государственную думу, сознаютъ свою великую отвѣтственность предъ страной, они отшатнутся отъ того самозванства, на которое обрекаетъ ихъ бюрократическій режимъ. Они скажутъ во всеуслышаніе странѣ:

Мы не въ правѣ считать себя истинными представителями народа. Мы—не мощный голосъ, а лишь блѣдный отголосокъ народной воли. Сознательный и свободный выборъ народомъ своихъ представителей невозможенъ при дѣйствіи исключительныхъ положеній; онъ невозможенъ безъ гражданской свободы и, прежде всего, безъ свободы печатнаго и устнаго слова, безъ свободы союзовъ и собраній.

Только представительное собраніе, свободно и сознательно избранное всѣмъ народомъ, можетъ пересоздать Россію.

IV.

Мы познакомились, такимъ образомъ, съ происхожденіемъ и составомъ государственной думы. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ организаціи думы.

Дума избирается на пять лѣтъ. Императорскимъ указомъ она можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока. Учрежденіе не устанавливаетъ срока для вторичнаго, послѣ распущенія думы, производства выборовъ. Срокъ этотъ назначается указомъ о распущеніи думы (ст. ст. 2 и 3 учр.). Такимъ образомъ, степень постоянства и дѣятельнаго участія думы въ составленіи законовъ предоставляется усмотрѣнію верховной власти.

Продолжительность ежегодныхъ занятій думы и сроки ихъ перерыва опредѣляются Императорскимъ указомъ (ст. 4). Въ совѣщаніи гофм. Булыгина продолжительность ежегодной сессіи намѣчалась въ 8 мѣсяцевъ; въ совѣтѣ министровъ—только въ 6 мѣсяцевъ.

Во главѣ думы стоятъ предсѣдатель и его товарищъ, избираемые думой изъ числа ея членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть избираемы вновь (ст. 9).

Въ составѣ думы, кромѣ общаго собранія, образуются отдѣлы, въ числѣ отъ четырехъ до восьми. Предсѣдатели отдѣловъ избираются въ каждомъ отдѣлѣ изъ числа его членовъ, съ правомъ переизбранія, на годичный срокъ (ст. ст. 5, 6, 11 учр.). Дѣлопроизводствомъ думы завѣдуютъ секретарь и его товарищъ, избираемые думой изъ числа ея членовъ срокомъ на пять лѣтъ (ст. 26 учр.). Для соображенія общихъ вопросовъ, касающихся дѣятельности думы, образуется, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя думы, особое совѣщаніе (бюро), въ составъ котораго входятъ товарищъ предсѣдателя думы, предсѣдатели отдѣловъ, а также секретарь думы и его товарищъ (ст. 12 учр.).

Въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ сразу бросается въ глаза одна—нѣсколько неожиданная—подробность.

Предсѣдатель думы и его товарищъ не только избираются думой, но даже—въ противность общеустановленному порядку—не подлежатъ утвержденію со стороны верховной власти.

Какъ извѣстно, первоначальнымъ проектомъ гофм. Булыгина намѣчался другой порядокъ. Предсѣдатель думы подлежалъ назначенію по непосредственному изволенію Верховной власти. По мнѣнію совѣта министровъ, установленіе правила о назначеніи предсѣдателя въ учрежденіи, состоящемъ изъ выборныхъ лицъ, могло бы быть сочтено ими за знакъ недовѣрія и побудить ихъ отвѣтить недовѣріемъ же назначенному предсѣдателю думы. А при такой розни дѣятельность думы потерпѣла бы несомнѣнный и весьма существенный ущербъ въ отношеніи какъ планомѣрности, такъ и производительности ея.

Высказавшись, такимъ образомъ, единогласно въ пользу избранія предсѣдателя думой, совѣтъ министровъ

не пришелъ къ единогласному заключенію по вопросу объ утвержденіи предсѣдателя думы верховною властью. Только 4 члена высказалось противъ правительственнаго утвержденія выборовъ,—и притомъ по двумъ основаніямъ: во 1-хъ, неутвержденіе выборовъ могло бы повлечь за собою недовольство избирателей и нареканія на правительство; во 2-хъ, утвержденіе предсѣдателя верховною властью могло бы придать въ глазахъ населенія дѣйствіямъ и мнѣніямъ его значеніе непремѣнно согласныхъ съ высочайшею волей, а въ случаѣ отрицательнаго къ нимъ отношенія со стороны правительства могло бы содѣйствовать возникновенію нежелательныхъ недоразумѣній.

Основанное на выше приведенныхъ соображеніяхъ, мнѣніе меньшинства совѣта одобрено было верховною властью.

Такимъ образомъ, порядокъ избранія предсѣдателя, установленный учрежденіемъ 6 авг., продиктованъ предусмотрительностью дальновидныхъ участниковъ совѣта министровъ.

Предсѣдатель думы не утверждается верховною властью для того, чтобы «отрицательное къ нему отношеніе правительства» не встрѣтило препятствія въ фактѣ его утвержденія монархомъ.

Предоставляя думѣ право избранія предсѣдателя, учрежденіе 6 августа въ то же время обѣщаетъ ея членамъ «полную свободу» сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію думы. Согласно ст. 15 учрежденія, члены государственной думы могутъ быть подвергнуты лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежатъ личному задержанію за долги.

Въ русской печати уже было указано, что изъ всѣхъ статей учрежденія 6 августа наименѣе понятной для иностранца является, именно, вышеприведенная 15-я статья. Въ самомъ дѣлѣ, для обезпеченія «полной свободы» сужденій, статья эта предоставляетъ членамъ государственной думы право, которымъ въ правовомъ го-

сударствѣ пользуется всякій, безъ исключенія, гражданинъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ, какъ извѣстно, для этой цѣли существуетъ гарантія иного рода: члены законодательныхъ собраній не могутъ быть привлекаемы къ *судебной* отвѣтственности иначе, какъ съ согласія той палаты, въ составъ которой они входятъ. Казалось бы, у насъ въ Россіи необходимость такой гарантіи болѣе чѣмъ очевидна,—въ особенности, въ виду всесторонней и тѣсной зависимости нашей судебной власти отъ власти административной. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, члены государственной думы, за рѣчи, произносимыя ими даже въ собраніи думы, могутъ быть привлекаемы къ *судебной* отвѣтственности въ порядкѣ 128-й и другихъ статей уголовнаго уложенія? Неужели крестьянинъ, членъ государственной думы, можетъ быть, хотя бы въ судебномъ порядкѣ, посаженъ въ холодную земскимъ начальникомъ? Неужели членъ государственной думы, принадлежащій къ одному изъ многочисленныхъ политическихъ союзовъ, можетъ быть, по распоряженію судебной власти, въ угодное для администраціи время, подвергнуть лишенію или ограниченію свободы?—И можно ли въ такихъ условіяхъ говорить о «полной свободѣ сужденій и мнѣній», предоставленной, будто бы, членамъ государственной думы?

Еще нѣсколько словъ о публичности и гласности засѣданій думы.

Засѣданія государственной думы не публичны (ст. 41 учр.); ибо, по мнѣнію совѣта министровъ, присутствіе на засѣданіяхъ постороннихъ лицъ могло бы отразиться на дѣловой успѣшности занятій думы. Однако, и по мнѣнію совѣта, для населенія Россіи не могутъ и не должны оставаться тайной сужденія и дѣйствія лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ. Поэтому засѣданія думы должны быть гласными: гласность обезпечивается составленіемъ стенографическаго отчета объ *открытыхъ* засѣданіяхъ думы, который, по удостовѣреніи его предсѣдателемъ, можетъ быть оглашаемъ въ газетахъ. Кромѣ

того, предсѣдателямъ думы предоставляется разрѣшать присутствіе на засѣданіяхъ общаго собранія, кромѣ закрытыхъ, представителей повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ каждаго изданія—(ст. ст. 42, 44 учр.). Такова весьма укороченная гласность, допускаемая учрежденіемъ 6 августа. Однако, и эта гласность представляется бюрократіи чрезмѣрно опасной. Поэтому учрежденіе допускаетъ устройство закрытыхъ засѣданій, во 1-хъ, по постановленію общаго собранія, во 2-хъ, по распоряженію предсѣдателя думы, и, въ-3-хъ, *по требованію министра или главноуправляющаго отдѣльною частью.*

Нѣтъ необходимости доказывать, что при такихъ условіяхъ самая гласность засѣданій думы легко можетъ обратиться въ благозвучный мифъ. Вѣрная исконнымъ традиціямъ, бюрократія не можетъ отрѣшиться отъ излюбленнаго ею принципа, несчастнаго принципа канцелярской тайны.

И то сказать, развѣ можетъ ночная птица не жмурить глазъ предъ яркимъ свѣтомъ дня.

V.

Какъ уже указано было выше, задача реформы заключается въ томъ, чтобы законодательную власть, изъятую изъ рукъ бюрократіи, вручить представительному собранію,—собранію выборныхъ отъ всего народа.

Вручаетъ ли реформа государственной думѣ законодательную власть?

Ст. 1. учрежд. госуд. думы гласитъ:

«Государственная дума учреждается для *предварительной* разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ по силѣ основныхъ законовъ, черезъ государственный совѣтъ, къ верховной самодержавной власти».

Такимъ образомъ, государственная дума является

законосовѣщательнымъ, а не законодательнымъ учрежденіемъ. Мы не станемъ останавливаться на критикѣ принципа совѣщательности, какъ такового. Его несостоятельность доказана давно: къ представительнымъ учрежденіямъ онъ, вообще, непримѣнимъ. Представительное собраніе съ совѣщательнымъ характеромъ въ условіяхъ современной дѣйствительности нежизнеспособно.

Характеризуя законъ 6 августа, необходимо остановиться не на общемъ и родовомъ свойствѣ государственной думы, на совѣщательномъ характерѣ, а на свойствахъ болѣе или менѣе индивидуальныхъ. Свойства эти таковы, что государственная дума, *даже* какъ совѣщательное учрежденіе является единственнымъ въ своемъ родѣ.

Какъ уже указано выше, сфера компетенціи государственной думы ограничивается, такимъ образомъ, участіемъ въ осуществленіи законодательной власти, причемъ въ томъ только объемѣ, въ которомъ эта власть осуществляется государственнымъ совѣтомъ [1]).

Какъ извѣстно, по дѣйствующему законодательству государственный совѣтъ отнюдь не является единственнымъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ: въ области законодательства съ нимъ конкуррируютъ военный и адмиралтействъ-совѣты, главный военный и главный военно-морской судъ, комитетъ сибирской желѣзной дороги, комитетъ финансовъ и опекунскій совѣтъ.

Само собою разумѣется, что реформа 6 августа оставляетъ нетронутою компетенцію означенныхъ учрежденій. Принимая во вниманіе необходимость безотлагательнаго осуществленія реформы, совѣтъ министровъ призналъ невозможнымъ отсрочить ея введеніе на неопредѣленное время до полнаго объединенія законодательной дѣятельности, раздробленной нынѣ между множествомъ учрежденій. Такимъ образомъ, государственная дума, подобно государственному совѣту, явится однимъ изъ законосо-

---

[1]) Административныя и судебныя функціи государственнаго совѣта не входятъ въ компетенцію государственной думы.

вѣщательныхъ учрежденій, и только. Законы, нерѣдко огромной важности, хотя бы, напримѣръ, военно-уголовный кодексъ, могутъ и впредь издаваться помимо участія и вѣдома государственной думы.

Наряду съ вышеуказанными учрежденіями, до настоящаго времени въ области законодательства съ государственнымъ совѣтомъ успѣшно конкуррировалъ комитетъ министровъ; больше того, съ государственнымъ совѣтомъ успѣшно конкуррировали отдѣльные министры, по всеподданнѣйшимъ докладамъ которыхъ издавались именные указы, имѣющіе законодательный характеръ.

Высочайше утвержденнымъ 6 іюня 1905 года мнѣніемъ государственнаго совѣта такой порядокъ существеннымъ образомъ измѣненъ. Согласно правиламъ 6 іюня, изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходитъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными законами, — иными словами, не иначе, какъ при участіи государственнаго совѣта. Устанавливая единообразный порядокъ изданія законовъ, законъ 6 іюня контроль надъ соблюденіемъ этого порядка возлагаетъ на правительствующій Сенатъ. Сенатъ обязанъ не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ. Слѣдуетъ надѣяться, что законъ 6 іюня до нѣкоторой степени сдержитъ законодательное рвеніе какъ комитета министровъ, такъ и отдѣльныхъ начальниковъ вѣдомствъ. Тѣмъ не менѣе, та цѣль, которую ставитъ себѣ законъ 6 іюня, является, по существу, въ абсолютной монархіи недостижимой. До тѣхъ поръ, пока функціи законодательства и управленія нераздѣльно сливаются въ лицѣ самодержавнаго монарха, обособленіе законодательства отъ управленія не можетъ имѣть мѣста. И по закону 6 іюня, высочайшія повелѣ-

нія въ порядкѣ верховнаго управленія издаются въ видѣ докладовъ, удостоенныхъ высочайшаго утвержденія; между тѣмъ, повелѣнія въ порядкѣ верховнаго управленія ничѣмъ *матеріально* не отличаются отъ законовъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что и высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ, даже не выходя за предѣлы компетенціи этого учрежденія, будутъ и впредь сплошь и рядомъ носить законодательный характеръ. Чѣмъ, напримѣръ, не законъ положеніе комитета, относящееся «до общаго спокойствія и безопасности, до продовольствія народнаго и по всякому чрезвычайному происшествію?» [1]) Контроль сената надъ областью верховнаго управленія, по необходимости, будетъ контролемъ исключительно формальнымъ. Всякое мѣропріятіе, хотя бы и законодательнаго характера, относимое верховною властью къ области верховнаго управленія, тѣмъ самымъ изъемлется изъ-подъ контроля сената.

Насколько законъ 6 іюня задуманъ не серьезно, можно судить хотя бы потому, что самая реформа 6 августа осуществлена была отнюдь не въ томъ порядкѣ, который этимъ закономъ предусмотрѣнъ. А именно указъ 27 августа, даровавшій автономію высшимъ учебнымъ заведеніямъ, развѣ это не законъ, изданный въ прежнемъ порядкѣ, по всеподданнѣйшему докладу министра?!

Такова компетенція государственной думы. Въ предѣлахъ этой компетенціи дума обладаетъ правомъ законодательнаго почина и правомъ обсужденія законовъ.

Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ монархіяхъ законодательная инціатива палатъ выражается въ правѣ предлагать королю на утвержденіе законопроекты, разсмотрѣнные и принятые парламентомъ. Отъ права инціативы, въ указанномъ смыслѣ, необходимо отличать, такъ называемое, право петицій, — т. е. право обраще-

---

[1]) Ст. 26 п. I, учр. комит. мин.

нія къ законодательной власти съ ходатайствомъ объ изданіи того или иного закона. Право петицій, по общему правилу, въ конституціонныхъ государствахъ принадлежитъ не парламенту, ибо парламентъ является органомъ законодательной *власти*, а частнымъ корпораціямъ и лицамъ.

Предоставляемое государственной думѣ закономъ 6 августа право законодательнаго почина является, по самому своему существу, не правомъ инициативы, а правомъ петицій. Дума управомочена возбуждать *предположенія* объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ. Такія предположенія возбуждаются заявленіемъ, подписаннымъ не менѣе, чѣмъ тридцатью членами. Къ заявленію долженъ быть приложенъ *проектъ основныхъ положеній* предполагаемаго измѣненія въ законѣ, или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запиской. Если соотвѣтственный министръ согласенъ съ мнѣніемъ думы по возбужденному ею законодательному вопросу, онъ даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ,—т. е. вырабатываетъ законопроектъ и испрашиваетъ соизволеніе верховной власти на внесеніе его въ государственную думу. Если министръ не согласенъ, предположенія думы, принятыя сначала въ отдѣлѣ, а затѣмъ большинствомъ двухъ третей членовъ въ общемъ собраніи, представляются чрезъ государственный совѣтъ на усмотрѣніе верховной власти. Въ случаѣ высочайшаго повелѣнія, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго министра (ст.ст. 34, 54—57 учр. госуд. думы). Такимъ образомъ, думѣ предоставлено право возбужденія законодательнаго вопроса,—право ходатайства,—сначала предъ министромъ, а затѣмъ и предъ верховною властью,—о выработкѣ и внесеніи министромъ въ думу желательнаго ей законопроекта. Даже самостоятельно выработать законопроектъ государственная дума не въ правѣ; она можетъ намѣтить только *основныя положенія* предлагаемаго ею закона. По существу, право, предоставленное государственной думѣ

закономъ 6 августа, ничѣмъ не отличается отъ права, предоставленнаго частнымъ учрежденіямъ и лицамъ нынѣ отмѣненнымъ указомъ 18 февраля. Очевидно, въ глазахъ бюрократіи между государственной думой и «частнымъ учрежденіемъ» существеннаго различія не имѣется. Монополія законодательства остается по прежнему въ рукахъ бюрократіи.

Въ свое время указъ 18 февраля сослужилъ общественному движенію хорошую службу; что касается практическаго его значенія, то, какъ извѣстно, оно оказалось совершенно ничтожнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и право законодательнаго почина, предоставленное государственной думѣ, сыграетъ въ общественномъ движеніи огромную роль; и тѣмъ не менѣе, практическое значеніе этого права точно также останется ничтожнымъ,— конечно, до тѣхъ поръ, пока силой необходимости петиція не станетъ иниціативой.

Предоставляя государственной думѣ право петицій, совѣтъ министровъ, повидимому, возлагаетъ на это право большія надежды. По его мнѣнію, право государственной думы возбуждать законодательные вопросы, обезпечивая общеніе выборныхъ людей съ верховною властью, окажетъ благотворное воздѣйствіе на направленіе законодательной дѣятельности въ государствѣ. Благодаря этому праву, создастся болѣе тѣсное согласованіе между законами и жизнью, слѣдствіемъ чего явится укрѣпленіе и въ народѣ, и въ государственныхъ учрежденіяхъ авторитета закона.

Признавая, такимъ образомъ, всю важность законодательной иниціативы, составители закона 6 августа считаютъ, однако, необходимымъ предоставить государственной думѣ не право иниціативы, а право петицій; больше того, даже скромное право петицій обставляется ими рядомъ въ высокой мѣрѣ стѣснительныхъ условій.

Для того, чтобы законодательныя предположенія думы, не встрѣтившія сочувствія у министра, дошли до свѣдѣнія (*только* до свѣдѣнія) верховной власти, необходимо

принятіе означенныхъ предположеній квалифицированнымъ большинствомъ голосовъ, — а именно, большинствомъ двухъ третей членовъ общаго собранія думы. Для того, чтобы законодательное предположеніе думы вылилось въ законопроектъ (*только* въ законопроектъ!), необходимо: во 1-хъ, предварительное обсужденіе этого предположенія въ государственномъ совѣтѣ; во 2-хъ, одобреніе его верховной властью, и въ 3-хъ, составленіе законопроекта соотвѣтственнымъ министромъ.

Послѣднее обстоятельство,—т. е. необходимость составленія законопроекта министромъ,—дѣйствительно, можетъ отбить у государственной думы охоту возбуждать законодательные вопросы. Не забудемъ, что законъ, поручая министру составленіе законопроекта, ему неугоднаго (ибо иначе предположенія думы не взошли бы на усмотрѣніе верховной власти), не связываетъ его никакимъ опредѣленнымъ срокомъ. Легко себѣ представить, какъ много потребуетъ времени подготовительная работа по составленію такого проекта, — собираніе справокъ, сношенія съ вѣдомствами и т. д., и т. д.

Позволительно при такихъ условіяхъ спросить: куда дѣлось то «непосредственное общеніе народа съ верховной властью», отъ котораго друзья «великой реформы» 6 августа ожидаютъ для Россіи невѣдомыхъ благъ? — Гдѣ оно?...

Казалось бы, право законодательнаго почина, предоставленное государственной думѣ, мудростью бюрократіи обезврежено вполнѣ; тѣмъ не менѣе, и въ такомъ обезвреженномъ видѣ право это внушаетъ бюрократіи непобѣдимый страхъ. «Озабочиваясь всемѣрнымъ огражденіемъ исторически сложившихся устоевъ нашей государственной жизни», совѣтъ министровъ ставитъ осуществленію этого права еще одинъ барьеръ: законодательныя предположенія думы не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными (ст. 34 учр.). Не смотря на видимую категоричность этого правила, содержаніе его представляется

въ высокой мѣрѣ неуловимымъ. Начала государственнаго устройства опредѣляются не только основными законами; въ частности, учрежденіе госуд. думы или положеніе о выборахъ въ государственную думу, не будучи основными законами, несомнѣнно опредѣляютъ начала государственнаго устройства Россіи. Нѣтъ никакой возможности разграничить тѣ начала, которыя установлены основными законами, отъ тѣхъ началъ, которыя установлены не-основными.

При обсужденіи реформы 6 августа, въ совѣтѣ министровъ былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли воспретить госуд. думѣ касаться въ возбуждаемыхъ ею петиціяхъ содержанія самой реформы? Вопросъ этотъ въ совѣтѣ получилъ отрицательное рѣшеніе, и, такимъ образомъ, право госуд. думы возбуждать вопросы о пересмотрѣ ея учрежденія—внѣ всякаго спора.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что пересмотръ учрежденія думы не можетъ не коснуться началъ государственнаго строя Россіи. Никто, напримѣръ, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что дума имѣетъ безспорное право ходатайствовать о введеніи въ Россіи всеобщаго избирательнаго права; но точно также она вправѣ возбуждать вопросъ о предоставленіи ей законодательной иниціативы.

По дѣйствующему учрежденію госуд. думы, министрамъ возвращаются законопроекты, отвергнутые *и* думой, *и* государственнымъ совѣтомъ; ничто не препятствуетъ думѣ возбудить ходатайство о предоставленіи ей права возвращать министрамъ законопроекты, отвергнутые только ею одной. Вполнѣ возможно ходатайство думы о представленіи верховной власти тѣхъ только законопроектовъ, по которымъ состоялось соглашеніе между думой и государственнымъ совѣтомъ; и точно также возможно ходатайство о совершенномъ упраздненіи государственнаго совѣта, или объ освобожденіи его отъ законодательныхъ функцій. Наконецъ, въ порядкѣ пересмотра учрежденій государственной думы, возможно

ходатайство объ установленіи такого порядка, при которомъ возвращаются въ думу законопроекты, не удостоенные высочайшаго утвержденія въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены думой верховной власти.

Конечно, за верховною властью остается право утверждать или не утверждать законодательныя предположенія госуд. думы. Самое право думы *ходатайствовать* объ измѣненіи своего учрежденія остается, тѣмъ не менѣе, безспорно. Но, въ такомъ случаѣ, какъ быть съ «началами государственнаго устройства, установленными законами основными»?...

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о порядкѣ обсужденія законопроектовъ государственной думой.

Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ государствахъ моментъ обужденія законопроекта парламентомъ совпадаетъ съ моментомъ окончательнаго установленія его текста. Принятый парламентомъ законопроектъ не можетъ быть измѣненъ королемъ; король можетъ его санкціонировать, или отказать ему въ санкціи; противъ воли, или помимо воли парламента, законопроектъ не можетъ стать закономъ. При двухпалатной системѣ окончательное установленіе текста законопроета совершается соглашеніемъ между палатами; если такое соглашеніе не состоится, законопроектъ считается отвергнутымъ и, слѣдовательно, вовсе не предлагается для санкціи королю. Необходимость такого порядка очевидна: окончательное установленіе текста закона, являющееся важнѣйшею функціей парламента, невозможно безъ соглашенія между палатами.

Въ отличіе отъ западно-европейскихъ конституцій, учрежденіе госуд. думы 6 августа отрываетъ моментъ окончательнаго установленія текста законопроекта отъ момента обсужденія его законосовѣщательными учрежденіями—госуд. думой и госуд. совѣтомъ. По учрежденію 6 августа, окончательное установленіе текста сливается съ моментомъ санкціи законопроекта. Законосовѣщательныя учрежденія—дума и совѣтъ—обсуждаютъ проектъ и

мнѣнія свои сообщаютъ монарху; монархъ окончательно устанавливаетъ текстъ законопроекта и затѣмъ санкціонируетъ имъ же установленный текстъ. Сообразно съ такимъ порядкомъ, учрежденіе 6 августа отнюдь не считаетъ необходимымъ соглашеніе между думой и совѣтомъ. Если такое соглашеніе состоялось, монарху представляется одно общее мнѣніе думы и совѣта; если оно не состоялось, монарху представляются два мнѣнія, одно — думы и другое — совѣта, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ монархъ мнѣніемъ законосовѣщательныхъ учрежденій не связанъ: своей санкціей онъ можетъ обратить въ законъ либо мнѣніе думы, либо мнѣніе совѣта, либо собственное свое мнѣніе, отличное отъ того и другого.

Само собою понятно, что при такомъ порядкѣ отношеніе, существующее между думой и совѣтомъ, кореннымъ образомъ отлично отъ отношенія, существующаго между законодательными палатами конституціоннаго государства. Функціонируя рядомъ и независимо другъ отъ друга, дума и совѣтъ органически не связаны другъ съ другомъ. Есть дума и есть совѣтъ, но нѣтъ одного и единаго, объемлющаго ихъ учрежденія, — нѣтъ парламента.

Не считая необходимымъ соглашеніе между думой и совѣтомъ, учрежденіе 6 августа считаетъ однако такое соглашеніе желательнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между думой и совѣтомъ возникаетъ разногласіе, законодательный вопросъ, по иниціативѣ общаго собранія совѣта можетъ быть переданъ въ особую смѣшанную комиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя госуд. совѣта или одного изъ предсѣдателей его департаментовъ, изъ равнаго числа членовъ отъ думы и совѣта. Выработанное въ комиссіи согласительное предложеніе подвергается обсужденію въ совѣтѣ и думѣ. Если комиссія къ соглашенію не придетъ, дѣло возвращается въ госуд. совѣтъ (ст. 50, ст. 51.).

Намъ представляется несомнѣннымъ, что создаваемый учрежденіемъ 6 августа порядокъ разрѣшенія конфликтовъ

между госуд. думой и госуд. совѣтомъ практическаго значенія имѣть не будеть. Прежде всего постоянные конфликты между выборнымъ собраніемъ, съ одной стороны, и собраніемъ зависимыхъ чиновниковъ, съ другой, по самому характеру этихъ учрежденій, неизбѣжны. Дума и совѣтъ будутъ говорить на разныхъ языкахъ; они будутъ идти къ разной цѣли разными путями. Требуется чудо, чтобы сразу сравнялась та пропасть, которая вырыта исторіей между обществомъ и бюрократіей. Вѣками господства создалась высокомѣрная самоувѣренность бюрократіи, презрительное ея отношеніе къ обществу; и точно также вѣками порабощенія создалось негодующее и враждебное отношеніе общества къ бюрократіи. При такихъ условіяхъ о совмѣстной и согласной работѣ бюрократіи съ обществомъ не можетъ быть и рѣчи.

Независимо отъ этихъ, такъ сказать, общихъ соображеній, необходимо признать, что самый строй отношеній между думой и совѣтомъ, созданный учрежденіемъ 6 августа, отнюдь не способствуетъ устраненію или, по крайней мѣрѣ, смягченію разногласій между ними.

И въ конституціонныхъ государствахъ палаты болѣе или менѣе разнородны по своему составу. Однако, соглашенія между ними возможны; они возможны, потому что они необходимы. Нѣтъ соглашенія, нѣтъ закона. Вынуждаемыя необходимостью, палаты идутъ на уступки, соглашаются на компромиссъ.

Между тѣмъ, никакой необходимости соглашенія между думой и совѣтомъ — соглашенія во что бы то ни стало—конечно, не существуетъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ того сознанія отвѣтственности, которое свойственно законодательнымъ и не свойственно законосовѣщательнымъ учрежденіямъ. И дума, и совѣтъ не могутъ не сознавать, что и безъ ихъ соглашенія (или вопреки ему) законъ можетъ быть изданъ верховною властью. Зачѣмъ же идти имъ на компромиссъ, быть можетъ совершенно ненужный? Зачѣмъ, напримѣръ, госуд. совѣту уступать государственной думѣ, если мнѣніе со-

вѣта изволеніемъ верховной власти всегда можетъ восторжествовать надъ мнѣніемъ думы?

Не надо быть пророкомъ для того, чтобы съ полной безошибочностью предсказать, что, при дѣйствіи учрежденія 6 августа, хроническая борьба между думой и совѣтомъ неизбѣжна; и точно также не надо быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ...

Не подлежитъ сомнѣнію, что учрежденіемъ 6 августа государственному совѣту обезпечено фактическое преобладаніе надъ думой. Какъ уже указано было Н. И. г. Лазаревскимъ [1]), законъ 6 августа по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ послѣднее, рѣшающее слово оставляетъ за государственнымъ совѣтомъ. Всегда и необходимо законопроекты первоначально обсуждаются думой; затѣмъ предложенія думы поступаютъ въ государственный совѣтъ. Соображенія думы разсматриваются, одобряются или опровергаются совѣтомъ; наоборотъ, соображенія совѣта не сообщаются думѣ и, слѣдовательно, никакого опроверженія съ ея стороны не встрѣчаютъ...

Не слѣдуетъ забывать, что занятія думы, по общему правилу, гласны; наоборотъ занятія совѣта покрыты канцелярскою тайной. Само собою понятно, что при такомъ порядкѣ моральное преимущество,—въ глазахъ общественнаго мнѣнія,—будетъ на сторонѣ думы; наоборотъ, преимущество силы,—преимущество въ глазахъ рѣшающей власти,—остается на сторонѣ совѣта; ибо есть аргументы, боящіеся дневного совѣта, и всякое учрежденіе, работающее подъ покровомъ тайны, становится неразборчивѣе въ средствахъ, настойчивѣй и смѣлѣй...

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что изъ двухъ законодательныхъ учрежденій, совѣта и думы, наиболѣе вліятельнымъ, по мысли составителей учрежденія 6 августа, долженъ быть государственный совѣтъ. Но, въ такомъ

[1]) „Конституціонное государство". Сборникъ статей. Изд. 2-ое. 1906 г.

случаѣ, на какую роль обрекаютъ они государственную думу? И гдѣ то «непосредственное общеніе народнаго представительства съ верховною властью», которое объявляется цѣлью—великою цѣлью—реформы? Что такое государственный совѣтъ, какъ не «бюрократическое средостѣніе», отдѣляющее народъ отъ верховной власти? Не ясно ли послѣ этого, почему реформа, отводящая государственной думѣ жалкое мѣсто на задворкахъ бюрократическаго режима, ни успокоить общественнаго мнѣнія, ни обмануть его не могла?..

Таковы полномочія государственной думы при обсужденіи законопроектовъ. Правда, учрежденіе 6 августа предоставляетъ думѣ еще одно полномочіе, повидимому, въ высокой степени важное, въ дѣйствительности, лишенное какого бы то ни было практическаго значенія. Полномочіе это заключается въ правѣ возвращенія министрамъ законодательныхъ предположеній, отвергнутыхъ думой.

Казалось бы, существенная важность подобнаго права—внѣ всякаго спора. Лишенная возможности активно содѣйствовать изданію хорошихъ законовъ, государственная дума, вооруженная этимъ правомъ, могла бы, по крайней мѣрѣ, препятствовать изданію плохихъ.

Дѣло, однако, въ томъ, что право отклоненія законопроектовъ предоставлено думѣ на такихъ условіяхъ, при которыхъ его осуществленіе оказывается невозможнымъ. Для возвращенія министрамъ законодательныхъ предположеній законъ (ст. 49 учрежд.) требуетъ отклоненія ихъ *en bloc* большинствомъ *двухъ третей голосовъ* не только госуд. думы, но и общаго собранія государственнаго совѣта. Конечно, теоретически мыслимы случаи, когда и государственная дума и совѣтъ окажутся единодушными въ своемъ безусловно отрицательномъ отношеніи къ министерскому законопроекту въ его цѣломъ. Практически, однако, подобные случаи окажутся возможными при томъ лишь условіи, если министерскій портфель врученъ будетъ какому нибудь, доселѣ еще невиданному,

министру. Какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ министерскій проектъ, государственный совѣтъ попытается его улучшить; никогда онъ не станетъ отвергать его en bloc. Не забудемъ, что проекты вносятся въ думу и совѣтъ съ изволенія верховной власти...

Итакъ, каковы же полномочія въ области законодательства государственной думы?

Государственная дума имѣетъ два права — право просьбы и право слова. Бюрократія сохраняетъ за собою одно право—право не внимать ни просьбамъ, ни слову думы. И это все.

Впрочемъ, за бюрократіей остается еще одно право. Въ случаѣ «уклоненія думы отъ разсмотрѣнія министерскаго законопроекта» (т. е. неприбытія ко второму засѣданію требуемаго закономъ числа членовъ), а также въ случаѣ «очевидной медленности въ его обсужденіи» (т. е. неокончанія дѣла къ сроку, установленному государственнымъ совѣтомъ), законодательныя предположенія могутъ быть вносимы на разсмотрѣніе государственаго совѣта *безъ заключенія думы* (ст. 52 и 53 учрежд.).

Бюрократія можетъ быть довольна. Задача, казавшаяся неразрѣшимой, блестяще разрѣшена: народное представительство оказалось совмѣстимымъ съ бюрократическимъ абсолютизмомъ.

И тѣмъ не менѣе, врядъ ли бюрократія спокойна. Намъ думается, что ее смущаютъ сомнѣнія, что ей грезятся страхи. Она знаетъ, что государственная дума, собравшись, во всеуслышаніе скажетъ странѣ:

— Народное представительство не можетъ быть ширмой бюрократическаго режима. Народное представительство должно быть властью или вовсе не быть!

VI.

Учрежденіе 6 августа относитъ къ компетенціи госу-

дарственной думы, между прочимъ, совѣщательную функцію въ области финансоваго законодательства.

Такъ, согласно ст. 33 учрежденія, вѣдѣнію госуд. думы подлежатъ: финансовыя смѣты министровъ и главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ; отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи; дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующихъ Высочайшаго соизволенія.

Не станемъ останавливаться на участіи думы въ финансовомъ законодательствѣ, вообще. Отмѣтимъ одинъ только любопытный и поучительный фактъ: учрежденіе 6 августа вовсе не относитъ къ компетенціи думы разсмотрѣніе дѣлъ о заключеніи внутреннихъ или внѣшнихъ, государственныхъ займовъ. По совершенно справедливому мнѣнію совѣта министровъ, разсмотрѣніе займовъ въ отношеніи порядка и условій ихъ совершенія (способа и времени осуществленія, срока и пр.), по самой сущности кредитныхъ операцій, не можетъ быть возлагаемо на многолюдное, выборное собраніе. Казалось бы, однако, что отсюда еще далеко до совершеннаго устраненія думы отъ дѣла заключенія займовъ. Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ государствахъ, не опредѣленіе условій, а самый фактъ заключенія займа поставленъ въ зависимость отъ предварительнаго согласія представительныхъ собраній [1]). Огромное значеніе займовъ въ экономіи народнаго хозяйства внѣ всякаго спора; поэтому устраненіе госуд. думы отъ какого бы то ни было участія въ ихъ заключеніи, развязывая правительству руки, умаляетъ, во многихъ отношеніяхъ, вліяніе народнаго представительства на народно-хозяйственную жизнь страны.

Переходимъ, однако, къ разсмотрѣнію вопроса объ

---

[1]) Срв., напр., *Прусскую* конст., ст. 99; *Баварскую* конст., ст. 11. *Испанскую* конст., ст. 42 и мн. др.

участіи госуд. думы въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ. Вопросъ этотъ, несомнѣнно, представляется наиболѣе важнымъ съ точки зрѣнія характеристики положенія, занимаемаго госуд. думой въ области, такъ называемаго, финансоваго законодательства.

Въ мотивахъ къ первоначальному проекту реформъ, составленному гофм. Булыгинымъ, справедливо указывается, что въ виду важнаго политическаго и народнохозяйственнаго значенія бюджета, устраненіе отъ участія въ его обсужденіи государственной думы стояло бы въ противорѣчіи съ основной цѣлью реформы: всего опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ то чувство неудовлетворенности, которое можетъ охватить плательщиковъ налоговъ при столь существенномъ ограниченіи правъ госуд. думы по разсмотрѣнію бюджета,—чувство, легко переходящее въ недовольство, и потому подрывающее надежду на постепенное успокоеніе страны съ призывомъ избранныхъ отъ населенія лицъ.

Любопытно узнать, что же собственно сдѣлано реформой для того, чтобы предупредить столь «опасное по своимъ послѣдствіямъ» чувство неудовлетворенности и недовольства плательщиковъ налоговъ?

И въ области налогового законодательства, и въ области бюджетнаго права за госуд. думой остается, конечно, только совѣщательный голосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсужденіе государственной росписи думой поставлено учрежденіемъ 6 авг. въ такія условія, при которыхъ голосъ думы, хотя бы и совѣщательный, никакого значенія имѣть не можетъ.

Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ государствахъ бюджетъ вносится министерствомъ въ парламентъ уже въ готовомъ видѣ. Окончательное изготовленіе бюджетнаго проекта является дѣломъ кабинета министровъ, причемъ солидарность его членовъ исключаетъ возможность коренныхъ и неразрѣшимыхъ разногласій между министромъ финансовъ, съ одной стороны, и остальными министрами—съ другой. Конечно, частичныя разногласія

по тому или иному вопросу возможны и здѣсь; они разрѣшаются въ коллегіальномъ порядкѣ, т. е. по большинству голосовъ, кабинетомъ министровъ.

Во всякомъ случаѣ, палатамъ предлагается на обсужденіе уже готовый бюджетъ; измѣненія, вносимыя въ него палатами, диктуются не техническими, а политическими соображеніями, —народно-хозяйственной программой господствующаго въ парламентѣ большинства.

Само собою разумѣется, что, обсуждая бюджетъ, палаты до извѣстной степени связаны дѣйствующимъ въ странѣ финансовымъ законодательствомъ: значительная часть доходовъ государства опредѣляется налоговыми законами; значительная часть расходовъ—штатами существующихъ учрежденій, утвержденными въ законодательномъ порядкѣ, государственными займами, внутренними и внѣшними, заключенными съ разрѣшенія законодательной власти, и т. д.

Указанное обстоятельство облегчаетъ работу народнаго представительства при обсужденіи бюджета; болѣе или менѣе значительная его часть, по общему правилу, не вызываетъ противъ себя принципіальныхъ возраженій. И тѣмъ не менѣе, бюджетное право парламента имѣетъ въ высокой степени существенное и важное значеніе. Вліяя рѣшающимъ образомъ на распредѣленіе государственныхъ средствъ между отдѣльными статьями расхода, народное представительство опредѣляетъ размѣры и степень удовлетворенія отдѣльныхъ потребностей государственной жизни. Развитіе военнаго дѣла или народнаго просвѣщенія, покровительство труду или покровительство капиталу находятся въ прямой зависимости отъ того или иного распредѣленія денежныхъ средствъ государства. Именно поэтому бюджетное право въ рукахъ народнаго представительства является могущественнымъ средствомъ воздѣйствія на характеръ и направленіе народнохозяйственной политики правительственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это право въ рукахъ народнаго представительства является могущественнымъ средствомъ контроля

надъ правительственной дѣятельностью, во всей совокупности ея многообразныхъ проявленій.

Сказаннымъ въ достаточной мѣрѣ объясняется тотъ вполнѣ несомнѣнный фактъ, что обсужденіе бюджета въ настоящее время является одной изъ важнѣйшихъ функцій западно-европейскихъ представительныхъ собраній.

Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ бюджетъ одинаковымъ образомъ обсуждается обѣими палатами, каждая изъ нихъ тратитъ на его обсужденіе отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ ежегодно.

Существенно иной порядокъ установленъ для обсужденія бюджета въ Россіи.

Въ отличіе отъ западно-европейскихъ государствъ, у насъ въ Россіи на разсмотрѣніе госуд. совѣта (по департаменту госуд. экономіи) вносится не готовый бюджетъ, а прежде всего финансовыя смѣты отдѣльныхъ министерствъ со всѣми возникшими по ихъ поводу разногласіями отдѣльныхъ начальниковъ вѣдомствъ съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

Въ Россіи нѣтъ кабинета министровъ и потому разрѣшеніе этихъ разногласій составляетъ задачу государственнаго совѣта. При обсужденіи росписи департаментъ экономіи является посреднической инстанціей, разрѣшающей междувѣдомственные споры; въ этомъ его главная, можно сказать, единственная задача. По общему правилу, въ департаментѣ происходитъ не обсужденіе бюджета по существу, а установленіе компромисса между министрами. Разъ этотъ компромиссъ установленъ, министръ финансовъ, на основаніи сужденій департамента, составляетъ проектъ росписи и затѣмъ вноситъ его въ государственный совѣтъ. Дальнѣйшее обсужденіе этого проекта, сначала въ департаментѣ экономіи, а затѣмъ въ общемъ собраніи совѣта носитъ исключительно формальный характеръ. Достаточно указать, что, по твердо установившейся практикѣ, при обсужденіи росписи ни въ департаментѣ экономіи, ни въ общемъ собраніи совѣта *никогда не бываетъ разныхъ мнѣній* и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, роспись всегда утверждается въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена совѣту.

Само собою понятно, что при такомъ порядкѣ участіе государственнаго совѣта въ обсужденіи росписи по своимъ результатамъ еще болѣе ничтожно, чѣмъ участіе его въ обсужденіи законопроектовъ; а между тѣмъ, есть основаніе думать, что порядокъ этотъ—по крайней мѣрѣ, въ своихъ основныхъ чертахъ — удерживается реформой 6 августа примѣнительно и къ государственной думѣ.

Правда, совѣтъ министровъ, при обсужденіи проекта реформы, вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія росписи думой оставилъ неразрѣшеннымъ; выработку правилъ, опредѣляющихъ этотъ порядокъ, онъ возложилъ на особое совѣщаніе изъ спеціалистовъ смѣтнаго дѣла. Однако, въ объяснительной запискѣ къ проекту гофм. Булыгина мы встрѣчаемъ сужденія, въ высокой степени цѣнныя для характеристики отношенія бюрократіи къ разсматриваемому вопросу.

Порядокъ разсмотрѣнія росписи государственной думой и государственнымъ совѣтомъ намѣчается этими сужденіями въ слѣдующихъ чертахъ.

Существующій порядокъ, при которомъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ сначала разсматриваются смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ, а затѣмъ уже министромъ финансовъ сводится роспись, удерживается и на будущее время. Однако, въ виду принципіальнаго неудобства разногласій отдѣльныхъ министровъ предъ избранными отъ населенія лицами, признается необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы смѣты представлялись на разсмотрѣніе государственной думы уже безъ разногласій между вѣдомствами, т. е. въ согласованномъ видѣ. Съ этою цѣлью должно быть установлено предварительное, до внесенія въ законосовѣщательныя учрежденія, обсужденіе финансовыхъ мѣръ отдѣльныхъ вѣдомствъ либо въ комитетѣ финансовъ, либо въ особыхъ совѣщаніяхъ заинтересованныхъ министровъ, либо въ спеціальной смѣтной комиссіи, состоящей изъ лицъ, назначаемыхъ верховною властью.

По устраненіи, такимъ образомъ, разногласій между вѣдомствами, отдѣльныя смѣты, по мѣрѣ ихъ предварительнаго разсмотрѣнія въ одномъ изъ названныхъ выше учрежденій, должны быть направляемы одновременно въ государственную думу и въ департаментъ экономіи государственнаго совѣта. Въ думѣ эти смѣты поступаютъ на разсмотрѣніе сначала въ отдѣлъ экономіи и финансовъ, а затѣмъ въ общее собраніе думы. Отъ думы, впрочемъ, зависитъ, въ видахъ сбереженія времени, вовсе отказаться отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ смѣтъ, возложивъ полностью эту работу на свой отдѣлъ. *Не позже, чѣмъ черезъ 15 дней*, по поступленіи группы смѣтъ на обсужденіе думы, заключенія ея по этимъ смѣтамъ должны быть сообщены департаменту государственной экономіи, съ тѣмъ, чтобы непредставленіе заключенія думы къ назначенному сроку признавалось за согласіе думы со смѣтными предположеніями министерства.

По обсужденіи всѣхъ смѣтъ въ государственной думѣ и въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта, министромъ финансовъ въ недѣльный срокъ составляется проектъ государственной росписи въ двухъ параллельныхъ рядахъ цифръ: по первоначальнымъ исчисленіямъ смѣтъ, внесенныхъ на разсмотрѣніе думы, и по измѣненіямъ этихъ исчисленій, сдѣланныхъ думой. Проектъ государственной росписи разсматривается сначала въ отдѣлѣ экономіи и финансовъ думы *въ 10-ти дневный срокъ*, и затѣмъ, *въ 20-ти дневный срокъ*, въ общемъ собраніи думы. Къ опредѣленному дню («не позже 5 декабря») проектъ росписи долженъ быть представленъ въ госуд. совѣтъ съ заключеніемъ думы, а если такового къ указанному сроку не послѣдуетъ, то съ заключеніемъ отдѣла экономіи и финансовъ; если же и этотъ послѣдній не дастъ своего заключенія, то считать думу отказавшейся отъ разсмотрѣнія росписи.

Такова, поистинѣ головокружительная, быстрота прохожденія росписи, по проекту гофм. Булыгина, чрезъ государственную думу. Эта быстрота необходима для

того, чтобы утвержденіе росписи могло воспослѣдовать къ началу бюджетнаго періода, т. е. къ 1 января; она необходима потому, что составленію министерствомъ финансовъ проекта росписи предшествуетъ разсмотрѣніе законосовѣщательными учрежденіями вѣдомственныхъ финансовыхъ смѣтъ.

Къ чему, однако, такое разсмотрѣніе отдѣльныхъ смѣтъ государственной думой? Если въ настоящее время департаментъ государственной экономіи, до составленія росписи, разсматриваетъ отдѣльныя смѣты, то только потому, что ему приходится приводить къ соглашенію отдѣльныхъ министровъ съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

Само собою понятно, что роль междувѣдомственнаго арбитра не входитъ въ амплуа государственной думы; впрочемъ, и надобности въ этой роли не будетъ, если только, какъ предполагаетъ объяснительная записка, разногласія между министрами по смѣтнымъ вопросамъ будутъ заблаговременно разрѣшаться особыми бюрократическими учрежденіями, исполняющими функціи конституціоннаго кабинета министровъ.

А между тѣмъ разсмотрѣніе думою, или только ея отдѣломъ, вѣдомственныхъ смѣтъ неизбѣжно является совершенно безцѣльной, непроизводительной тратою и времени и силъ. Невозможно обсужденіе, по существу, изолированной вѣдомственной смѣты, внѣ всякой ея связи какъ съ другими смѣтами, такъ и съ государственною росписью, взятою въ цѣломъ. Государственной думѣ предлагается смѣта министерства народнаго просвѣщенія. Дума желаетъ увеличить кредиты, отпускаемые по отдѣльнымъ статьямъ этой смѣты; она не можетъ это сдѣлать безъ соотвѣтственнаго уменьшенія кредитовъ, отпускаемыхъ по смѣтамъ другихъ вѣдомствъ.

Можетъ ли, вообще, государственная дума обсуждать, по существу, отдѣльныя вѣдомственныя смѣты до тѣхъ поръ, пока, напримѣръ, ей остается неизвѣстной доходная смѣта министерства финансовъ?

Къ чему же, въ такомъ случаѣ, вся эта комедія об-

сужденія думою вѣдомственныхъ смѣтъ? Не для того ли чтобы лишить ее возможности дѣйствительнаго обсужденія государственной росписи, въ ея цѣломъ?

30 дней на обсужденіе росписи отдѣломъ и общимъ собраніемъ думы! За эти 30 дней отдѣлъ долженъ разсмотрѣть роспись, составить «подробный докладъ» думѣ; дума должна разсмотрѣть докладъ, подвергнуть обсужденію роспись во всѣхъ ея безконечныхъ подробностяхъ; произвести нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысячу голосованій [1]); составить заключеніе и внести его въ государственный совѣтъ!

Къ чему при такихъ условіяхъ неизбѣжно сведется обсужденіе росписи государственной думой? На этотъ вопросъ съ полной откровенностью отвѣчаетъ объяснительная записка. Вслѣдствіе сравнительно короткаго срока заключеніе думы можетъ явиться, главнымъ образомъ, выраженіемъ *общихъ пожеланій избранныхъ отъ населенія лицъ о тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ смѣтныхъ назначеній и доходныхъ статей на будущее время*. Обсужденіе росписи въ государственной думѣ приметъ по преимуществу характеръ выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и сомнѣній по немногимъ смѣтнымъ назначеніямъ.

Такъ полагаетъ объяснительная записка къ первоначальному проекту реформы. А для того, чтобы это предположеніе осуществилось на практикѣ, объяснительная записка считаетъ необходимымъ выразить опредѣленно въ законѣ, что государственной думѣ не предоставляется права, такъ наз., бюджетной инициативы, т. е. права на внесеніе въ роспись, при самомъ разсмотрѣніи послѣдней, новыхъ, еще не разрѣшенныхъ въ законодательномъ порядкѣ доходовъ и расходовъ, или на сокращеніе доходовъ и расходовъ, основанныхъ на дѣйствующихъ узаконеніяхъ и штатахъ.

---

[1]) Въ Англіи, благодаря консолидированному фонду, утвержденіе бюджета требуетъ 200 отдѣльныхъ голосованій, во Франціи—700, въ Пруссіи—до 2.000.

Государственной думѣ предоставляется право — быть «гласомъ, вопіющимъ, въ пустынѣ». «Общія желанія на будущее время», разумѣется, бюрократію не стѣсняютъ; всякія же попытки думы войти въ обсужденіе росписи по существу напередъ пресѣкаются остроумною мѣрой: непредставленіе думой заключенія къ сроку считается доказательствомъ отказа ея отъ разсмотрѣнія росписи.

Такимъ образомъ, предъ думой поставлена диллема: либо ограничиться выраженіемъ «общихъ пожеланій», либо отказаться отъ разсмотрѣнія росписи вообще. И такимъ путемъ бюрократія надѣется предупредить «столь опасное по своимъ послѣдствіямъ чувство неудовлетворенности и недовольства плательщиковъ налоговъ».

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ томъ, что реформой гофм. Булыгина плательщики налоговъ будутъ удовлетворены вполнѣ?

Мы не останавливаемся на деталяхъ разсматриваемаго вопроса—о правахъ государственной думы въ области финансоваго законодательства. Вопросъ этотъ, какъ нами уже указано выше, совѣтомъ министровъ окончательно еще не разсмотрѣнъ. Первоначальныя предположенія гофм. Булыгина поучительны въ томъ только отношеніи, что они являются вполнѣ достовѣрнымъ показателемъ того направленія, въ которомъ онъ будетъ такъ или иначе разрѣшенъ бюрократіей...

Нѣтъ такой области, въ которой принципіальная несовмѣстимость представительнаго образа правленія съ бюрократическимъ абсолютизмомъ сказывалась бы съ такой убѣдительной наглядностью, какъ, именно, въ области финансоваго законодательства.

Первое право *всякаго* народнаго представительства,— это право вотированія налоговъ, въ связи съ правомъ дѣйствительнаго контроля надъ расходованіемъ денежныхъ средствъ государства. И въ Западной Европѣ, въ переходную эпоху отъ абсолютизма къ конституціонному строю, какъ извѣстно, дѣлались попытки созданія законосовѣщательныхъ учрежденій; однако, и за этими учреж-

деніями, напр., за прусскимъ соединеннымъ ландтагомъ 1847 г. признавалось право рѣшающаго голоса въ области налогового законодательства.

Только поистинѣ безграничной самоувѣренностью русской бюрократіи можно объяснить ея наивную вѣру въ возможность ограничить участіе народнаго представительства въ разсмотрѣніи росписи областью «благихъ пожеланій на будущее время».

Наша государственная роспись является живымъ воплощеніемъ стараго, отходящаго въ вѣчность, бюрократическаго режима. Она — плоть отъ плоти и кровь отъ крови того режима, которому Россія обязана своимъ паденіемъ, своимъ разореніемъ и позоромъ. Презрѣніе къ трудящимся массамъ, безжалостная эксплоатація производительныхъ силъ народа въ интересахъ привилегированнаго меньшинства, систематическое противодѣйствіе народному просвѣщенію, мертвящая централизація и канцелярское перепроизводство, — всѣ грѣхи бюрократіи глядятъ на насъ изъ-за безстрастныхъ цифровыхъ колоннъ государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Когда, наконецъ, восторжествуетъ молодая Россія, — отъ нынѣшней росписи не останется камня на камнѣ. Народное представительство получитъ и право установленія налоговъ, и бюджетную инціативу, и рѣшающій голосъ при обсужденіи бюджета. Оно не удовольствуется платоническимъ выраженіемъ пожеланій, — «общихъ пожеланій на будущее время»...

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что государственной думѣ, образованной учрежденіемъ 6-го августа, не предстоитъ, вообще, заниматься бюджетнымъ вопросомъ. Обсужденіе и установленіе бюджета будетъ дѣломъ иной, новой думы, — дѣломъ народнаго представительства, въ истинномъ значеніи этого слова.

VII.

Безсильной и безличной государственной думѣ ре-

форма 6 августа противопоставляетъ всемогущую и безотвѣтственную, по прежнему, бюрократію.

На государственную думу реформаторы смотрятъ, какъ на неизбѣжное зло; они предвидятъ неустранимость борьбы между традиціоннымъ началомъ бюрократизма и новымъ представительнымъ началомъ; и потому они ставятъ превыше всего заботу о «всемѣрномъ огражденіи исторически сложившихся устоевъ государственной жизни». Въ переводѣ на понятный языкъ это значитъ: бюрократія принимаетъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы оградить свою власть отъ возможныхъ посягательствъ на нее государственной думы.

Народное представительство заслоняется государственнымъ совѣтомъ отъ верховной власти. Мнѣніе думы доходитъ до монарха не иначе, какъ преломленнымъ въ бюрократической средѣ государственнаго совѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ среда эта поглощаетъ мнѣніе думы: безъ согласія совѣта—и даже двухъ третей его членовъ—дума не можетъ ни возбудить законодательнаго вопроса, ни отклонить разсмотрѣніе вопроса, возбужденнаго министромъ.

Учрежденіе 6-го августа воздвигаетъ между верховною властью и государственной думой «средостѣнье» въ лицѣ государственнаго совѣта. Зачѣмъ?—Не во имя принципа самодержавной власти, ибо, съ точки зрѣнія этого принципа, число законосовѣщательныхъ учрежденій безразлично; совѣщательная дума такъ-же мало, какъ совѣщательный совѣтъ, ограничиваетъ самодержавную власть. Нельзя-же серьезно относить государственный совѣтъ къ числу «исторически-сложившихся устоевъ государственной жизни» Россіи.

Создавая государственную думу *при* совѣтѣ (а не при монархѣ),—бюрократія заботится *о себѣ*; министры заслоняются совѣтомъ, какъ щитомъ, отъ государственной думы.

Для полноты характеристики реформы 6-го августа необходимо, вообще, отмѣтить ту необыкновенную преду-

смотрительность, съ которой бюрократія «всемѣрно» ограждаетъ, не столько самодержавіе верховной власти, сколько абсолютизмъ подчиненнаго управленія отъ дерзновенныхъ на него посягательствъ государственной думы.

Реформа 6 августа предоставляетъ, между прочимъ, государственной думѣ право запроса и интерпелляцій. Справедливо полагая, что по политическимъ соображеніямъ для правительства предпочтительнѣй самому даровать думѣ это право, чѣмъ ждать, чтобы она стала добиваться его косвенными путями, совѣтъ министровъ, противъ своей воли, оказался вынужденнымъ допустить — по крайней мѣрѣ, въ принципѣ — возможность контроля народнаго представительства надъ дѣятельностью правительственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ счелъ безусловно необходимымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы полномочіе думы не могло обратиться въ «необоснованное вторженіе ея въ область министерскаго управленія, съ нарушеніемъ спокойнаго и безостановочнаго теченія дѣлъ исполнительной власти».

Мѣры, принятыя во избѣжаніе подобной опасности совѣтомъ министровъ, такого рода, что, благодаря имъ, самое право запроса, предоставленное думѣ, теряетъ значительную долю своего практическаго значенія.

Такъ, прежде всего, право запроса ограничивается областью «закононарушеній», совершаемыхъ дѣйствіями министровъ и ихъ подчиненныхъ. Согласно ст. 35 учр., государственной думѣ предоставляется заявлять министрамъ и главноуправляющимъ о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію думы, существующія законоположенія.

По мнѣнію совѣта министровъ, предоставленное думѣ право запроса существенно отличается отъ права интерпелляціи, принадлежащаго на западѣ палатамъ народныхъ

представителей. Тамъ, на западѣ, право интерпелляцій является средствомъ надзора надъ исполнительной властью не только съ точки зрѣнія законности, но и со стороны политической цѣлесообразности ея дѣйствій. У насъ верховный надзоръ за цѣлесообразностью дѣйствій администраціи принадлежитъ одному Государю Императору, и дума въ этомъ дѣлѣ никакого участія имѣть не должна. Полномочіе, предоставленное думѣ, является только однимъ изъ способовъ къ охраненію и неуклонному проведенію начала законности въ управленіи.

Нѣтъ необходимости доказывать, въ какой мѣрѣ указанное ограниченіе умаляетъ дѣйствительную важность, такъ называемаго, права запроса. Какъ извѣстно, наше законодательство предоставляетъ администраціи столь широкія и дискреціонныя полномочія, что во многихъ отношеніяхъ законъ теряетъ, вообще, значеніе регулятора правительственной дѣятельности подчиненныхъ властей. Послѣднія, не выходя изъ чрезмѣрно широкихъ и неопредѣленныхъ предѣловъ закона, имѣютъ возможность, по свободному своему усмотрѣнію, ни съ чѣмъ не считаясь и ничѣмъ не стѣсняясь, деспотически править «ввѣренной имъ частью». Самый вопіющій произволъ легко вмѣщается «въ пустое мѣсто» административнаго закона; и государственная дума безсильна реагировать противъ такого произвола.

Въ той или иной мѣстности, безъ достаточныхъ основаній, вводится положеніе объ усиленной охранѣ или военное положеніе; противъ мирно настроенной и безоружной толпы пускается въ ходъ огнестрѣльное оружіе; сотни мирныхъ гражданъ лишаются жандармеріей свободы, или высылаются изъ мѣста своего жительства распоряженіемъ губернскаго начальства; періодическія изданія подвергаются за «вредное направленіе» административной репрессіи... Все это дѣлается на точномъ основаніи закона, ибо законъ предоставляетъ администраціи неограниченныя и дискреціонныя полномочія на предметъ охраненія общественной безопасности и порядка.

И государственная дума по поводу всѣхъ этихъ фак-

товъ не въ правѣ обратиться съ запросомъ къ компетентному министру. Она должна молчать, ибо критика «цѣлесообразности» правительственныхъ мѣропріятій выходитъ за предѣлы ея компетенціи. Но можетъ ли она молчать? И будетъ ли она молчать? Не станетъ ли она добиваться «косвенными путями» того права, котораго она лишена, но безъ котораго, какъ народное представительство, она существовать не можетъ?

Наряду съ ограниченіемъ, касающимся предмета запроса, учрежденіе 6-го августа вводитъ другое ограниченіе, касающееся тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ онъ можетъ быть обращенъ. Согласно вышеупомянутой 35 ст. учрежд., запросъ можетъ быть обращенъ только къ министрамъ и главноуправляющимъ, подчиненнымъ правительствующему сенату. Такимъ образомъ, запросъ невозможенъ въ отношеніи къ комитету министровъ, хотя послѣдній является органомъ правительственной, а не законодательной власти; онъ не можетъ быть обращенъ къ вѣдомству учрежденій императрицы Маріи, а равно къ министерству Императорскаго двора и удѣловъ.—Другими словами, и послѣ реформы 6-го августа, остаются учрежденія, неподконтрольныя государственной думѣ по самой своей природѣ. Сдѣланная закономъ 6-го іюля попытка подчинить комитетъ министровъ контролю правительствующаго сената не получила дальнѣйшаго своего развитія въ реформѣ 6-го августа. Комитетъ министровъ остается, по прежнему, органомъ *надзаконной* правительственной власти: его положенія, по прежнему, конкурируютъ съ закономъ. Самое существованіе комитета министровъ является доказательствомъ нераздѣльной слитости законодательной и правительственной власти, характеризующей абсолютный режимъ. Какое значеніе можетъ имѣть контроль надъ министрами государственной думы, если министру достаточно провести любую административную мѣру чрезъ комитетъ министровъ для того, чтобы освободить себя отъ всякаго контроля?!.

И тѣмъ не менѣе, право запроса, предоставленное,

по необходимости, государственной думѣ, внушаетъ бюрократіи непобѣдимый страхъ. Для того, чтобы предупредить «необоснованное вторженіе думы въ область министерскаго управленія», реформа 6-го августа вводитъ условія, гарантирующія, по словамъ объяснительной записки, пользованіе думою предоставленнымъ ей правомъ лишь въ случаѣ дѣйствительной надобности и при наличности достаточныхъ къ тому основаній.

Такъ, заявленія объ истребованіи отъ министровъ свѣдѣній и разъясненій по поводу дѣйствій, нарушающихъ существующіе законы, должны быть подписаны не менѣе, чѣмъ тридцатью членами думы (ст. 58 учр.). Принятое большинствомъ членовъ общаго собранія заявленіе сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльною частью (ст. 59 учр.). Министры и главноуправляющіе не позже, чѣмъ по истеченіи одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія сообщаютъ государственной думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія,или же извѣщаютъ думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія (ст. 60 учр.).

Если государственная дума большинствомъ двухъ третей членовъ общаго ея собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго, то дѣло восходитъ черезъ государственный совѣтъ (*опять* государственный совѣтъ!) на Высочайшее благовоззрѣніе (ст. 61 учр.).

Итакъ, иниціатива 30-ти членовъ, большинство двухъ третей голосовъ, заключеніе государственнаго совѣта, — таковы три барьера, чрезъ которые долженъ перепрыгнуть запросъ для того, чтобы достигнуть своей цѣли. Допустимъ, что эти барьеры ему удастся преодолѣть. Что-же дальше? Каковы возможные результаты запроса? Объ этомъ учрежденіе 6-го августа благоразумно молчитъ; неизвѣстно даже, должна ли быть поставлена въ извѣстность государственная дума о послѣдствіяхъ своего обращенія къ верховной власти.

Какъ извѣстно, въ западно-европейскихъ конститу-

ціонныхъ государствахъ право запроса и интерпелляцій находится въ тѣсной и неразрывной связи съ институтомъ отвѣтственности, юридической и политической, министровъ. Чѣмъ интенсивнѣе и дѣйствительнѣе эта отвѣтственность, тѣмъ важнѣе и значительнѣе право запроса.

У насъ въ Россіи объ отвѣтственности министровъ предъ народнымъ представительствомъ не можетъ быть и рѣчи. Объяснительная записка къ первоначальному проекту гофм. Булыгина допускаетъ возможность разногласій — только разногласій—между государственной думой и министромъ въ пониманіи закона; послѣдствіемъ такого разногласія является обращеніе думы къ верховной власти съ представленіемъ о необходимости аутентическаго толкованія неяснаго въ своемъ примѣненіи закона. Это и есть, по учрежденію 6-го августа, единственное послѣдствіе, такъ называемаго, права запроса. Заявленіе о незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи, обращенное къ верховной власти, оказывается, такимъ образомъ, ходатайствомъ объ аутентическомъ истолкованіи закона. И тѣмъ не менѣе, совѣтъ министровъ усматриваетъ въ такомъ обращеніи дѣйствительное средство къ «охраненію и неуклонному проведенію начала законности въ управленіи имперіей». Нельзя не позавидовать оптимизму совѣта министровъ.

Разсмотрѣнной формой запроса исчерпываются полномочія думы въ отношеніяхъ къ административной власти.

Есть, впрочемъ, у думы еще одно полномочіе: при разсмотрѣніи законодательныхъ вопросовъ она можетъ просить у министровъ и главноуправляющихъ необходимыя разъясненія. Послѣднія сообщаются министрами либо непосредственно, либо черезъ посредство своихъ товарищей, или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій, или ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или другихъ, уполномоченныхъ ими, должностныхъ лицъ (ст. 24 и 25 учр.).

Послѣднее постановленіе, по существу незначительное, представляется, однако, весьма характернымъ: въ немъ

отразилось съ удивительной яркостью отношеніе бюрократіи къ государственной думѣ.

И въ государственномъ совѣтѣ министры обязаны, по требованію департаментовъ и общаго собранія, давать объясненія по дѣламъ, относящимся къ ихъ вѣдомству. Въ департаментахъ совѣта представленіе такихъ объясненій можетъ быть поручаемо министрами либо ихъ товарищамъ, либо начальникамъ отдѣльныхъ частей (или департаментовъ) министерства. Въ общемъ собраніи министры могутъ замѣнять себя *только* своими товарищами, или должностными лицами, пользующимися правами сихъ послѣднихъ [1]).

Наоборотъ, въ государственной думѣ объясненія по дѣламъ могутъ быть даваемы любымъ, хотя бы и самымъ незначительнымъ, чиновникомъ. И понятно, почему: что такое, въ самомъ дѣлѣ, государственная дума? Неужели со всякимъ сбродомъ, съ людьми «всякихъ чиновъ и званій» объясняться самому министру, или его товарищу, или другимъ превосходительствамъ министерства?! Мало для нихъ начальника отдѣленія, или какого нибудь чиновника, завѣдующаго дѣлопроизводствомъ?!

Такъ, повидимому, разсуждали сановники, писавшіе учрежденіе государственной думы. И съ своей точки зрѣнія они были правы, ибо что значитъ государственная дума предъ лицомъ самодержавной бюрократіи!

VII.

Подведемъ итоги.

Государственная дума не является народнымъ представительствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова: она не можетъ считаться представительствомъ даже тѣхъ группъ, которыя призваны реформой къ осуществленію избирательнаго права.

---

[1]) Ст. ст. 55, 56, 57, 75 и др. Учр. госуд. сов. изд. 1901 г.

Государственная дума не является органомъ законодательной власти; законодательная власть остается по прежнему, нераздѣльно въ рукахъ безотвѣтственной бюрократіи.

Общественное мнѣніе Россіи никогда не признаетъ и не можетъ признать своимъ уполномоченнымъ органомъ государственную думу, созданную реформой 6 августа.

Поэтому государственная дума нежизнеспособна; нормальнымъ и постояннымъ учрежденіемъ она не будетъ.

Самодержавіе и манифестъ 17 октября.

(Февраль, 1906 г.).

I.

Упраздняется ли самодержавіе манифестомъ 17-го октября?

Для всякаго читателя не-юриста вопросъ этотъ имѣетъ совершенно ясный и опредѣленный смыслъ. Начиная съ Радищева, который французское слово «despotisme» переводилъ «самодержавствомъ», нашъ литературный языкъ подъ самодержавіемъ всегда понималъ неограниченность или абсолютизмъ монархической власти. При такомъ—единственно общепринятомъ—пониманіи самодержавія, вопросъ заключается въ томъ, ограничиваетъ-ли манифестъ 17 октября власть государя? Если ограничиваетъ, самодержавіе упразднено; если не ограничиваетъ, власть государя остается самодержавной.

Не такъ просто обстоитъ дѣло для юриста. Прежде, чѣмъ отвѣтить на поставленный вопросъ, юристу необходимо установить «истинный смыслъ» самодержавія, *какъ юридическаго термина*, имѣющаго опредѣленное, исторически-данное содержаніе. Дѣйствительно ли на языкѣ нашего права, самодержавіе означаетъ неограниченность власти? Не имѣетъ ли оно другого значенія, совмѣстимаго съ понятіемъ ограниченной, или конституціонной власти монарха?

По мнѣнію В. М. Нечаева («Полярная Звѣзда» № 4, стр. 291 и слѣд.) понятіе «самодержавный» въ дѣйствующемъ сводѣ законовъ имѣетъ двоякій смыслъ: оно

означаетъ и внѣшнюю международную независимость и внутреннюю неограниченность власти монарха; въ частности, въ 1-ой статьѣ основныхъ законовъ слово «самодержавный» употребляется въ смыслѣ внѣшняго верховенства государя. Манифестъ 17 октября упраздняетъ «неограниченность» власти монарха; самодержавіе, въ смыслѣ 1-ой ст. осн. зак., и послѣ манифеста 17 октября, остается, «несомнѣнно, цѣлымъ».

Исходя изъ такого пониманія термина «самодержавный», В. М. Нечаевъ предлагаетъ новую редакцію для нѣкоторыхъ статей основныхъ законовъ. О 1-ой статьѣ онъ почему-то не говоритъ. Статья 47 должна быть, по его мнѣнію, редактирована слѣдующимъ образомъ: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, отъ *самодержавной* власти исходящихъ и одобряемыхъ Государственной Думой». Ст. 50-ая должна гласить: «Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе и не иначе поступаютъ къ предначертанному ихъ совершенію, какъ по одобреніи ихъ Государственной Думой и дѣйствіемъ *самодержавной* власти».

Толкованіе термина «самодержавный», предлагаемое проф. В. М. Нечаевымъ, повидимому, пользуется общимъ признаніемъ въ бюрократическихъ сферахъ. Въ свое время «Новымъ Временемъ» приписано было графу Витте утвержденіе, будто неправильно титулу «самодержца» придавать значеніе неограниченности правъ монарха по отношенію къ подданнымъ; *исторически* этотъ титулъ означаетъ, будто бы, независимость монарха отъ ига монголовъ и «польскаго ига». Теперь то же «Новое Время» сообщаетъ, что въ государственной типографіи уже отпечатанъ проектъ тѣхъ измѣненій въ основныхъ законахъ, которые вызываются необходимостью согласованія послѣднихъ съ манифестомъ 17 октября Согласно этому проекту, понятіе «неограниченности» власти мо-

нарха изъ «основныхъ законовъ» исчезаетъ, но титулъ самодержца остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, понятіе «самодержавный» будетъ впредь толковаться въ смыслѣ «международной независимости» монарха.

Бываютъ случаи, когда споръ о словахъ является споромъ о дѣлѣ. Вопросъ о томъ, упраздняется-ли самодержавіе, какъ титулъ монарха, манифестомъ 17 октября, представляетъ огромную, не только теоретическую, но и практическую важность. Для того, чтобъ правильно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо, прежде всего, установить точный юридическій смыслъ этого титула,—какъ въ исторіи, такъ и въ дѣйствующемъ правѣ Россіи.

II.

Свое мнѣніе о двойственномъ значеніи титула «самодержавный» В. М. Нечаевъ основываетъ на слѣдующей исторической справкѣ.

«При Іоаннѣ III, который первый принялъ оффиціально наименованіе самодержца, этотъ титулъ указывалъ на внѣшнюю независимость великаго князя. Въ такомъ смыслѣ терминъ этотъ употребляется еще въ актахъ Имп. Екатерины II, хотя уже съ Іоанна Грознаго подъ самодержавіемъ разумѣютъ и неограниченность власти государя въ дѣлахъ внутренняго управленія. По словамъ Сперанскаго, и въ сводѣ законовъ слово «самодержавіе» имѣетъ два различныхъ смысла: оно указываетъ и на внѣшнюю международную независимость, и на внутреннюю неограниченность власти монарха».

Историческая справка не изъ удачныхъ. Проблематично, прежде всего, утвержденіе, будто Іоанномъ III оффиціально принятъ былъ титулъ самодержца. Въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государствами, Іоаннъ III усвоилъ себѣ впервые названіе *царя*, понимая подъ этимъ названіемъ, дѣйствительно, государя по праву наслѣдства, независимаго, послѣ паденія татарскаго

ига, отъ какой-либо земной власти. Что касается титула самодержца, то сначала этотъ титулъ усвояется великому князю отъ лица подданныхъ—въ писаніяхъ духовныхъ лицъ и въ лѣтописяхъ; онъ является переводомъ греческаго слова: «αὐτόκρατος»,—слова, имѣющаго вполнѣ опредѣленный и отнюдь не «международный» смыслъ. Отъ лица самого царя онъ начинаетъ употребляться никакъ не раньше временъ Ивана IV Грознаго,—причемъ съ самаго начала этимъ титуломъ цари обозначаютъ *неограниченность* и *нераздѣльность* своей власти [1]).

Такъ, кн. Курбскому Иванъ Грозный пишетъ: «Россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи. Како же и самодержецъ наречется, *аще не самъ строитъ*? Имѣю нужду въ милости Божіей.., наставленія человѣческаго не требую».

Та же мысль повторяется въ посланіи Грознаго къ Сигизмунду Августу Польскому: «Нашихъ великихъ государей великое *царское самодержавство* не какъ ваше *убогое королевство*; ибо великимъ государямъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове, какъ хотятъ, такъ и укажутъ».

Допустимъ, однако, что во времена Ивана III и въ ближайшую къ нему эпоху титулъ «самодержавный», прилагаемый къ великому князю и царю, дѣйствительно, означалъ международную его независимость сначала «отъ татарскаго, а затѣмъ и отъ польскаго ига». Во всякомъ случаѣ, такое пониманіе самодержавія, *какъ царскаго титула*, могло быть удерживаемо только до тѣхъ поръ, пока отношеніе царя къ государству имѣло исключительно или преимущественно *вотчинный* характеръ. Въ допетровскую эпоху международная независимость государ-

---

[1]) Въ оффиціальныхъ актахъ титулъ самодержца появляется впервые не раньше конца XVI в. Въ 1591 г. русскіе послы предъявляютъ—кажется, въ первый разъ—требованіе польскому королю писать „великаго государя нашего, царя и великаго князя Федора Ивановича"—„всея Руссіи самодержцемъ". *Б. Савва*, Московскіе цари и византійскіе васильевсы, стр. 342 и сл.

ства могла быть разсматриваема, какъ международная независимость царя.

Въ императорскій періодъ самодержавіе, какъ международная независимость, могло бы характеризовать Россію, какъ суверенное государство, но ни въ какомъ случаѣ не монарха, какъ верховный органъ государственной власти.

В. М. Нечаевъ ссылается на Сперанскаго, будто бы утверждающаго, что и въ сводѣ законовъ слово „самодержавіе имѣетъ два различныхъ смысла,—а именно, указываетъ и на внѣшнюю, международную независимость, и на внутреннюю неограниченность власти монарха.

Ссылка эта ошибочна по существу.

В. М. Нечаевъ введенъ въ заблужденіе Н. И. Лазаревскимъ, неправильно передавшимъ относящіяся къ разсматриваемому вопросу слова Сперанскаго [1]).

Въ своемъ «Руководствѣ къ познанію законовъ» гр. Сперанскій пишетъ:

«Слово «самодержавіе» имѣетъ два разные смысла. *Когда оно прилагается къ государству*, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. *Когда оно прилагается къ особѣ Государя*, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія. Посему всѣ государи въ чистыхъ (*т. е. абсолютныхъ*) монархіяхъ могли бы именоваться «самодержцами» [2]).

Мы процитировали подлинныя слова Сперанскаго, такъ какъ мнѣніе его, какъ автора свода законовъ, имѣетъ самое серьезное значеніе при уясненіи термино-

---

[1]) *Н. И. Лазаревскій*, ст. „Самодержавіе“ въ Энц. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 56, стр. 206.

[2]) *Графъ Сперанскій*, Руководство къ познанію законовъ (1845) стр. 50.

логіи, принятой сводомъ. Очевидно, по мысли Сперанскаго, «самодержавіе» въ 1-й ст. основныхъ законовъ, какъ прилагаемое къ особѣ Государя, не имѣетъ и не можетъ имѣть иного значенія, кромѣ абсолютизма, или неограниченности императорской власти. По словамъ Сперанскаго, титулъ самодержца означаетъ не только власть верховную, но и власть, отъ всякой другой власти, какъ то, отъ сейма или внутренняго какого-либо установленія, независимую [1]).

Мы могли бы, конечно, на этомъ остановиться; но для того, чтобы опредѣлить точнѣе, что именно понимаетъ подъ самодержавною властью ст. 1 нашихъ основныхъ законовъ, необходимо обратиться къ источникамъ, цитируемымъ въ самомъ сводѣ подъ этой статьей.

Источники эти неопровержимо доказываютъ, что существеннымъ моментомъ въ понятіи самодержавія является, именно неограниченность или абсолютизмъ монархической власти. Въ этомъ смыслѣ классическую характеристику самодержавія даютъ воинскіе артикулы Петра Великаго (арт. 20), на которыя ссылается и 1-я статья основныхъ законовъ: «Ибо его Величество есть *самовластный* монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять» [2]).

Ст. 1-я осн. зак. ссылается еще на манифестъ о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны 28 февраля 1730 г. Изорвавъ, по настоянію гвардіи и дворянъ, ограничивавшіе ея власть знаменитые «пункты», Анна Іоанновна объясняетъ свой образъ дѣйствій слѣдующими

---

[1]) Тамъ же, стр. 56.

[2]) Нѣмецкій текстъ арт. 20, напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ параллельно съ русскимъ гласитъ: «Denn Seine Majestät sind ein souveräner Monarch, der Niemanden auf Erden von Seinen Verrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, Dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren» (I-е П. С. З. т. V, № 3006).

словами: «Но понеже потомъ вѣрные наши подданные всѣ единогласно насъ просили, дабы мы Самодержавство въ нашей Россійской Имперіи воспріять соизволили..., мы то самодержавство воспріять изволили».

Порвать «пункты»,—значитъ воспріять самодержавіе. Нужно ли послѣ этого доказывать, что самодержавіе и неограниченность власти—синонимы?

Первая статья основныхъ законовъ не ссылается почему-то на законодательство екатерининскихъ временъ. В. М. Нечаевъ полагаетъ, что еще въ актахъ Имп. Екатерины терминъ «самодержавіе» употребляется въ смыслѣ международной независимости императорской власти. Такъ ли это? Сошлемся на знаменитую 9 ст. екатерининскаго наказа: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства [1]).

Въ составленномъ преимущественно на основаніи екатерининскаго законодательства оффиціальномъ «Систематическомъ сводѣ существующихъ законовъ Россійской Имперіи» (1815) первая статья редактирована слѣдующимъ образомъ: «Самодержавный Государь есть источникъ всякой государственной и гражданской власти».

Возвращаясь къ своду законовъ, предвидимъ одно возраженіе. Если самодержавіе и не ограниченность—синонимы, почему 1-ая ст. основныхъ законовъ называетъ Императора всероссійскимъ монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ? Это возраженіе и дѣлается В. М. Нечаевымъ. По его мнѣнію, едва-ли нужно говорить что слово «самодержавный» употребляется въ первой статьѣ въ смыслѣ внѣшняго верховенства государя, иначе употребленіе слова «самодержавный» рядомъ со словомъ «неограниченный» не имѣло бы смысла.

Дѣло, однако, въ томъ, что источникамъ нашего права терминъ «неограниченный» неизвѣстенъ; впервые онъ

---

[1]) Ср. ст.ст. 10, 148 и 149 Наказа.

употребленъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ германской терминологіи, закономъ 5 апрѣля 1797 г. объ учрежденіи Императорской фамиліи, послужившимъ, въ числѣ прочихъ законовъ, указанныхъ выше, источникомъ 1-ой ст. осн. зак. Здѣсь «царствующій» называется «неограниченнымъ самодержцемъ», причемъ такое наименованіе его является очевидной тавтологіей,—и только.

Что понятіе «неограниченный» ничего новаго къ понятію «самодержавный» не прибавляетъ, можно видѣть, хотя бы, изъ сопоставленія первой статьи осн. зак. со второй.

Послѣдняя гласитъ: «Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго пола». Само собою разумѣется, что власть Императрицы въ указанномъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ власти Императора: это—та же власть. Между тѣмъ, въ характеристикѣ этой власти моментъ «неограниченности» отсутствуетъ вовсе,—очевидно, потому, что, на ряду съ моментомъ самодержавія, онъ представляется излишнимъ.

Итакъ, послѣ сказаннаго можно, кажется, считать установленнымъ, что, по смыслу нашего дѣйствующаго права, самодержавіе и неограниченность власти—синонимы.

Говоря точнѣе, самодержавіе и неограниченность власти характеризуютъ два различныхъ момента одного и того же понятія,—понятія королевскаго абсолютизма: самодержавіе—моментъ положительный—полноту власти монарха; неограниченность—моментъ отрицательный—отсутствіе представительнаго учрежденія, раздѣляющаго эту власть съ монархомъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ неограниченность, тамъ и самодержавіе власти; ограниченная власть не можетъ быть самодержавной. Поскольку манифестъ 17 октября устанавливаетъ принципъ ограниченности, постольку онъ отрицаетъ принципъ самодержавія власти. «Ограниченный» монархъ *не имѣетъ права* на титулъ самодержца.

Ограничиваетъ ли, однако, манифестъ 17 октября Императорскую власть?

III.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выяснить и установить понятіе конституціоннаго ограниченія королевской власти.

«Ограниченіе» власти монарха можетъ быть двоякаго рода,—*формальнымъ* и *матеріальнымъ*.

Подъ формальнымъ мы понимаемъ такое ограниченіе, которое касается исключительно *формы* волеизъявленій монарха; матеріальное ограниченіе касается *содержанія* такихъ волеизъявленій.

Формальное ограниченіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ устанавливаетъ обязательную для монарха форму изданія законовъ. *Всякая* воля монарха можетъ стать содержаніемъ закона: voluntas regis suprema lex esto. Но для того, чтобы стать закономъ, волеизъявленіе монарха должно пройти опредѣленныя стадіи законодательнаго пути, вылиться въ форму, опредѣленную закономъ. Ст. 50 осн. зак. устанавливаетъ формальное ограниченіе монархической власти, ибо, согласно этой статьѣ, всѣ предначертанія законовъ должны быть разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ. Такое же ограниченіе—въ болѣе категорической формѣ—устанавливается закономъ 6 іюня объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ. Оставляя за Государственнымъ Совѣтомъ обсужденіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также обсужденіе предположеній, касающихся измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія, отмѣны и аутентическаго истолкованія дѣйствующихъ законовъ, законъ 6 іюня возлагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на обязанность Правительствующаго Сената не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ из-

ія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государ-
енныхъ законовъ.

Наконецъ, такой же характеръ формальнаго ограни-
енія власти монарха имѣетъ законъ 6 августа о Госу-
арственной Думѣ. И этотъ законъ не ставитъ самодер-
жавной власти никакихъ *матеріальныхъ* границъ.
Мнѣніе Государственной Думы не обязательно для
монарха; воля монарха—*всякая* его воля—законъ. Дѣй-
ствительность закона обусловлена предварительнымъ его
обсужденіемъ—и только обсужденіемъ—въ Государствен-
ной Думѣ. Подобно Государственному Совѣту, Государ-
ственная Дума *свободу рѣшенія* оставляетъ вполнѣ и
безусловно за монархомъ.

Само собою разумѣется, что формальныя ограниченія
указаннаго типа не колеблютъ принципа неограниченной,
самодержавной власти. *Essentiale* самодержавія—матеріаль-
ная неограниченность воленъявленій монарха. Самодер-
жецъ—тотъ, кто можетъ все, что ему угодно, приказать,
хотя бы и не всякимъ, какимъ ему угодно, способомъ. Са-
модержецъ—тотъ, кто не дѣлитъ ни съ кѣмъ своей *власти*,
кто «самъ строитъ».

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что формальное огра-
ниченіе власти, наряду съ матеріальной неограниченностью
ея, является логическимъ contradictio in adjecto. Въ
самомъ дѣлѣ, какъ быть, если нарушеніе *формы* со-
ставляетъ *содержаніе* воли монарха? Опытъ доказываетъ
совершенную тщетность формальнаго ограниченія само-
державной власти. У насъ въ Россіи законы сплошь и
рядомъ издавались—и до, и послѣ 6 іюня—помимо Го-
сударственнаго Совѣта; они издавались бы и помимо Го-
сударственной Думы, если бы законъ 6 августа сталъ
совершившимся фактомъ.

Матеріальное ограниченіе власти монарха необходимо
предполагаетъ участіе народнаго представительства въ
осуществленіи законодательной власти. Ограниченный кон-
ституціей, или, другими словами, конституціонный мо-
нархъ не можетъ «всего желать», ибо содержаніе закона

опредѣляется соглашеніемъ между народнымъ представительствомъ и монархомъ. Нѣтъ соглашенія — нѣтъ закона; воля монарха, поскольку она не совпадаетъ съ волею народнаго представительства, лишена значенія и силы закона.

Конституціонный режимъ покоится на слѣдующемъ принципѣ: ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ иначе, какъ съ согласія народнаго представительства. Гдѣ этотъ принципъ установленъ въ законодательномъ порядкѣ, тамъ неограниченной *или* самодержавной власти монарха нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Этотъ принципъ установленъ манифестомъ 17 октября; съ этого дня неограниченной или самодержавной власти *de jure* на Руси не существуетъ.

Манифестъ 17 октября *октроируетъ* Россіи конституціонный принципъ. Какъ всякая октроированная конституція, манифестъ *формально* является выраженіемъ, «доброй воли и добраго обѣщанія» государя; но эта воля и это обѣщаніе таковы, что *легальнымъ образомъ* они не могутъ быть взяты государемъ обратно[1]). Манифестъ могъ быть установленъ волеизъявленіемъ монарха, ибо *въ моментъ его изданія* монархъ былъ самодержцемъ. Онъ не можетъ быть отмѣненъ волеизъявленіемъ монарха, ибо *съ момента его изданія* самодержца въ Россіи не существуетъ.

Конечно, Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ управленія могутъ быть издаваемы и послѣ манифеста 17 октября; такія повелѣнія не могутъ, однако, отмѣнить законовъ, установленныхъ самодержцемъ, какъ органомъ верховной законодательной власти; а тѣмъ болѣе они не могутъ отмѣнить *основныхъ* законовъ, опредѣляющихъ порядокъ и способъ изданія законовъ на будущее время.

---

[1]) Ср., напр., введеніе въ конст. вел. герц. Баденъ 22 авг. 1818 г.: «Проникнутые искреннимъ желаніемъ укрѣпить узы взаимнаго довѣрія между нами и нашимъ народомъ..., мы *даровали* нижеслѣдующій конституціонный актъ и торжественно *обѣщаемъ* за насъ и за нашихъ наслѣдниковъ вѣрно и по совѣсти исполнять его и принуждать къ исполненію его другихъ».

В. М. Нечаевъ проводитъ аналогію между октроированіемъ манифеста 17 октября и частноправнымъ институтомъ даренія; неотъемлемость манифеста онъ выводитъ изъ частноправнаго приципа: „donner et retenir ne vaut“. Мы противъ аналогій между публично и частноправными институтами, вообще; такія аналогіи, всегда несодержательныя, скользятъ по поверхности, не проникая вглубь сопоставляемыхъ институтовъ.

Дарованіе монархомъ конституціи можетъ быть сравниваемо развѣ только съ отреченіемъ монарха отъ престола. Отреченіе отъ престола всегда является актомъ „доброй воли“ монарха. Однако, отреченіе это не можетъ быть взято обратно, потому что, разъ оно состоялось, то лицо, которое было монархомъ, перестаетъ быть таковымъ. Воля бывшаго монарха: „хочу снова быть монархомъ“, будучи волею частнаго лица, не можетъ, какъ таковая, имѣть юридическихъ послѣдствій.

Дарованіе конституціи—или, что тоже, установленіе конституціоннаго начала—съ юридической точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемо, какъ переходъ верховной законодательной власти отъ одного субъекта—абсолютнаго короля—къ другому—«королю въ парламентѣ». Только «король въ парламентѣ» можетъ измѣнить или отмѣнить конституцію; бывшій самодержецъ, оставаясь монархомъ, перестаетъ быть законодателемъ.

Манифестъ 17 октября возвѣщаетъ «непреклонную волю самодержца установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы».

Непреклонная воля самодержца есть законъ; выполненіе этого закона, возложенное на правительство, для послѣдняго обязательно. Другими словами, правительство обязано принять мѣры къ созыву Государственной Думы и воздержаться отъ проектированія, впредь до такого созыва, какихъ бы то ни было законодательныхъ мѣропріятій. «Временныя правила», издаваемыя правительствомъ («королемъ въ кабинетѣ») въ видахъ созыва Государ-

ственной Думы, не будучи закономъ, не имѣютъ значенія и силы закона; они пріобрѣтутъ такое значеніе и такую силу только въ томъ случаѣ, если впослѣдствіи получатъ «одобреніе» Государственной Думы. Съ юридической точки зрѣнія, «законы», издаваемые нынѣ правительствомъ, имѣютъ такое же значеніе, какое присуще, по нѣкоторымъ конституціямъ, такъ-наз. «временнымъ законамъ», издаваемымъ въ исключительныхъ случаяхъ правительствомъ во время перерыва между сессіями парламента. Такіе законы, во всякомъ случаѣ, не стоятъ въ противорѣчіи съ принципомъ ограниченности монархической власти[1])

Не подлежитъ сомнѣнію, что манифестъ 17 октября вводитъ конституціонное начало въ новое государственное право Россіи; это начало формулировано въ п. 3 манифеста. И если бы все содержаніе манифеста исчерпывалось *только* этимъ пунктомъ,—и тогда мы должны были бы признать, что въ Россіи *есть* конституція и, *слѣдовательно*, нѣтъ самодержавія и не можетъ его быть.

IV.

Вопросъ о томъ, упраздняется ли самодержавіе манифестомъ 17 октября, представляетъ не только теоретическій интересъ: онъ имѣетъ огромное практическое значеніе.

Самодержавіе—это символъ, символъ политическаго міровоззрѣнія, дорогого однимъ и ненавистнаго другимъ; символъ политическаго строя безповоротно отошедшаго въ вѣчность.

Для враговъ политическаго обновленія Россіи, для

[1]) Ср. ст. 25 *датской* конст. 1849—1866 г.г.: „Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, король имѣетъ право, въ перерывѣ между сессіями ригсдага, издавать временные законы, которые, однако, ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить конституціи и всегда должны быть вносимы въ ригсдагъ въ ближайшую сессію". Срв. *норвежскую* конст. 1814 г. ст. 17.

„истинно-русскихъ людей“, самодержавіе—боевой кличъ, лозунгъ реакціи. Самодержавіе—красное знамя контръ-революціи, знамя тѣхъ черныхъ тысячъ, которыя поднимаются походомъ, во имя старой, противъ новой Россіи. Вырвать изъ ихъ рукъ это знамя—значитъ облегчить освободительному движенію окончательное торжество. До тѣхъ поръ, пока оно развѣвается надъ крѣпостью бюрократической Россіи, мы не можемъ быть спокойны, не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ.

И для насъ самодержавіе символъ—символъ всего нашего мрачнаго прошлаго, вѣкового гнета, тяготѣвшаго и еще тяготѣющаго надъ несчастной страной. И когда мы возстаемъ противъ этого символа, мы возстаемъ противъ бюрократической опричины и гражданскаго рабства, противъ позора нашихъ внѣшнихъ пораженій и еще большаго позора нашихъ внутреннихъ побѣдъ. И когда мы ненавидимъ этотъ символъ,—мы ненавидимъ Мукденъ и Цусиму, Шлиссельбургъ и Петропавловскую крѣпость, разнузданную свободу кулака и оковы, наложенныя на мысль и на слово.

И если, дѣйствительно, въ день 17 октября заложенъ былъ первый камень народной свободы, этотъ камень будетъ—онъ долженъ быть—могильной плитой надъ старымъ самодержавнымъ режимомъ.

Новый избирательный законъ.

(Декабрь 1905 г.).

По сравненію съ закономъ 6 августа, законъ 11 декабря значительно расширяетъ кругъ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ. *По числу* этихъ лицъ, русская избирательная система приближается, дѣйствительно, къ системѣ всеобщаго избирательнаго права. Избирательный цензъ «квартирной самостоятельности» («домообзаводства»), получившій, по новому закону, примѣненіе къ городскимъ выборамъ, является, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе широкихъ «классовыхъ цензовъ».

Согласно п. 5 перваго и второго отдѣловъ закона, избирателями являются лица, занимающія не менѣе года *въ предѣлахъ города* на свое имя отдѣльную квартиру. Величина квартиры и размѣръ наемной платы—вполнѣ безразличны. Избирателями являются и рабочій, снимающій въ городѣ комнату съ кухней, и служитель казеннаго учрежденія, получающій квартирное довольствіе натурой. *Всякій* квартиронаниматель—избиратель.

Не подлежитъ сомнѣнію, что квартиронанимательскій цензъ является для городскихъ избирателей основнымъ. Всякій другой цензъ долженъ быть разсматриваемъ, съ теоретической точки зрѣнія, какъ дополнительный,—т. е. предоставляющій избирательныя права лицамъ, хотя бы и не снимающимъ на свое имя квартиръ [1]). Такъ, на-

[1]) Практически наличность у избирателя другого ценза кромѣ квартиронанимательскаго, имѣетъ весьма важное значеніе, обусловленное порядкомъ составленія избирательныхъ списковъ; объ этомъ см. ниже.

ряду съ квартиронанимателями, правомъ участія въ съѣздахъ городскихъ избирателей пользуются: лица, владѣющія не менѣе года въ предѣлахъ городскихъ поселеній, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, обложенными государственнымъ налогомъ, или городскимъ сборомъ, или сборомъ на земскія повинности, *въ какомъ бы то ни было размѣрѣ*; лица, владѣющія въ предѣлахъ города или его уѣзда [1]) не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки *какого бы то ни было* промысловаго свидѣтельства; лица (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ города или его уѣзда [2]) основной промысловый налогъ *по любому разряду* на личныя промысловыя занятія; лица (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ города или его уѣзда [3]), получающія содержаніе или пенсію по государственной или общественной службѣ, или по службѣ въ сословныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ.

Само собою понятно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ лица, принадлежащія къ указаннымъ категоріямъ, являются избирателями уже по квартиронанимательскому цензу; однако, они являются избирателями и въ томъ случаѣ, когда никакой квартиры на свое имя не снимаютъ.

Если принять во вниманіе, что, кромѣ указанныхъ категорій, изъ числа городскихъ обывателей привлекаются къ участію въ выборахъ—правда, въ весьма своеобразной формѣ—рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ занято не менѣе 50 взрослыхъ рабочихъ, то необходимо признать, что кругъ лицъ, устраненныхъ

---

[1]) Въ городахъ, обладающихъ самостоятельнымъ правомъ представительства, избирательное право принадлежитъ лицамъ, владѣющимъ торгово-промышленными предпріятіями только въ предѣлахъ города.

[2]) См. выше, прим. 1.

[3]) См. выше, прим. 1.

вовсе отъ участія въ выборахъ, въ городскихъ поселеніяхъ сравнительно невеликъ. Неотдѣленные члены семействъ, несостоящіе на службѣ и неимѣющіе личнаго промышленнаго занятія; мелкіе ремесленники и ремесленные подмастерья, не живущіе своимъ домомъ; чернорабочіе и занимающіеся извознымъ промысломъ; домашняя прислуга, рабочіе мелкихъ и незначительныхъ предпріятій, а также всѣхъ, вообще, предпріятій, не подчиненныхъ фабричной инспекціи,—таковы, приблизительно, изгои новаго избирательнаго закона.

Что касается уѣздовъ, то здѣсь избирателями являются, прежде всего, всѣ, вообще, самостоятельные крестьяне, т. е. крестьяне-домохозяева, избирающіе выборныхъ на волостной сходъ. Чего стоитъ избирательное право крестьянина, объ этомъ намъ приходилось уже говорить по поводу положенія о выборахъ 6-го августа; новый законъ 11-го декабря оставляетъ систему крестьянскихъ выборовъ нетронутой. Тѣмъ не менѣе, каждый крестьянинъ-домохозяинъ принимаетъ участіе въ выборахъ—правда, весьма и весьма косвенное—посредствомъ избранія выборныхъ волостного схода, избирающаго, въ свою очередь, уполномоченныхъ, избирающихъ, въ свою очередь, выборщиковъ и т. д.

Кромѣ крестьянъ, избирателями въ уѣздахъ являются всѣ, вообще, лица, владѣющія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ земскимъ сборомъ, *въ какомъ бы то ни было размѣрѣ*. Изъ невладѣльческихъ элементовъ, имѣющихъ касательство къ землѣ, правомъ участія въ выборахъ пользуются управляющіе и арендаторы такихъ имѣній, которыя по своимъ размѣрамъ даютъ собственникамъ право на участіе въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, а также настоятели церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, если церковь, либо ея причтъ или молитвенный домъ владѣютъ въ уѣздѣ землею. Наконецъ, и въ уѣздахъ избирателями являются рабочіе предпріятій фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышлен-

ности, въ коихъ общее число рабочихъ мужского пола не менѣе пятидесяти.

Такимъ образомъ, и въ уѣздахъ отъ участія въ выборахъ устраняется вполнѣ, сравнительно, небольшой кругъ лицъ, принадлежащихъ къ разнообразнымъ группамъ населенія: несамостоятельные члены семействъ землевладѣльцевъ, безземельные крестьяне, рабочіе мелкихъ промышленныхъ предпріятій и т. п.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что кругъ лицъ, допущенныхъ къ участію въ выборахъ, весьма широкъ. Законъ 11-го декабря вводитъ, если не всеобщее, то, во всякомъ случаѣ, весьма широкое избирательное право. Не слѣдуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, по этому поводу возрадоваться и возликовать?..

Намъ казалось бы, что, прежде чѣмъ радоваться и ликовать, не мѣшало бы задуматься надъ вопросомъ: почему же все-таки, привлекая къ участію въ выборахъ всевозможные разряды населенія,—людей капитала и труда, рабочихъ и крестьянъ, городскую интеллигенцію и уѣздный третій элементъ,—правительство, тѣмъ не менѣе, отказываетъ странѣ въ *единодушномъ* требованіи *всеобщаго* избирательнаго права?

Само собою понятно, что тѣ аргументы, которые въ свое время, въ объяснительной запискѣ къ проекту Булыгина, приводились противъ всеобщаго избирательнаго права, въ настоящее время использованы быть не могутъ. Нельзя говорить о неподготовленности страны ко всеобщимъ выборамъ, о недостачно высокомъ уровнѣ развитія народныхъ массъ, разъ эти народныя массы, и и крестьянство, и рабочій классъ, допущены къ участію въ выборахъ. Нѣтъ, напримѣръ, никакого основанія думать, что рабочіе въ мелкихъ предпріятіяхъ менѣе подготовлены къ участію въ выборахъ, нежели рабочіе въ предпріятіяхъ крупныхъ. Если рабочій-квартиронанимателъ является *такимъ же* избирателемъ, какъ и всякій другой городской обыватель, то, очевидно, о цензѣ «избирательной способности», въ специфическомъ смыслѣ этого слова не можетъ быть и рѣчи.

Съ другой стороны, еще менѣе убѣдительны тѣ аргументы противъ всеобщаго избирательнаго права, которые приводятся нынѣ въ сообщеніи «Правительственнаго Вѣстника», являющемся объяснительной запиской къ закону 11-го декабря.

По словамъ «сообщенія», всеобщая подача голосовъ далеко не составляетъ послѣдняго слова политическаго представительства, и даже въ странахъ, значительно опередившихъ Россію на пути развитія формъ государственной жизни, не является сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ.

Наивность приведеннаго аргумента болѣе, чѣмъ очевидна. Въ теоріи необходимость всеобщаго избирательнаго права является общепризнанной аксіомой; и если въ избирательномъ правѣ нѣкоторыхъ современныхъ государствъ мы, дѣйствительно, встрѣчаемся съ системами классоваго ценза, то это, разумѣется, объясняется не спорностью принципа всеобщаго голосованія, а исключительно противодѣйствіемъ его осуществленію, идущимъ со стороны господствующихъ въ государствѣ экономическихъ группъ.

Еще болѣе наивна и безсодержательна мысль, будто требованіе «всеобщей, равной и прямой подачи голосовъ» предъявляется къ правительству «въ силу отвлеченныхъ соображеній». Кто не знаетъ, что вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ является, прежде всего, вопросомъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, вопросомъ реальной политики, въ истинномъ смыслѣ этого слова. За всеобщее избирательное право люди борются, побѣждаютъ, или гибнутъ не «въ силу отвлеченныхъ соображеній», а въ силу реальныхъ и жизненныхъ интересовъ народныхъ массъ,—тѣхъ многообразныхъ интересовъ, которые могутъ быть осуществлены и,—по крайней мѣрѣ, отчасти—дѣйствительно, осуществляются исключительно и только народнымъ представительствомъ, созваннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Отвергая систему всеобщаго избирательнаго права, правительство «считаетъ себя не въ правѣ отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, кои до настоящаго времени неизмѣнно полагались въ основу всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ»; такими началами оно считаетъ организацію народнаго представительства отъ существующихъ въ государствѣ «бытовыхъ группъ» населенія.

Обвиняя «въ отвлеченности» сторонниковъ всеобщаго голосованія, правительство впадаетъ само въ «отвлеченность» весьма и весьма подозрительнаго свойства.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не отвлечено понятіе «бытовыхъ группъ», – понятіе, которому въ реальной дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, правительство полагаетъ, что городское населеніе,—вся эта безконечно пестрая, безконечно разнообразная масса городскихъ квартиронанимателей—является «бытовымъ единствомъ», въ истинномъ, реальномъ смыслѣ этого слова? Неужели оно, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что крестьянинъ, живущій на надѣльной землѣ, и другой крестьянинъ, его сосѣдъ, живущій на купленной, принадлежатъ къ различнымъ «бытовымъ группамъ», не имѣющимъ ничего общаго между собой?

И, наконецъ, можно ли, вообще, считать избирательную систему 6 августа представительствомъ отъ «бытовыхъ группъ» населенія? За исключеніемъ крестьянъ, имѣющихъ въ думѣ своихъ представителей, всѣ, вообще, группы населенія—и горожане, и землевладѣльцы, и фабричные рабочіе, и тѣ же крестьяне, сливаются въ губернскомъ избирательномъ собраніи въ *одну* коллегію, избирающую совмѣстно народныхъ представителей. Избранные являются представителями не «бытовыхъ группъ», а «всего населенія имперіи». Въ самый рѣшительный моментъ избирательной процедуры,—въ моментъ выбора представителей, группы теряютъ свою «самобытность» и сливаются въ одну такую «не бытовую» группу, какой является всякая избирательная коллегія при всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Но, въ такомъ случаѣ, причемъ тутъ представительство отъ бытовыхъ группъ, и почему всеобщее избирательное право невозможно?

Отвѣтъ ясенъ и простъ.

Расширеніе круга избирателей явилось, конечно, вынужденной и неискренней уступкой правительства, сдѣланной подъ давленіемъ политическихъ условій переживаемаго Россіей революціоннаго момента. Надо было предоставить избирательныя права и городской интеллигенціи, и рабочимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляя имъ избирательныя права, надо было позаботиться о томъ, чтобы степень ихъ дѣйствительной власти на результаты выборовъ была сведена къ возможному minimum'у.

Конечно, и всеобщее избирательное право допускаетъ существенныя искаженія: оно можетъ быть и неравнымъ, и многостепеннымъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что то исключительное неравенство избирательнаго права и та исключительная его многостепенность, которыя создаются закономъ 11-го декабря, на почвѣ всеобщаго избирательнаго права созданы быть не могутъ. Представительство отъ «бытовыхъ группъ», *необходимо* является неравнымъ,—и это неравенство *необходимо* увеличивается по мѣрѣ увеличенія числа избирателей, неодинаково распредѣляющихся по отдѣльнымъ группамъ. Неравенство, имѣющее *естественный* характеръ при представительствѣ «бытовыхъ группъ», явилось бы *искусственнымъ* при всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Только при наличности группового представительства, возможно тенденціозное усиленіе дѣйствительнаго вліянія на выборы однихъ группъ и соотвѣтственное уменьшеніе вліянія другихъ. Это вліяніе можетъ быть доведено до minimum'а, если сочетать, какъ это дѣлаетъ избирательная система закона 11-го декабря, неравенство избирательнаго права съ многостепенностью выборовъ.

А эта система „избирательныхъ стойлъ",—система,

при которой каждая избирательная коллегія можетъ избирать выборщиковъ только изъ своей среды,—развѣ такая система возможна при всеобщемъ избирательномъ правѣ?

Кругъ избирателей, по закону 11-го декабря, весьма широкъ; но, именно, потому что избирательное право, по этому закону, не является всеобщимъ, оно является въ такой невообразимой степени неравнымъ и многостепеннымъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на многочисленность избирателей, государственная дума, созванная на основѣ избирательнаго закона 11-го декабря, не будетъ и не можетъ быть общественнымъ мнѣніемъ признана народнымъ представительствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова,—выразительницей желаній и воли народнаго большинства.

II.

Избирательная система, созданная закономъ 6-го августа, удерживается, въ своихъ основныхъ чертахъ, закономъ 11-го декабря.

Избиратели дѣлятся, по прежнему, на три куріи, или три съѣзда: съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ волостей, съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, съѣздъ городскихъ избирателей. Каждый изъ съѣздовъ избираетъ положенное число выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе; число выборщиковъ отъ каждаго съѣзда опредѣляется въ соотвѣтствіи съ его имущественной силой, поскольку такая сила выражается въ размѣрѣ уплачиваемыхъ налоговъ и сборовъ. Численность избирателей по каждому изъ съѣздовъ не оказываетъ на число выборщиковъ отъ него никакого вліянія.

Такая система представлялась, до извѣстной степени, логичной при дѣйствіи положенія 6-го августа. Разъ избирательная система является цензовой, вполнѣ понятно что степень участія въ выборахъ не только каждаго избирателя, но и каждой избирательной куріи опредѣ-

ляется величиною имущественнаго ценза. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ о равенствѣ избирательнаго права не можетъ быть и рѣчи. Между числомъ избирателей и числомъ выборщиковъ отъ каждой куріи нѣтъ и не можетъ быть никакого соотвѣтствія: тысячи избирателей одной куріи избираютъ столько же (или даже меньше) выборщиковъ, сколько сотни избирателей другой.

Законъ 11 декабря отказывается отъ имущественнаго (или, точнѣе, податного) ценза. Въ городахъ, напримѣръ, избирателемъ является всякое лицо, снимающее на свое имя квартиру, хотя бы и не обложенную квартирнымъ налогомъ. И тѣмъ не менѣе, распредѣленіе выборщиковъ между отдѣльными разрядами избирателей остается прежнимъ; по прежнему, оно опредѣляется степенью имущественной силы каждаго изъ разрядовъ.

Само собою разумѣется, что степень вліянія на результаты выборовъ каждаго изъ разрядовъ находится въ прямой зависимости отъ количества избираемыхъ имъ выборщиковъ. По новому закону, число городскихъ избирателей удесятерилось, и, тѣмъ не менѣе, съѣздъ городскихъ избирателей посылаетъ то же число выборщиковъ въ губ. избирательное собраніе, какое посылалось имъ по закону 6-го августа. Такимъ образомъ, десятки тысячъ новыхъ избирателей оказываютъ такое же вліяніе на выборы, какъ и тысячи избирателей закона 6 августа. И если принять во вниманіе, что, по новому закону, число избирателей-землевладѣльцевъ увеличится на какую нибудь треть, а число городскихъ избирателей, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ,—то нельзя не признать, что неравенство избирательнаго права, по новому закону, возрастаетъ *почти пропорціонально* возрастанію числа избирателей. Чѣмъ болѣе избирательное право приближается ко всеобщему, тѣмъ болѣе оно становится неравнымъ. Въ настоящее время голосъ городского избирателя—ничтожная величина по сравненію съ голосомъ уѣзднаго землевладѣльца.

Наряду съ тремя куріями закона 6 августа, законъ 11 декабря создаетъ четвертую курію—курію фабрично-заводскихъ рабочихъ. Новымъ закономъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ губернскія и городскія избирательныя собранія предоставлено рабочимъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, а также въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, если въ означенныхъ предпріятіяхъ общее число рабочихъ мужского пола не менѣе пятидесяти. Выборы производятся слѣдующимъ образомъ. Рабочіе избираютъ изъ своей среды уполномоченныхъ, по одному на каждую полную тысячу; предпріятія, съ числомъ рабочихъ менѣе двухъ тысячъ чел., т. е. отъ 50 до 2000, избираютъ одного уполномоченнаго.

Уполноченные избираютъ *изъ своей среды* въ губерніяхъ и городахъ съ самостоятельнымъ представительствомъ на особыхъ съѣздахъ выборщиковъ въ положенномъ по росписанію числѣ. Число выборщиковъ опредѣляется съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ выборщикъ приходился въ среднемъ на каждыя десять тысячъ рабочихъ. Общее число выборщиковъ отъ рабочихъ, входящихъ въ составъ всѣхъ, вообще, губернскихъ и городскихъ избир. собраній, опредѣляется закономъ въ 236 чел.; такимъ образомъ, число принятыхъ законодателемъ въ расчетъ рабочихъ не превышаетъ 2.360 тыс. чел. Между отдѣльными избирательными собраніями выборщики отъ рабочихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 33 губерніяхъ число выборщиковъ на каждую губернію меньше 5; въ 8 губерніяхъ—отъ 5 до 10, и только въ 5 губерніяхъ—отъ 10 и выше. Изъ послѣднихъ пяти губерній въ пермской—10 выборщиковъ, во владимірской—16, въ петроковской (по губерніи и г. Лодзи)—21, въ с.-петербургской (по губерніи и столицѣ)—24 и въ московской (по губерніи и столицѣ)—35. Такова организація представительства отъ рабочихъ. Нѣтъ, разумѣется, никакой необходимости останавливаться на критикѣ этой организаціи: ея несо

стоятельность, до наглядности, очевидна. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, доказывать, что рабочая курія на-спѣхъ и бѣлыми нитками пришита къ остальнымъ куріямъ, что избирательной *системы* у насъ не существуетъ, что количественный масштабъ, принятый для опредѣленія числа выборщиковъ отъ рабочей куріи, не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ имущественнымъ масштабомъ, принятымъ для опредѣленія числа выборщиковъ отъ остальныхъ курій? Нужно ли доказывать, что порядокъ избранія уполномоченныхъ отъ рабочихъ противорѣчитъ не только законамъ справедливости, но и законамъ здраваго смысла. Нужно-ли доказывать, что предъявляемое къ съѣзду уполномоченныхъ отъ рабочихъ требованіе объ избраніи выборщиковъ *только* изъ своей среды, подобно аналогичному требованію, предъявляемому къ съѣзду уполномоченныхъ отъ волостей, продиктовано соображеніями *исключительно* полицейскаго свойства и стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи съ истинными интересами рабочаго населенія?

Мы думаемъ, что система представительства отъ рабочихъ является, и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія, настолько *нелѣпой*, что подвергать ее обстоятельной критикѣ—значитъ, положительно, ломиться въ открытыя двери.

Намъ хотѣлось бы отмѣтить одно только обстоятельство. Включая выборщиковъ отъ рабочихъ въ составъ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраній, законъ 11 декабря, тѣмъ самымъ, лишаетъ представительство отъ рабочихъ значительнѣйшей части своего практическаго значенія. Нельзя, вообще, говорить объ особой «рабочей куріи» избирателей, ибо, если бы такая курія существовала, она должна была бы имѣть, подобно австрійскимъ куріямъ, самостоятельное представительство въ составѣ законодательнаго собранія. По закону 11 декабря выборщики-рабочіе тонутъ, какъ незамѣтная величина, въ общей массѣ выборщиковъ избирательныхъ собраній; именно потому на результаты выборовъ не ока-

зываетъ никакого вліянія моментъ *территоріальной скученности* рабочаго населенія, вездѣ и всюду, при сколько нибудь нормальной избирательной системѣ, обезпечивающей рабочимъ соотвѣтственное представительство въ составѣ законодательныхъ собраній. Въ настоящихъ условіяхъ выборщики-рабочіе могутъ оказать нѣкоторое вліяніе на результаты выборовъ въ 4—5 губерніяхъ,— да и то не въ формѣ проведенія собственныхъ кандидатовъ,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—а въ формѣ поддержки, оказываемой ими *чужимъ* кандидатамъ, наиболѣе склоннымъ и способнымъ отстаивать въ законодательномъ собраніи интересы рабочаго класса. Независимо отъ этого, нѣкоторое вліяніе на результаты выборовъ можетъ быть оказано тѣми изъ рабочихъ, которые приписаны къ мѣстнымъ по нахожденію фабрикъ и заводовъ сельскимъ обществамъ, или снимаютъ въ городахъ квартиры на свое имя. Достаточно элементарной справедливости для того, чтобы признать, что, во всякомъ случаѣ, та болѣе, чѣмъ скромная роль, какая отводится рабочимъ закономъ 11-го декабря, далеко не соотвѣтствуетъ ни реальному значенію рабочаго класса въ общественной жизни Россіи, ни, тѣмъ болѣе, тяжелымъ и самоотверженнымъ жертвамъ, принесеннымъ рабочимъ пролетаріатомъ въ борьбѣ за освобожденіе Россіи.

III.

Характеризуя избирательный законъ 11 декабря, необходимо подробнѣе остановиться на одномъ изъ наиболѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи вопросовъ, — а именно, на вопросѣ о порядкѣ составленія избирательныхъ списковъ.

Необходимо имѣть въ виду, что, въ конечномъ счетѣ, избирателемъ является не тотъ, кто имѣетъ право быть таковымъ, а тотъ, кто внесенъ въ избирательный списокъ: практическая возможность осуществленія избирателями

своихъ правъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ установленнаго закономъ порядка составленія избирательныхъ списковъ.

Какъ уже указывалось въ печати, у насъ въ Россіи порядокъ составленія списковъ, опредѣляемый многими разновременно изданными законами и инструкціями, весьма сложенъ. Прежде всего, необходимо различать двѣ категоріи списковъ: списки основные или первоначальные, составленные по закону 6 августа, и списки дополнительные, составленные по закону 11 декабря. Не станемъ останавливаться на первыхъ: они составлены, опубликованы, срокъ для ихъ обжалованія истекъ; обсужденіе порядка ихъ составленія можетъ имѣть развѣ только теоретическій интересъ.

Что касается дополнительныхъ списковъ, то ихъ у насъ составляются три категоріи: списки участниковъ съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, списки участниковъ съѣздовъ городскихъ избирательныхъ собраній, т. е. избирателей тѣхъ городовъ, которымъ принадлежитъ самостоятельное право ихъ избранія представителей. Списки избирателей-рабочихъ, по закону, не ведутся вовсе. Въ избраніи уполномоченныхъ принимаютъ участіе всѣ, вообще, рабочіе предпріятія, избирающаго уполномоченныхъ, отвѣчающіе общимъ требованіямъ ст. 6 и 7 полож. о выбор. 6 августа.

Какими учрежденіями составляются дополнительные списки избирателей?

Списокъ избирателей, участвующихъ въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, составляется уѣздной земской управой, или управой по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется, уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ [1]).

Списокъ участниковъ съѣзда городскихъ избирателей составляется городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими [2]).

---

[1]) Пол. о выб. 6 авг., ст. 30; зак. 11 дек., ст. 6.
[2]) Ibid.

Въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ 30 тысячъ жителей, дополнительные списки составляются участковыми избирательными комиссіями, избираемыми городской думой, или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ думу [1]). Въ уѣздахъ съ нѣсколькими городскими поселеніями (въ томъ числѣ и мѣстечками) каждая управа, или замѣняющее ее учрежденіе, составляетъ особый списокъ избирателей и затѣмъ сообщаетъ его городской управѣ уѣзднаго города [2]). Списки городскихъ избирателей для уѣздовъ, принадлежащихъ къ городамъ, имѣющимъ право избранія своихъ представителей, составляются городскими управами этихъ городовъ [3]).

Что касается, наконецъ, списковъ участниковъ городскихъ избирательныхъ собраній, то послѣдніе составляются всегда участковыми избирательными комиссіями.

Кто вносится въ дополнительные списки? По общему правилу, всѣ, вообще, новые избиратели, созданные закономъ 11 декабря. Такъ, въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ вносятся арендаторы и управляющіе имѣніями, образующими по своимъ размѣрамъ полный избирательный цензъ.

Въ списки городскихъ избирателей—вносятся домовладѣльцы, лица торгово-промышленнаго класса и квартиронаниматели, не внесенные, по закону 6 авг., въ основной списокъ, а также лица, получающія содержаніе или пенсію, по службѣ въ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Кромѣ городскихъ обывателей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ городскіе списки вносятся также нѣкоторыя категоріи лицъ, имѣющихъ свое мѣстопребываніе въ уѣздѣ: владѣющіе въ предѣлахъ уѣзда торгово-промышленными заведеніями; уплачивающіе въ предѣлахъ уѣзда государственный квартирный налогъ, или налогъ

---

[1]) Зак. 11 дек., ст. 6.
[2]) Ук. 18 сент., ст.ст. 4 и 5.
[3]) Пол. о выб. 6 авг., ст. 11; Ук. 18 сент., ст. 6.

на личныя промысловыя занятія; наконецъ, проживающіе не менѣе года въ уѣздѣ и получающіе здѣсь содержаніе или пенсію по службѣ въ вышеназванныхъ учрежденіяхъ.

Въ сообщеніи «Правительств. Вѣстника», сопровождающемъ указъ 11 декабря, включеніе лицъ, проживающихъ въ уѣздѣ, въ категорію городскихъ избирателей, мотивируется тѣмъ преимущественно соображеніемъ, что означенныя лица, по существу своихъ интересовъ, представляютъ городской классъ населенія и не имѣютъ той связи съ землевладѣніемъ, которая могла бы обезпечить имъ возможность пріобрѣсти въ уѣздѣ какое-либо вліяніе на исходъ выборовъ, тогда какъ въ городахъ, объединяясь съ однородными общественными элементами, лица эти могутъ и сами быть избранными, и провести въ думу своихъ представителей.

Врядъ ли необходимо доказывать совершенную несостоятельность вышеприведенной аргументаціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, такъ называемый, «третій элементъ», составляющій въ уѣздахъ, во всякомъ случаѣ, крупную общественную силу, оказалъ бы въ составѣ сравнительно-малолюдныхъ уѣздныхъ съѣздовъ значительно большее вліяніе на результаты выборовъ, нежели въ составѣ многочисленныхъ городскихъ съѣздовъ. И если, тѣмъ не менѣе, уѣздные, не только по мѣсту, но и по существу своихъ интересовъ, избиратели относятся закономъ къ категоріи городскихъ избирателей, то это объясняется, прежде всего, фактическою невозможностью включить ихъ въ землевладѣльческую курію, всецѣло построенную на имущественномъ цензѣ, а затѣмъ сознательнымъ стремленіемъ правительства растворить «неблагонадежный элементъ» земскихъ служащихъ въ сѣрой мѣщанской массѣ, оградивъ отъ его тлетворнаго вліянія болѣе благонадежную землевладѣльческ[illegible]

Как[illegible] производится внесеніе въ дополнит[illegible] избирателей?

Значи[illegible]ится въ списки

составляющими ихъ учрежденіями *(ex officio)*. Такъ, лица, состоящіе на учетѣ городскихъ и земскихъ управъ и казенныхъ палатъ въ качествѣ плательщиковъ государственныхъ налоговъ и земскихъ и городскихъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, а равно лица, получающія содержаніе или пенсію по службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ, либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ, вносятся въ дополнительные избирательные списки безъ особыхъ съ ихъ стороны заявленій. Собираніе свѣдѣній о таковыхъ лицахъ, а равно провѣрка правъ ихъ на участіе въ выборахъ лежитъ на обязанности учрежденія, составляющаго дополнительный избирательный списокъ [1]).

Остальные избиратели вносятся въ списки на «явочномъ началѣ»,—т. е. на основаніи подаваемыхъ ими заявленій о желаніи принять участіе въ выборахъ. Заявленія эти могутъ быть подаваемы учрежденію, составляющему списки, въ теченіе трехъ недѣль со дня обнародованія указа 11 декабря, причемъ къ заявленіямъ должны быть прилагаемы надлежащія удостовѣренія о правѣ на участіе въ выборахъ. Такимъ образомъ, явочный порядокъ примѣняется: въ городахъ—къ лицамъ, имѣющимъ право участія въ выборахъ по занимаемой ими отдѣльной квартирѣ, по коей не уплачивается государственный квартирный налогъ, и въ уѣздахъ—къ лицамъ, участвующимъ въ выборахъ по управленію имѣніемъ, или по арендѣ земли [2]).

Инструкція 17 декабря создаетъ, какъ-бы, нѣкоторую льготу для квартиронанимателей, не уплачивающихъ квартирнаго налога: послѣдніе могутъ быть вносимы въ списки не только на основаніи подаваемыхъ ими заявленій, но и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о нихъ мѣстной полиціей [3]).

Различіе въ юридическомъ положеніи избирателей

---

[1]) Инструкція 17 дек., ст. 4; Указъ 11 дек., ст.ст. VII и VIII.
[2]) Инструкція 17 дек., ст.ст. 1 и 5.
[3]) Инстр. 17 дек., ст.ст. 1 и 5.

указанныхъ двухъ категорій весьма существенно. Избиратели, подлежащіе включенію въ списки ex officio, но почему либо въ нихъ не попавшіе, могутъ возстановить свое право, по обнародованіи списковъ, въ порядкѣ ихъ исправленія. Наоборотъ, избиратели, включаемые въ списки явочнымъ порядкомъ, по истеченіи срока заявки, утрачиваютъ безповоротно принадлежащее имъ право на участіе въ выборахъ. Наниматель не обложенной налогомъ квартиры, не сдѣлавшій своевременно требуемаго закономъ заявленія, почему либо забытый полиціей, не можетъ возстановить своего права путемъ исправленія списка. Само собою разумѣется, что надежда на память полиціи—плохая; можно съ увѣренностью утверждать, что при составленіи избирательныхъ списковъ она основательно забудетъ о тѣхъ самыхъ лицахъ, о которыхъ она превосходно помнитъ при составленіи всякаго рода проскрипціонныхъ списковъ. Во всякомъ случаѣ, содѣйствіе, оказываемое полиціей учрежденіямъ, составляющимъ избирательные списки, будетъ весьма одностороннимъ; оно усилитъ благонадежный элементъ въ составѣ избирателей. «Неинтересный» полиціи мелкій избиратель безъ предварительной заявки сплошь и рядомъ лишенъ будетъ возможности осуществить свое избирательное право.

Если принять во вниманіе существующія у насъ и невозможныя ни въ какой другой странѣ условія предвыборной агитаціи, краткость срока, назначеннаго для подачи заявленій, непривычку населенія къ политической дѣятельности, стѣснительность явочной процедуры и т. д.,— то нетрудно предвидѣть, что для значительнаго большинства мелкихъ избирателей, т. е. квартиронанимателей, не уплачивающихъ квартирнаго налога, право участія въ выборахъ будетъ имѣть характеръ исключительно бумажный.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ о *порядкѣ исправленія списковъ*.

Дополнительные списки избирателей, взамѣнъ распубликованія ихъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, выставляются

для обозрѣнія въ помѣщеніяхъ, составляющихъ эти списки, по крайней мѣрѣ, за три недѣли до производства выборовъ [1]). За двѣ недѣли до выставленія списковъ избирателей для обозрѣнія, должно быть путемъ публикаціи объявлено о времени и мѣстѣ ихъ выставленія [2]).

Всѣ лица, подлежащія включенію въ списки ex officio, могутъ *въ теченіе недѣли* по ихъ обнародованіи, подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ списковъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію, или, если дѣло идетъ о спискахъ участниковъ городского избирательнаго собранія, — въ такую же губернскую комиссію [3]).

Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленій уѣздной или губернской комиссіи допускается жалоба на постановленіе уѣздной комиссіи въ губернскую, на постановленія губернской въ Правительствующій Сенатъ [4]).

Таковъ порядокъ составленія дополнительныхъ списковъ. Само собою ясно, что при такомъ порядкѣ абсентеизмъ избирателей, и, въ особенности, мелкихъ избирателей, необходимо приметъ совершенно невѣроятные размѣры, и что причиной такого абсентеизма будетъ, между прочимъ, уродливая система составленія избирательныхъ списковъ.

IV.

Не стоитъ останавливаться на характеристикѣ другихъ сторонъ избирательной системы, созданной законами 6 августа и 11 декабря. Совершенная несостоятельность этой системы — внѣ всякаго спора. Подвергать ее обстоятель-

---

[1]) Указъ 11 декабря ст. IX, срв. пол. о выб. 6 авг., ст. 33.
[2]) Инстр. 18 дек., ст. 9.
[3]) Ук. 11 дек. ст. IX, срв. пол. о выб. 6 авг., ст. 34
[4]) Пол. о выб. 6 авг., ст. 47.

ной критикѣ съ точки зрѣнія демократическаго принципа—значитъ брать ее въ серьезъ, дѣлать ей слишкомъ много чести; она противорѣчитъ элементарнѣйшимъ требованіямъ здраваго смысла.

Мы не можемъ себѣ представить политической партіи, которая рѣшилась бы ее поддерживать въ государственной думѣ; мы не можемъ себѣ представить тѣхъ аргументовъ, которые могли бы быть представлены въ ея пользу.

По самому своему существу, избирательный законъ 11 декабря является «временной мѣрой»—и только. Какова бы ни была государственная дума, если только она не будетъ совершенно пустымъ мѣстомъ, она *должна будетъ* дать Россіи всеобщее избирательное право.

Русская конституція.

(Мартъ, 1906 г.).

I.

Общія замѣчанія.

Манифестъ 20 февраля и два сопровождающихъ его указа октроируютъ Россіи конституцію,—увы «куцую» конституцію въ стилѣ германскихъ конституцій конца 10-хъ годовъ XIX вѣка.

Прежде всего, при чтеніи новыхъ законодательныхъ актовъ, бросается въ глаза необыкновенно-эзоповскій языкъ, которымъ они написаны: словно бюрократія, писавшая конституцію, все время находилась подъ страхомъ привлеченія къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

Конституціонный характеръ законовъ 20 февраля внѣ всякаго спора. Основной принципъ конституціонализма выраженъ въ достаточной мѣрѣ опредѣленно и категорично.

Манифестъ гласитъ: «Сохраняя незыблемымъ коренное положеніе основныхъ государственныхъ законовъ, на основаніи коего никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ Нашего утвержденія, Мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что, со времени созыва государственнаго совѣта и Государственной Думы, *законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія совѣта и думы.*

То «коренное положеніе основныхъ законовъ», о которомъ говоритъ манифестъ, является, какъ извѣстно, «кореннымъ положеніемъ» всякой монархической конституціи, вообще. И въ Англіи, и въ Бельгіи, и въ Пруссіи никакой законъ не можетъ имѣть совершенія безъ санкціи монарха. Существенно не это; разъ законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія совѣта и думы,— конституція имѣется на лицо.

И тѣмъ не менѣе, ни разу ни въ манифестѣ, ни въ указахъ, его сопровождающихъ, новый порядокъ не называется конституціоннымъ. Повидимому, самое слово «конституція» считается чуть-ли не неприличнымъ.

Боязнь конституціонной терминологіи—не иностраннаго слова: «конституція», а, именно терминологіи конституціоннаго права—отчетливо сказывается и на редакціи 1 ст. новаго учрежденія Государственной Думы Согласно этой статьѣ, Государственная Дума учреждается *для обсужденія* законодательныхъ предположеній, восходящихъ къ верховной самодержавной власти...». Только-ли для обсужденія? Не ясно-ли, что, разъ безъ согласія Думы ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы, Государственная Дума не только *обсуждаетъ*, *но и рѣшаетъ* законодательные вопросы? Она окончательно устанавливаетъ законодательный текстъ и *противъ ея воли*, *безъ ея власти* ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ.

Въ совѣщаніи гр. Сольскаго предложена была однимъ изъ членовъ иная, гораздо болѣе опредѣленная редакція первой статьи. Эта редакція гласила: «Государственная Дума учреждается для участія совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ въ осуществленіи Императорскимъ Величествомъ законодательной власти на основаніяхъ и въ порядкѣ, установленныхъ въ семъ учрежденіи и въ учрежденіи государственнаго совѣта».

Такая редакція, не смотря на всю ея точность, или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе ея точности, была совѣщаніемъ единогласно отклонена; языкъ боязливыхъ умол-

чаній былъ признанъ гораздо болѣе соотвѣтствующимъ достоинству законодателя.

По существу, совѣщаніе гр. Сольскаго удерживаетъ, съ самыми незначительными измѣненіями, редакцію 1-й статьи стараго учрежденія *законосовѣщательной* Государственной Думы. Оно дѣлаетъ видъ, будто не видитъ и не сознаетъ глубокой и непроходимой пропасти, отдѣляющей 6 августа отъ 17 октября.

Не называя конституцію конституціей, новый законъ называетъ ограниченнаго конституціей Монарха Самодержцемъ.

Нѣтъ необходимости возвращаться къ доказательству той неоспоримой истины, что на языкѣ нашего законодательства понятіе самодержавія имѣетъ вполнѣ опредѣленный, исторически установленный смыслъ и что, по своему смыслу, понятіе это совпадаетъ съ понятіемъ неограниченной, или абсолютной монархической власти [1]).

Наименованіе ограниченнаго конституціей монарха самодержцемъ является логическимъ противорѣчіемъ, contradictio in adiecto, и, само собою разумѣется, что логическое противорѣчіе не устраняется и не можетъ быть устранено тѣмъ, что оно санкціонировано верховною властью. Подобно тому какъ, по англійской юридической пословицѣ, верховная власть не можетъ превратить мужчину въ женщину, такъ точно она не можетъ конституціоннаго монарха превратить въ самодержца. Пока существуетъ конституція, самодержавія не существуетъ.

Весьма характерна одна, повидимому, второстепенная подробность новаго закона: не смотря на коренное различіе въ юридическомъ положеніи монарха по законамъ 6 августа и 20 февраля, текстъ присяги, приносимой членами Думы, остается неизмѣннымъ. По закону 20-го февраля, какъ и по закону 6 августа, этотъ текстъ гласитъ:

---

[1]) См. выше „Самодержавіе и манифестъ 17 октября" стр. 199 и сл.

«Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся».

Какъ будто-бы все остается по старому, и обязанность вѣрности *Самодержцу* Всероссійскому не потерпѣла измѣненій съ изданіемъ манифеста 17 октября...

Оставляя неизмѣннымъ текстъ присяги, законъ 20-го февраля, вводитъ любопытное правило: членъ думы, отказавшійся дать торжественное обѣщаніе при вступленіи въ Думу, почитается сложившимъ съ себя свое званіе (ст. 17 Учр. Госуд. Думы). Такимъ образомъ, присяга является своего рода пробнымъ камнемъ: не выдержавшій пробы извергается изъ Государственной Думы.

Намъ кажется, однако, что бюрократія ошибется въ своихъ разсчетахъ. При дѣйствіи закона 6 августа, присяга являлась, дѣйствительно, непреодолимымъ препятствіемъ для убѣжденнаго конституціоналиста, вступающаго въ Государственную Думу только затѣмъ, чтобы потребовать въ ней упраздненія самодержавной власти.

Иное дѣло послѣ манифеста 17 октября. Лишенное конкретнаго содержанія слово присяги не можетъ помѣшать вступленію въ Государственную Думу. Достаточно конституціоналистамъ, членамъ Думы, *до присяги* сдѣлать оффиціальное и коллективное заявленіе, хотя-бы въ письменной формѣ, о томъ, что, по смыслу манифестовъ 17 октября и 20 февраля, они не разумѣютъ подъ самодержавіемъ неограниченной или абсолютной власти, для того, чтобы затѣмъ безпрепятственно принести присягу. При такихъ условіяхъ единственнымъ результатомъ ухищреній бюрократіи явится конституціонная декларація, выясняющая сразу физіономію будущей Государственной Думы.

Именуя Государя самодержцемъ, бюрократія, сочи-

нившая конституцію, имѣетъ, очевидно, въ виду единственную цѣль: затушевать, *скрыть отъ кого-то* дѣйствительное значеніе «великаго преобразованія въ государственномъ строѣ» Россіи. У нея не хватаетъ мужества, не хватаетъ политической честности для того, чтобы назвать своимъ именемъ вынужденную, вырванную изъ ея рукъ уступку. Она предпочитаетъ недосказанность; она прибѣгаетъ, по старой привычкѣ, къ жалкимъ уловкамъ оффиціальной лжи и, кто знаетъ, быть можетъ, еще тѣшитъ себя надеждой, что, при извѣстныхъ условіяхъ, и эта недосказанность, и эта ложь сослужатъ реакціи хорошую службу.

Конституція—безъ названія; самодержавіе—безъ содержанія,—такова общая *формальная* характеристика законовъ 20 февраля. Содержаніе этихъ законовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ формѣ.

II.

Государственный совѣтъ.

Нѣтъ смысла по поводу новаго закона, останавливаться на вопросѣ о цѣлесообразности двупалатной системы, вообще.

Мы—противъ такой системы, и потому, каковъ бы ни былъ составъ верхней палаты, мы считали бы ее ненужнымъ и—болѣе того—вреднымъ придаткомъ въ системѣ демократическаго народнаго представительства.

Но, конечно, есть верхняя палата и верхняя палата. Государственный совѣтъ является не просто верхней палатой, а наихудшей изъ существующихъ и возможныхъ, вообще, верхнихъ палатъ. Задача государственнаго совѣта не въ томъ, чтобы *сдерживать* чрезмѣрныя увлеченія народнаго представительства, а въ томъ, чтобы *парализовать* наиболѣе скромныя изъ его начинаній. Не даромъ совѣщаніе гр. Сольскаго наиболѣе заботилось о

омъ, чтобы въ составъ государственнаго совѣта вошли олько члены отъ «наиболѣе устойчивыхъ по взглядамъ направленію слоевъ населенія».

Мы не станемъ останавливаться на критикѣ деталей чрежденія государственнаго совѣта.

Мы могли-бы, конечно, указать на безобразные наосты на тѣлѣ совѣта въ видѣ старыхъ департаментовъ, остоящихъ исключительно изъ лицъ по назначенію верховной власти; на чрезмѣрность полномочій назначаемаго верховной властью предсѣдателя совѣта; на совершенную недопустимость права прекращенія преній,—закона «намордникѣ»—въ такомъ учрежденіи, какъ государственный совѣтъ и т. д., и т. д.

Намъ думается, однако, что подробно останавливаться на этихъ вопросахъ не представляется нужнымъ. Существенный недостатокъ нашей верхней палаты—ея составъ, и передъ этимъ недостаткомъ блѣднѣютъ всѣ остальные.

Составъ государственнаго совѣта на половину бюрократическій.

Существуютъ бюрократическія верхнія палаты и въ западной Европѣ; таковъ напримѣръ, итальянскій сенатъ. Дѣло, однако, въ томъ что на западѣ сенаторы, хотя и назначаемые верховною властью, *несмѣняемы*, и назначаются они не только изъ числа лицъ военной и гражданской службы, но, равнымъ образомъ, изъ числа выдающихся депутатовъ, представителей искусства, науки и т. д. Въ Италіи, напримѣръ, сенатъ, состоящій изъ пожизненныхъ перовъ, назначаемыхъ королемъ, насчитываетъ въ числѣ 360 своихъ членовъ лишь 100 чиновниковъ и столько же бывшихъ депутатовъ. При этомъ, благодаря существующей въ Италіи парламентарной системѣ, назначеніе сенаторовъ находится фактически въ рукахъ кабинета и въ тѣхъ случаяхъ, когда сенатъ оказываетъ противодѣйствіе желаніямъ нижней палаты, кабинетъ принадлежащій къ составу господствующей въ ней нижней палатѣ партіи, назначеніемъ значительнаго

числа новыхъ сенаторовъ мѣняетъ партійную окраску этого учрежденія [1]).

Ничего подобнаго нѣтъ у насъ въ Россіи. Члены государственнаго совѣта не пользуются у насъ правомъ несмѣняемости; о независимости ихъ, какъ это хорошо извѣстно гр. Витте, не можетъ быть и рѣчи. Составъ государственнаго совѣта исключительно чиновный: въ 1903 году государственный совѣтъ состоялъ изъ 7 особъ императорскаго дома, 33 генераловъ, 41 дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 7 тайныхъ совѣтниковъ и 6 придворныхъ чиновъ. Такимъ образомъ и впредь назначаемая верховною властью часть государственнаго совѣта будетъ исключительно чиновной. Надо-ли доказывать, что часть эта, являясь такою-же бюрократической окаменѣлостью, какъ въ настоящее время, будетъ рѣшительнымъ образомъ противодѣйствовать всякому сколько-нибудь радикальному начинанію Государственной Думы?...

Наряду съ бюрократическимъ элементомъ, новый законъ о государственномъ совѣтѣ вводитъ въ составъ его элементъ сословно-дворянскій. Не подлежитъ сомнѣнію, что, кромѣ 18 членовъ государственнаго совѣта, избираемыхъ чрезъ посредство выборщиковъ дворянскими обществами, къ дворянскому же сословію будетъ принадлежать огромное большинство членовъ, избираемыхъ губернскими земскими собраніями и особыми съѣздами землевладѣльцевъ въ губерніяхъ, лишенныхъ еще земского самоуправленія. И если даже предположить что [illegible] которая часть членовъ, избираемыхъ губ. земскими собраніями, будетъ прогрессивно настроенной, то, во [illegible] комъ случаѣ, значительнѣйшая часть дворянскаго представительства въ составѣ государственнаго совѣта будетъ ультра-консервативной, или даже реакціонной.

Весьма любопытенъ мотивъ, по которому совѣтъ гр. Сольскаго, наряду съ представителями дворя[illegible]

[1]) Въ 1870 г. назначено было сразу 75 новыхъ сенаторов 1886—41 и въ 1892—42 новыхъ сенатора. См. *Лоуэль*— тельства и политическія партіи", стр. 104 и сл.

земства, допустило въ государственный совѣтъ представителей дворянскихъ обществъ. Совѣщаніе предусмотрительно имѣло въ виду, что, по преобразованіи земскихъ учрежденій, процентное отношеніе гласныхъ изъ дворянъ къ общему составу земскихъ собраній вѣроятно понизится, и потому можно ожидать уменьшенія числа дворянъ между членами совѣта отъ земства.—Будетъ-ли преобразовано земство и когда оно будетъ преобразовано, мы не знаемъ; пока-же составъ совѣта является ультра-дворянскимъ.

Не станемъ останавливаться на другихъ элементахъ, вводимыхъ закономъ 20 февраля въ составъ государственнаго совѣта. Шесть членовъ отъ православнаго духовенства, избираемыхъ правительствующимъ синодомъ, шесть членовъ отъ академіи и университетовъ, 12 членовъ отъ торговли и промышленности,—всѣ эти элементы вкрапленные въ чиновно-дворянскую среду государственнаго совѣта, не будутъ имѣть вовсе, или будутъ имѣть самое ничтожное практическое значеніе.

Таковъ—будущій составъ государственнаго совѣта; и такой государственный совѣтъ будетъ равноправнымъ сотрудникомъ Государственной Думы въ дѣлѣ осуществленія коренныхъ и всеобъемлющихъ, политическихъ и соціальныхъ реформъ!.. Отъ него будетъ зависѣть введеніе всеобщаго избирательнаго права, осуществленіе аграрной реформы, изданіе законовъ, гарантирующихъ дѣйствительную неприкосновенность личности, дѣйствительную гражданскую свободу!..

Не трудно себѣ представить, въ какомъ невыносимотяжеломъ положеніи окажутся тѣ немногіе прогрессивнонастроенные общественные дѣятели, которымъ удастся проникнуть въ составъ государственнаго совѣта. Ихъ просто не станутъ слушать: «сужденіе государственнаго совѣта по дѣлу прекращается, если оно постановленіемъ совѣта признано достаточно выясненнымъ» (учр. госуд. сов. II, § 3).

О сколько-нибудь нормальномъ и согласномъ сотруд-

ничествѣ между государственной думой и государственнымъ совѣтомъ не можетъ быть и рѣчи. Слишкомъ глубока пропасть, которая отдѣляетъ русское общество отъ русской бюрократіи. Не смотря на беззастѣнчивое, до цинизма, воздѣйствіе администраціи на выборы въ Думу, не смотря на отсутствіе элементарнѣйшихъ условій свободной предвыборной агитаціи, Государственная Дума,— даже *фальсифицированная* Государственная Дума, окажется въ хроническомъ и неразрѣшимомъ конфликтѣ съ *натуральнымъ* государственнымъ совѣтомъ. И этотъ конфликтъ только увеличитъ и обострить ту непримиримую ненависть, которую неоффиціальная Россія питаетъ къ Россіи оффиціальной, бюрократической...

Во всякомъ случаѣ, законъ о государственномъ совѣтѣ даетъ основаніе для самыхъ пессимистическихъ ожиданій; онъ отнимаетъ еще одну надежду,—одну изъ послѣднихъ надеждъ—у сторонниковъ мирнаго, эволюціоннаго разрѣшенія политическаго и соціальнаго кризиса, переживаемаго Россіей.

III.

Государственная Дума.

Новое учрежденіе Государственной Думы является результатомъ пересмотра учрежденія 6 августа въ видахъ согласованія его съ манифестомъ 17 октября.

Надо сказать, что согласованіе это, сдѣланное, повидимому, на спѣхъ,—вѣдь отъ 17 октября прошло *всего только* 4 мѣсяца,—представляется въ высокой степени непослѣдовательнымъ и неполнымъ. Новая *законодательная* дума, по учрежденію 20 февраля, во многихъ и существенныхъ отношеніяхъ похожа, какъ родная сестра, на старую *законосовѣщательную думу*, по учрежденію 6 августа.

Такъ, прежде всего, неизмѣннымъ остается порядокъ созыва и роспуска Государственной Думы: ст. 2—4 уч-

режденія 20 февраля почти буквально воспроизводятъ текстъ соотвѣтственныхъ статей учрежденія 6 августа.

Дума созывается на пять лѣтъ, но до истеченія пятилѣтняго срока полномочій ея членовъ, она можетъ быть распущена указомъ Его Императорскаго Величества. Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу и время ея созыва.

Существенно, впрочемъ, правило, впервые категорически установленное манифестомъ 20 февраля: государственный совѣтъ и Государственная Дума созываются и распускаются *ежегодно* императорскими указами.

Само собою понятно, что, говоря о «роспускѣ» совѣта и Думы, манифестъ употребляетъ этотъ терминъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется учрежденіемъ Госуд. Думы: онъ имѣетъ въ виду не «роспускъ» совѣта и думы (dissolution des assemblées parlamentaires), а закрытіе ежегодной ихъ сессіи (clôture de la session). Повидимому, терминологія конституціоннаго права еще недостаточно усвоена «манифестомъ 17 октября».

Не подлежитъ сомнѣнію, что правило о ежегодномъ созывѣ Думы кладетъ, до извѣстной степени, предѣлъ свободному усмотрѣнію власти при опредѣленіи срока для созыва, взамѣнъ распущенной, новой Государственной Думы; тѣмъ не менѣе, усмотрѣніе власти остается въ достаточной мѣрѣ свободнымъ, и правительство, утомленное Думой, можетъ,—по крайней мѣрѣ, въ теченіе года,—легально обходиться и безъ ея услугъ. Если принять во вниманіе, что, согласно манифесту 20 февраля, правительство имѣетъ право во время прекращенія занятій Думы издавать, въ порядкѣ управленія, такъ называемые, «временные законы», то не трудно понять, въ какой мѣрѣ для правительства окажется соблазнительнымъ возможное удлиненіе срока между роспускомъ Думы и назначеніемъ новыхъ выборовъ. Въ совѣщаніи гр. Сольскаго предложено было дополнить ст. 2 учр. Госуд. Думы опредѣленнымъ указаніемъ на то, что Дума, въ ея новомъ составѣ, созывается въ теченіе шести мѣся-

цевъ со дня ея распущенія. Само собою разумѣется, шестимѣсячный срокъ невозможно продолжителенъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ срокъ повидимому, показался совѣщанію стѣснительнымъ; по крайней мѣрѣ, законъ 20 февраля не устанавливаетъ *никакого срока* для созыва, взамѣнъ распущенной новой Госуд. Думы.

По справедливому замѣчанію одного французскаго публициста, если глава государства управомоченъ распускать депутатовъ, не будучи обязанъ *въ опредѣленный закономъ срокъ* замѣнить ихъ другими, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи не только о парламентарномъ, но и просто о представительномъ режимѣ; при такомъ порядкѣ существуютъ лишь генеральные штаты, созываемые и распускаемые по свободному усмотрѣнію монарха [1]).

Всѣ, безъ исключенія, конституціи устанавливаютъ опредѣленный срокъ, въ теченіе котораго, послѣ распущенія палаты, должны быть назначены выборы и созвана новая палата. Во Франціи, напримѣръ, по закону 1884 г., новые выборы должны быть назначены въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ послѣ роспуска, а палата созвана въ теченіе 10 дней по окончаніи выборовъ. Въ Бельгіи и Голландіи выборы должны быть назначены въ теченіе 40 дней, а палаты собраны въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ послѣ роспуска. Новыя палаты должны быть созваны въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ послѣ роспуска въ Греціи, въ теченіе 3-хъ—въ Швеціи, Испаніи, Португаліи, Сербіи и Болгаріи, въ теченіе 4-хъ—въ Италіи. Въ Англіи новые выборы назначаются не позже, чѣмъ черезъ 6 недѣль послѣ роспуска палаты общинъ. Даже въ германскихъ представительныхъ, но не парламентарныхъ государствахъ конституціи точно опредѣляютъ срокъ для созыва, взамѣнъ распущенной, новой палаты. Въ Пруссіи, напримѣръ, выборы должны быть произведены въ теченіе 60 дней и палаты собраны въ теченіе 90 дней послѣ роспуска; въ другихъ германскихъ государствахъ срокъ

[1]) *Paul Matter*. La dissolution des assemblées parlementaires, стр. 29.

для производства новыхъ выборовъ колеблется между 15 днями (Саксенъ-Кобургъ-Гота) и 6 мѣсяцами (Саксонія и Вюртембергъ).

Если, тѣмъ не менѣе, русская конституція предпочитаетъ срочному роспуску Думы безсрочный, то, разумѣется, сдѣлано это не спроста. Наша «свобододѣйствующая» бюрократія не желаетъ конституціей связывать себѣ руки. А вдругъ окажется возможнымъ собрать Думу, распустить ее и затѣмъ въ теченіе шести, семи, восьми и т. д. мѣсяцевъ не собирать ее вновь!.. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, въ противоположность порядку, установленному въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ, распущеніе Государственной Думы не влечетъ за собою отсрочки засѣданія государственнаго совѣта. Въ совѣщаніи гр. Сольскаго 10 членами сдѣлано было предложеніе, чтобы совѣтъ и Дума созывались и закрывались *одновременно*; предложеніе это было отвергнуто и, такимъ образомъ, по смыслу закона 20 февраля, государственный совѣтъ можетъ функціонировать при отсутствіи Думы. Мы не знаемъ, разумѣется, какое употребленіе изъ государственнаго совѣта сдѣлаетъ бюрократія; во всякомъ случаѣ, не исключена вѣроятность, что она попытается, опираясь на совѣтъ, обойтись, по возможности, продолжительное время безъ Думы.

Осуществляя манифестъ 17 октября, бюрократія предусмотрительно укрѣпляетъ позиціи, на которыя, въ случаѣ неудачи, она попытается отступить...

Мы не станемъ останавливаться подробно на вопросѣ о внутренней организаціи Государственной Думы. Въ общемъ организація остается прежней; нѣкоторыя улучшенія, впрочемъ, внесены. Такъ исчезаетъ категорическое въ самомъ законѣ указаніе на образованіе въ составѣ Государственной Думы опредѣленнаго числа отдѣловъ; по закону 20 февраля, число отдѣловъ и комиссій, ихъ составъ, а также предметы ихъ вѣдомства, устанавливаются Государственной Думой. Далѣе, въ законѣ 20 февраяя правильнѣе поставленъ вопросъ о неприкосновен-

ности личности народныхъ представителей. Для лишенія свободы члена Государственной Думы во время ея сессіи должно быть испрошено предварительное разрѣшеніе Думы, кромѣ случаевъ привлеченія члена Думы къ отвѣтственности за служебныя преступленія, въ порядкѣ, установленномъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ госуд. управленія, а также случая задержанія при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или на слѣдующій день.

Любопытна послѣдняя оговорка: «или на слѣдующій день», не встрѣчающаяся ни въ одной изъ западно-европейскихъ конституцій. Къ чему она? Лишеніе свободы депутата, захваченнаго en flagrant délit, допускается конституціоннымъ правомъ потому, что оно не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ въ достаточности поводовъ къ такому лишенію свободы. Нельзя сказать того же объ арестѣ депутата на слѣдующій день по совершеніи кѣмъ-то преступленія...

Наиболѣе важнымъ нововведеніемъ является, впрочемъ, допущеніе, въ принципѣ, публичности засѣданій госуд. совѣта и Думы.

Вопросу о публичности засѣданій Думы законъ 20 февраля придаетъ особую важность. Продуктъ бюрократическаго творчества, онъ относится къ принципу публичности, вообще, съ величайшимъ недовѣріемъ и страхомъ. Отсюда—рядъ ограниченій и оговорокъ, отчасти заимствованныхъ изъ закона 6 августа.

Постороннія лица, въ томъ числѣ представители печати, допускаются въ открытыя засѣданія общаго собранія Думы въ числѣ, не превышающемъ количества отведенныхъ для нихъ мѣстъ, по усмотрѣнію предсѣдателя Государственной Думы. Засѣданіе Думы можетъ быть объявлено закрытымъ, не только по постановленію общаго ея собранія, но и по распоряженію предсѣдателя Думы и даже по желанію министра или главноуправляющаго, къ вѣдомству котораго относится разсматриваемое Думою дѣло.

Бюрократія, такимъ образомъ, выговариваетъ для себя привилегію канцелярской тайны: она не желаетъ «краснѣть» публично. Повидимому, она считаетъ революціоннымъ красный цвѣтъ... даже на лицѣ министровъ...

Не смотря на всѣ принятыя мѣры, публичность засѣданій продолжаетъ, однако, пугать бюрократію. Она желаетъ, во чтобы то ни стало, свести ее къ нулю. Правила о допущеніи въ засѣданія Думы постороннихъ лицъ и объ охраненіи въ помѣщеніяхъ Думы должнаго порядка составляются по соглашенію предсѣдателя думы съ предсѣдателемъ совѣта министровъ и утверждаются Высочайшею властью.

Впредь до изданія означенныхъ правилъ, «временныя правила» о допущеніи постороннихъ лицъ на засѣданія Думы устанавливаются по соглашенію предсѣдателя государственнаго совѣта съ предсѣдателемъ совѣта министровъ и представляются на утвержденіе верховной власти.

Почему «по соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта министровъ», а не по соглашенію съ шефомъ жандармовъ? Или это—одно и тоже?

Развѣ не характерно, что правила, опредѣляющія внутренній распорядокъ Думы требуютъ утвержденія Верховной власти? Какова боязнь общественнаго мнѣнія, боязнь свѣта и гласности для темныхъ и «безгласныхъ» дѣлъ бюрократическаго режима!

Не трудно предвидѣть, каковы будутъ эти правила,—и въ особенности, «временныя правила»,—о допущеніи постороннихъ лицъ на засѣданія Думы,

Какъ извѣстно, въ совѣщаніи гр. Сольскаго, гр. Витте, въ числѣ другихъ *четырехъ* членовъ, высказался противъ публичности засѣданій Думы вообще, а въ частности, за право предсѣдателя Думы, по собственному усмотрѣнію или по требованію 30 членовъ, удалять съ засѣданій даже представителей изданій повременной печати.

Нынѣ «либеральный графъ» занимается составленіемъ «временныхъ правилъ» о допущеніи въ засѣданія Думы постороннихъ лицъ...

Общая характеристика Государственной Думы была бы неполной, если бы мы не отмѣтили еще одного правила, впервые вводимаго учрежденіемъ 20 февраля. Согласно ст. 61 учр., въ Государственную Думу воспрещается являться депутаціямъ, а также представлять словесныя и письменныя заявленія и просьбы. Аналогичнаго правила учрежденіе 6 августа не знаетъ. Совѣщаніе гр. Сольскаго полагало, что, вмѣстѣ съ переустройствомъ высшихъ законодательныхъ установленій, необходимо выразить опредѣлительно въ законѣ воспрещеніе являться въ Госуд. Совѣтъ и Государственную Думу депутаціямъ, а также *лично* представлять въ эти установленія словесныя и письменныя заявленія.

Въ окончательной редакціи, неизвѣстно по какой причинѣ, слово «лично» исчезаетъ. Исчезновеніе этого слова влечетъ за собою немаловажную для русскаго народа утрату,—утрату одного изъ элементарнѣйшихъ и и неотъемлемыхъ правъ гражданина,—права петицій.

По мнѣнію гр. Витте, для русскаго гражданина достаточно и одного права,—«дѣйствительной неприкосновенности личности»; право петицій—излишняя для него роскошь.

Разстрѣливаемые безъ суда, засѣкаемые до полусмерти, сгниваемые въ тюремныхъ клоповникахъ, высылаемые и ссылаемые по подозрѣнію въ неблагонадежности граждане лишаются права обращаться съ своими заявленіями и жалобами въ Думу. Прекрасное средство поднять въ глазахъ населенія престижъ и значеніе Думы!

И неужели гр. Витте полагаетъ, что подобными средствами можно обезпечить безнаказанность и безотвѣтственность бюрократическому произволу; что только изъ петицій Государственная Дума могла бы узнать о тѣхъ неподдающихся описанію, вопіющихъ къ небу, ужасахъ, которые, съ его вѣдома и по его волѣ, безъ счета и числа творятся по всему лицу земли русской?..

Sancta simplicitas!...

IV.

Законодательныя полномочія Совѣта и Думы.

Законодательная власть осуществляется, совмѣстно съ Монархомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой.

Конституція 20 февраля проводитъ начало равноправности Совѣта и Думы. Совѣтъ и Дума—верхняя и нижняя палаты россійскаго парламента. При томъ сословно-бюрократическомъ характерѣ, какой присущъ госуд. совѣту, его равноправность съ Государственной Думой, въ значительной мѣрѣ, умаляетъ политическую роль послѣдней. Наши консерваторы при всякомъ, удобномъ и неудобномъ, случаѣ охотно апеллируютъ къ «исконнымъ началамъ» государственнаго строя Россіи. Поскольку, вообще, о такихъ началахъ можетъ идти рѣчь, имъ несомнѣнно противорѣчитъ конституціонная роль Государственнаго Совѣта. Послѣдній, во всякомъ случаѣ, является тѣмъ «средостѣніемъ», которое препятствуетъ непосредственному общенію монарха съ народомъ, въ лицѣ его избранныхъ представителей.

Въ совѣщаніи гр. Сольскаго, двумя членами (Н. Н. Кутлеромъ и А. Д. Оболенскимъ) предложена была поправка, имѣвшая цѣлью обезпечить преобладающее значеніе за Государственной Думой. Такъ, согласно этой поправкѣ, если, при вторичномъ обсужденіи думою непринятаго госуд. совѣтомъ проекта, выскажетя въ пользу послѣдняго не менѣе $^2/_3$ общаго числа даннаго состава членовъ Думы, то законопроектъ, хотя бы онъ и не былъ принятъ Совѣтомъ, долженъ быть представленъ на усмотрѣніе Верховной власти. Совѣщаніемъ эта поправка была отклонена.

Сосредоточиваетъ ли русскій парламентъ—Государственный Совѣтъ и Государственная Дума--въ своихъ рукахъ всю полноту законодательной власти,—законодательство по

всѣмъ, безъ исключенія, вопросамъ государственной жизни?

Какъ извѣстно, по учрежденію 6 августа, съ Государственной Думой, какъ учрежденіемъ законосовѣщательнымъ, конкурировали другія учрежденія, такъ называемаго, верховнаго управленія, имѣющія, равнымъ образомъ, законосовѣщательный характеръ: опекунскій совѣтъ, военный и адмиралтействъ-совѣты, главный военный и главный военно-морской суды, комитетъ сибирской желѣзной дороги и комитетъ финансовъ.

Оставляетъ ли нетронутой компетенцію всѣхъ этихъ учрежденій конституція 20 февраля?

Думаемъ, что нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока Дума имѣла законосовѣщательный, а не законодательный характеръ, существованіе на-ряду съ нею другихъ законосовѣщательныхъ учрежденій представлялось возможнымъ: какимъ бы учрежденіемъ ни обсуждались законы, законодательная власть, во всей ея полнотѣ, находилась въ рукахъ неограниченнаго монарха.

Манифесты 17 октября и 20 февраля вносятъ въ государственное право Россіи совершенно новый законодательный принципъ.

Манифестъ 17 октября устанавливаетъ, какъ *незыблемое* правило, чтобы *никакой законъ* не могъ воспріять силу, безъ одобренія Государственной Думы. Согласно манифесту 20 февраля, со времени созыва Государственнаго Совѣта и Думы, законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Совѣта и Думы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и тѣмъ, и другимъ манифестомъ принципъ *неограниченности* монархической власти объявляется упраздненнымъ; при такихъ условіяхъ ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ монархомъ, при содѣйствіи *какихъ бы то ни было* законосовѣщательныхъ учрежденій.

Это—ясно; тѣмъ не менѣе, отсутствіе въ самомъ законѣ опредѣленнаго указанія на упраздненіе законосовѣщательныхъ функцій установленій верховнаго управ-

ленія приведетъ неизбѣжно къ тому, что послѣднія попытаются означенныя функціи за собою сохранить. На этой почвѣ неизбѣжны многочисленные конфликты между бюрократіей и Государственной Думой; и трудно сказать, какимъ образомъ, въ концѣ концовъ, опредѣлятся предѣлы законодательной власти Государственной Думы.

Переходя къ вопросу объ отдѣльныхъ законодательныхъ полномочіяхъ Совѣта и Думы, мы и здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчаемъ внутреннее, духовное родство между законодательною Думою гр. Витте и Булыгинской законосовѣщательной Думой.

Какъ извѣстно, по учрежденію 6 августа, у Государственной Думы имѣлось право законодательныхъ петицій, и вовсе отсутствовало право законодательной инициативы. Дума могла возбуждать законодательные вопросы. Для того, чтобы по возбужденному ею вопросу составленъ былъ *соотвѣтственнымъ министромъ* законопроектъ, требовалось либо согласіе министра, либо повелѣніе верховной власти. Во всякомъ случаѣ, законопроектъ долженъ былъ составляться министрами, а не Думою, и вноситься на разсмотрѣніе Думы не иначе, какъ съ соизволенія Верховной власти.

Учрежденіе 20 февраля предоставляетъ Государственной Думѣ и Государственному Совѣту право законодательной инициативы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно обставляетъ это право такими ограниченіями при которыхъ оно теряетъ значительную долю своего практическаго значенія [1]).

Одно изъ такихъ ограниченій заимствовано изъ учрежденія 6 августа. Названное учрежденіе, какъ извѣстно, воспрещало Государственной Думѣ возбуждать законодательные вопросы, касающіеся «основныхъ началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными». Точно также учрежденіе 20 февраля, предоставляя Совѣту и

[1]) Права госуд. совѣта по возбужденію законодательныхъ предположеній аналогичны такимъ же правамъ Госуд. Думы (ст. 17 Учр. Госуд. Сов.): поэтому все то, что въ дальнѣйшемъ говорится о законодательной инициативѣ Думы, относится, равнымъ образомъ, и къ Госуд. Совѣту.

Думѣ возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, устанавливаетъ исключеніе для основныхъ государственныхъ законовъ, починъ пересмотра коихъ Верховная власть сохраняетъ за собой.

Въ учрежденіи 6 августа воспрещеніе касаться основныхъ началъ государственнаго устройства, установленныхъ основными законами, имѣло, разумѣется, вполнѣ опредѣленный смыслъ: такимъ началомъ являлось, прежде всего, начало неограниченности или самодержавія царской власти, непоколебленное учрежденіемъ законосовѣщательной Думы.

Какой смыслъ имѣетъ подобное воспрещеніе въ конституціи 20 февраля?

Замѣтимъ, прежде всего, что ни учрежденіе Государственнаго Совѣта, ни учрежденіе Государственной Думы, ни положеніе о выборахъ въ Государственную Думу въ составъ «основныхъ законовъ» не входятъ.

Положеніе это, твердо установленное еще совѣщаніемъ Булыгина, находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ текстѣ манифеста 20 февраля.

Основные государственные законы противополагаются этимъ текстомъ учрежденіямъ Совѣта и Думы, а также постановленіямъ о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Подъ основными государственными законами языкъ нашего законодательства всегда понимаетъ т. I ч. 1 свода законовъ.

Каково же содержаніе основныхъ государственныхъ законовъ?

Не станемъ останавливаться на учрежденіи императорской фамиліи. Учрежденіе это является по существу «семейнымъ закономъ» (Hausgesetz) царствующаго дома. И въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ, такъ называемые, семейные законы въ составъ конституціи не входятъ и разсмотрѣнію парламента не подлежатъ. Равнымъ образомъ, несущественно отсутствіе у Государственной Думы права законодательной иниціативы по вопро-

самъ, касающимся порядка наслѣдія престола. Наиболѣе важные отдѣлы основныхъ законовъ—это 1-й отдѣлъ (раздѣла перваго), о существѣ Верховной самодержавной власти и 8-й отдѣлъ (раздѣла перваго), о законахъ.

Въ какой мѣрѣ и теперь, послѣ 20 февраля, эти отдѣлы являются дѣйствующимъ правомъ?

Всякій юристъ, разумѣется, знаетъ, что послѣдующій законъ отмѣняетъ предыдущіе законы, поскольку они ему противорѣчатъ.

Законами 20 февраля *отмѣнены*, слѣдовательно, всѣ тѣ постановленія основныхъ законовъ, которыя *несовмѣстимы* съ основными началами законовъ 20 февраля. Рѣчь можетъ идти только *о кодификаціонномъ* измѣненіи текста соотвѣтственныхъ постановленій основныхъ законовъ; и та инціатива, которую сохраняетъ за собою Верховная власть, касается, именно, такой кодификаціонной, а не законодательной работы.

Это ясно для юриста; но развѣ это ясно для «истинно-русскихъ людей?» Отнынѣ «основные законы» становятся ящикомъ Пандоры,—и кто знаетъ, какими потрясеніями и смутой они угрожаютъ Россіи...

Какъ бы то ни было, за исключеніемъ основныхъ законовъ, право инціативы принадлежитъ Государственной Думѣ по всѣмъ, вообще, законодательнымъ вопросамъ. Необходимо поэтому разсмотрѣть тѣ условія, которыми обставлено осуществленіе этого права Государственной Думой.

Согласно закону 20 февраля, заявленіе объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго, или изданіи новаго закона должно быть подписано не менѣе чѣмъ тридцатью членами; къ заявленію этому долженъ быть приложенъ проектъ «основныхъ положеній» предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ нему запиской. Заявленіе сообщается въ копіи соотвѣтственному министру не позднѣе, какъ за мѣсяцъ до дня его слушанія. Государственная Дума обсуждаетъ сначала «основныя положенія» проекта, и, если она согласится

съ нимъ, то существующій (?!) законопроектъ вырабатывается и вносится въ Думу подлежащимъ министромъ, либо главноуправляющимъ отдѣльною частью. Въ случаѣ отказа министра или главноуправляющаго отъ составленія такого законопроекта, Думою можетъ быть образована для его выработки комиссія изъ своей среды.

Попробуемъ представить себѣ конкретно порядокъ осуществленія иниціативы Государственной Думой.

Собирается Дума, и 30 членовъ вносятъ заявленіе о необходимости изданія новыхъ законовъ о гражданской свободѣ,—о личной неприкосновенности, о свободѣ печати, союзовъ и собраній и т. д.; къ заявленію приложенъ проектъ «основныхъ положеній» предлагаемыхъ законовъ. Проходитъ мѣсяцъ, необходимый для ознакомленія министра съ возбужденнымъ Государственной Думой законодательнымъ вопросомъ. Затѣмъ, начинается обсужденіе «основныхъ положеній»; идутъ продолжительные теоретическіе споры, и, наконецъ, «основныя положенія» установлены Думой. Въ результатѣ, въ практическомъ отношеніи—нуль, ибо «основныя положенія»—не законопроектъ. Затѣмъ «основныя положенія» сообщаются министру. Министръ обѣщаетъ,—конечно, не обязываясь срокомъ,—изготовить законопроектъ. Начинается собираніе справокъ, изготовленіе историческаго очерка; довѣренныя лица министра получаютъ заграничную командировку для ознакомленія съ положеніемъ дѣла на Западѣ. Министерство вступаетъ въ сношеніе съ другими вѣдомствами, и, изъ-за неполученія своевременнаго отзыва отъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства, составленіе законопроекта задерживается на два-три мѣсяца. Наконецъ, черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ два, законопроектъ поступаетъ въ Государственную Думу. Изъ Государственной Думы законопроектъ поступаетъ въ Государственный Совѣтъ, потомъ въ смѣшанную комиссію изъ членовъ Совѣта и Думы, потомъ снова въ Совѣтъ и Думу,—и, наконецъ, лѣтъ черезъ пять, издается желанный законъ.

Вполнѣ возможенъ и такой случай.

Пока законопроектъ разрабатывается въ министерствѣ, министръ уходитъ въ отставку. Новый министръ не согласенъ съ «основными положеніями», установленными Думой. «Основныя положенія» возвращаются въ Думу. За это время составъ Думы успѣлъ обновиться,—вслѣдствіе ли роспуска, или вслѣдствіе истеченія пятилѣтняго срока полномочій. Дѣло начинается за-ново: 30 членовъ подаютъ заявленіе съ приложеніемъ проекта основныхъ положеній, Дума обсуждаетъ и устанавливаетъ основныя положенія и т. д., и т. д. Для того, чтобы Дума могла, дѣйствительно, осуществить свое право иниціативы, необходимо, чтобы министръ отказался отъ составленія законопроекта; другими словами, осуществленіе права иниціативы Думой поставлено въ прямую зависимость отъ усмотрѣнія министра.

Таковъ порядокъ осуществленія права иниціативы Государственной Думой. Само собою понятно, что ни въ одной конституціи міра такого порядка не встрѣтить. Оригинальное изобрѣтеніе бюрократическаго генія, онъ является сплошнымъ издѣвательствомъ надъ здравымъ смысломъ. Не въ томъ дѣло, что онъ нелѣпъ; онъ прямо таки невозможенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли допустить, что члены Думы, возбуждающіе законодательный вопросъ, ограничатся составленіемъ «основныхъ положеній» законопроекта? А что, если они представятъ готовый законопроектъ?.. Можно ли предположить, что Государственная Дума согласится, превратившись въ политическую говорильню, тратить время и трудъ на теоретическое обсужденіе «основныхъ положеній» реформы; что она согласится терпѣливо ждать, пока возбужденный ею законодательный вопросъ будетъ мирно покоится въ «долгомъ ящикѣ» министерскихъ канцелярій; что она добровольно уступитъ министрамъ драгоцѣннѣйшее право народнаго представительства,—право законодательной иниціативы?

Регламентація законодательной иниціативы учрежде-

ніемъ 20 февраля свидѣтельствуетъ объ одномъ,—о безнадежной законодательной импотенціи бюрократическихъ канцелярій. Не надо быть пророкомъ для того, чтобы предсказать неизбѣжность немедленныхъ конфликтовъ между народнымъ представительствомъ и бюрократіей по вопросу о правѣ иниціативы Государственной Думы.

Мы не станемъ останавливаться на другихъ законодательныхъ полномочіяхъ Думы.

Государственная Дума является органомъ законодательной власти; въ этомъ своемъ значеніи она не только обсуждаетъ законопроекты совмѣстно съ Совѣтомъ, но и окончательно устанавливаетъ ихъ текстъ. Верховная власть не въ правѣ измѣнить ни единой буквы въ представленномъ ей законопроектѣ; она можетъ его либо цѣликомъ утвердить, либо цѣликомъ отвергнуть. Иначе, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о недопустимости изданія законовъ безъ одобренія Совѣта и Думы.

Чрезвычайно важное само по себѣ, законодательное право Думы умаляется, однако, правомъ правительственной власти по изданію, такъ называемыхъ, «временныхъ законовъ».

Согласно манифесту 20 февраля, во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Верховной власти непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, послѣ возобновленія занятій думы, соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

Кто не знаетъ, какъ широко привыкла бюрократія лковать понятіе «чрезвычайныхъ обстоятельствъ», тре-ющихъ какой-либо чрезвычайной мѣры; и кто можетъ мнѣваться въ томъ, что въ рукахъ бюрократіи право данія временныхъ законовъ неизбѣжно явится опас-мъ оружіемъ, непосредственно направленнымъ противъ сударственной Думы? Дума не принимаетъ какой-либо ѣры, предлагаемой министромъ. Она распускается, и ѣра осуществляется въ порядкѣ управленія, безъ одоб-енія Думы. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ комъ же «внѣзаконодательномъ» порядкѣ могутъ быть существляемы финансовыя мѣры,—и, въ частности, станавливаемъ бюджетъ, не принятый Государственной умой.

До тѣхъ поръ, пока въ рукахъ бюрократіи остается пасное право изданія временныхъ законовъ,—въ Россіи еизбѣжно чередованіе періодовъ парламентскаго упра-енія съ періодами самодержавнаго режима. И это че-едованіе тѣмъ болѣе опасно, что законъ, какъ извѣстно, е устанавливаетъ никакого срока для созыва, взамѣнъ аспущенной, новой Государственной Думы.

При такихъ условіяхъ о прочности правопорядка, о езыблемости законовъ, о неприкосновенности граждан-кихъ правъ не можетъ быть и рѣчи.

Таковы условія, въ которыхъ придется функціониро-ать—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—Государ-твенной Думѣ.

Наскоро сколоченный неискусными и недобросовѣст-ыми руками, нашъ конституціонный корабль пускается ъ море, усѣянное песчаными мелями и подводными амнями. Первая буря,—и крушеніе неизбѣжно; именно, отому болѣе, чѣмъ легкомысленно, пускаться въ *даль-ое* плаваніе на такомъ кораблѣ.

V.

Отвѣтственность министровъ.

Манифестъ 17 октября устанавливаетъ, какъ незыблемое правило, «чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность *дѣйствительнаго* надзора за законом*ѣ*рностью дѣйствій, поставленныхъ отъ Насъ властей»,

Очевидно, та возможность надзора, которая установлена была закономъ 6 августа, признается манифестомъ недѣйствительной...

Между тѣмъ, учрежденіе 20 февраля не вноситъ *рѣшительно никакихъ измѣненій* въ порядокъ надзора надъ администраціей, установленный закономъ 6 августа. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ этой своей части манифестъ 17 октября оставленъ «правительствомъ 17 октября» безъ исполненія.

И теперь, послѣ 20 февраля, у Государственной Думы то же право запроса по иниціативѣ 30 членовъ; у министровъ—то же право «несообщенія» требуемыхъ Думою свѣдѣній и разъясненій.

И теперь, послѣ 20 февраля, Государственная Дума, не удовлетворившись сообщеніемъ министра можетъ, по постановленію двухъ третей ея членовъ, представить свое мнѣніе на Высочайшее благоволеніе *чрезъ посредство предсѣдателя Государственнаго Совѣта*. И теперь дальнѣйшее движеніе дѣла зависитъ отъ исключительнаго усмотрѣнія верховной власти, самое же производство дѣла объ отвѣтственности министровъ сосредоточивается въ департаментѣ Государственнаго Совѣта, состоящемъ исключительно изъ лицъ, назначаемыхъ тою же верховной властью.

Однимъ словомъ, все по старому, все по хорошему... И можетъ ли быть иначе, когда законъ объ отвѣтственности министровъ составляется лицами, которыхъ онъ, прежде всего, можетъ коснуться!..

Свободная отъ какого бы то ни было подчиненія народному представительству, администрація сохраняетъ и на будущее время свой характеръ «опричнины», чуждой народу и враждебной ему.

Есть одно любопытное нововведеніе въ законѣ 20 февраля.

Какъ извѣстно, закономъ 6 августа министрамъ и главноуправляющимъ категорически воспрещено было состоять членами Государственной Думы. Наоборотъ, учрежденіе 20 февраля допускаетъ совмѣщеніе министерской должности съ полномочіями депутата; въ настоящее время министромъ можетъ быть назначено лицо, состоящее членомъ Государственной Думы...

Новый порядокъ открываетъ повидимому, путь къ парламентарному режиму. Государственная Дума должна добиваться того, чтобы министрами назначаемы были лица, принадлежащія къ ея составу.

Тѣмъ не менѣе, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что идея парламентаризма оставалась совершенно чуждой составителямъ закона 20 февраля; иначе, разумѣется, въ законѣ не могло бы имѣть мѣста болѣе, чѣмъ странное правило о представленіи всѣхъ, вообще, законопроектовъ, одобренныхъ Совѣтомъ и Думой, Императорскому Величеству не иначе, какъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Въ парламентарномъ государствѣ законы всегда и необходимо представляются монарху и скрѣпляются министрами, несущими политическую отвѣтственность предъ народнымъ представительствомъ.

Упраздняя самодержавіе верховной власти, учрежденіе 20 февраля стремится обезпечить, во всей неприкосновенности абсолютизмъ подчиненнаго управленія отъ дерзновенныхъ на него посягательствъ Государственной Думы. Оно стремится, во чтобы то ни стало, сочетать несочетаемое: конституціонный характеръ законодательства съ абсолютизмомъ правительственной власти.

Одно изъ этихъ началъ должно побѣдить другое,— и, разумѣется, не трудно предсказать, какое изъ нихъ,

въ конечномъ счетѣ, побѣдитъ. Но кто знаетъ, когда еще наступитъ побѣда, и сколько еще жертвъ, тяжелыхъ и невознаградимыхъ, потребуетъ суровая дѣйствительность отъ русскаго народа?..

VI.

Заключеніе.

Огромная задача, — разрушительная въ одной своей части и созидательная въ другой,—поставлена волею судебъ современному поколѣнію.

Необходимо разрушить вѣками сложившійся приказный строй, расчистить авгіевы конюшни приказнаго законодательства. Необходимо уничтожить «опричную» власть,—и въ рабской Россіи создать новое племя свободныхъ и мужественныхъ гражданъ.

И на расчищенной политической почвѣ необходимо осуществить великую соціальную реформу,—великую по своимъ размѣрамъ и по своему значенію.

Долгіе годы реакціи,—годы тупого безсилія законодательной мысли, — не прошли безслѣдно. Соціальныя противорѣчія, не смягчаемыя законодательными палліативами, обострились до крайности, — и нынѣ принимаютъ характеръ соціальнаго кризиса, угрожающаго самому существованію государства.

Стомилліонному крестьянству нужна земля; и эту землю необходимо, во чтобы то ни стало, добыть. Рабочее движеніе, расширяясь и углубляясь съ необыкновенною силой, наноситъ ударъ за ударомъ промышленности, разрушая экономическое благосостояніе страны. Политика «искорененія крамолы» ничтожна и безсильна въ борьбѣ съ революціонными настроеніями многомилліоннаго пролетаріата.

Осуществленіе соціальной реформы необходимо предполагаетъ соотвѣтственную реорганизацію государствен-

ной власти, ибо государственная власть является необходимымъ орудіемъ осуществленія соціальной реформы.

Обсуждая конституцію 20 февраля, мы не можемъ, разумѣется, оставить безъ отвѣта вопросъ: создается ли этой конституціей государственная власть, достаточно энергичная и сильная, достаточно *внѣклассовая* для того, чтобы взять на себя осуществленія предстоящей Россіи соціальной реформы.

И, разумѣется, мы не можемъ на этотъ вопросъ отвѣтить иначе, какъ отрицательно.

Государственная Дума, обезсиленная жалкой и безсмысленной системой избирательнаго права, лишенная необходимыхъ аттрибутовъ законодательной власти; сословно-бюрократическій государственный совѣтъ, конкуррирующій съ Государственной Думой; свободная отъ какого бы то ни было подчиненія народному представительству, самодержавная бюрократія,—самая эгоистическая и своекорыстная, самая невѣжественная и тупая изъ всѣхъ бюрократій міра,—такова та государственная власть, которая призвана нынѣ къ осуществленію великой политической и соціальной реформы, долженствующей пересоздать Россію.

Конституція 20 февраля пытается установить невозможный компромиссъ между старымъ и новымъ порядкомъ; тѣмъ самымъ она неизбѣжно создаетъ хроническій антагонизмъ, внутреннюю борьбу между противоположными и враждебными другъ другу элементами государственной власти.

Роковое безсиліе этой власти, — таковъ, быть можетъ, самый существенный изъ всѣхъ, вообще, недостатковъ реформы.

Конституція, возможная въ мелкихъ германскихъ государствахъ начала XIX вѣка, невозможна въ великой Россіи XX вѣка.

Замѣтки публициста.

I.

Шестидесятые годы и предстоящая реформа.

(Октябрь, 1904 г.).

Общественная жизнь Россіи уперлась въ тупикъ; дальше по тому же направленію ей некуда идти.

И въ эту критическую минуту во внутренней политикѣ наступаетъ переломъ. Съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, повидимому, намѣчается «новая эра». Мы вступаемъ въ «новый курсъ».

Правительственная программа министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующимъ образомъ формулирована въ его обращеніи къ чинамъ министерства:

«Плодотворность правительственнаго труда основана на *искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще.* Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства».

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ представителей иностранной прессы кн. Святополкъ-Мирскій опредѣлилъ свое отношеніе къ печати. Онъ не считаетъ возможнымъ предоставленіе печати «абсолютной свободы», но печати должно быть оказано довѣріе; ей должна быть дана возможность откровенно и искренно высказываться о потребностяхъ и нуждахъ населенія, о задачахъ и цѣляхъ созидательной дѣятельности правительства.

Довѣріе обязываетъ. И если печать сознаетъ лежащую на ней отвѣтственность, если она сознаетъ святость своего призванія, — въ критическія минуты народной жизни она не можетъ, она не должна молчать.

Не слѣдуетъ обольщаться надеждами. Мы стоимъ лишь на порогѣ «новой эпохи». Мы вступимъ въ нее, *когда отъ словъ перейдемъ къ дѣлу*.

Русскому обществу приходилось уже слышать хорошія слова. Кто не помнитъ еще рѣчи, произнесенной покойнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на столѣтнемъ юбилеѣ ввѣреннаго ему министерства? Развѣ не говорилось въ ней объ исполинскомъ ростѣ народныхъ силъ, ставящемъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія; о необходимости болѣе дѣятельнаго участія мѣстныхъ людей въ трудахъ мѣстнаго управленія; о невозможности бюрократическаго осуществленія крестьянской реформы; объ обращеніи къ сокровищницѣ всѣхъ творческихъ силъ страны?

А между тѣмъ, усовершенствованіе способовъ управленія завершилось учрежденіемъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства; забота о дѣятельномъ участіи въ мѣстномъ управленіи мѣстныхъ людей выразилась въ тенденціозныхъ ревизіяхъ, въ упраздненіи тверского земства; обращеніе къ творческимъ силамъ страны свелось къ образованію крестьянскихъ комиссій изъ благонадежныхъ лицъ, по назначенію начальниковъ губерній!..

Политическая программа, *дѣйствительно* основанная на искренне-благонамѣренномъ и искренне-довѣрчивомъ отношеніи къ обществу, является по существу *прямымъ и безусловнымъ отрицаніемъ* политики послѣднихъ десятилѣтій. Эта политика, въ своихъ основныхъ теченіяхъ и въ мельчайшихъ своихъ деталяхъ, проникнута однимъ настроеніемъ, одной идеей. Она — антиобщественна съ начала и до конца. Она продиктована недовѣріемъ и враждою къ русскому обществу.

Вспомните положеніе объ усиленной и чрезвычайной

охранѣ, объ административной высылкѣ и полицейскомъ надзорѣ,—положеніе, открывающее собою тяжелую эру восьмидесятыхъ годовъ. Можно ли идти дальше въ отрицаніи личности, въ пренебреженіи къ ея неотъемлемымъ, къ ея элементарнымъ правамъ? Вспомните новѣйшее законодательство о печати, новеллы, «урѣзавшія языкъ», въ наказаніе за вольнодумство, выразительницѣ общественнаго мнѣнія,— и раньше косноязычной русской печати! Чѣмъ, какъ не недовѣріемъ къ обществу продиктованы безчисленныя новеллы къ судебнымъ уставамъ, направленныя противъ участія народнаго элемента въ судѣ, или университетскій уставъ 84 г., отдавшій вольнодумную науку подъ полицейскій надзоръ.

Какимъ боязливымъ недовѣріемъ къ обществу, какою откровенной враждой къ просвѣщенію проникнута вся наша народно-школьная политика послѣднихъ десятилѣтій. Всѣ эти положенія и правила о народной школѣ, объ общественныхъ библіотекахъ и народныхъ читальняхъ, о публичныхъ чтеніяхъ,—развѣ они мыслимы въ какой-либо европейской странѣ? Развѣ не на отрицательномъ отношеніи къ общественному началу построена система административной опеки надъ самоуправленіемъ? Тотъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей земскаго дѣла въ Россіи, тотъ знаетъ, конечно, что вся эта исторія — сплошной мортирологъ. Земское положеніе 1890 г. и Городовое положеніе 1892 г. нанесли тяжкій ударъ еще молодому у насъ самоуправленію,—и если этотъ ударъ не оказался смертельнымъ, то бюрократія въ этомъ всего менѣе повинна: по мысли бюрократіи, земство подлежало упраздненію; именемъ земства долженъ былъ править губернаторъ. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени земство становится мишенью бюрократической бомбардировки. Какъ изъ рога изобилія сыплются законы и циркуляры, урѣзывающіе компетенцію земства и его бюджетъ, ставящіе его подъ ферулу губернаторской власти. Законъ о фиксаціи земскаго обложенія, продовольственная реформа, уставъ о лечебныхъ заведеніяхъ, ветеринарный законъ,

обнаружили полнѣйшее умственное и нравственное банкротство самодовлѣющей бюрократіи.

При такихъ условіяхъ политика довѣрія—если она желаетъ быть политикой дѣла, а не словъ—къ обществу, дѣйствительно, должна открыть собою новую «эру» въ исторіи русской общественности. Она должна отказаться—откровенно и смѣло—отъ бюрократическихъ традицій; она должна вырвать съ корнемъ негодныя травы, взрощенныя бюрократіей на нивѣ русской жизни. Необходимо вернуть общество на тотъ широкій и свободный путь, на который оно вступило въ 60-хъ годахъ, и съ котораго, испугавшись далекихъ перспективъ, оно свернуло такъ поспѣшно и такъ пугливо въ тѣсный и темный тупикъ.

Довѣріе или недовѣріе, — средины нѣтъ. Demifiance est méfiance, какъ говорятъ французы.

Если правительство довѣряетъ обществу, оно должно предоставить русской печати свободу слова, русскому земству—возможность дѣйствій. Оно должно обезпечить отъ полицейскихъ посягательствъ личную неприкосновенность русскаго гражданина.

Если законодательство послѣднихъ десятилѣтій,—всѣ эти «временныя правила», изготовленныя въ петербургскихъ канцеляріяхъ, противорѣчатъ «политикѣ довѣрія», они должны быть, какъ можно скорѣе, отмѣнены и, какъ можно основательнѣе, забыты. «Временныя правила»—плодъ опредѣленной эпохи: въ условіяхъ «новой эпохи» имъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста...

Въ состояніи ли, однако, «политика довѣрія» ограничиться этой,—по существу, разрушительной, а не созидательной работой? Исполнитъ ли она свою задачу, достигнетъ ли она своей цѣли, вернувъ русское общество къ «великой эпохѣ 60-хъ годовъ?»

Поставленный такимъ образомъ вопросъ настойчиво требуетъ категорическаго отвѣта; и этотъ отвѣтъ не можетъ не быть отрицательнымъ, если онъ будетъ искреннимъ и прямымъ. *Остановиться на шестидесятыхъ*

годахъ невозможно, — именно въ этомъ заключается огромная трудность рѣшенія поставленной историческимъ моментомъ и признанной властью задачи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что не только иниціаторы земской реформы 64 г., потрудившіеся много надъ ея осуществленіемъ, Н. А. Милютинъ и гр. Ланской, но и правительственная власть, вообще, видѣла въ земскихъ учрежденіяхъ лишь первый шагъ къ общему преобразованію на земскихъ, представительныхъ началахъ государственнаго строя: въ школѣ мѣстнаго самоуправленія русское общество должно было пріобрѣсти навыкъ и знанія, необходимыя для самоуправленія политическаго.

Мысль эта въ полной мѣрѣ раздѣлялась новосозданнымъ земствомъ и періодической печатью. Уже въ декабрѣ 1865 г. первымъ шагомъ петербургскаго земства явилось возбужденіе вопроса о необходимости ходатайствовать передъ правительствомъ о созданіи центральнаго земскаго органа для завѣдыванія государственными земскими повинностями. Въ 1867 г. петерб. земство высказывается категорически о необходимости допущенія земства къ участію въ законодательныхъ работахъ. Въ 1878 г. рядъ земскихъ собраній (харьковское, черниговское, тверское и др.) заявляютъ о необходимости общегосударственной представительной организаціи общественныхъ силъ. О политическихъ настроеніяхъ русскаго общества лучше всего можно судить по его отношенію къ преобразовательнымъ начинаніямъ Лорисъ-Меликовскаго режима,—по привѣтственнымъ адресамъ, обращеннымъ къ министру земскими собраніями, по восторженнымъ отзывамъ о «политикѣ довѣрія» тогдашней печати. Въ газетѣ: «Земство» за 1881 г. (№ 6) мы читаемъ: «Во всеуслышаніе стала высказываться мысль о необходимости крупныхъ реформъ, о представленіи обществу болѣе широкаго участія въ государственномъ управленіи, о своевременности вѣнчанія зданія.....

...Эти идеи все болѣе распространяются въ обществѣ, все болѣе крѣпнетъ надежда, что за предоставленіемъ

должной силы новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, за приведеніемъ въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденій стараго порядка, словомъ, за упорядоченіемъ управленія мѣстнаго,—и весь государственный строй подвергнется преобразованію...»

И послѣ печальнаго событія 1 марта, ходатайства новгородскаго, казанскаго и рязанскаго земствъ, откровенныя статьи «Порядка», «Страны», «Голоса» и др. неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что русское общество, по прежнему, сознаетъ необходимость коренныхъ преобразованій.

Таковы факты; мы думаемъ, что съ этими фактами необходимо считаться «политикѣ довѣрія», политикѣ сближенія правительства съ народомъ.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что и теперь русское общество, если бы оно обладало свободой слова, искренно и убѣжденно заявило бы о необходимости широкаго преобразованія.

Вспомните исторію комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Вспомните, какъ скептически относились они къ бюрократическому началу; какъ настойчиво требовали участія народнаго элемента въ законодательномъ творчествѣ... Конечно, формы этого участія, предложенныя комитетами, были весьма разнообразны; однако, самая необходимость его стоитъ для нихъ внѣ всякаго спора. Нынѣ, въ послѣдніе два мѣсяца, раздались тиски, сжимающіе русскую печать; она получила—пока еще только de facto, а не de jure—возможность говорить о нуждахъ родной земли. Прислушайтесь къ ея голосу; развѣ не требуетъ она, даже въ лицѣ наиболѣе умѣренныхъ и наименѣе принципіальныхъ своихъ органовъ, обновленія дезорганизованной бюрократизмомъ Россіи? «Намъ нужны не реформы, а реформа»,—вотъ то крылатое слово, которое опредѣленно выражаетъ общественное настроеніе переживаемаго нами историческаго момента.

И можетъ ли быть иначе?

Самый горячій поклонникъ бюрократіи не рѣшится сказать, что она съумѣла справиться съ тяжелой задачей устроенія Россіи; что она съумѣла двинуть впередъ, развить ея матеріальную и духовную мощь, обезпечить внутренній миръ и международное могущество великой страны.

Кто сомнѣвается теперь, хотя бы въ рядахъ самой бюрократіи, что съ великими задачами народной жизни,— съ національнымъ вопросомъ, съ крестьянской реформой, съ народнымъ просвѣщеніемъ собственными усиліями, не прибѣгая «къ сокровищницѣ всѣхъ творческихъ силъ страны», бюрократія справиться не можетъ?

Развѣ не доказана всѣмъ опытомъ послѣднихъ десятилѣтій безусловная невозможность изолированнаго осуществленія мѣстной реформы? Кто не знаетъ, что развитіе мѣстнаго самоуправленія невозможно до тѣхъ поръ, пока управленіе центральное сохраняетъ бюрократическій характеръ.

Если это такъ,—неосторожно и легкомысленно думать о возможности возвращенія къ шестидесятымъ годамъ.

Надо идти впередъ. Нельзя ждать спасенія отъ законодательныхъ палліативовъ; не слѣдуетъ закрывать глаза передъ огромностью предстоящаго дѣла; надо взвѣсить напередъ всю его трудность для того, чтобы, осуществляя его, предъ первымъ препятствіемъ не отступить, предъ первымъ сомнѣніемъ не повернуть вспять.

Портъ-Артуръ бюрократизма со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами. Исторія сохранитъ благодарную память о томъ государственномъ дѣятелѣ, который, не взирая на опасность, твердой и безтрепетной волей выведетъ изъ его водъ государственный корабль. Но отправляясь въ тяжелое плаванье, пусть этотъ дѣятель знаетъ, что надо, во чтобы то ни стало, найти новую пристань; пусть онъ помнитъ, что возвращеніе въ Портъ-Артуръ обрекаетъ на гибель тихоокеанскую эскадру.

II.

Переломъ.

(*Ноябрь, 1904 г.*).

Знаменательной особенностью переживаемаго нами историческаго момента является *радикализмъ* существующихъ въ странѣ политическихъ направленій.

Современному русскому обществу, при всемъ—впрочемъ, болѣе кажущемся, чѣмъ дѣйствительномъ—разнообразіи его политическихъ идей—остается совершенно чуждой идея политическаго консерватизма. Наше реакціонное направленіе въ такой-же мѣрѣ радикально,—пожалуй, еще болѣе радикально, чѣмъ направленіе прогрессивное.

Невозможность политическаго status quo является общепризнанной истиной; ни въ правомъ, ни въ лѣвомъ лагерѣ защитниковъ у него нѣтъ.

И съ точки зрѣнія реакціоннаго направленія, такъ жить, какъ мы теперь живемъ, невозможно! Общественная дезорганизація, по мнѣнію реакціонной печати, достигла своего апогея. Крестьянская масса развращена и своевольна; она не уважаетъ чужой собственности, не чтитъ начальственнаго авторитета. Аграрное движеніе грозитъ неисповѣдимыми бѣдствіями существующему строю. Зараженное зловреднымъ западничествомъ, дворянство отрекается отъ священнаго завѣта предковъ. Дворянское земство является очагомъ антиправительственной пропаганды. Господствующій на мѣстахъ, такъ называемый «третій элементъ» состоитъ поголовно изъ революціонеровъ. Городская интеллигенція вступила въ измѣнническій союзъ съ Японіей: она радуется каждой побѣдѣ Японіи, она торжествуетъ по поводу каждой неудачи русскаго воинства. Фабричные безпорядки и уличныя демонстраціи становятся повседневнымъ явленіемъ общественной жизни. Терпимыя въ Россіи изъ милости національ-

ности дерзостно возстаютъ противъ русскаго народа. Всеобщее разложеніе, всеобщее недовольство... Внутренніе враги страшнѣе внѣшнихъ. Caveant consules: Капитолій въ опасности.

Различно оцѣнивая общественныя явленія современной дѣйствительности, прогрессивное направленіе сходится съ реакціоннымъ въ одномъ: такъ жить, какъ мы теперь живемъ, невозможно! Разобщеніе между правительствомъ и обществомъ достигло своего апогея. Не считаясь съ насущными потребностями общественной жизни, бюрократія ведетъ свою собственную, самодовлѣющую политику, идущую въ разрѣзъ съ политическими требованіями русскаго общества. Общество ждетъ отъ государства культурно-просвѣтительной дѣятельности,—бюрократія увлекается химерами колоніальной политики. Общество жаждетъ мира, — бюрократія ведетъ войну. Общество требуетъ широкаго простора для общественной иниціативы,—бюрократія насильственно втискиваетъ жизнь въ прокрустово ложе канцелярскихъ шаблоновъ. Общество требуетъ политической и личной свободы,—бюрократія строитъ свое господство на административномъ произволѣ. Общество требуетъ соціальныхъ реформъ,—бюрократія опутываетъ жизнь полицейскимъ законодательствомъ.

Отсюда всеобщее недовольство, всеобщее отрицаніе существующаго порядка вещей,—жадное исканіе новаго уклада государственной жизни.

Относясь одинаково отрицательно къ современной политической дѣятельности, и прогрессивное, и реакціонное направленія одинаково сознаютъ необходимость коренной и неотложной реформы; но на вопросъ, въ чемъ именно эта реформа должна заключаться, даютъ два діаметрально-противоположныхъ отвѣта.

Съ одной стороны, реакціонное направленіе видитъ спасеніе Россіи въ политическомъ закрѣпощеніи русскаго народа. Необходимо усилить власть. Полномочія земскихъ начальниковъ должны быть перестроены по типу отцов-

ской власти благодѣтеля-помѣщика. Губернатору должна быть возвращена дореформенная роль *хозяина* губерніи. Полиціи должны быть предоставлены неограниченныя полномочія временъ Императора Николая I. Судъ долженъ быть подчиненъ администраціи. Администрація должна быть неограниченной и всесильной. Необходимо уничтожить зачатки общественной самодѣятельности организованныхъ общественныхъ учрежденій. Земство, крестьянское и городское самоуправленіе, искалѣченныя реформами 80-хъ и 90-хъ годовъ, подлежатъ совершенному упраздненію. Необходимо обуздать своевольную печать, оберечь отъ «ложнаго просвѣщенія» беззащитное крестьянство. Источникомъ современной смуты является совокупность идей, порожденныхъ реформами 60-хъ годовъ. Необходимо вернуться къ дореформенной эпохѣ, а для этого необходимо завершить законодательныя начинанія послѣднихъ десятилѣтій.

Радикальной программѣ политическаго закрѣпощенія прогрессивная мысль противопоставляетъ такую же радикальную программу политическаго освобожденія русскаго народа. Невозможность и безплодность частичныхъ палліативовъ неопровержимо доказана долгимъ и тяжкимъ опытомъ истекшихъ десятилѣтій. Кому изъ насъ неизвѣстна печальная участь, постигшая освободительныя реформы 60-хъ годовъ? Искусственно вставленныя въ чуждую и враждебную имъ среду, онѣ оказались несовмѣстимыми съ бюрократическимъ режимомъ. Что осталось отъ нихъ? То, что остается отъ непріятельскаго города, взятаго приступомъ послѣ долгой осады.

Нѣтъ и не можетъ быть мѣста ни общественной самодѣятельности, ни личной свободѣ въ бюрократическомъ государствѣ. Общество должно подчинить себѣ бюрократію, если оно не желаетъ подчиниться ей.

Основною причиной современнаго нестроенія является разобщенность между обществомъ и властью; поэтому превыше всего необходимо установленіе живого и тѣснаго единенія между ними. Начало общественнаго само-

управленія, т. е. представительное начало, должно быть положено въ основу государственнаго строя обновленной Россіи. Бюрократическое государство должно стать государствомъ народнымъ.

Такова — «платформа» двухъ діаметрально-противоположныхъ направленій современной политической мысли; и то, и другое направленіе одинаково далеко отъ политическаго консерватизма; и то, и другое признаютъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе политическаго status quo.

Въ этомъ—въ высшей степени знаменательномъ фактѣ мы усматриваемъ неоспоримое доказательство *критическаго характера* переживаемаго нами историческаго момента,—и въ то же время важнѣйшее данное для политическаго прогноза.

Движимое инерціей, настоящее политической жизни Россіи—недолговѣчно. День ото дня увеличивается треніе; день ото дня уменьшается движущая сила инерціи. Будемъ готовы ко всему: завтрашній день Россіи не будетъ похожъ на сегодняшній.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ борьбѣ противоположныхъ началъ конечная побѣда останется за тѣмъ началомъ, которое взываетъ къ живымъ, а не мертвымъ силамъ родной земли.

Наша платформа—платформа освободительнаго движенія политической мысли современной Россіи. Мы сознаемъ односторонній—правовой, а не соціальный характеръ этой платформы; но мы думаемъ, что въ условіяхъ переживаемаго нами историческаго момента она должна быть односторонней. Соціальныя противорѣчія общественной мысли должны быть на время забыты. Различныя требованія могутъ быть предъявляемы къ *будущей* Россіи; но къ современной Россіи должно быть предъявляемо одно требованіе. Важнѣйшая потребность настоящаго момента можетъ быть выражена двумя словами—viribus unitis!

III.

Паденіе Портъ-Артура.

(*Декабрь, 1904 г.*)

Портъ-Артуръ палъ!..

Будемъ оптимистичны. Допустимъ, что наша вторая тихоокеанская эскадра не будетъ уничтожена, подобно первой, что она вернется съ пути домой или отсрочитъ на неопредѣленно-продолжительное время свое прибытіе на Дальній Востокъ. Допустимъ, что Куропаткину удастся когда-нибудь разбить сухопутную японскую армію и обложить съ суши возстановленный японцами, могущественно укрѣпленный и свободный съ моря японскій Портъ-Артуръ. Допустимъ, что несмотря на удивительное мужество и военный талантъ врага, несмотря на его превосходную артиллерію, на постоянно прибывающія изъ Японіи подкрѣпленія,—Россіи, послѣ долгихъ усилій, послѣ продолжительной и тяжелой осады, болѣе продолжительной и болѣе тяжелой, чѣмъ японская осада, удастся, наконецъ, вернуть отъ врага, цѣной неимовѣрныхъ жертвъ и геройскихъ усилій, этотъ несчастный, залитый моремъ нашей и японской крови клочекъ земли.

Допустимъ, что все это будетъ именно такъ, а не иначе; и затѣмъ спросимъ себя: когда это будетъ? во что обойдется побѣда русскому народу? и когда, наконецъ, будетъ заключенъ этотъ страстно-желанный, необходимый для Россіи миръ?

И, несмотря на весь свой оптимизмъ, мы должны будемъ отвѣтить: война будетъ длиться еще долго, долго,— не мѣсяцы, а годы.

Не годъ и, можетъ быть, не два, будутъ тянуться изъ Манчжуріи въ Россію длинные, длинные поѣзда, наполненные увѣчными калѣками и неизлѣчимо больными,— «бракомъ» войны. Не годъ и, можетъ бы, не два будутъ тянуться изъ Россіи въ Манчжурію длинные, длин-

ные поѣзда, тѣсно набитые молодою силой, цвѣтомъ и надеждой нашей страны. И на поляхъ сраженія, обильно орошенныхъ кровью, у Ляояна, Вафангоу, Портъ-Артура прольются новыя рѣки крови, а въ городахъ и селахъ необъятной Россіи тысячи и десятки тысячъ вдовъ и матерей будутъ снова оплакивать свои невознаградимыя утраты.

Для продолженія войны потребуются новыя и новыя средства, и милліардные займы, на условіяхъ все болѣе и болѣе не выгодныхъ для Россіи, будутъ слѣдовать одинъ за другимъ. Пройдутъ десятки лѣтъ,—и государство, пренебрегая культурными задачами народной жизни, будетъ вынуждено тратить милліоны народныхъ денегъ на погашеніе и уплату процентовъ по займамъ на нужды войны.

Таковъ наиболѣе оптимистическій взглядъ на *будущее* русско-японской войны. И если это такъ, неужели эта безконечная война останется и впредь правительственнымъ мѣропріятіемъ,—мѣропріятіемъ международной политики,—и не станетъ, никогда не станетъ дѣломъ всего народа? Неужели бюрократія рѣшится взять на себя, на свой страхъ и рискъ продолженіе *во чтобы то ни стало* войны? Неужели она не пойметъ, что такихъ жертвъ нельзя *требовать* отъ народа, и что только народное *самопожертвованіе* можетъ обезпечить Россіи, если не побѣду, то достойный и почетный миръ?

И необходимо-ли продолженіе этой войны? Конечно, бюрократіи отрѣзаны всѣ пути отступленія; но отрѣзаны-ли они русскому обществу, русскому народу? Бюрократія доказала свое безсиліе; тѣ условія мира, которыя ей поставитъ врагъ, можетъ быть, окажутся непріемлемы для чести Россіи. Но русскій народъ великъ, его силы не исчерпаны, и если *онъ* предложитъ миръ,—можно ли сомнѣваться въ томъ, что условія, поставленныя *ему* врагомъ, будутъ пріемлемы для истиннаго достоинства и дѣйствительныхъ интересовъ русскаго народа?

IV.

Бюрократія и миръ.

(*Декабрь, 1904 г.*).

Въ передовой статьѣ вчерашняго номера «Русь» пишетъ: «Мы глубоко увѣрены въ томъ, что собравшіеся представители земли выскажутся противъ мира въ нынѣшнемъ положеніи и за войну, пока не станетъ миръ дѣйствительно возможенъ. Въ грѣхахъ войны этой виноваты и мы, и сжечь въ ней престижъ, позволявшій имѣть внѣшнее и внутренее спокойствіе сравнительно по возможной цѣнѣ, передать государство слѣдующему поколѣнію безъ этой защиты — значитъ впередъ услышать отъ него «насмѣшку горькую обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ».

Мы, съ своей стороны, глубоко убѣждены въ томъ, что страна, если ее спросятъ, выскажется за миръ—конечно, на условіяхъ, пріемлемыхъ для Россіи. И мы убѣждены въ этомъ потому, что вѣримъ въ истинную мощь, въ великую душу русскаго народа. Только безсиліе боится уступокъ; истинной силѣ онѣ не страшны. Русскій народъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ для того, чтобы—изъ-за неудачной войны — бояться за свой престижъ. Не престижъ Россіи, а престижъ русской бюрократіи погребенъ на вѣки подъ развалинами Портъ-Артура. Геройскіе защитники его сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ; они не могли спасти того, что — не по ихъ винѣ—обречено было на гибель.

Для бюрократіи, дѣйствительно, въ настоящихъ условіяхъ заключеніе мира невозможно. Что она скажетъ врагу? Вѣдь вся наша манчжурская политика—дѣло ея рукъ. Вѣдь бюрократія считала для Россіи необходимымъ обладаніе Дальнимъ и Портъ-Артуромъ; она не начала, но она подготовила — увы, плохо подготовила— настоящую войну. Можетъ ли она отказаться, не роняя своего престижа, отъ выдуманной ею «Желтороссіи», стоившей

настоящей, не Желтой, а Черной Россіи огромныхъ пожертвованій и средствами, и людьми? Она не можетъ сослаться на ненужность войны; она должна признать свою слабость, свое безсиліе, привести ее къ благополучному концу; она должна *просить* мира, но просить мира она не станетъ, и, во имя своего престижа, она не можетъ его просить.

Иное дѣло — русское общество, русскій народъ. Пусть только общество получитъ возможность сказать свое слово, и она скажетъ его открыто и прямо, обращаясь къ врагу. Россія — великая страна; военныя неудачи на Дальнемъ Востокѣ не въ состояніи поколебать ея, выкованной вѣками, исторической мощи. Насъ много,— и мы готовы на сознательныя, добровольныя жертвы, если ихъ требуютъ истинные интересы народа. Пусть Японія вспомнитъ, что до сихъ поръ она вела войну съ оффиціальной, а не народной Россіей. Пусть она вспомнитъ судьбу наполеоновскихъ войнъ. Наполеонъ былъ всесиленъ до тѣхъ поръ, пока онъ воевалъ съ деморализованными правительствами стараго порядка; онъ оказался пигмеемъ передъ лицомъ народовъ, проснувшихся отъ долгаго сна.

И если русскій народъ предлагаетъ японскому миръ,— онъ предлагаетъ его потому, что корейскій и манчжурскій вопросы, жизненные вопросы для Японіи, для Россіи—вопросы колоніальныхъ увлеченій, далекіе отъ насущныхъ интересовъ народа. У Россіи много своего, внутренняго дѣла: ей надо устроить свой домъ, — такъ устроить, чтобы въ немъ спокойно и уютно жилось многомилліонному народу.

Россія предложила-бы Японіи миръ не потому, что она безсильна, а потому, что она не хочетъ тратить своихъ силъ на ненужную ей войну. Она отказалась-бы отъ корейскихъ предпріятій, отъ военной оккупаціи территорій Китая, но она не могла-бы согласиться ни на уплату военной контрибуціи, ни на уступку малѣйшей пяди *своей,* а не арендованной у Китая земли.

И мы не сомнѣваемся въ томъ,что Японія, не менѣе насъ истощенная и разоренная войною, поспѣшно и радостно отвѣтила-бы народной Россіи: да будетъ миръ.

V.

Новый курсъ.

(*Январь, 1905 г.*).

Въ началѣ 1901 г., на порогѣ новаго столѣтія, мы писали въ «Правѣ»:

—«Отсчитывая мгновенья мимолетной человѣческой жизни, часы не отсчитываютъ столѣтій исторической жизни народа. Не прямою, а ломаной линіей отдѣляются вѣка другъ отъ друга; въ 1901 г. мы живемъ еще въ XIX вѣкѣ,—и только самое чуткое ухо можетъ подслушать уже робкое вѣяніе приближающагося, но еще далекаго новаго вѣка. Онъ придетъ, когда снова помолодѣвшее общество воодушевится высокими и прекрасными идеалами права; онъ придетъ, когда снова вдохновеніе творчества окрылитъ человѣческую мысль,—и снова поведетъ ее впередъ,—къ таинственнымъ берегамъ новой жизни» [1]).

Новый вѣкъ оказался къ намъ ближе, чѣмъ мы думали въ 1901 г. Мы не знаемъ, можно ли его считать уже наступившимъ; во всякомъ случаѣ, старый вѣкъ кончился. Онъ умеръ,—и на немъ лежитъ уже могильная плита. Указъ 12 декабря есть полный разрывъ съ прошлымъ. Историческое значеніе указа 12 декабря заключается не въ томъ, что имъ открывается новая эпоха. Его значеніе въ томъ, что имъ заканчивается старая эпоха, безвозвратно отошедшая въ вѣчность. По самому своему существу, онъ является обвинительнымъ актомъ, направ-

[1]) „Право“ 1901 г. стр. 298.

леннымъ противъ традиціонной системы бюрократическаго управленія, приведшей Россію къ самому краю пропасти и поставившей передъ нею роковой вопросъ: быть или не быть?

Именной указъ 12 декабря обѣщаетъ Россіи рядъ коренныхъ преобразованій, вызывающихъ «внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній». Нововведенія эти — тѣ самыя, которыхъ такъ долго и настойчиво требовало русское общество устами своей подневольной и гонимой печати. Если бы годъ тому назадъ въ какомъ-нибудь органѣ печати появилась статья, предъявляющая къ правительству тѣ требованія, удовлетвореніе коихъ признано нынѣ «неотложнымъ», этотъ органъ печати подвергся-бы цензурной репрессіи, какъ явно не благонадежный.

Нельзя, конечно, отрицать той «перемѣны фронта», которая произведена указомъ 12 декабря по всей линіи нашей внутренней политики. По словамъ указа, потребность такой перемѣны оказывается «назрѣвшей». Невольно возникаетъ вопросъ: почему, именно, теперь эта потребность назрѣла, тогда какъ еще годъ тому назадъ самое существованіе ея категорически отрицалось оффиціальною мыслью? Достаточно припомнить отношеніе бюрократіи къ трудамъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности для того, чтобы понять, что на Руси произошло нѣчто новое, гораздо болѣе значительное и важное, чѣмъ перемѣна въ личномъ составѣ того или иного министерства. Это новое — могучій подъемъ общественныхъ настроеній, вылившійся въ разнообразныя формы общественнаго протеста. Это новое — голосъ нашей печати, заговорившей вдругъ, словно по какому-то чуду, новой и несвойственной ей, мужественной и свободною рѣчью.

Верховная власть въ Указѣ 12 декабря обѣщаетъ народу реформы; и вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократія въ правительственномъ сообщеніи 14 декабря дѣлаетъ новое усиліе подавить общественное настроеніе, обуздать непо-

корную печать. Сопровождающее Именной указъ, правительственное сообщеніе грозитъ участникамъ всякаго рода общественныхъ собраній, заявляющихъ о необходимости политической реформы, привлеченіемъ къ законной отвѣтственности; на органы печати возлагается обязанность «внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

Но если, дѣйствительно, потребность коренной реформы признана назрѣвшей послѣ того, какъ голосъ общественнаго мнѣнія заявилъ о ней правительству, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что самое осуществленіе этой реформы еще въ большей мѣрѣ потребуетъ подъема общественныхъ настроеній, организованнаго содѣйствія общественныхъ силъ, энергичной и дружной работы независимой печати?

Въ условіяхъ переживаемаго нами историческаго момента необходимо не успокоеніе, а, наоборотъ, крайнее напряженіе общественной мысли. Именной указъ 12 декабря и правительственное сообщеніе не согласованы между собою. Для того, чтобы могла быть достигнута цѣль, поставленная указомъ, необходимо, чтобы цѣль, поставленная правительственнымъ сообщеніемъ, оказалась недостижимой.

Указъ 12 декабря обѣщаетъ Россіи реформы; это обѣщаніе по существу не имѣетъ и не можетъ имѣть достаточно опредѣленной формы. Все зависитъ отъ того конкретнаго содержанія, которое вложено будетъ въ формальную схему разсматриваемаго указа. Во всякомъ случаѣ осуществленіе обѣщаннаго имъ потребуетъ серьезной и безпристрастной оцѣнки современной дѣйствительности, много доброй воли и тяжелаго труда.

Для уясненія нашей мысли остановимся на нѣкоторыхъ пунктахъ указа.

Согласно первому пункту, признается неотложнымъ принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опо-

ры престола. Законность въ управленіи является, дѣйствительно, первымъ и наиболѣе важнымъ условіемъ правомѣрнаго характера государственной жизни. Осуществленіе законности требуетъ, дѣйствительно, отвѣтственности за всякое произвольное дѣйствіе всѣхъ подчиненныхъ властей и мѣстъ. Это—несомнѣнный фактъ; вопросъ заключается, однако, въ томъ, какимъ образомъ эту отвѣтственность установить и обезпечить? Въ частности, какими «дѣйствительными мѣрами» организовать въ существующихъ условіяхъ отвѣтственность министровъ. Законъ объ отвѣтственности министровъ существуетъ и въ настоящее время; однако теорія русскаго государственнаго права считаетъ доказаннымъ, что этотъ законъ является de facto—не дѣйствующимъ, бумажнымъ закономъ.

Независимо отъ правильной организаціи отвѣтственности должностныхъ лицъ, необходимымъ условіемъ законности въ управленіи является, какъ извѣстно, опредѣленность и незыблемость самого закона. Въ правовомъ государствѣ существуетъ одинъ и единый законодательный путь, равно обязательный для всѣхъ законовъ; законы издаются, измѣняются и отмѣняются однимъ и тѣмъ-же порядкомъ. Возможна-ли прочность и незыблемость правопорядка, когда каждый законъ, установленный Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, можетъ быть измѣняемъ и отмѣняемъ въ порядкѣ управленія, хотя бы, напримѣръ, путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ отдѣльныхъ министровъ? Возможна-ли законность въ управленіи, когда управленіе, сливаясь съ законодательствомъ, по самому существу своему, имѣетъ надзаконный характеръ? И если законность въ условіяхъ нашего государственнаго строя возможна, какимъ образомъ ее установить, какими гарантіями ее обезпечить?

Второй пунктъ указа, между прочимъ, обѣщаетъ образованіе, сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныхъ установленій по завѣдыванію дѣ-

лами благоустройства на мѣстахъ и въ небольшихъ по пространству участкахъ. Другими словами, указъ предусматриваетъ учрежденіе, такъ называемой, мелкой земской единицы, не предрѣшая, однако, ближайшимъ образомъ возможной формы ея организаціи. Между тѣмъ, вопросъ о формахъ организаціи мелкой земской единицы представляетъ, разумѣется, огромную важность. Какъ извѣстно, манифестомъ 26 февраля предуказана была приходская организація мелкой единицы; признается ли такая организація и нынѣ наиболѣе цѣлесообразной? Съ другой стороны, какъ извѣстно, въ тѣсной и неразрывной связи съ вопросомъ о мелкой земской единицѣ стоитъ вопросъ о коренномъ пересмотрѣ положенія 1889 г. о земскихъ начальникахъ. Въ указѣ 12 декабря о земскихъ начальникахъ—ни слова; а между тѣмъ, наиболѣе горячіе сторонники мелкой земской единицы врядъ ли отнесутся къ ея учрежденію сочувственно въ томъ случаѣ, если она подчинена будетъ власти земскихъ начальниковъ.

Пунктъ 3-й указа обѣщаетъ введеніе должнаго единства въ устройство судебной части и обезпеченіе необходимой самостоятельности судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней; пунктъ 5-й предусматриваетъ пересмотръ положенія о мѣрахъ по охраненію госуд. порядка и общественнаго спокойствія съ допущеніемъ вызываемыхъ имъ стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности; пунктъ 6-й предписываетъ пересмотръ ограничительныхъ постановленій, касающихся инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, съ сохраненіемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа; наконецъ, пунктъ 8-й обѣщаетъ устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ постановленій о печати излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати возможность достойно выполнять высокое призва-

ніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что по мысли законодателя, приведенныя постановленія, дѣйствительно, являются обѣщаніемъ существенно важныхъ и широкозадуманныхъ освободительныхъ реформъ. Но въ виду только что сказаннаго все будетъ зависѣть отъ того, какое толкованіе дадутъ имъ лица, призванныя къ осуществленію реформъ. — Мы достаточно знакомы съ образцами бюрократическаго толкованія либеральныхъ предуказаній верховной власти; мы знаемъ, во что обратился манифестъ 26 февраля въ рукахъ искуснаго его исполнителя, покойнаго В. К. фонъ-Плеве.

Указъ говоритъ о предоставленіи необходимой самостоятельности судебнымъ установленіямъ... Но развѣ не о томъ же говоритъ объяснительная записка ст.-секр. Муравьева къ проекту судебной реформы? Признавая необходимымъ распространеніе начала судейской несмѣняемости на участковыхъ судей, записка категорически указываетъ, что «поставленіе упомянутыхъ судей въ такое служебное положеніе, при которомъ основательными представлялись-бы опасенія относительно возможности посторонняго на нихъ вліянія, неминуемо понизило-бы уровень самосознанія сихъ судей и ослабило-бы авторитетъ и достоинство судебной власти среди мѣстнаго населенія». А между тѣмъ, кто не знаетъ, что положеніе участковыхъ судей, по проекту ст.-секр. Муравьева, ставитъ ихъ въ безусловную зависимость отъ администраціи и что «своеобразная несмѣняемость» проекта ничего общаго съ судейской несмѣняемостью не имѣетъ [1])?

Въ чемъ, именно, можетъ и долженъ выразиться пересмотръ положенія объ усиленной охранѣ для того, чтобы вызываемыя имъ стѣсненія примѣнялись исключительно въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности? Не ясно-ли, что до тѣхъ поръ,

[1]). См. І. В. Гессенъ. Судебная реформа, стр. 256 и сл.

пока опредѣленіе „случаевъ, угрожающихъ общественной безопасности“, предоставлено будетъ усмотрѣнію административной власти, примѣненіе «стѣснительныхъ мѣръ» не можетъ быть регулировано закономъ? Развѣ покойный министръ внутреннихъ дѣлъ, практикуя въ широчайшихъ размѣрахъ административную высылку и ссылку, не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ примѣняетъ «стѣснительныя мѣры» исключительно въ случаяхъ, угрожающихъ государственной безопасности? И развѣ нынѣшній министръ, возвращая часть административно высланныхъ, не убѣжденъ въ томъ, что «государственная безопасность» вовсе не требуетъ пребыванія ихъ въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ?

Какія изъ ограничительныхъ постановленій, касающихся инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, дѣйствительно, вызываются «насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа?» Можно-ли указать хотя бы одно изъ ограничительныхъ постановленій царствованія Императора Александра III, которое не было бы оправдываемо въ свое время ссылкой на насущные интересы государства и явную пользу народа. Можно-ли предполагать въ законодательствѣ «жестокость для жестокости?» Развѣ не ясно, что и временныя правила 3 мая 1882 г. о евреяхъ, и правила 1885 и 1891 гг. о польскомъ землевладѣніи, и другія анологичныя мѣры, «направленныя къ освобожденію русской народности отъ иноплеменнаго преобладанія и гнета», диктовались соображеніями—дурно-ли, хорошо-ли понимаемой—государственной пользы? Но, въ такомъ случаѣ, какія изъ этихъ мѣръ должны остаться въ силѣ, и какія должны быть отмѣнены? И почему однѣ останутся въ силѣ, а другіе будутъ отмѣнены? На всѣ эти вопросы указъ никакого отвѣта не даетъ, а какъ отвѣтить на нихъ будущая реформа,—сказать трудно.

Изъ всѣхъ предначертаній указа наиболѣе неопредѣленно указаніе на реформу въ области законодательства о печати. Съ одной стороны, указъ предусматриваетъ

устраненіе «излишнихъ стѣсненій печати», а, съ другой,— «поставленіе печати въ точно опредѣленные закономъ предѣлы». Устраненіе «излишнихъ» стѣсненій—ничего не говоритъ, ибо, при существованіи цензуры, излишнія стѣсненія неизбѣжны. «Поставленіе печати въ опредѣленные закономъ предѣлы» говоритъ очень много,—вѣроятно, больше чѣмъ думаетъ законодатель; ибо такое поставленіе предполагаетъ, прежде всего, совершенное упраздненіе цензуры. Какія изъ существующихъ нынѣ стѣсненій печати будущій законъ признаетъ «излишними»,—сказать трудно. Мы думаемъ, что, съ точки зрѣнія главнаго управленія по дѣламъ печати, нынѣшнія полномочія цензуры, не только не являются «излишними», но, наоборотъ, должны быть признаны недостаточными, ибо, не смотря на могущество цензуры, русская печать все-таки не является, какъ это доказываетъ сыплющіяся на нее административныя кары, «правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи».

Мы не останавливаемся на предначертаніяхъ указа, касающихся крестьянской и земской реформъ, а также страхованія рабочихъ. Наша цѣль доказать, что указомъ только ставятся вопросы, и что рѣшеніе этихъ вопросовъ является дѣломъ предстоящей реформы. Примѣнительно къ упомянутымъ реформамъ эта мысль не нуждается въ доказательствахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ указѣ 12 декабря законодатель торжественнымъ и рѣшительнымъ образомъ отказывается отъ традиціоннаго своего отношенія къ крестьянскому и земскому вопросу. Объединеніе крестьянскаго законодательства съ общимъ законодательствомъ имперіи стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи съ началомъ сословной обособленности, положеннымъ, какъ извѣстно, въ основу трудовъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Предоставленіе земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно-широкаго участія въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго благоустройства; предоставленіе имъ необходимой, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельно-

сти; призваніе къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія,— всѣ эти начала стоятъ въ безусловномъ противорѣчіи съ началами бюрократической опеки и сословной организаціи, опредѣляющими, съ начала 80-хъ годовъ, движеніе нашего законодательства въ вопросахъ самоуправленія.

Но, съ другой стороны, эти начала опредѣляютъ, разумѣется, только общій духъ реформы; ея осуществленіе, во всякомъ случаѣ, потребуетъ огромнаго труда и продолжительнаго времени; достаточно указать хотя-бы на тотъ, казалось-бы, совершенно безспорный фактъ, что ни крестьянская, ни земская реформы невозможны безъ коренного преобразованія обще-административнаго строя уѣзднаго и губернскаго управленія.

Само собою разумѣется, что реформы, о которыхъ идетъ рѣчь, указами не рѣшаются; для ихъ осуществленія необходимы новыя силы, новыя пути законодательнаго творчества. И крестьянская, и земская реформы— еще далеко впереди; и до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, *какъ* эти реформы будутъ осуществлены, мы не можемъ знать, будутъ ли онѣ осуществлены вообще.

Итакъ, указъ 12 декабря, являясь рѣшительнымъ осужденіемъ прошлаго, будущаго еще не создаетъ. Онъ обѣщаетъ реформы и въ то же время не предвѣщаетъ ихъ содержанія. Задачу осуществленія реформъ онъ возлагаетъ на комитетъ министровъ и въ то же время предоставляетъ комитету министровъ «войти въ обсужденіе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній державной власти». Поскольку указъ обращенъ къ прошлому, онъ категоричнъ; поскольку онъ обращенъ къ будущему,—онъ остается загадкой.

Рѣшеніе этой загадки, по нашему глубокому убѣжденію, зависитъ отъ тѣхъ „*способовъ* наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія преобразованій", какіе будутъ установлены комитетомъ министровъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что къ уча-

стію въ обсужденіи подлежащихъ мѣропріятій будетъ въ той или иной формѣ привлеченъ комитетомъ министровъ общественный элементъ. Какъ извѣстно, даже такой послѣдовательный защитникъ бюрократическаго начала, какъ покойный министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве, по вопросамъ о крестьянской реформѣ, категорически заявилъ, что было-бы легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ вопросами крестьянской жизни министерство можетъ справиться собственными силами, и что для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо прибѣгнуть къ сокровищницѣ всѣхъ творческихъ силъ страны; тѣмъ болѣе основанія думать, что при осуществленіи болѣе сложной реформы, въ которую крестьянскій вопросъ входитъ, какъ его составная часть, комитетъ министровъ не сочтетъ возможнымъ положиться на «собственныя силы» бюрократическаго аппарата. Эта увѣренность подкрѣпляется еще той высокой оцѣнкой значенія трудовъ «11 тысячъ мѣстныхъ людей» въ комитетахъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности, съ которой мы встрѣчаемся на каждомъ шагу въ запискѣ по крестьянскому вопросу предсѣдателя комитета министровъ, ст.-секр. С. Ю. Витте.

Однако, самая форма участія общественнаго элемента въ выработкѣ и обсужденіи предстоящихъ реформъ, степень его вліянія на окончательные результаты преобразованій остаются совершенно неопредѣленными и, какъ таковыя, оставляютъ широкое поле для всевозможныхъ догадокъ и предположеній.

А между тѣмъ, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что широкое участіе народнаго элемента въ предстоящей законодательной работѣ является необходимымъ условіемъ успѣшности преобразовательныхъ начинаній и устойчивости добытыхъ ими результатовъ.

Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка не можетъ не быть очевиднымъ, что бюрократія не въ состояніи собственными силами справиться съ тяжестью предстоящей реформы. Пусть даже въ рядахъ ея не мало способныхъ и талантливыхъ работниковъ; во всякомъ слу-

чаѣ, въ ея рядахъ мало убѣжденныхъ людей и еще меньше знающихъ жизнь. Бюрократической мудрости хватаетъ на изданіе всякаго рода ограничительныхъ «временныхъ правилъ»; ея не можетъ хватить на коренное преобразованіе государственной жизни Россіи.

Кѣмъ будетъ осуществлена реформа,—вотъ тотъ вопросъ, о которомъ съ замираніемъ сердца думаетъ теперь вся мыслящая Россія; и отъ того, какъ этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ, зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ вопросовъ.

Предъ нашими глазами развертывается великая національная драма. Одно дѣйствіе этой драмы окончилось; занавѣсъ упалъ,—и этотъ занавѣсъ—указъ 12 декабря. Послѣ дѣйствія—короткій антрактъ; мы слышимъ режиссерскіе звонки: первый... второй... И мы ждемъ, что вотъ-вотъ снова подымется занавѣсъ... Что-то скрывается за нимъ?

VI.

Конецъ режима.

(Январь, 1905 г.).

Будущій историкъ назоветъ переживаемую нами эпоху — эпохой разложенія и упадка стараго, бюрократическаго режима. «Конецъ режима» бываетъ двоякимъ: онъ умираетъ либо отъ острой болѣзни, либо отъ старческаго маразма. Острая болѣзнь, именуемая въ политической патологіи революціей, часто происходитъ внезапно, иногда подъ вліяніемъ не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ причинъ. Нерѣдко она принимаетъ эпидемическій характеръ, и никакіе карантины не въ состояніи предупредить переноса заразы. Въ концѣ 40-хъ годовъ революціонной горячкой переболѣли почти всѣ государства Западной Европы. Слабые режимы, надломленные разными излишествами и хроническими болѣзнями, часто

становятся жертвой революціи; болѣе крѣпкіе оказываютъ стойкое сопротивленіе революціонной бациллѣ и не только выживаютъ, но нерѣдко, побѣдивъ болѣзнь, обновляются и расцвѣтаютъ. Въ настоящее время политическая гигіена и терапія, въ дѣлѣ предупрежденія и борьбы съ острозаразной революціонной болѣзнью, сдѣлали огромные успѣхи. Предохранительныя и радикальныя терапевтическія мѣры, вродѣ полицейскаго надзора и употребленія вооруженной силы,—затрудняютъ, въ значительной степени, какъ самое возникновеніе, такъ и дальнѣйшее развитіе революціонной болѣзни. Даже въ государствахъ съ совершенно негоднымъ режимомъ успѣхъ революціи маловѣроятенъ.

Иное дѣло старческій маразмъ. У стараго режима, обреченнаго на смерть, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ средствъ для борьбы съ маразмомъ; и спасенія отъ него тоже никакого нѣтъ. Одинъ за другимъ, атрофируются члены; органы отказываются функціонировать. Старческое слабоуміе, жадно цѣпляясь за жизнь, совершаетъ одно безразсудство за другимъ и, такимъ образомъ, ускоряетъ неизбѣжную развязку. Эта развязка естественно и необходимо наступаетъ въ урочный часъ. Ангелъ смерти является безъ своей традиціонной косы; онъ дунетъ, — и гаснетъ тлѣющая подъ пепломъ жизнь.

Въ настоящее время мы переживаемъ постепенное умираніе отъ старческаго маразма бюрократическаго режима; и все то, что происходитъ на нашихъ глазахъ, неопровержимо свидѣтельствуетъ о близости его неизбѣжнаго конца.

Но, конечно, умираетъ режимъ, а не государство. Государство — вѣчно; русскій народъ — Илья-Муромецъ, тридцать лѣтъ и три года сиднемъ просидѣвшій на печи— пробуждается къ новой жизни. Умираетъ старый режимъ: идетъ къ нему на смѣну новый, — на смѣну одряхлѣвшей бюрократіи идетъ молодое общество. Le roi est mort, vive le roi!

VII.

9 Января.

(Январь, 1905 г.).

Было бы непростительной ошибкой видѣть въ ужасномъ событіи 9 января революціонную попытку, подавленную вооруженной силой; всѣ эти разговоры и толки о временномъ или революціонномъ правительствѣ — до очевидности нелѣпы. Рабочее движеніе, вылившееся въ форму «петиціоннаго шествія» — антиреволюціонно, по своему внутреннему смыслу. Рабочіе шли къ Царю, который все можетъ и все хочетъ сдѣлать для своего народа. Идеологія рабочаго движенія лучше всего доказываетъ, что этому движенію оставались чужды не только революціонные, но и, вообще, оппозиціонные элементы русской интеллигенціи. Кровавое столкновеніе вооруженныхъ силъ съ невооруженной и мирной толпой явилось результатомъ «рокового недорозумѣнія»; оно создано напуганнымъ воображеніемъ и одряхлѣвшею мыслью бюрократическаго режима.

Событіе 9 января можетъ быть оцѣниваемо съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Съ политической точки зрѣнія, оно должно быть признано огромной и неисправимой ошибкой. Не подлежитъ сомнѣнію, что десять лѣтъ политической агитаціи въ рабочей средѣ не могли бы дать того результата, который данъ однимъ днемъ 9 января. И если друзья прогресса осуждаютъ событіе этого дня потому, что имъ созданы новыя препятствія для мирнаго развитія политической жизни страны, то друзья застоя должны его осуждать потому, что имъ нанесенъ тяжелый ударъ существующему порядку. Не на одномъ Петербургѣ, на всей Россіи отозвалось событіе 9 января, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣдствія его, не поддающіяся человѣческому предвидѣнію, неисчислимы.

Не станемъ, однако, останавливаться на политической оцѣнкѣ разсматриваемаго событія. На обязанности юриста лежитъ юридическая его оцѣнка.

Говоря о юридической квалификаціи какого либо событія, мы должны, разумѣется, стоять на почвѣ дѣйствующаго права. Съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, «петиціонное шествіе» рабочихъ несомнѣнно имѣло незаконный характеръ. Ст. 112 уст. о пред. и пресѣч. прест., воспрещаетъ учинять прошеніе скопомъ. Этимъ сказано все. Конечно, въ порядкѣ верховнаго управленія, шествіе могло быть разрѣшено, и прошеніе принято; но разъ это не послѣдовало, полиція обязана была всѣми, имѣющимися въ ея распоряженіи средствами, предупредить и прекратить скопленіе рабочихъ на дворцовой площади. Для этой цѣли гражданскія власти имѣли несомнѣнное право обратиться за содѣйствіемъ къ военной силѣ. Такимъ образомъ, при юридической оцѣнкѣ событія 9 января, вопросъ возникаетъ не о призывѣ войска, а объ употребленіи войсками оружія. Само собою разумѣется, что употребленіе оружія при прекращеніи безпорядковъ должно быть разсматриваемо, какъ крайнее средство; именно потому оно обставляется въ законѣ рядомъ существенныхъ и необходимыхъ гарантій. Соблюденіе этихъ гарантій является необходимымъ условіемъ законом'рности дѣйствія оружіемъ. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, были ли онѣ соблюдены 9 января?

Обратимся къ закону.

По прямому смыслу приложенія къ ст. 316 (прим.) общ. учр. губ., войска вызываются лишь для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Прекращеніе безпорядковъ лежитъ на обязанности гражданскихъ властей, и войска оказываютъ имъ только въ необходимыхъ случаяхъ содѣйствіе. Въ частности, согласно ст. 16 приложенія, опредѣленіе времени, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ усмотрѣнія гражданскаго начальства. Прежде чѣмъ распорядиться о дѣй-

ствіи оружіемъ, гражданское начальство должно исчерпать всѣ зависящія отъ него средства къ усмиренію неповинующихся. Въ особенности, оно должно принять всѣ возможныя мѣры, чтобы во время дѣйствія войскъ оружіемъ не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ и волненіямъ (ст. 20 прилож.). Для распоряженія на мѣстѣ безпорядковъ, градоначальнику и министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется командировать спеціально назначенныхъ для этой цѣли лицъ (прим. къ ст. 16).

Такимъ образомъ, первый рядъ вопросовъ, возникающихъ при юридической оцѣнкѣ событія 9 января, заключается въ слѣдующемъ. Вездѣ ли на мѣстѣ безпорядковъ находилось гражданское начальство? Если оно находилось вездѣ, отъ него ли исходило всегда приказаніе приступать къ дѣйствію оружіемъ? Если оно исходило отъ него, были ли имъ предварительно исчерпаны другія, болѣе мягкія, средства и, въ частности, были ли приняты мѣры для огражденія жизни и здоровья непричастныхъ къ безпорядкамъ лицъ?

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что безпристрастное изслѣдованіе событія 9 января неопровержимо доказало бы, что гражданское начальство не вездѣ распоряжалось на мѣстѣ безпорядковъ, что опредѣленіе времени, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, исходило отъ военнаго, а не гражданскаго начальства, и что, наконецъ, никакихъ предупредительныхъ мѣръ ни въ отношеніи рабочихъ, ни въ отношеніи посторонніхъ свидѣтелей событія гражданскою властью принимаемо не было.

Если это такъ, гражданскія власти подлежали бы отвѣтственности по ст. 341 улож. о наказ., предусматривающей случаи превышенія и бездѣйствія власти.

Идемъ дальше.

Получивъ указаніе о необходимости дѣйствія оружіемъ, военное начальство распоряжается самостоятельно. Не повинующіеся должны быть предварены о томъ, что,

послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ, начнется дѣйствіе оружіемъ. Способъ дѣйствія оружіемъ предоставляется усмотрѣнію военнаго начальника, но съ тѣмъ, чтобы къ огнестрѣльному оружію прибѣгать только въ случаѣ *крайней необходимости*, когда никакими другими средствами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ (ст. 17 прилож.). Ст. 144 воинскаго уст. о наказ. воспрещаетъ, подъ страхомъ уголовной кары, употребленіе оружія безъ крайней въ томъ необходимости.

Предположимъ, что указаніе о необходимости дѣйствія оружіемъ военное начальство получило отъ гражданскаго. Но, въ такомъ случаѣ, возникаютъ новые вопросы: было ли дѣлаемо военнымъ начальствомъ, до употребленія оружія, требуемое закономъ предупрежденіе; былъ ли даваемъ троекратный сигналъ и, наконецъ, всегда ли имѣлась на лицо та *крайняя необходимость*, которая, по закону, единственно оправдываетъ употребленіе *огнестрѣльнаго* оружія?

Мы не знаемъ, какъ опредѣлилъ бы, въ данномъ случаѣ, судъ, если бы ему пришлось высказаться по разсматриваемому вопросу, понятіе крайней необходимости. Мы готовы допустить, что судъ призналъ бы наличность такой необходимости въ тѣхъ случаяхъ, когда толпа, не смотря на увѣщанія и предупрежденія, неуклонно движется впередъ, но, съ другой стороны, мы не сомнѣваемся въ томъ, что онъ отвергъ бы такую необходимость («крайнюю необходимость») въ тѣхъ случаяхъ, когда толпа, не смотря на предупрежденія, остается неподвижно на мѣстѣ. А между тѣмъ, не было ли случаевъ стрѣлянія, именно, въ неподвижно-стоящую толпу? Двигалась ли, или, наоборотъ, стояла неподвижно та толпа у Александровскаго сада, въ которую пущено было нѣсколько залповъ?

Такимъ образомъ, если даже предположить, что военное начальство вездѣ получало указаніе о дѣйствіи оружіемъ отъ гражданской власти, — и въ такомъ случаѣ

послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ, начнется дѣйствіе оружіемъ. Способъ дѣйствія оружіемъ предоставляется усмотрѣнію военнаго начальника, но съ тѣмъ, чтобы къ огнестрѣльному оружію прибѣгать только въ случаѣ *крайней необходимости*, когда никакими другими средствами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ (ст. 17 прилож.). Ст. 144 воинскаго уст. о наказ. воспрещаетъ, подъ страхомъ уголовной кары, употребленіе оружія безъ крайней въ томъ необходимости.

Предположимъ, что указаніе о необходимости дѣйствія оружіемъ военное начальство получило отъ гражданскаго. Но, въ такомъ случаѣ, возникаютъ новые вопросы: было ли дѣлаемо военнымъ начальствомъ, до употребленія оружія, требуемое закономъ предупрежденіе; былъ ли даваемъ троекратный сигналъ и, наконецъ, всегда ли имѣлась на лицо та *крайняя необходимость*, которая, по закону, единственно оправдываетъ употребленіе *огнестрѣльнаго* оружія?

Мы не знаемъ, какъ опредѣлилъ бы, въ данномъ случаѣ, судъ, если бы ему пришлось высказаться по разсматриваемому вопросу, понятіе крайней необходимости. Мы готовы допустить, что судъ призналъ бы наличность такой необходимости въ тѣхъ случаяхъ, когда толпа, не смотря на увѣщанія и предупрежденія, неуклонно движется впередъ, но, съ другой стороны, мы не сомнѣваемся въ томъ, что онъ отвергъ бы такую необходимость («крайнюю необходимость») въ тѣхъ случаяхъ, когда толпа, не смотря на предупрежденія, остается неподвижно на мѣстѣ. А между тѣмъ, не было ли случаевъ стрѣлянія, именно, въ неподвижно-стоящую толпу? Двигалась ли, или, наоборотъ, стояла неподвижно та толпа у Александровскаго сада, въ которую пущено было нѣсколько залповъ?

Такимъ образомъ, если даже предположить, что военное начальство вездѣ получало указаніе о дѣйствіи оружіемъ отъ гражданской власти, — и въ такомъ случаѣ

стрѣляньe въ безоружную и неподвижно-стоящую толпу должно бы быть признано противозаконнымъ дѣяніемъ; совершившіе его военные начальники подлежали бы отвѣтственности по ст. 144 воинск. уст. о нак.

Но остановимся на другомъ предположеніи; допустимъ, что гражданское начальство на мѣстѣ безпорядковъ — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — отсутствовало вовсе, и что, такимъ образомъ, военные начальники не могли отъ него получить указанія о дѣйствіи оружіемъ. Какъ обязаны были войска поступить въ такомъ случаѣ?

Законъ вполнѣ категоричeнъ.

При отсутствіи на мѣстѣ безпорядка гражданскаго начальства, прибывшій съ войскомъ военный начальникъ распоряжается по своему усмотрѣнію (ст. 16 прилож.); при этомъ, однако, дѣйствіе оружіемъ разрѣшается ему *только въ двухъ случаяхъ:* когда сдѣлано было нападеніе на войска, или когда окажется нужнымъ спасти быстрымъ дѣйствіемъ жизнь лицъ, подвергшихся насиліямъ со стороны возмутившихся (ст. 18 прилож.).

Согласно правительственному сообщенію, кровавыя столкновенія между рабочими и войсками произошли 9 января вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, *а иногда даже* нападенія на войска.

Мы думаемъ, что даже при наличности распоряжающагося на мѣстѣ безпорядковъ гражданскаго начальства, залпы въ толпу, отказывающуюся разойтись, не разрѣшаются закономъ. Допустимъ, однако, что упорное нежеланіе толпы разойтись создаетъ ту «крайнюю необходимость», при наличности которой, законъ разрѣшаетъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Во всякомъ случаѣ, *при отсутствіи гражданскаго начальства*, по точному смыслу закона, употребленіе огнестрѣльнаго оружія могло имѣть мѣсто *только* при томъ условіи, что толпою, дѣйствительно, произведено было нападеніе на войска. Упорное нежеланіе разойтись *никоимъ об-*

разомъ не давало военнымъ начальникамъ права *самопочинно* стрѣлять въ толпу.

А между тѣмъ, даже по словамъ правительственнаго сообщенія, подобные случаи несомнѣнно имѣли мѣсто. При такихъ условіяхъ нельзя, казалось бы, не признать противозаконности дѣяній военнаго начальства, распоряжавшагося на мѣстѣ безпорядковъ; эти дѣянія предусмотрѣны статьями 144 и 150 воинск. уст. о наказ.

Этимъ, конечно, не сказано, что гражданскія и военныя власти, въ дѣйствительности, будутъ привлечены къ отвѣтственности. Нашъ законъ создаетъ достаточныя гарантіи безнаказанности должностныхъ преступленій. Должностныя лица могутъ быть привлекаемы къ уголовной отвѣтственности не иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства. Въ данномъ случаѣ, такое разрѣшеніе начальства мало вѣроятно, хотя-бы уже потому, что виновные въ нарушеніи закона, по всей вѣроятности, дѣйствовали сообразно полученнымъ ими предписаніямъ и распоряженіямъ того-же начальства.

Но какъ-бы то ни было, мы не можемъ не выразить своей глубокой увѣренности въ томъ, что, если-бы, при усмиреніи безпорядковъ 9 января, компетентными властями соблюдался законъ, въ этотъ день кровопролитія не произошло-бы вовсе, или, во всякомъ случаѣ, число его жертвъ насчитывалось-бы единицами, а не сотнями.

VIII.

Армія и 9 Января.

(Январь, 1905 г.).

Какъ извѣстно, главная роль при усмиреніи безпорядковъ выпала на долю привилегированной части нашей арміи, на долю гвардіи.

Постараемся сохранить возможную объективность; будемъ говорить sine ira et studio.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ составѣ нашего офицерства, какъ въ составѣ всякаго общественнаго круга, имѣются люди разныхъ сортовъ,—лучшіе и худшіе люди.

Какимъ образомъ отразилось событіе 9-го января на лучшихъ людяхъ арміи?

Ихъ положеніе въ настоящее время, вообще, тяжелое. Тамъ, на далекихъ поляхъ и холмахъ Манчжуріи льется русская кровь. На передовыхъ линіяхъ люди проводятъ долгіе часы въ обледенѣлыхъ окопахъ подъ огненнымъ дождемъ вражескихъ снарядовъ. Каждый день вырываетъ изъ рѣдѣющихъ рядовъ арміи новыя жертвы. И сколько ихъ, офицеровъ и солдатъ, измученныхъ физически и морально, голодныхъ и холодныхъ, умирающихъ со словами: „Слава Богу, наконецъ...“!

А здѣсь... Михайловскій театръ, балетъ съ его танцовщицами, кафе-шантаны, дневные визиты и ночные кутежи... Однимъ словомъ, обычная, разсѣянная жизнь привилегированной офицерской молодежи.

Есть какое-то мучительное противорѣчіе въ этомъ различіи обстановки при единствѣ служебнаго призванія, служебнаго долга. Бываютъ моменты, когда человѣкъ начинаетъ стыдиться своего благополучія... Мы думаемъ, что для русскаго „благополучнаго“ офицерства такой моментъ наступилъ.

И вдругъ „военное дѣло“, — не тамъ, въ далекой Манчжуріи, а здѣсь, у себя дома, на улицахъ Петербурга. И опять таки „дѣло“ въ иной, не военной обстановкѣ. *Тамъ*—ежеминутная опасность, жизнь виситъ на волоскѣ, и, несмотря на самоотверженныя усилія, на геройскіе подвиги, войска терпятъ за пораженіемъ пораженіе. *Здѣсь* — никакой опасности, залпы въ безоружную толпу, атака на мирныхъ обывателей, — и, въ результатѣ, полная, блестящая побѣда...

Нужно ли доказывать, что одна такая петербургская побѣда опаснѣе для престижа арміи десятка манчжурскихъ пораженій? Пусть наши рабочіе—чернь, полулюди, стадо, отдавшееся во власть преступнымъ вожакамъ; пусть

наша интеллигенція развращена иноземными бреднями; пусть даже часть ея подкуплена англо-японскимъ золотомъ. Пусть наши земцы—измѣнники, а студенты—негодные отбросы городского населенія. Во все это „рыцари меча", воспитанные соотвѣтственнымъ образомъ, выдержанные въ соотвѣтственной средѣ, могутъ болѣе или менѣе искренно вѣрить. Но бѣда въ томъ, что отъ всѣхъ этихъ враждебныхъ элементовъ имъ некуда уйти; нельзя создать въ столицѣ искусственной обстановки военнаго лагеря. Общественное мнѣніе—это воздухъ, проникающій повсюду, проникающій даже въ законопаченныя окна и въ наглухо запертыя двери казармъ. Какъ убережься отъ интеллигентской заразы? Вѣдь и въ семьѣ офицера читаютъ книги, журналы и газеты... На улицахъ, въ театрѣ, въ знакомомъ домѣ,—всюду и вездѣ эти люди,—люди, оплакивающіе жертвъ и осуждающіе героевъ кровавой расправы.

Какое тяжелое, какое невыносимое положеніе! Подумали-ли о немъ тѣ, которые наканунѣ 9-го января спокойно вырабатывали планъ „кампаніи"? Подумали-ли они объ арміи,—о томъ раздвоеніи, о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя событіе этого дня можетъ внести въ ея среду? И не куплена-ли—даже съ точки зрѣнія интересовъ арміи—побѣда 9-го января слишкомъ дорогою цѣной?

Конечно, въ рядахъ арміи—въ рядахъ ея высшаго, командующаго класса—есть и другіе, худшіе люди, застрахованные отъ какой бы то ни было рефлексіи, отъ какого бы то ни было воздѣйствія на нихъ общественнаго мнѣнія.

Какъ отразилось на этихъ людяхъ событіе 9-го января?

Кто не знаетъ, что легкая и дешевая побѣда, побѣда физической силы надъ физическимъ безсиліемъ часто влечетъ за собою *разнузданность* силы. На людей извѣстнаго сорта видъ крови дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ: расходившейся руки сразу не остановить. Потребность самооправданія, присущая каждому человѣку,

выливается у элементарныхъ людей въ элементарную формулу: „такъ имъ, мерзавцамъ, и надо!“,—и эта формула становится символомъ ихъ военной морали.

Событіе 9-го января не могло не подѣйствовать возбуждающимъ образомъ на извѣстную часть нашей арміи. Вооруженныя нападенія на студентовъ 10—11 января на Васильевскомъ островѣ, случай съ инженеромъ С. С. Козловымъ въ Пассажѣ, кровавый „инцидентъ“ въ аптекарскомъ магазинѣ Чекушкина, столкновеніе полковника Болотова съ инженеромъ Родыгинымъ, — эти и другіе аналогичные факты, проникшіе въ печать, неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что возбужденная часть офицерства продолжаетъ – и въ мирное время—серьезнымъ образомъ угрожать общественной безопасности и порядку.

Желательно-ли, нормально-ли такое явленіе? Чѣмъ должна быть армія,—вооруженною-ли силой народа, или „опричниной“, стоящей внѣ народа и враждебной ему?

До сихъ поръ въ нашей печати говорилось много о разобщенности, о разъединеніи, существующемъ между обществомъ и арміей? Неужели такая же разобщенность такое же разъединеніе возникаетъ между обществомъ и арміей? Неужели наша армія будетъ находиться *у себя дома* въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится армія, оккупирующая отторгнутую у непріятеля область?

И не угрожаютъ ли „эксцессы силы“ серьезной опасностью для самой арміи? Не колеблютъ ли они воинскую дисциплину, не вносятъ ли они разлада въ военную среду?

Всякій, кому дорога честь нашей арміи, долженъ пожелать, чтобы никогда больше русское оружіе не было направляемо противъ безоружныхъ гражданъ.

IX.

Конецъ довѣрію.

(Январь, 1905 г.).

«Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано»... Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что недолгое министерство кн. Святополкъ-Мирскаго было сплошнымъ «благимъ порывомъ»; и въ тоже время врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что кн. Святополкъ-Мирскій уходитъ съ своего поста съ чувствомъ горькаго разочарованія, съ сознаніемъ своего безсилія, безплодности своихъ «порывовъ».

Кн. Святополкъ-Мирскій вступилъ въ министерство вскорѣ послѣ взрыва 15-го іюля; онъ уходитъ изъ него спустя нѣсколько дней послѣ «взрыва» 9-го января. Время между этими датами—тревожное, тяжелое время. Съ одной стороны,—растущее не по днямъ, а по часамъ, напряженіе общественной мысли; съ другой—непоколебимая, безнадежная окаменѣлость существующаго порядка.

Вступая въ министерство, кн. Святополкъ-Мирскій надѣялся на «спокойствіе и прогрессъ въ развитіи внутренней Россіи». Вѣритъ ли онъ въ возможность «спокойствія и прогресса», уходя изъ министерства?

Задумываясь надъ событіями послѣднихъ мѣсяцевъ, мы прежде всего ставимъ вопросъ: почему оказались безплодными «благіе порывы» уходящаго съ политической сцены министра? О какой камень разбилась его добрая воля,—и, въ частности, почему указъ 12 декабря, имъ подготовленный, обѣщающій Россіи рядъ освободительныхъ и обновительныхъ реформъ, не внесъ успокоенія и умиротворенія въ русскую жизнь?..

Мы думаемъ, что коренной и первоначальной ошибкой «системы» нынѣ уходящаго министра является ея безсистемность. Кн. Святополкъ-Мирскій вступилъ въ министерство безъ опредѣленной программы. Въ Вильнѣ,

убѣжденію въ несостоятельности бюрократическаго начала вообще, въ необходимости политическаго обновленія Россіи. «Система» т. с. Плеве довершила политическое воспитаніе русскаго общества; она воспитала въ немъ недовѣріе къ хорошимъ словамъ и жажду самодѣятельности,—самодѣятельности во что бы то ни стало.

Оставаясь вѣрнымъ политическому status quo,—а кн. Святополкъ-Мирскій остался ему вѣрнымъ,—*нельзя было* оказывать обществу довѣрія и ждать довѣрія съ его стороны.

Скажемъ прямо: въ настоящихъ условіяхъ у насъ, въ Россіи, предъ всякимъ государственнымъ дѣятелемъ стоитъ диллемма.

Если онъ хочетъ во что бы то ни стало поддержать —хоть на короткое время—существующій бюрократическій режимъ, онъ долженъ итти по пути, предуказанному т. с. Плеве. О довѣріи къ обществу въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи; надо разсчитывать на силу,—и только на нее.

И, наоборотъ, если онъ хочетъ призвать общество, въ организованныхъ формахъ представительства, къ дружной, совмѣстной работѣ съ правительствомъ на благо Россіи, пусть повторитъ онъ смѣло слова о довѣріи правительства къ народу. И эти слова станутъ тѣмъ елеемъ, который успокоитъ взволнованное море народной жизни.

Такова та диллемма, которую такъ или иначе надо рѣшить. Кн. Святополкъ-Мирскій не съумѣлъ или не пожелалъ ее понять. И, уходя изъ министерства, онъ оставляетъ страну такою же несчастной, такою же мятущейся, какою онъ ее засталъ, вступая въ него.

Пойметъ ли эту диллемму тотъ дѣятель, который придетъ ему на смѣну? И если онъ пойметъ, какъ онъ ее разрѣшитъ?

Одно хотѣлось бы сказать: строить политику на принципѣ „après moi le déluge“ въ настоящее время опасно, ибо у кого можетъ быть увѣренность въ томъ, что „le déluge“ настанетъ „après moi“?

X.

Годовщина войны.

(*Январь, 1905 г.*)

Сегодня годъ со дня объявленія войны. Годъ, какъ тамъ, на поляхъ и холмахъ Манчжуріи, кровь нашихъ братьевъ льется безъ мѣры, широкой и глубокой рѣкой; годъ, какъ здѣсь, въ городахъ и весяхъ Россіи, льются широкой и глубокой рѣкою нескончаемыя слезы.

Сколько ихъ, непробудно уснувшихъ на поляхъ сраженій, на днѣ океана? Сколько ихъ, изувѣченыхъ вражеской пулей и штыкомъ, медленно плетущихся домой, не на радость себѣ и своимъ. Гдѣ теперь нашъ Портъ-Артуръ и нашъ Дальній,—эти драгоцѣнныя игрушки національнаго тщеславія, стоившія несмѣтныхъ милліоновъ сермяжной вѣчно недоѣдающей русской деревнѣ? Гдѣ теперь нашъ грозный флотъ, еще не такъ давно казавшійся непобѣдимымъ и побѣдоноснымъ не только друзьямъ, но и врагамъ Россіи?

Да, если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что *тамъ погибло*,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вновь,
То былъ бы вновь потопъ...,

Конечно, не одни мы несемъ жертвы,—несчетныя жертвы на алтарь неумолимаго бога войны. Страдаетъ и Японія, но она знаетъ, ради чего она страдаетъ; она видитъ результаты своихъ жертвъ...

Сегодня въ столицѣ Японіи великое торжество. Гордая и довольная толпа снуетъ по улицамъ, расцвѣченнымъ побѣдными флагами. Въ честь микадо и его народныхъ совѣтниковъ, съумѣвшихъ подготовить войну и учесть возможность побѣды, поются гимны. И японскій солдатъ, умирая за отечество, знаетъ, что имя его сегодня благословляется народомъ.

А здѣсь, въ столицѣ Россіи...

Что-же дальше?

Миръ, миръ, во что бы то ни стало,—говорятъ одни.

Побѣда, побѣда, во что бы то ни стало,—говорятъ другіе.

Тѣ, которые требуютъ мира, хорошо сознаютъ, что въ настоящихъ условіяхъ заключеніе мира *для правительства* невозможно, и что только народъ, безъ ущерба для чести Россіи, отказавшись отъ того, *что ему не нужно*, можетъ положить конецъ этой несчастной и безцѣльной войнѣ.

Сознаютъ ли и тѣ, которые требуютъ побѣдъ, что и эти побѣды, подобно немедленному миру, въ настоящихъ условіяхъ невозможны, и что только народъ, рѣшившись продолжать войну, можетъ привести ее къ побѣдному концу? Сознаютъ ли они, что война, для того, чтобы стать побѣдоносной, должна, прежде всего, стать народной войной?

Въ настоящихъ условіяхъ одинаково невозможны ни заключеніе мира, ни одержаніе побѣдъ: въ этомъ и заключается истинный трагизмъ положенія, переживаемаго Россіей.

Намъ говорятъ: Россіи нужна побѣда. Вотъ уже годъ мы ждемъ этой не дающейся въ руки побѣды. Нѣсколько разъ наши войска переходили въ наступленіе,—и каждый разъ, послѣ кровопролитныхъ сраженій, отступали назадъ, или, въ лучшемъ случаѣ, оставались на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Сколько надеждъ и упованій русское общество связало съ именемъ Портъ-Артура! Портъ-Артуръ палъ. Сколько надеждъ и упованій возлагало оно на тихоокеанскій флотъ! Его больше не существуетъ.

И все-таки намъ нужна побѣда... Но если она намъ нужна, какъ ее вырвать изъ рукъ непобѣдимаго доселѣ врага? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаютъ: для того, чтобы побѣдить врага, необходимо объединить всѣ силы страны, необходимо прекратить—хотя бы на время—

внутреннюю смуту, внутреннюю рознь, раздирающую Россію. Пусть такъ; мы принимаемъ этотъ отвѣтъ. Мы думаемъ также, что въ единеніи сила, что только народный энтузіазмъ,—тотъ энтузіазмъ, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ настоящее время,—ведетъ къ побѣдамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы глубоко убѣждены въ томъ, что только освобожденіе Россіи отъ гнетущаго ее политическаго рабства можетъ прекратить, и дѣйствительно прекратитъ существующую смуту и рознь, можетъ разбудить и дѣйствительно разбудитъ дремлющія силы народа.

Для почетнаго мира намъ, дѣйствительно, нужна побѣда,—побѣда народной Россіи надъ Россіей, враждебной народу. Пусть только падутъ вѣковые предразсудки, тяготѣющіе надъ страной, и объединенная общимъ порывомъ, великая и свободная Россія съумѣетъ заключить, цѣною-ли новыхъ жертвъ или безъ нихъ, достойный и почетный миръ. Мы вѣримъ въ живыя силы русскаго народа. Не потому ли насъ считаютъ «внутренними врагами» Россіи?

XI.

Послѣ Мукдена.

(Мартъ, 1905 г.).

Когда около года тому назадъ главнокомандующимъ нашихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ назначенъ былъ ген. Куропаткинъ, рептиліи патріотической прессы подняли на весь міръ восторженный и ликующій крикъ: «Куропаткинъ — національный герой! Ему вѣритъ народъ, его обожаетъ войско! Онъ поведетъ насъ къ желаннымъ побѣдамъ!»

Теперь, когда ген. Куропаткинъ уволенъ, безъ прошенія, отъ должности главнокомандующаго, тѣ же рептиліи, конечно, не замедлили объявить его чуть-ли не

врагомъ отечества,—единственной причиной всѣхъ нашихъ пораженій и неудачъ.

Назначенъ новый главнокомандующій. Да здравствуетъ Линевичъ — національный герой! Ему вѣритъ народъ, его обожаетъ войско! Онъ поведетъ насъ къ желаннымъ побѣдамъ!..

Но та часть прессы, которая спокойно и сдержанно встрѣтила назначеніе ген. Куропаткина главнокомандующимъ, такъ же спокойно и сдержанно встрѣтила извѣстіе объ его отставкѣ. Будущій военный историкъ оцѣнитъ, конечно, по справедливости, стратегію и тактику Куропаткина. Если Куропаткинъ, дѣйствительно, дѣлалъ ошибки,—эти ошибки раскроются впослѣдствіи, но не теперь, когда критическая мысль безпомощно бродитъ въ потемкахъ военной тайны.

Пока для современника ясно одно: *не въ ген. Куропаткинѣ дѣло*. И если Куропаткинъ виноватъ, то больше всего виноватъ онъ тѣмъ, что, зная нашу неподготовленность, состояніе нашей арміи, непреодолимыя трудности неожиданной и, Богъ вѣсть зачѣмъ, свалившейся на Россію войны (а, какъ военный министръ, онъ *долженъ* былъ все это знать), онъ тѣмъ не менѣе, отправляясь на войну, своими рѣчами и обѣщаніями поддерживалъ и питалъ въ шовинистическихъ кругахъ нашего общества несбыточныя иллюзіи побѣдъ.

Много напрасно пролитой крови, много горя и слезъ, тяжкихъ и непосильныхъ жертвъ стоили и будутъ еще стоить эти иллюзіи русскому народу!

Уже давно, еще задолго до пораженія подъ Ляояномъ, до гибели Портъ-Артура, до послѣдняго боя подъ Мукденомъ, въ обществѣ и въ печати раздавались настойчивые и тревожные голоса, требовавшіе во что бы-то ни стало заключенія мира. И каждый разъ такое требованіе съ разныхъ сторонъ встрѣчалось, какъ измѣна народному дѣлу.

«Намъ нуженъ не миръ, намъ нужны побѣды!» Такъ говорили нововременскіе патріоты, — и каждый

разъ, въ погонѣ за не дающейся въ руки побѣдой, мы терпѣли пораженія, — одно непоправимѣй и страшнѣй другого.

Нужно ли доказывать, что миръ съ Японіей былъ бы «почетнѣй» и легче для Россіи до паденія Порть-Артура, чѣмъ послѣ него? Нужно ли доказывать, что до ужасной и отвратительной мукденской бойни условія мира были бы для Россіи выгоднѣй, чѣмъ въ настоящее время? Пока Владивостокъ и Сахалинъ еще въ нашихъ рукахъ. Неужели же намъ ждать, пока и они перейдутъ въ руки непріятеля?

Придетъ время,—и исторія скажетъ свое безпристрастное слово. Она скажетъ, на чьей сторонѣ былъ истинный патріотизмъ, истинная любовь къ народу, — на сторонѣ ли тѣхъ, кто, въ сознаніи ненужности войны и безплодности ея жертвъ, требовалъ съ самаго начала во что бы то ни стало заключенія мира, или на сторонѣ тѣхъ, кто, изъ-за національнаго тщеславія и, можетъ быть, изъ-за корыстнаго политическаго разсчета, требовалъ во что бы то ни стало побѣдъ!

Мы глубоко и непоколебимо убѣждены въ своей правотѣ. Мы говорили уже много разъ и еще разъ повторяемъ: война съ Японіей — ненужная война; она ведется изъ-за дѣла, чуждаго интересамъ народа. Причина нашихъ пораженій — не въ томъ или иномъ неудачномъ начальникѣ; она — *въ общихъ условіяхъ* нашей политической жизни, въ тѣхъ условіяхъ, которыя сдѣлали возможной войну и дѣлаютъ невозможной побѣду. Изстрадавшейся Россіи нуженъ во что бы-то ни стало миръ; и чѣмъ больше мы будемъ медлить, въ ожиданіи побѣдъ, тѣмъ дороже за этотъ миръ мы заплатимъ врагу...

И подумать, что еще теперь, послѣ всѣхъ ужасовъ мукденскихъ дней, находятся публицисты, проповѣдующіе необходимость войны, необходимость побѣдъ! Неужели имъ не мерещатся эти безконечныя и унылыя манчжускія поля, усѣянныя трупами, своими и вражескими, — трупами безъ счета и числа? Неужели ихъ притупив-

шійся слухъ даже въ тишинѣ ночи не слышитъ криковъ и стоновъ брошенныхъ по дорогѣ больныхъ и раненыхъ, обреченныхъ на медленную смерть? И неужели предъ ихъ совѣстью не встаютъ роковые вопросы: *для чего* всѣ эти жертвы? кому онѣ нужны, и кто въ нихъ повиненъ?..

XIII.

Единство законодательнаго пути.

(*Мартъ, 1905 г.*).

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 21-го и 24-го декабря 1904 г. и 4-го января 1905 г., разсмотрѣвъ вопросъ, постановленный п. 1 указа 12-го декабря объ охраненіи полной силы закона и намѣтивъ рядъ необходимыхъ «усовершенствованій», предоставилъ государственному секретарю выработать на основаніи этихъ намѣтокъ подробный законопроектъ для безотлагательнаго внесенія въ государственный совѣтъ.

Канцелярія заработала на всѣхъ парахъ, и нынѣ законопроектъ готовъ. Какъ сообщаютъ газеты, на-дняхъ въ государственномъ совѣтѣ будетъ разсматриваться представленіе государственнаго секретаря «объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ». Сущность законопроекта заключается въ томъ, что силу закона имѣютъ Высочайшіе указы и Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта, но не положенія комитета министровъ. Приказы министровъ могутъ имѣть силу закона со всѣми его послѣдствіями только въ томъ случаѣ, если въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ изданія они внесены въ государственный совѣтъ. Наблюденіе за охраненіемъ полной силы закона возложено на правительствующій сенатъ.

Между тѣмъ въ промежутокъ времени, пока въ канцеляріи изготовлялся законопроектъ, въ Россіи произошло

только дѣлами, какія угодно будетъ всесильной, по прежнему, бюрократіи предложить на ихъ обсужденіе? Вѣдь, въ такомъ случаѣ, роль представительнаго собранія легко можетъ ограничиться участіемъ въ обсужденіи новаго ветеринарнаго устава или новаго устава лечебныхъ заведеній. Кого такая реформа удовлетворитъ, кого она успокоитъ?

Никто не упрекнетъ губернскихъ предводителей дворянства въ чрезмѣрномъ радикализмѣ ихъ политическихъ убѣжденій. Въ своей запискѣ, составленной ими на совѣщаніи, имѣвшемъ на-дняхъ мѣсто въ Москвѣ, они призываютъ къ борьбѣ (надо думать, къ борьбѣ идейной) съ «весьма значительной, сильной по своему личному составу сплоченной группой сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія». Они считаютъ необходимымъ проводить въ общественное сознаніе идею объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества «на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ». И тѣмъ не менѣе, губернскіе предводители полагаютъ, что «народное представительство, кромѣ права разсмотрѣнія *всѣхъ законопроектовъ*, составляемыхъ въ министерствахъ, должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ».

При такихъ условіяхъ, какимъ образомъ, наряду съ Высочайше утвержденными мнѣніями народнаго собранія (или государственной думы) могутъ остаться и сохранить силу именные указы, издаваемые — непосредственно, или на основаніи всеподданнѣйшихъ докладовъ отдѣльныхъ министровъ — монархомъ, независимо отъ народнаго собранія и *помимо него?*

Огромное значеніе народнаго представительства заключается, между прочимъ, въ томъ, что, благодаря ему, создается *единство законодательнаго пути*, являющееся необходимымъ условіемъ прочности и незыблемости правопорядка. Сохраненіе двухъ законодательныхъ

путей,—чрезъ народное собраніе и помимо него,—уничтожаетъ всякое значеніе реформы, возвѣщенной рескриптомъ 18-го февраля. Вполнѣ естественно, что бюрократія стремится идти къ своимъ цѣлямъ наиболѣе прямымъ и короткимъ путемъ. И если въ настоящее время бюрократія сплошь и рядомъ считаетъ для себя неудобнымъ и медлительнымъ направленіе законопроектовъ чрезъ государственный совѣтъ, то не слѣдуетъ ли ожидать, что въ будущемъ направленіе законопроектовъ чрезъ народное собраніе покажется бюрократіи еще болѣе неудобнымъ, еще болѣе медлительнымъ? И если въ настоящее время законы весьма часто издаются въ формѣ положеній комитета министровъ, то не будутъ ли они впослѣдствіи еще чаще издаваться въ формѣ Именныхъ указовъ?

Намъ остается коснуться еще одного любопытнаго нововведенія, проектируемаго государственной канцеляріей. Сущность этого нововведенія заключается въ томъ, что приказы министровъ могутъ имѣть силу закона, со всѣми его послѣдствіями, только въ томъ случаѣ, если въ теченіе 6 мѣсяцевъ, со дня ихъ изданія, они внесены въ государственный совѣтъ.

По мысли государственной канцеляріи, *въ теченіе* 6 мѣсяцевъ, до внесенія въ государственный совѣтъ, приказы министра, очевидно, могутъ имѣть силу закона со всѣми его послѣдствіями. Если бы такое предположеніе государственной канцеляріи получило осуществленіе, оно явилось бы рѣшительнымъ и значительнымъ попятнымъ шагомъ, даже по сравненію съ существующимъ порядкомъ вещей. Въ настоящее время приказы министра *ни въ какомъ случаѣ* «силы закона со всѣми его послѣдствіями» не имѣютъ. Приказъ министра юридически дѣйствителенъ *только* въ мѣру своего соотвѣтствія закону; приказъ, стоящій въ противорѣчіи съ закономъ, недѣйствителенъ съ самаго момента своего изданія.

По мысли же государственной канцеляріи, такой приказъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ будетъ дѣйствовать и примѣняться, хотя бы имъ отмѣнялся или измѣнялся законъ.

Министръ становится «законодателемъ на короткій срокъ»; въ теченіе 6 мѣсяцевъ правительствующій сенатъ безсиленъ бороться съ распоряженіями министра, хотя бы они носили явно незаконный или противозаконный характеръ. Мы не думаемъ, чтобы подобная мѣра могла способствовать укрѣпленію значенія и охраненію полной силы закона...

«Люди порядка» утверждаютъ, что въ настоящее время правительство одушевлено лучшими побужденіями, искреннимъ желаніемъ реформы. Но въ такомъ случаѣ, лучшее, что можно посовѣтовать бюрократіи, это—остановиться, впредь до созыва народныхъ представителей, съ осуществленіемъ реформъ, возвѣщенныхъ указомъ 12 декабря. Комиссіи могутъ собираться, разсуждать, вырабатывать законопроекты. Законодательное разсмотрѣніе этихъ законопроектовъ должно быть дѣломъ народнаго представительства.

XIV.

Финляндія и Россія.

(*Мартъ, 1905 г.*).

Манифестомъ 16-го марта «временно»—т. е. на неопредѣленное время — пріостановлено примѣненіе устава о воинской повинности въ Финляндіи 29-го іюня (12-го іюля) 1901 г. Этотъ уставъ, изданный, помимо финляндскаго сейма, въ порядкѣ, установленномъ манифестомъ 3-го (15-го) февраля 1899 г., всѣми, безъ исключенія, финляндскими партіями признавался всегда и признается теперь актомъ, нарушающимъ основныя начала финляндской конституціи.

Въ борьбѣ за конституцію,—въ борьбѣ, объединившей въ одномъ усиліи всю Финляндію, сила была на сторонѣ русской бюрократіи, право—на сторонѣ финляндскаго народа.

Русская бюрократія боролась привычными аргументами: назначеніемъ въ Финляндію русскихъ чиновниковъ, генералъ-губернаторской диктатурой, высылками и арестами, цензурными карами, сыпавшимися безъ счета и числа на финляндскую печать.

У Финляндіи было два аргумента. Первый — ст. 40 формы правленія 1672 года, которая гласитъ: «король не можетъ издать новыхъ законовъ, ни-же старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ». И второй — ст. 79 сеймоваго устава 1869 г., которая гласитъ: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій». И Финляндія побѣдила.

Конечно, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что успѣху финляндскаго дѣла способствовало, въ значительной мѣрѣ, то освободительное движеніе, которое нынѣ охватило коренную Россію. Побѣжденная у себя дома, и въ Финляндіи бюрократія должна была признать себя побѣжденной. Манифестъ 16-го марта неопровержимо доказываетъ, что связь, соединяющая Финляндію съ Россіей, является не внѣшней и матеріальной, а внутренней, культурной и политической, связью. Политическія судьбы Финляндіи тѣсно и неразрывно связаны съ политическими судьбами Россіи. Реакція въ Россіи повлекла за собою реакцію въ Финляндіи,—побѣда освободительнаго движенія въ Финляндіи предшествуетъ побѣдѣ такого же движенія въ Россіи.

Русскія прогрессивныя партіи съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія сознаютъ, что борьбой за политическое освобожденіе своей родной страны онѣ оказали содѣйствіе политическому освобожденію близкой и дружественной страны.

Но, съ другой стороны, врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что рѣшающую въ финляндскомъ вопросѣ роль сыграла историческая культура Финляндіи, муже-

ство и тактъ ея бѣднаго средствами, но богатаго духомъ народа. Финляндія явила достойный подражанія образецъ удивительнаго единства удивительной стойкости въ борьбѣ за общее благо, за право страны.

Соціальныя противорѣчія, борьба экономическихъ классовъ существуютъ и въ Финляндіи. Но предъ общею цѣлью эти противорѣчія на время исчезли, и стихла на время внутренняя, естественная и необходимая борьба. Viribus unitis—таковъ ведущій къ побѣдѣ лозунгъ современной Финляндіи.

Когда въ маѣ 1899 г. въ Финляндіи составленъ былъ народный адресъ о возстановленіи силы основного закона страны, собравшій свыше полумилліона подписей, происхожденіе этого адреса русская бюрократія объясняла происками «тайной силы, горсти агитаторовъ и неспокойныхъ людей». На это обвиненіе гельсингфорская газета «Aftonposten» отвѣтила въ свое время слѣдующими словами: «Нѣтъ, это не тайная, а, наоборотъ, открытая, свѣтлая, культурная сила; и эта сила—отзывчивое и просвѣщенное общественное мнѣніе страны».

Нынѣ въ манифестѣ мы привѣтствуемъ побѣду этой «открытой силы» общественнаго мнѣнія надъ «тайною силой» бюрократическаго властолюбія и произвола.

XV.

Успокоеніе и реформы.

(*Апрѣль, 1905 г.*).

Когда въ любомъ западно-европейскомъ государствѣ предпринимается серьезная политическая или соціальная реформа, эта реформа подготовляется въ атмосферѣ общественнаго возбужденія и осуществляется при содѣйствіи всѣхъ мобилизованныхъ общественныхъ силъ. Партійныя собранія, народные митинги, обсужденіе законопроекта въ печати и въ ученыхъ обществахъ, политическіе пам-

флеты и летучіе листки,—все это вездѣ и всюду является необходимымъ спутникомъ каждой сколько-нибудь важной и серьезной реформы. Всѣми признается вполнѣ естественнымъ и само собою понятнымъ, что ни билль о реформѣ 1832 г. въ Англіи, ни законъ о религіозныхъ конгрегаціяхъ во Франціи не могли бы осуществиться безъ активнаго содѣйствія общественнаго мнѣнія, безъ шумныхъ народныхъ митинговъ, безъ крикливой народной литературы, безъ серьезныхъ трудовъ ученыхъ обществъ и т. д., и т. д.

Иное дѣло въ Россіи. У насъ общественная тишина и спокойствіе считаются необходимымъ условіемъ осуществленія реформы. Намъ говорятъ: никакая преобразовательная дѣятельность невозможна до тѣхъ поръ, пока общество находится въ возбужденномъ состояніи. Надо прежде всего «успокоить общество»,—и только затѣмъ будемъ думать о реформѣ. И вотъ эпоха реформъ открывается «успокоительными мѣрами». Для того, чтобы освободить общество отъ тяготѣющихъ на немъ оковъ, на него налагаются прежде всего новыя оковы. Усугубленіе мѣръ усиленной охраны разсматривается, какъ первый шагъ, ведущій къ учрежденію народнаго представительства.

Маленькая, лукавая бюрократія какъ будто не замѣчаетъ того заколдованнаго круга, въ которомъ вращается ея политическая мысль. До тѣхъ поръ, пока царствуетъ общественная тишина и спокойствіе,—никто, конечно, и не помышляетъ о реформахъ. Общество молчитъ,—значитъ, оно благоденствуетъ. Поищите искренняго бюрократа и, если найдете такого, поставьте ему категорически вопросъ: почему, именно, теперь—въ столь неудобное, съ бюрократической точки зрѣнія, время—правительство приступаетъ къ коренному преобразованію государственнаго строя? И бюрократъ, скрѣпя сердце, долженъ будетъ отвѣтить: потому что все общество, сверху и до низу, на разный ладъ и разными голосами, настойчиво требуетъ неотложныхъ и коренныхъ преобра-

зованій. Тогда спросите его опять: почему же бюрократія стремится во что бы то ни стало эти требованія насильственно заглушить? И если ей удастся ихъ заглушить, что заставитъ ее исполнить обѣщанное, что заставитъ ее дать Россіи реформу? Не скажетъ ли она, наоборотъ, что вся эта буря была «бурей въ стаканѣ воды», что общество опять спокойно и, значитъ, опять довольно, что никакія реформы Россіи не нужны? И на этотъ вопросъ искренній бюрократъ ничего не отвѣтитъ: онъ улыбнется и замолчитъ.

Но на этотъ вопросъ отвѣчаетъ общество; оно отвѣчаетъ недовѣріемъ къ бюрократіи,—къ ея маленькимъ и лукавымъ ухищреніямъ. Оно отвѣчаетъ мобилизаціей всѣхъ общественныхъ силъ, напряженіемъ всей общественной энергіи. Общество организуется, его разрозненные элементы сплачиваются воедино,—и никакія полицейскія мѣры „успокоенія» не въ состояніи этотъ процессъ остановить...

XVI.

Упраздненіе особаго совѣщанія.

(*Апрѣль, 1905 г.*).

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности приказало долго жить. Говорятъ: de mortuis aut bene aut nihil.

Если примѣнить, это правило къ многочисленнымъ покойнымъ комиссіямъ, ихъ пришлось бы предать забвенію,—и только. Это было бы жестоко и несправедливо. Будемъ говорить о покойникахъ, но будемъ говорить о нихъ спокойно и безпристрастно, sine ira et studio. Лежачаго не бьютъ, а особое совѣщаніе повергнуто въ прахъ постигшимъ его ударомъ. Постараемся объективно разсмотрѣть его значеніе, поставить діагнозъ его болѣзни, выяснить причины его преждевременнаго конца.

преклониться предъ трудами комитетовъ; въ области крестьянскаго дѣла мысли комитетовъ столь государственны, столь мудры, что доказываютъ ясно, до какой степени развилось государственное самосознаніе у мѣстныхъ людей. Во всякомъ случаѣ, обнародованіе трудовъ мѣстныхъ комитетовъ составляетъ большую заслугу особаго совѣщанія: осуществляя крестьянскую реформу, народное представительство будущей Россіи съумѣетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и извлечь изъ него поучительные уроки...

Непосредственная работа особаго совѣщанія точно также считалась съ матеріалами, доставленными сельскохозяйственными комитетами. Работа эта—особенно въ послѣднее время—велась весьма интенсивно: совѣщаніе засѣдало два раза въ недѣлю. Всего оно имѣло около 90 засѣданій; въ теченіе этого времени оно успѣло разсмотрѣть, помимо болѣе частныхъ вопросовъ—о мѣстныхъ путяхъ сообщенія, о мелкомъ кредитѣ, о работѣ въ праздничные дни,—рядъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ крестьянской реформы — о крестьянскомъ управленіи, о крестьянскомъ правѣ и волостномъ судѣ, объ общинѣ и крестьянской арендѣ. Указъ 30-го марта застигъ особое совѣщаніе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно собиралось перейти къ разсмотрѣнію экономической стороны крестьянскаго дѣла,—и, въ частности, вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ и о средствахъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія... На этомъ вопросѣ дѣятельность особаго совѣщанія неожиданно оборвалась.

Какъ и слѣдовало ожидать, практическіе результаты, достигнутые особымъ совѣщаніемъ, оказались совершенно ничтожными. Организація мелкаго кредита, разрѣшеніе работы въ праздничные дни — вотъ, пожалуй, и все. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: дѣло особаго совѣщанія провиденціально обречено было на полную и неизбѣжную неудачу.

Причина этой неудачи—совершенная невозможность,

при данномъ соотношеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ, осуществленія серьезной законодательной реформы бюрократическими пріемами законодательнаго творчества. Нельзя, конечно, отрицать, что особое совѣщаніе выгоднымъ для себя образомъ выдвигалось изъ ряда другихъ такихъ же правительственныхъ, т. е. бюрократическихъ совѣщаній. Нельзя отрицать, что, въ лицѣ своего предсѣдателя, совѣщаніе, дѣйствительно, одушевлено было желаніемъ *что нибудь* сдѣлать, прійти *къ какимъ нибудь* положительнымъ результатамъ. Наконецъ, нельзя отрицать, что взгляды предсѣдателя и большинства членовъ совѣщанія на крестьянскій вопросъ— въ особенности въ послѣдней стадіи работъ совѣщанія— отличались непривычной для бюрократіи, хотя, по существу, и весьма умѣренной, широтой. И тѣмъ не менѣе, совѣщаніе не могло не оказаться безсильнымъ предъ огромностью возложенной на него задачи. Крестьянскій вопросъ—вопросъ не только правовой, но и соціальной реформы. Для его рѣшенія необходимъ могучій подъемъ общественныхъ настроеній, — то дерзновеніе творческой мысли, котораго наивно требовать и ждать отъ бюрократическихъ совѣщаній. Дальше палліативовъ совѣщаніе и пойти не могло. Такъ, напримѣръ, вмѣсто регламентаціи крестьянской продовольственной аренды, оно ограничилось регламентаціею—правда, довольно удачной—аренды предпринимательской, имѣющей весьма малое отношеніе къ крестьянскому быту. Вопросъ объ урегулированіи арендныхъ цѣнъ, по типу ирландскаго или англійскаго аграрнаго законодательства, признанъ былъ выходящимъ изъ сферы компетенціи особаго совѣщанія. Собираясь говорить о крестьянскомъ малоземельѣ, совѣщаніе не рѣшилось даже поставить вопросъ о признаніи государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель. При такихъ условіяхъ можно ли было ожидать отъ совѣщанія *настоящей* крестьянской реформы? И развѣ не право было общественное мнѣніе, съ самаго

начала относившееся съ великимъ недовѣріемъ къ «благимъ намѣреніямъ» особаго совѣщанія?

Крестьянская реформа будетъ первымъ и самымъ великимъ дѣломъ будущаго народнаго представительства. Бюрократическимъ комиссіямъ лучше и не трогать этого дѣла.

Самая судьба особаго совѣщанія является для русскаго общества весьма поучительнымъ и полезнымъ урокомъ. Совѣщаніе исходило изъ мысли о возможности «реформъ» безъ «реформы». И оказалось, что свое зданіе оно строило на пескѣ. При всей скромности своихъ начинаній, совѣщаніе, не удовлетворивъ недовольныхъ, пугливыхъ, однако, успѣло напугать. Какъ никакъ, а начинанія все-таки были. Достаточно того, что совѣщаніе поставило открыто и прямо вопросъ о необходимости упраздненія сословной обособленности крестьянъ, о необходимости организаціи всесословной общественной единицы, взамѣнъ нынѣшняго крестьянскаго общества, о необходимости для всего населенія, не исключая крестьянъ общаго права и общаго суда. Оно только подошло къ вопросу объ экономическихъ причинахъ крестьянскаго неустройства...

Всего этого оказалось болѣе, чѣмъ достаточно, для того, чтобы настроить на извѣстный ладъ политическіе разговоры въ петербургскихъ гостиныхъ. «Люди порядка» заговорили о ниспроверженіи основъ, о посягательствѣ на священное право частной собственности... Пѣсня особаго совѣщанія такъ и осталась недопѣтой...

Не ясно ли, что при существующихъ условіяхъ никакая плодотворная законодательная реформа невозможна, — невозможна, между прочимъ, и потому, что судьба ея зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ случайныхъ вѣяній, отъ игры незримыхъ и таинственныхъ силъ. Не ясно ли, что обновленіе государственнаго строя должно предшествовать обновленію общественной жизни, — политическая реформа должна предшествовать реформамъ соціальнымъ и правовымъ?

XVII

О бойкотѣ Государственной Думы.

(*Сентябрь 1905 г.*)

Въ статьѣ, спеціально посвященной юридическому анализу закона 6 августа, наше мнѣніе о государственной думѣ мы резюмировали въ слѣдующихъ словахъ:

—«Государственная дума не является народнымъ представительствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова: она не можетъ считаться представительствомъ даже тѣхъ группъ, которыя призваны реформой къ осуществленію избирательнаго права.

Государственная дума не является органомъ законодательной власти; законодательная власть остается по прежнему нераздѣльно въ рукахъ безотвѣтственной бюрократіи..... Государственная дума нежизнеспособна; нормальнымъ и постояннымъ учрежденіемъ она не будетъ» [1]).

Вполнѣ понятно то чувство всеобщаго и глубокаго разочарованія, съ которымъ была встрѣчена реформа 6 августа. Подъ вліяніемъ этого чувства въ нѣкоторыхъ, наиболѣе радикальныхъ, кругахъ русскаго общества высказана была мысль о необходимости «бойкотировать» думу.

Высказаная подъ первымъ впечатлѣніемъ реформы, мысль эта въ настоящее время становится лозунгомъ опредѣленной вліятельной общественной группы. Какъ всякій лозунгъ, она скрываетъ подъ видимой своей категоричностью неопредѣленность своего содержанія.

Конечно, рѣчь идетъ не о бойкотѣ—еще не существующей—думы; рѣчь идетъ не о бойкотѣ, вообще. Обществу, или—точнѣе—его прогрессивнымъ элементамъ предлагается воздержаться отъ какого бы то ни было участія, какъ въ самыхъ выборахъ, такъ и въ предвыборной агитаціи; ему предлагается поступать такъ, какъ будто-бы реформы 6 августа не было вовсе, игнорировать

---

[1]) См. выше, стр. 193.

эту реформу и вести борьбу съ существующимъ режимомъ старыми средствами.

При всемъ своемъ безусловно отрицательномъ отношеніи къ учрежденію государственной думы, мы глубоко убѣждены въ томъ, что тактика «бойкота», въ указанномъ выше смыслѣ, является во всѣхъ отношеніяхъ и въ высокой степени вредной. Необходимо бороться съ этой тактикой, не останавливаясь даже предъ опасностью раскола въ средѣ общественныхъ силъ, до настоящаго времени принадлежавшихъ къ одному лагерю...

Было-бы, конечно, наивной самоувѣренностью думать, что путемъ «бойкота» можно государственную думу упразднить вообще. Несмотря на воздержаніе прогрессивныхъ элементовъ, выборы, во всякомъ случаѣ, состоятся, ибо никакая обструкція не въ состояніи предупредить ни крестьянскихъ выборовъ, ни выборовъ въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, ни даже выборовъ городскихъ. Опытъ доказываетъ, что «забастовка», вообще, приводитъ къ практическимъ результатамъ только въ томъ случаѣ, если она сопровождается успѣшной обструкціей. Объ обструкціи выборовъ въ государственную думу не можетъ быть и рѣчи. Прежде всего, необходимъ учетъ оппозиціонныхъ силъ; въ политикѣ опаснѣе всего самообманъ.

Результатъ бойкота будетъ одинъ: ухудшеніе состава думы, усиленіе реакціонныхъ ея элементовъ на счетъ элементовъ прогрессивныхъ. Сама по себѣ, реакція безсильна: только въ союзѣ съ радикализмомъ она можетъ завладѣть государственной думой.

Если, какъ это можно ожидать, сторонники бойкота попытаются прибѣгнуть къ обструкціи, часть избирателей, дѣйствительно, можетъ отказаться отъ выборовъ, происходящихъ подъ охраною полицейской власти. Выборы тѣмъ не менѣе, состоятся, и составъ думы не станетъ отъ этого лучше.

Независимо, однако, отъ обструкціи, самый фактъ «самоустраненія» прогрессивнаго элемента отъ выборовъ не можетъ не отразиться на ихъ результатахъ.

Въ «Русскомъ Богатствѣ» В. А. Мякотинъ полагаетъ, что «нѣсколько странно призывать къ положительному отношенію къ выборамъ тѣ группы населенія, которыя лишены правъ на участіе въ нихъ». Но развѣ онъ сомнѣвается въ томъ, что положительное или отрицательное отношеніе къ выборамъ тѣхъ, именно, элементовъ, которые предполагаютъ «бойкотировать» думу, съ точки зрѣнія результатовъ выборовъ, далеко не безразлично? Развѣ не повліяетъ на результатъ крестьянскихъ выборовъ самоустраненіе отъ предвыборной агитаціи, такъ называемаго, третьяго элемента? А если примѣру самоустраненія послѣдуетъ и прогрессивная часть крестьянства?!...

Отрицать вліяніе «самоустраненія» на результаты выборовъ—значитъ отрицать значеніе агитаціи и пропаганды, вообще,—и, въ частности, отрицать значеніе печати.

Сознательно устраниться отъ выборовъ или отъ предвыборной агитаціи можетъ лишь тотъ, кто, во что бы то ни стало, желаетъ *ухудшенія* думы.

Мы полагаемъ, что *ни съ какой точки зрѣнія* такое ухудшеніе не желательно.

Отдать думу безъ борьбы реакціоннымъ элементамъ, предоставить имъ возможность съорганизоваться и выступить въ думѣ реальною силой, значило-бы оказать плохую услугу дѣлу политическаго освобожденія Россіи.

Бюрократія безсильна до тѣхъ поръ, пока она одинока, пока она оторвана отъ общества. Дать ей возможность опереться на *организованную* общественную силу, хотя бы и реакціонную,—значитъ, по меньшей мѣрѣ, надолго продлить агонію существующаго режима. Конечно, г.г. Шараповы и Нарышкины плохая ему поддержка; но Шарапово-Нарышкинская сотня—сила мало почтенная, но весьма реальная. До тѣхъ поръ, пока освободительное движеніе направлено противъ бюрократіи, чужой и враждебной ему силы,—оно побѣждаетъ. Побѣдитъ-ли оно—и скоро-ли, и легко-ли побѣдитъ—въ

междуусобной борьбѣ,—въ борьбѣ однихъ общественныхъ элементовъ съ другими?

Есть, однако, и другая сторона вопроса. Не слѣдуетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, признать, что въ интересахъ *интенсивности* освободительнаго движенія реакціонная дума предпочтительнѣе либеральной?

По мнѣнію многихъ, опасность заключается въ томъ, что «умѣренные либералы» *удовольствуются* «порядочной» думой. В. А. Мякотинъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что, разъ попавъ въ думу и почувствовавъ свою слабость въ ней при разрывѣ съ другими группами, «освободительные элементы» (въ кавычкахъ) разбредутся по лѣстницѣ компромиссовъ, и въ то время, какъ одни будутъ думать о разрушеніи іерихонскихъ стѣнъ, другіе займутся ихъ укрѣпленіемъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ.

Da liegt der Hund begraben.—

Недовѣріе къ либерализму,—таково то чувство, которымъ продиктована тактика «бойкота».

Не станемъ возражать, по существу; допустимъ, что довѣрять либерализму нельзя. И все таки позволительно спросить: къ кому обращается проповѣдь «самоустраненія» отъ выборовъ? Къ крайнимъ партіямъ, — къ партіямъ двухъ буквъ? Но, вѣдь, имъ то зачѣмъ устраняться отъ выборовъ? Или, быть можетъ, къ либеральной партіи,—той самой, которая въ думѣ «займется укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ»? Увы, проповѣдь самоустраненія, обращенная къ *такой* партіи, не имѣетъ надежды на успѣхъ. Говоря словами В. А. Мякотина, «нѣсколько странно» призывать къ объединенію на почвѣ отрицательнаго отношенія къ выборамъ тѣ, именно, группы населенія, которыя ждутъ не дождутся, какъ бы, попавъ въ думу, заняться укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ.

Или, быть можетъ, не въ проповѣди дѣло? Или, быть можетъ, сторонники «бойкота» серьезно надѣются на обструкцію, расчитываютъ насильственно не пустить «ли-

берала» въ думу? Что-же, прекрасное средство «нарадикалить либерализмъ»!...

Мы думаемъ, что боязнь либерализма, по меньшей мѣрѣ, преждевременна. И въ думѣ у либеральной партіи будетъ еще много дѣла, общаго съ тѣми, кто останется за ея порогомъ. Надо только, чтобы дѣло это было сдѣлано; а для этого, прежде всего, необходимо отказаться отъ несчастной идеи «бойкота».

Призывая общество къ дѣятельному участію въ предвыборной агитаціи и въ выборахъ, мы имѣемъ въ виду, прежде всего, огромное значеніе предвыборнаго и послѣдующаго за нимъ періода въ дѣлѣ *организаціи* общественныхъ силъ. Образованіе сплоченныхъ политическихъ партій, съ опредѣленной, не только теоретической, но и тактической программой, возможно единственно на почвѣ *практической* дѣятельности, направленной къ рѣшенію ближайшихъ политическихъ задачъ. Въ частности, мы глубоко убѣждены въ томъ, что уже въ настоящее время предвыборная агитація повлечетъ за собою возникновеніе новой конституціонно-демократической партіи, — партіи, которая сыграетъ на выборахъ не маловажную роль.

Съ другой стороны, мы нисколько не сомнѣваемся въ огромномъ вліяніи предвыборной агитаціи, какъ на составъ будущей думы, такъ и на характеръ и направленіе ея дѣятельности. Стремленіе бюрократіи создать «благонадежную» думу только въ томъ случаѣ можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если оно будетъ поддержано радикальными теченіями самого общества.

Каковъ бы ни былъ составъ будущей думы,—а будетъ онъ, вѣроятно, преимущественно земскимъ,—обществу легче будетъ вліять на нее, чѣмъ на бюрократію. Для этого необходимо, конечно, отказаться отъ идеи «бойкота»; необходимо предъявить къ Думѣ опредѣленныя требованія,—и на этихъ требованіяхъ стоять.

Созданная учрежденіемъ 6 августа, государственная Дума не долговѣчна. Политическая реформа еще не осуществлена; содѣйствіе осуществленію этой реформы —

такова единственная историческая задача государственной думы. И какъ только задача эта будетъ ею разрѣшена, она уступитъ,—должна будетъ уступить свое мѣсто народному представительству, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Мы—противъ «бойкота»; ибо мы твердо убѣждены въ томъ, что путь къ конституціонно-демократической реформѣ ведетъ черезъ государственную думу.

XVIII.

Новый порядокъ.

(*Октябрь, 1905 г.*).

Манифестъ 17-го октября—не даръ самодержавія, а завоеваніе «смуты»—той «неслыханной смуты», которая бурной и стремительной волною заливаетъ Россію. Цѣною безмѣрныхъ страданій, цѣною крови и слезъ купленъ этотъ манифестъ,—этотъ торжественный актъ самоотреченія самодержавной власти.

Русское общество завоевало политическую свободу. Идея народоправства становится непобѣдимой съ того момента, какъ она проникаетъ въ сознаніе широкихъ, народныхъ массъ. Долгой и самоотверженной работой русская интеллигенція поддерживала огонь въ историческомъ горнѣ,—тотъ огонь, на которомъ медленно плавились цѣпи политическаго рабства; нынѣ изъ расплавленной массы мощная рука народа куетъ, не уставая, желѣзную корону политической свободы. Никакія ухищренія и колебанія власти не въ состояніи остановить могучій напоръ демократическихъ идей. Эти идеи либо уничтожатъ традиціонныя формы политическаго строя, либо раздвинутъ и приспособятъ ихъ къ измѣнившимся условіямъ соціальной жизни. Все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ старый порядокъ съумѣетъ *во время* и *въ порядкѣ* отступить.

Обсуждая манифестъ 17 октября, нѣтъ нужды и нѣтъ смысла спорить объ *искренности* или *неискренности* уступокъ, о тайныхъ намѣреніяхъ и ковахъ бюрократіи.

Даръ можетъ быть неискреннимъ; и тогда при первомъ удобномъ случаѣ онъ будетъ взятъ обратно. Своей добычи, купленной дорогою цѣной, народъ никогда не отдастъ, и бюрократія не попытается ее взять, – не потому, что она искренняя, а потому, что она безсильна, не потому, что она не хочетъ, а потому, что она не можетъ вернуться вспять.

Не въ бюрократіи дѣло! Надо вѣрить въ свою правоту и въ свою силу; и превыше всего надо заботиться о томъ, чтобы не свернуть съ праваго пути и не растратить силъ, накопленныхъ въ долгой и тяжелой борьбѣ.

Одна бюрократія не страшна. Въ настоящее время освободительному движенію грозитъ иная опасность, и эта опасность въ общественной реакціи, въ реакціи со стороны тѣхъ общественныхъ элементовъ, тѣхъ «черныхъ тысячъ», которые донынѣ пребываютъ во власти тьмы.

Для борьбы съ этой опасностью необходимо сплотиться—и сплотиться какъ можно тѣснѣе всѣмъ живымъ и сознательнымъ силамъ общественнаго движенія. Соціалистическія партіи, рабочая и крестьянская, совершатъ великій грѣхъ предъ исторіей, если ошибками своей революціонной тактики, своимъ враждебнымъ недовѣріемъ они оттолкнутъ отъ себя демократическую интеллигенцію. И еще большій грѣхъ совершитъ интеллигенція, если, изъ-за тактическихъ разногласій, или даже изъ-за разногласій программныхъ, она отколется отъ соціалистическихъ партій и тѣмъ самымъ предастъ ихъ общему врагу.

Бываютъ на войнѣ случаи, когда во мракѣ ночи или въ дыму сраженія свои не узнаютъ и разстрѣливаютъ своихъ-же. Да минетъ насъ эта опасность! Въ настоящій рѣшительный моментъ политической борьбы она могла-бы оказаться роковой для великаго дѣла освобожденія Россіи.

Манифестъ 17-го октября—завоеваніе «смуты». Но не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями: время мира и даже перемирія—еще не приспѣло; больше того—какъ разъ теперь, послѣ частичной побѣды, борьба должна вестись съ удвоенной силой. И кто знаетъ? Быть можетъ, именно теперь придется вести ее на два фронта,—противъ самодержавнаго режима и противъ силъ, стихійныхъ и слѣпыхъ, общественной реакціи. Пусть каждая политическая партія пересмотритъ поэтому свою тактику борьбы; и пусть она считается при этомъ пересмотрѣ не только со вчерашнимъ, но и съ завтрашнимъ врагомъ,—не только съ хищниками, которые гнѣздятся на горѣ, но съ и гадами, которыя пресмыкаются въ долинѣ.

Что далъ Россіи манифестъ 17-го октября? И очень много, и ничего. Много—потому, что имъ торжественно признанъ великій принципъ гражданской и политической свободы. Ничего—потому, что этотъ принципъ пока не осуществленъ и не могъ быть осуществленъ манифестомъ.

17-го октября подданный самодержавнаго государя объявляется гражданиномъ свободной страны. За нимъ признается право на неприкосновенность личности, на свободу совѣсти, печати, собраній и союзовъ. Признаніемъ гражданской свободы безповоротно осуждается вся совокупность учрежденій и порядковъ самодержавнаго режима, построеннаго на безусловномъ отрицаніи основныхъ и неотъемлемыхъ правъ гражданина и человѣка. Со времени изданія манифеста 17 октября, такіе институты, какъ усиленная и чрезвычайная охрана, военное положеніе, военные суды и цензура печати, становятся въ неразрѣшимое противорѣчіе съ коренными основами обновленнаго строя. Они теряютъ подъ ногами юридическую почву; они должны быть отмѣнены,—и отмѣнены сейчасъ; ибо до тѣхъ поръ, пока они существуютъ, слова манифеста остаются словами. Общество требуетъ дѣлъ, а не словъ; и то, чего требуетъ общество, манифестъ ему не дастъ.

Съ началомъ гражданской свободы манифестъ тѣсно

и неразрывно связываетъ начало свободы политической. Онъ вводитъ Россію въ семью конституціонныхъ государствъ. Онъ вручаетъ народному представительству законодательную власть. Государственная Дума перестаетъ быть *думой*; императоръ всероссійскій—перестаетъ быть самодержцемъ.

Титулъ манифеста остается прежнимъ, но, подписавъ манифестъ, императоръ, тѣмъ самымъ, отрекся отъ титула самодержца. И если бы, тѣмъ не менѣе, этотъ титулъ, какъ украшающій эпитетъ, удержался и въ будущемъ законодательствѣ, онъ оказался бы въ такой же мѣрѣ безсодержательнымъ и въ такой же мѣрѣ безвреднымъ, въ какой безсодержательно и безвредно наименованіе въ титулѣ русскаго государя «наслѣдникомъ норвежскимъ».

Съ 17-го октября Россія теоретически является конституціонной монархіей. Трагизмъ положенія заключается въ томъ, что, до созыва народнаго представительства, фактически она остается монархіей абсолютной. Мучительное противорѣчіе между фактомъ и правомъ, характеризующее переходный періодъ, могло бы быть, хоть отчасти, смягчено разумной и цѣлесообразной политикой правительства. Правительство должно считаться съ неорганизованной волей народа, подчиниться общественному мнѣнію страны до тѣхъ поръ, пока оно не получитъ возможности сообразовать свои дѣйствія съ организованной волей народнаго представительства.

Общественное мнѣніе властно и настойчиво требуетъ амнистіи, безусловной и полной амнистіи; оно требуетъ свободы для своихъ возвеличенныхъ страданіемъ героевъ. Если правительство обязано этимъ героямъ своимъ пораженіемъ, то народъ имъ обязанъ своей свободой. Онъ знаетъ, что, если бы на землѣ русской не было людей, способныхъ на самопожертвованіе, умѣющихъ ненавидѣть и любить, Россія и теперь еще влачила бы позорныя цѣпи политическаго рабства. Какъ отвѣчаетъ на требованіе амнистіи правительство? Оно отвѣчаетъ малодушнымъ торгомъ. Оно взвѣшиваетъ вину своихъ жертвъ на

фальшивыхъ вѣсахъ кабинетскаго правосудія. Оно сводитъ со своими врагами старые счеты: кого хочетъ милуетъ, кого хочетъ продолжаетъ казнить.

Общество требуетъ отмѣны чрезвычайныхъ положеній, обузданія войскъ и полиціи, отставки временщиковъ и насильниковъ. Правительство отвѣчаетъ нагайками и штыками, кавалерійскими аттаками и ружейнымъ огнемъ. Россія — конституціонное государство, но до сихъ поръ надъ Россіей хозяйничаетъ грубая рука вооруженнаго безграничною властью временщика. Личность русскаго гражданина неприкосновенна, но жизнь и честь его во власти казацкаго неистовства.

Въ обстановкѣ настоящей дѣйствительности не звучатъ ли ироніей торжественныя слова манифеста? И надо ли удивляться тому, что общество этимъ словамъ такъ мало вѣритъ?!..

Только *величайшая поспѣшность* правительства можетъ спасти Россію отъ ужасовъ революціоннаго хаоса. Каждый день промедленія заливаетъ Россію потоками крови и потоками слезъ. Въ морѣ этой крови и слезъ утонетъ реформа, и надъ бурными волнами его возстанетъ духъ разрушенія и мести.

XIX.

Министерство гр. Витте.

(*Декабрь, 1905 г.*).

Умирающій режимъ одинаково безсиленъ и въ своихъ попыткахъ реакціи, и въ своихъ попыткахъ реформы. Мы пережили банкротство системы Плеве; мы переживаемъ банкротство системы Витте. И та, и другая системы сослужили революціи хорошую службу; онѣ довершили дезорганизацію «обреченнаго» режима, приблизили часъ неминуемой и роковой расплаты...

«Связать цѣпь временъ» — такова была задача

«министерства 17-го октября», — министерства Витте. Гр. Витте хотѣлъ быть звеномъ, соединяющимъ старый порядокъ съ новымъ, послѣднимъ звеномъ стараго и первымъ—новаго порядка.

Но «цѣпь временъ» ему связать не удалось. У стараго порядка не хватило тѣхъ жизненныхъ силъ, которыя необходимы для того, чтобы «извнутри» органическимъ процессомъ пересоздать Россію. Русское самодержавіе окаменѣло въ своей неподвижности. Оно живетъ воспоминаніями; оно не видитъ и не въ состояніи понять великаго значенія событій, текущихъ съ неудержимой и стихійной быстротой,—великаго значенія исторической драмы, переживаемой революціонной Россіей. Оно ничему не научилось и ничего не съумѣло забыть.

Прошло шесть недѣль со дня 17-го октября, и за это время революція,—не «крайнія партіи», а именно, безличная и безпартійная народная революція—сдѣлала огромные успѣхи. Она завоевала свободу слова,—и даже больше того, свободу революціонной пропаганды. Она завоевала свободу собраній; она покрыла Россію сѣтью союзовъ, готовыхъ въ нужную минуту выступить въ активную борьбу съ надвигающейся реакціей. Она проникла невидимо и неслышно въ военную среду, подняла военный бунтъ, развернула надъ Россіей красное знамя кронштадтскихъ и севастопольскихъ пожаровъ. Набатнымъ колоколомъ она разбудила деревню, голодную и одичавшую деревню, требующую земли и воли. Она внесла дезорганизацію въ хозяйственную жизнь Россіи, остановила денежное обращеніе, нанесла промышленности тяжелый ударъ. Она грозитъ Россіи неминуемымъ банкротствомъ.

Политическія партіи грѣшили и ошибались; но пока однѣ изъ нихъ вводили «революціоннымъ путемъ» восьмичасовой рабочій день, или устраивали невозможныя въ настоящихъ условіяхъ частичныя политическія забастовки, а другія вступали «всерьезъ» въ переговоры съ прави-

тельствомъ Витте,—революція послѣдовательно и неуклонно вершила свое великое разрушительное дѣло.

Прошло шесть недѣль со дня 17-го октября,—и что сдѣлало за это время правительство Витте?

Оно выступило на историческую сцену съ опредѣленной конституціонной программой. Оно сознавало, что причина великой и неслыханной смуты—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Оно сознавало, что Россія переросла существующій строй, что она стремится къ правовому,—т. е. конституціонному строю на основѣ гражданской свободы.

Вступая на конституціонный путь, правительство гр. Витте отказалось тѣмъ самымъ отъ традиціонныхъ пріемовъ борьбы съ революціей. Его задача заключалась въ томъ, чтобы путемъ осуществленія реформы упразднить революцію, сдѣлать ее ненужной.

Правительство 17-го октября было создано смутой; въ борьбѣ съ реакціонными тенденціями умирающаго самодержавія оно должно было опереться на смуту. Оно должно было наполнить свой парусъ дыханіемъ революціонной бури; оно должно было поплыть по теченію, указываемому революціоннымъ потокомъ.

Но созданное смутой, правительство гр. Витте испугалось смуты. Связанное по рукамъ и ногамъ традиціями бюрократическаго холопства, правительство гр. Витте, взывая о довѣріи къ обществу, не съумѣло довѣриться ему. Цѣпляясь за отжившія формы, лишенное творческой энергіи, оно растерялось въ критическій моментъ и въ безсиліи опустило руки предъ надвигающейся грозой. Великое дѣло преобразованія оказалось не по плечу портсмутскому дипломату.

Графъ Витте предпочелъ, оставаясь «дома», переждать бурю. Сначала успокоеніе, а потомъ реформы; пока не наступитъ успокоенія, «наилучшія намѣренія» правительства не могутъ быть осуществлены. Граждан-

ская свобода, дарованная въ принципѣ, житейскаго примѣненія не получитъ.

«Сначала успокоеніе, а потомъ реформы»,—принципъ политики Плеве становится принципомъ политики Витте, и съ этого момента судьба «конституціоннаго министерства» безповоротно рѣшена.

Въ революціонныя эпохи правительству неизбѣжно приходится рѣшать роковую дилемму: либо уступить революціи, либо революцію побѣдить. Правительство гр. Витте не съумѣло уступить революціи, оно не съумѣетъ ее побѣдить.

Въ теченіе шестинедѣльнаго ожиданія, «пока утихнетъ буря»,—буря растетъ и крѣпнетъ. Въ наивномъ самомнѣніи, правительство пытается «заворожить» ее несвязнымъ и жалкимъ лепетомъ правительственныхъ сообщеній, «Революціоннымъ манифестаціямъ», оно противопоставляетъ «манифестаціи патріотическія». У русскаго самодержавія оказывается еще достаточно вѣрноподданныхъ слугъ,—и черносотенные погромы заливаютъ кровью русскую землю.

Но погромы не помогаютъ; не помогаетъ военное положеніе и усиленная охрана. Не помогаетъ привычная игра на низменныхъ инстинктахъ національнаго шовинизма. Военное положеніе, введенное въ Царствѣ Польскомъ, въ прогрессивныхъ слояхъ русскаго общества встрѣчаетъ рѣшительный и энергичный отпоръ. Прозрачные намеки на еврейское происхожденіе смуты никого не убѣждаютъ. Запутавшись въ собственныхъ инсинуаціяхъ, правительство падаетъ ниже и ниже, а смута растетъ, заливаетъ страну революціоннымъ пожаромъ.

Остается послѣднее средство,—привычное средство самодержавнаго режима. Плеве умеръ, но живъ Дурново; начинается игра въ реакцію,—маленькую и беззубую реакцію. Правительство гр. Витте осуществляетъ посвоему возвѣщенныя манифестомъ 17-го октября свободы. Гарантируя свободу печати, оно переодѣваетъ цензурныхъ чиновниковъ въ мундиры министерства юстиціи. Охраняя

свободу собраній и союзовъ, оно разгоняетъ вооруженною силою собранія и отказываетъ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, въ правѣ союзовъ. Осуществляя «дѣйствительную неприкосновенность личности», оно пользуется попрежнему положеніемъ объ усиленной охранѣ для произвольныхъ арестовъ и административной высылки...

На этомъ обрывается историческая миссія «министерства 17-го октября»; оно сыграло свою историческую роль. Оно нанесло самодержавію непоправимый ударъ; оно доказало невозможность бюрократическаго осуществленія конституціонной реформы.

Россіи нужны иные люди; Россію спасутъ иныя силы.

Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan—
Der Mohr kann gehen!...

XX.

Московскія дни.

(*Декабрь, 1905 г.*).

Теперь забастовка невозможна,—таково было общее мнѣніе еще наканунѣ объявленія второй всероссійской политической забастовки.

Теперь забастовка невозможна,—такъ рѣшило правительство и поспѣшило расправиться съ врагомъ. Долго не подававшее признаковъ жизни, оно воспрянуло сразу, какъ только ему почудилось, что общество устало, и что наступилъ, наконецъ, давно желанный чередъ «административныхъ мѣропріятій». Медленно, черепашьими шагами, спотыкаясь и падая, плелось оно, какъ заморенная кляча по непроторенной дорогѣ реформъ; рѣзво пустилось оно вскачь по давно знакомой, давно проторенной дорогѣ репрессій. Снова усердно заработала, завертѣлась и застучала отвратительная жандармская молотил-

ка. Стало весело и людно въ охранномъ отдѣленіи. Гражданская свобода,—свобода слова и собраній—уступила мѣсто жандармской свободѣ,—свободѣ обысковъ и арестовъ.

Да, забастовка была невозможной: рабочіе слишкомъ изголодались, страна слишкомъ устала. И эта невозможность забастовки доказана неопровержимо не только и не столько даже опытомъ Петербурга, сколько опытомъ Москвы. Невозможная, но вынужденная, забастовка либо не удается вовсе, либо неизбѣжно превращается изъ мирнаго средства политическаго протеста въ кровавую вспышку вооруженнаго мятежа.

Мы читаемъ военныя реляціи о московской битвѣ,—о стрѣльбѣ изъ орудій по дому Фидлера, о стрѣльбѣ шрапнелью на Тверскомъ бульварѣ и на Садовой, о ружейныхъ залпахъ у старыхъ Тріумфальныхъ воротъ...

Совершается кровавое дѣло. На кого падетъ пролитая кровь? Кто виноватъ? Конечно, мы знаемъ напередъ, какъ на эти вопросы отвѣтитъ правительство

— Виноваты революціонныя партіи, виновата революціонная печать. Министерство 17-го октября защищаетъ реформу отъ посягательствъ революціи. Оно должно побѣдить революцію для того, чтобы осуществить реформу. Правительство хотѣло дѣйствовать «нравственными мѣрами»; вынужденное нападеніемъ, оно прибѣгло къ самозащитѣ.

И этотъ отвѣтъ будетъ поддержанъ «благоразумною» частью русскаго общества,—искренно-русскими людьми, партіей правового порядка, союзомъ 17-го октября.

И, конечно, этотъ отвѣтъ будетъ новою ложью, новымъ издѣвательствомъ надъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи.

Надо осуществить реформу для того, чтобы имѣть право ее защищать. Гдѣ та конституція, которую защищаетъ правительство гранатами и шрапнелью?

Вотъ уже два мѣсяца, какъ страна, истерзанная международной войной, измученная судорогами смуты, ждетъ не дождется исполненія обѣщаній 17-го октября. Что

сдѣлано за это время правительствомъ? Оно испытывало терпѣніе народа; оно толкало страну на путь революціонной борьбы. И теперь оно беретъ на себя защиту реформы,—той самой реформы, которой оно не захотѣло и не съумѣло осуществить.

Намъ скажутъ: правительство не можетъ осуществить неосуществимыя требованія революціонныхъ партій. Оно не можетъ очистить свое мѣсто для «временнаго правительства», для политической диктатуры пролетаріата. Оно не можетъ декретировать восьмичасовый рабочій день, отдать всю землю крестьянамъ, ввести выборное начало въ организацію военныхъ силъ.

Пусть такъ; пусть требованія революціи утопичны. Но развѣ правительство осуществило,—развѣ оно пыталось осуществить возможную и необходимую, осуществимую часть этихъ требованій?

Развѣ оно попыталось въ борьбѣ съ революціей опереться на прогрессивную и демократическую часть русскаго общества,—на ту часть, которая стоитъ на почвѣ реальной политики и требуетъ немедленнаго осуществленія, конституціонной и демократической реформы?

Оно предпочло опереться на темныя силы общественной реакціи,—на тѣ самыя силы, которыя были усердной, но —увы!—ненадежной опорой умирающаго абсолютизма.

Намъ скажутъ: правительство не можетъ угнаться за революціей; реформа слишкомъ сложна, а общество, обезумѣвъ отъ революціоннаго угара, не хочетъ успокоиться и ждать.

Мы отвѣтимъ небольшой исторической справкой.

18-го марта 1848 г. въ Берлинѣ вспыхнула революція,—дѣтски-невинная по сравненію съ нашей, россійской революціей.

Ровно черезъ двѣ недѣли (2-го апрѣля) соединенному ландтагу предложенъ былъ правительствомъ проектъ избирательнаго закона, на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, для выборовъ въ прусское націо-

нальное (учредительное) собраніе, созываемое съ спеціальною цѣлью созданія конституціоннаго закона.

Не забудемъ, что дѣло происходило въ 1848 г., — двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ французское революціонное правительство впервые въ новѣйшей исторіи осуществило начало всеобщаго избирательнаго права.

Мы вступаемъ на путь конституціонной реформы въ XX вѣкѣ; мы богаты опытомъ другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути политическаго прогресса. И въ такое время, когда каждая минута промедленія является государственнымъ преступленіемъ, послѣ долгихъ колебаній публикуется залежавшійся въ канцеляріи варіантъ стараго положенія 6-го августа, уже отвергнутаго всѣми слоями общества.

Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что, если бы четыре недѣли тому назадъ правительствомъ изданъ былъ избирательный законъ, на основѣ всеобщаго избирательнаго права, о выборахъ въ учредительное собраніе, — ему не пришлось бы теперь прибѣгать къ вооруженной самозащитѣ?

Нѣтъ, шрапнелью и гранатами правительство защищаетъ отжившій строй, а не новый порядокъ; оно защищаетъ самодержавіе, а не реформу. Развѣ генералъ-губернаторъ Дубасовъ не пообѣщалъ «неприкосновенность самодержавія» истинно-русскимъ людямъ? И развѣ такое обѣщаніе не является откровенной и прямой провокаціей къ вооруженному мятежу?

Дорого, — слишкомъ дорого — обходится странѣ «игра въ реакцію» гг. Витте и Дурново. Сначала почтово-телеграфная, затѣмъ всеобщая политическая забастовка внесли длительную и глубокую дезорганизацію въ хозяйственную жизнь страны. Теперь вооруженное возстаніе въ Москвѣ безвременно уноситъ въ могилу сотни и сотни человѣческихъ жертвъ.

Конечно, обѣщая реформу и осуществляя реакцію, правительство графа Витте не считалось съ возможностью политической забастовки и, тѣмъ менѣе, съ возможностью вооруженнаго возстанія.

Правительство ошиблось; но развѣ оно знаетъ какими неожиданностями,—быть можетъ, еще болѣе ужасными,—чревато ближайшее будущее.

Неужели и теперь, послѣ ужасныхъ московскихъ событій, онъ будетъ попрежнему взывать о довѣріи къ обществу, попрежнему изворачиваться и лгать, попрежнему испытывать терпѣніе народа?!

XXI.

Еще о бойкотѣ.

(*Декабрь, 1905 г.*).

Надо-ли принимать участіе въ выборахъ?

Надо-ли идти въ Государственную Думу?

Сдѣлаемъ надъ собой усиліе, постараемся хоть на минуту отрѣшиться отъ той революціонной идеологіи, которая имѣетъ надъ каждымъ изъ насъ такую огромную, хотя и не всегда сознаваемую нами, власть.

Нѣтъ необходимости доказывать, что отъ того или иного рѣшенія поставленнаго нами вопроса въ значительной степени зависитъ политическая будущность Россіи. Постараемся отвѣтить на него обдуманно и спокойно,—отвѣтить, считаясь съ конкретными условіями настоящаго момента. Въ калейдоскопѣ событій развертывающейся предъ нами революціонной драмы отдаленныхъ возможностей предвидѣть нельзя. Примемъ за доказанное два положенія.

Ближайшая задача переживаемаго Россіей историческаго момента заключается въ созданіи демократическаго народнаго представительства,—представительства на основѣ всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосовъ.

Осуществленіе этой задачи,—или, точнѣе, окончательное установленіе конституціоннаго и демократическаго строя на основахъ писанной конституціи должно быть дѣломъ учредительнаго собранія, т. е., другими словами,

опять-таки дѣломъ демократическаго народнаго представительства, созваннаго на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права.

Получается, какъ будто, заколдованный кругъ: народное представительство (такъ наз., учредительное собраніе) должно быть создано для того, чтобъ имъ было создано народное представительство.

Остается открытымъ вопросъ, кто же созоветъ, и какимъ образомъ будетъ созвано первоначальное или первое демократическое народное представительство, такъ называемое, учредительное собраніе?

Возможенъ троякій отвѣтъ.

Народное представительство, въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. представительство всего народа, а не избирательныхъ «курій», должно быть созвано правительствомъ. Необходимо продолжать осаду бюрократической крѣпости; необходимо отвергнуть избирательный законъ 11-го декабря, какъ въ свое время отвергнутъ былъ законъ 6-го августа; бойкотируя Думу, необходимо вырвать у правительства новую уступку, законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Если первый бойкотъ увѣнчался успѣхомъ, почему бы не увѣнчаться успѣхомъ второму? Разсужденіе, повидимому, логичное; не такъ-ли въ свое время разсуждала рабочая соціалъ-демократическая партія: если первая забастовка удалась, почему не удастся вторая и третья?

Возможенъ и другой отвѣтъ. Учредительное собраніе должно быть созвано временнымъ правительствомъ.—Не тѣмъ «винегретнымъ» правительствомъ, о которомъ мечтаютъ Маниловы изъ «Молвы», а настоящимъ временнымъ правительствомъ, которое предполагаютъ создать революціонныя партіи. Революція смоетъ девятымъ валомъ, вооруженнымъ возстаніемъ, существующій режимъ; временное правительство «ликвидируетъ революцію». Оно осуществитъ «революціоннымъ путемъ» необходимыя, не терпящія отлагательства соціальныя реформы, безъ которыхъ невозможно успокоеніе страны; оно сведетъ свои

старые счеты съ побѣжденнымъ режимомъ; оно дастъ демократическій избирательный законъ, созоветъ учредительное собраніе и вручитъ ему дальнѣйшія судьбы Россіи.

И, наконецъ, возможенъ еще одинъ, третій, отвѣтъ. Демократическое народное представительство,—представительство на основѣ всеобщаго избирательнаго права—должно быть создано Государственной Думою,—тою Думою, которая будетъ избрана по закону 11-го декабря. Эта Дума не будетъ учредительнымъ собраніемъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова: тѣ конституціонные законы (законъ о свободахъ, избирательный законъ и т. д.), которые она издастъ, будутъ пересмотрѣны и окончательно установлены впослѣдствіи, первымъ народнымъ представительствомъ демократической и конституціонной Россіи.

Съ другой стороны, она не ограничится осуществленіемъ учредительныхъ функцій.

Это будетъ—власть, конкуррирующая съ властью,—и потому на ея обязанности будетъ—выполненіе очередныхъ задачъ власти.

Вся разнообразная и сложная работа по ликвидаціи самодержавнаго режима, которую революціонныя партіи возлагаютъ на временное правительство, должна быть осуществлена Государственной Думой. Ею же должны быть осуществлены тѣ неотложныя реформы, безъ которыхъ невозможно умиротвореніе страны. Государственная Дума соберетъ разсыпанную храмину земли русской; будущее народное представительство эту храмину устроитъ.

Рѣшая вопросъ, участвовать-ли въ выборахъ, идти-ли въ Государственную Думу, необходимо, прежде всего, произвести осторожную и вдумчивую оцѣнку тѣхъ трехъ «теоретическихъ возможностей», о которыхъ идетъ у насъ рѣчь.

Какая изъ этихъ «теоретическихъ возможностей» практически осуществима?

Что касается, прежде всего, правительства, то о немъ, кажется, двухъ мнѣній не существуетъ. Прави-

тельство - и не только правительство Витте, а и всякое другое правительство de facto самодержавнаго режима— настоящаго народнаго представительства не создасть. Оно страдаетъ хронической и неизлѣчимой законодательной импотенціей. Законъ 11-го декабря—послѣднее слово бюрократической мудрости; на этомъ словѣ обрывается лебединая пѣсня умирающаго режима. Бываютъ, говорятъ, случаи, когда гора рождаетъ мышь; но никто не знаетъ случаевъ, когда-бы мышь родила гору.

Далѣе. Можно-ли разсчитывать на практическую осуществимость того временнаго правительства, о которомъ еще и теперь—въ кровавомъ угарѣ подавленнаго возстанія—продолжаютъ мечтать революціонныя партіи?

Скажемъ прямо: нѣтъ нельзя,—и не потому нельзя, что вооруженное возстаніе невозможно: Москва доказала обратное; и даже не потому, что такое возстаніе роковымъ образомъ будетъ подавлено вооруженной силой: кто можетъ предсказывать будущее?

Нельзя разсчитывать на временное правительство потому, что ни при какихъ условіяхъ—и даже въ случаѣ успѣшнаго возстанія—оно не будетъ достаточно прочнымъ и авторитетнымъ для того, чтобы «собрать разсыпанную храмину» русской земли. Его смоетъ контръ-революціонная волна, подымающаяся изъ общественныхъ глубинъ.

Русская революція длится не мѣсяцы, а годы; за это время она успѣла опредѣленно и рѣзко намѣтить свой путь; и надо сказать прямо, что этотъ путь ни къ вооруженному возстанію, ни къ временному правительству не ведетъ. Не станемъ закрывать глаза предъ дѣйствительностью. И либеральная интеллигенція, и крестьянство, и пролетаріатъ—революціонны, но революціонная кооперація этихъ трехъ элементовъ подъ флагомъ вооруженнаго возстанія не возможна. Не будемъ разбирать, кто правъ и кто виноватъ: фактъ остается фактомъ. Но въ такомъ случаѣ, изъ какихъ элементовъ могло бы возникнуть пресловутое временное правительство революціонныхъ партій? Чѣмъ могло бы оно быть? Диктату-

рой пролетаріата? Но о диктатурѣ пролетаріата въ современной Россіи говорить не приходится...

И, наконецъ, время не ждетъ. Нуженъ выходъ сейчасъ. Настоящая анархія,—не только и не столько политическая, сколько хозяйственная анархія, длиться не можетъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и общественная, а не правительственная Россія рухнетъ, поколебленная въ своихъ глубочайшихъ основахъ. Погибнетъ-ли монархія подъ развалинами экономическаго краха,—мы не знаемъ; но мы знаемъ, что, прежде всего, подъ ними погибнетъ промышленный пролетаріатъ.

Остается Государственная Дума.

Конечно, цензовая Государственная Дума не есть народное представительство, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такое представительство надо еще создать; его создастъ Государственная Дума.

Она создастъ его, если активныя общественныя силы того захотятъ. Пусть общество приметъ участіе въ предвыборной борьбѣ; пусть сплотится оно въ мощныя политическія партіи; пусть создастъ оно вокругъ Государственной Думы ту силу общественнаго мнѣнія, предъ которой представительному учрежденію не устоять.

Пусть общество съумѣетъ захотѣть. Государственная Дума исполнитъ его волю.

XXII.

Нейдгардтъ оправданъ!

(Мартъ, 1906 г.).

„Рѣшать приходилось трудную задачу, но ее рѣшилъ русскій народъ, собравшійся для патріотическихъ манифестацій". (Слова Нейдгардта, изъ показанія, даннаго сенатору Кузьминскому).

21 октября, когда одесскій погромъ уже начиналъ стихать, когда многія сотни людей—женщинъ, стариковъ

и дѣтей —уже стали жертвами неслыханныхъ, неподдающихся описанію звѣрствъ, въ домѣ градоначальника былъ собранъ военный совѣтъ. Командующій войсками ген. Каульбарсъ, въ присутствіи градоначальника, адъютантовъ и нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ, обратился къ приставамъ съ рѣчью такого приблизительно содержанія:

«Въ настоящее время положеніе токово, что мы должны называть вещи ихъ собственными именами. *Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому.* Но мы, не должны переносить злобу, которую мы, можетъ быть, имѣемъ противъ евреевъ, въ нашу служебную дѣятельность... Между тѣмъ, до меня доходятъ свѣдѣнія, что чины полиціи не только не принимаютъ мѣръ къ прекращенію погромовъ и насилій, но и сами, переодѣваясь, принимаютъ въ нихъ участіе».

Въ это время по телефону пом. раввина Черновицъ сообщаетъ чиновнику особ. пор. Подольцеву, что, согласно указанію градоначальника, онъ объѣхалъ нѣсколько улицъ, и на углу Екатерининской и Еврейской ему пришлось видѣть своими глазами страшный погромъ, причемъ впередъ шли войска, очищая дорогу, а за ними громилы производили разгромъ. Войдя въ залу, Подольцевъ при всѣхъ доложилъ въ полголоса градоначальнику полученную телефонограмму, и затѣмъ, по его приказанію, сообщилъ о ней вслухъ командующему войсками, добавивъ, что предъ тѣмъ получена была телефонограмма начальника жандармскаго управленія о грабежѣ магазина на углу Екатерининской и Полицейской улицъ, при попустительствѣ и даже участіи войскъ. Выслушавъ докладъ, генералъ Кульбарсъ сказалъ: «Къ сожалѣнію, *слишкомъ рано* (!!?) пришло подтвержденіе того, о чемъ носились лишь слухи».

По порученію градоначальника, разговоръ съ Каульбарсомъ былъ записанъ Подольцевымъ въ дневникъ, который велся чиновниками во время безпорядковъ; благодаря этому, онъ сохранился для потомства.

Итакъ, люди, которымъ была ввѣрена жизнь полумил-

ліоннаго населенія Одессы, люди, поставленные на стражѣ общественной безопасности и порядка,—всѣ они «въ душѣ сочувствовали погрому». Они сочувствовали убійству стариковъ, доживающихъ свои послѣдніе дни; они сочувствовали убійству дѣтей, отрываемыхъ отъ матерей окровавленными руками убійцъ; они сочувствовали явному грабежу и безчеловѣчнымъ насиліямъ.

«Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами... Всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому»,—такъ говорилъ на третій день погромовъ командующій войсками ген. Каульбарсъ. Запомнимъ эти историческія слова; пусть они врѣжутся неизгладимыми чертами въ нашу память; пусть они останутся навѣки несмываемымъ пятномъ на памяти умирающаго режима...

А пока... пока градоначальникъ Нейдгардтъ оправданъ.

Въ одесскомъ погромѣ повинны убитые евреи. Они повинны кругомъ, и какъ жаль, что нельзя ихъ привлечь къ нелицепріятному и праведному суду: они амнистированы смертью.

«Мои дѣйствія должны быть освѣщаемы не съ точки зрѣнія конечнаго исхода событій, а по тѣмъ даннымъ и обстоятельствамъ, которыя въ совокупности представляли заданія (!?), ждавшія отъ власти въ моемъ лицѣ неотложнаго ихъ разрѣшенія». Такъ пишетъ градоначальникъ Нейдгардтъ въ своемъ объясненіи, представленномъ сен. Кузьминскому.

Произведенное сен. Кузьминскимъ разслѣдованіе усваиваетъ въ полной мѣрѣ систему, предлагаемую град. Нейдгардтомъ. Дѣятельность послѣдняго обсуждается не съ точки зрѣнія «конечнаго исхода событій», а съ точки зрѣнія «заданія (чьего заданія?), ждавшаго неотложнаго разрѣшенія отъ власти».

И, тѣмъ не менѣе, это слѣдствіе раскрываетъ великое множество фактовъ, свидѣтельствующихъ самымъ не-

опровержимымъ образомъ о дѣятельномъ участіи мѣстной полиціи и войскъ въ еврейскомъ погромѣ.

Въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи прапорщикъ Теплицкій, между прочимъ, говоритъ: «Приставъ Радишевскій, не стѣсняясь моего присутствія, и не допуская, повидимому, возможнаго несогласія моего съ нимъ по этому вопросу, открыто выразился такъ: «захотѣли они свободы,—вотъ мы ихъ уложимъ двѣ, три тысячи, тогда они будутъ знать, что такое свобода». Въ этихъ словахъ —вся философія одесскаго погрома.

На основаніи свидѣтельскихъ показаній, сен. Кузьминскій въ своемъ постановленіи рисуетъ такую картину октябрьскихъ дней: «Обстрѣливая, во время обходовъ патрулями по городу, окна и двери тѣхъ домовъ, изъ коихъ по указаніямъ городовыхъ, *нерѣдко невѣрнымъ и ложнымъ*, производились выстрѣлы, и разгоняя выстрѣлами появлявшіяся на улицахъ группы милиціи и обороны, войска и полиція не предпринимали *никакихъ рѣшительно* мѣръ по прекращенію разгрома еврейскихъ квартиръ и лавокъ, избіенія евреевъ и разграбленія ихъ имущества. Громилы, принадлежавшіе по преимуществу къ поддонкамъ общества, такъ называемые «хулиганы», нерѣдко совершали преступленія на глазахъ войскъ и полиціи, *иногда даже при ихъ участіи*, и не были задерживаемы, чему въ значительной мѣрѣ должна быть приписана черезвычайная продолжительность погрома... Околодочные надзиратели и городовые, кромѣ случайной посылки въ патрули, или пребывали безъ всякаго дѣла въ участкахъ, или же, какъ обнаружено разслѣдованіемъ, появлялись на мѣстахъ событій *нерѣдко переодѣтыми*, въ качествѣ *участниковъ погрома и грабежей*».

Такъ дѣйствовала одесская полиція, состоявшая подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ градоначальника.

Какъ дѣйствовалъ самъ градоначальникъ? Вотъ факты.

Зная, что на 19 октября назначены торжественныя

похороны лицъ, убитыхъ 16-го октября на баррикадахъ, Нейдгардтъ 18-го разрѣшилъ на тотъ же день патріотическую манифестацію. Тотъ фактъ, что манифистація была *разрѣшена* Нейдгардтомъ, категорически установленъ показаніемъ прокурора палаты Поллана. Послѣдній въ своемъ показаніи сообщаетъ, что извѣстіе о разрѣшеніи манифестаціи подѣйствовало на него непріятно, зародивъ въ немъ подозрѣніе, какъ бы не произошло столкновенія между патріотической и еврейской демонстраціей.

Разрѣшивъ патріотическую манифестацію, Нейдгардтъ того же 18-го октября отдалъ распоряженіе, чтобы на всемъ пространствѣ города городовые были сняты со всѣхъ наружныхъ постовъ; одновременно съ этимъ войсковыя части стянуты были съ улицъ въ помѣщенія полицейскихъ участковъ, и городъ былъ оставленъ безъ всякой наружной охраны.

Утромъ 19-го октября полицеймейстеръ фонъ-Гесбергъ телефонируетъ градоначальнику: «Уже поетъ манифестація»,—и градоначальникъ не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ предотвращенію надвигающагося столкновенія между революціонерами и патріотическою манифестаціею. По пути слѣдованія этой манифестаціи нѣтъ ни войсковыхъ частей, ни усиленныхъ полицейскихъ нарядовъ. Градоначальникъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ ни къ разсѣянію «скопищъ евреевъ и революціонеровъ», ни къ прекращенію, послѣ молебна, дальнѣйшаго шествія патріотической манифестаціи по улицамъ.

Отказавшись отъ какого бы то ни было участія въ прекращеніи погрома, Нейдгардтъ въ то же время не передаетъ своей власти военному начальству,—и въ частности, *ни разу* за всѣ три дня не обращается къ нему съ требованіемъ о дѣйствіи силой оружія противъ грабителей и убійцъ. И это тотъ самый Нейдгардтъ, который въ дни одесской революціи, 14—17 октября, обнаружилъ необыкновенную энергію и рѣшимость. По собственнымъ его словамъ, попытка открытаго сопротивленія властямъ, выразившаяся въ устройствѣ баррикадъ, была подавлена

16-го октября самымъ рѣшительнымъ образомъ *при содѣйствіи войскъ*, употребившихъ рѣшительныя мѣры, въ результатѣ которыхъ оказалось около 80 раненыхъ и 9 убитыхъ.

Почему же такія рѣшительныя мѣры не были употреблены въ дни одесскаго погрома, 19—22-го октября, когда на улицахъ города днемъ и ночью рѣкою лилась человѣческая кровь, когда пьяная и озвѣрѣвшая толпа безнаказанно грабила, насиловала и убивала беззащитныхъ людей?

Почему?

Сенаторъ Кузьминскій рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ обвиненіе въ провокаторской дѣятельности, взводимое общественнымъ мнѣніемъ на градоначальника Нейдгардта: по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы погромъ былъ «намѣренно созданъ» послѣднимъ. Напротивъ, патріотическая манифестація направлена была «въ подрывъ революціоннымъ демонстраціямъ евреевъ, сопровождавшимся наглымъ и дерзкимъ попираніемъ вѣрноподданическихъ и національныхъ чувствъ благонамѣренной части русскаго населенія».

По мнѣнію сен. Кузьминскаго, еврейскіе погромы, происходившіе повсемѣстно вслѣдъ за объявленіемъ манифеста 17 октября, возникали *исключительно* вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій революціонеровъ, въ значительнѣйшей мѣрѣ изъ евреевъ. И для доказательства этой истины, онъ описываетъ подробно революціонную «наглость и дерзость» евреевъ: и, описывая эту «наглость и дерзость», онъ, между прочимъ, повторяетъ, какъ фактъ, безграмотно-вздорное утвержденіе пристава Кисляковскаго, будто бы слышавшаго возгласы въ толпѣ: «Мы вамъ дали Бога, дадимъ и царя».

Евреи-революціонеры желаютъ дать Россіи еврейскаго царя: какъ же послѣ этого не бить и не грабить евреевъ.

Мы не станемъ, разумѣется, полемизировать съ мнѣніемъ сен. Кузьминскаго. Позволительно, однако, поста-

вить одинъ вопросъ: если, дѣйствительно, причиной погромовъ являются революціонныя демонстраціи евреевъ, сопровождающіяся «попираніемъ вѣрноподданническихъ и національныхъ чувствъ благонамѣренной части русскаго населенія»,—почему же въ погромныхъ манифестаціяхъ, по собственному признанію сен. Кузьминскаго, принимаютъ исключительное участіе громилы, или, такъ называемые, хулиганы, принадлежащіе по преимуществу къ общественнымъ поддонкамъ? Неужели «вѣрноподданническія и національныя чувства» достигаютъ апогея своей напряженности именно у этого общественнаго класса? И можно ли называть «громилъ и хулигановъ» «благонамѣренною частью русскаго населенія»?

Не станемъ, однако, спорить, пусть сенаторъ Кузьминскій правъ: въ погромахъ *исключительно* повинны революціонеры-евреи; градоначальникъ Нейдгардтъ — не провокаторъ.

Но, въ такомъ случаѣ, какимъ же другимъ именемъ назвать человѣка, который, зная о предстоящемъ или, по крайней мѣрѣ, возможномъ погромѣ,—а не знать объ этомъ градоначальникъ Нейдгардтъ не могъ,—не только не принимаетъ никакихъ мѣръ къ его предупрежденію, но, наоборотъ, своими распоряженіями сознательно создаетъ совокупность условій, при которыхъ *возможный* погромъ становится погромомъ *неизбѣжнымъ*? Какимъ именемъ назвать человѣка, который во время погрома принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать его возможно болѣе продолжительнымъ и возможно болѣе кровавымъ? Наконецъ, какимъ именемъ назвать человѣка, который послѣ погрома, унесшаго тысячи жертвъ, съ циничною откровенностью пишетъ: «Рѣшать приходилось трудную задачу, но ее рѣшилъ русскій народъ, собравшійся для патріотическихъ манифестацій»?

Имени такому человѣку мы не знаемъ; пусть укажетъ сенаторъ Кузьминскій.

Постановленіемъ 31 января текущаго года сенаторъ Кузьминскій представилъ правительствующему сенату о возбужденіи противъ бывшаго одесскаго гравоначальника уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія (ст. 341 ч. 2 улож. о наказ.).

14 марта правительствующій сенатъ (по 1 департаменту) постановилъ: дѣло противъ Нейдгардта производствомъ прекратить и поставить на видъ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія образъ дѣйствій одесской городской управы, а также дѣйствія ректора и профессоровъ новороссійскаго университета.

Итакъ, Нейдгардтъ оправданъ! Онъ можетъ быть снова назначенъ на первый освободившійся губернаторскій постъ.

Легко себѣ представить то чувство, съ которымъ встрѣчено будетъ въ чертѣ осѣдлости рѣшеніе сената,— чувство паническаго ужаса, чувство негодованія, не знающаго границъ.

У людей беззащитныхъ и безправныхъ, лишенныхъ элементарнѣйшаго права человѣка—права на жизнь, отнимается послѣдняя надежда на человѣческое правосудіе. Они отдаются во власть, безконтрольную и безотвѣтственную власть «сочувствующаго погромамъ» начальства.

И съ другой стороны, легко себѣ представить то чувство,—чувство, ликованія и торжества, съ которымъ встрѣчено будетъ рѣшеніе сената въ станѣ устроителей и попустителей массоваго человѣкоубійства.

Сенатъ сказалъ свое слово,—и изъ всѣхъ норъ выползаютъ отвратительные гады, и все громче, и наглѣе раздается ихъ змѣиное шипѣніе.

Сенатъ сказалъ свое слово,—и въ убогихъ лачугахъ на окраинахъ городовъ жалкая еврейская бѣднота въ страхѣ и отчаяніи ждетъ приближенія Пасхи.

Пройдетъ недѣля—и всю черту осѣдлости облетитъ «крылатое слово» одесскаго командующаго войсками ген. Каульбарса:

— Слѣдуетъ называть вещи ихъ собственными име-

нами: нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ еврейскому погрому...

XXIII.

Выборы въ Москвѣ.

(Мартъ, 1906 г.).

Я пріѣхалъ въ Москву въ самый разгаръ предвыборной агитаціи, наканунѣ дня выборовъ. Въ большинствѣ районовъ, днемъ и вечеромъ, шли предвыборныя собранія. Ораторы партіи переѣзжали съ мѣста на мѣсто,—и говорили, говорили, говорили... На собраніяхъ тьма народу, и хотя полиція, въ противоположность петербургской, никакихъ препятствій «кадетамъ» не чинила и, въ частности, на предвыборныхъ собраніяхъ, по крайней мѣрѣ, явно—не присутствовала, на собранія эти, по преимуществу, приходили *настоящіе* избиратели: мелкіе торговцы и ремесленники, рабочіе и крестьяне. Женщины и молодежь почти отсутствовали; ораторы соціалъ-демократической партіи, повидимому, отказались, за полною безполезностью, отъ партійной агитаціи на предвыборныхъ «кадетскихъ» собраніяхъ.

Я побывалъ на двухъ собраніяхъ,—днемъ въ Лефортовскомъ и вечеромъ въ Мѣщанскомъ районѣ. На томъ и другомъ меня поразило сосредоточенное,—я сказалъ бы, торжественное настроеніе аудиторіи. Въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ съ неослабѣвающимъ напряженнымъ вниманіемъ, затаивъ дыханіе, тысячная толпа слушала—быть можетъ, не въ первый разъ—«хорошія слова» искреннихъ и горячихъ рѣчей. Она ловила,—жадно ловила,—эти слова о свободѣ и равенствѣ, о національной терпимости, о соціальной справедливости,—и когда ораторъ смолкалъ, она отвѣчала ему взрывомъ восторженныхъ апплодисментовъ. Въ Мѣщанскомъ районѣ предсѣдатель нѣсколько разъ пытался объявить десяти-

минутный перерывъ,— и каждый разъ аудиторія нетерпѣливо протестовала: «не надо; мы не устали; говорите, говорите еще»...

И. союзъ 17 октября, купно съ торгово-промышленной партіей, устраивали — кое-гдѣ — предвыборныя собранія. Собранія эти устраивались для «своихъ», или, по крайней мѣрѣ, для «ничьихъ», и появленіе на одномъ изъ этихъ собраній въ Рогожскомъ районѣ П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера и нѣкоторыхъ другихъ «кадетовъ» вызвало среди членовъ бюро настоящій переполохъ. Наскоро устроенъ былъ военный совѣтъ, и, по предложенію предсѣдателя собранія, А. И. Гучкова, рѣшено было затянуть рѣчи, а затѣмъ предоставить каждому изъ ораторовъ-кадетовъ не болѣе 5 минутъ.

Публикѣ даны были соотвѣтственныя инструкціи, и П. Н. Милюковъ, прерываемый на каждомъ словѣ криками: «Довольно!.. не надо!..», больше трехъ минутъ говорить не могъ.

Однако, и этихъ трехъ минутъ оказалось достаточно для того, чтобы заронить сомнѣнія въ души нѣкоторыхъ избирателей.

Многіе изъ нихъ, повидимому, вовсе не отдавали себѣ отчета въ программныхъ и тактическихъ различіяхъ, существующихъ между «октябристами» и «кадетами»; на первыхъ они смотрѣли, какъ на «начальство», воля котораго священна. Расходясь, они говорили: «Какъ же такъ? Слова сказать не дали... Дѣло — нечистое... какъ же намъ теперь голосъ подавать?..»

А къ подачѣ голоса москвичи отнеслись съ осторожностью, почти религіозно... Этическая сторона выборовъ самыми темными изъ нихъ усвоена была въ полной мѣрѣ.!.

Не полагаясь на агитаціонное значеніе своихъ собраній, «октябристы» и «торгово-промышленники» прибѣгли и къ другимъ пріемамъ предвыборной борьбы.

Наканунѣ выборовъ у газетчиковъ «кѣмъ-то» съ самаго ранняго утра скуплены были всѣ пущенные въ

продажу экземпляры «Русскихъ Вѣдомостей» и «Пути». Въ этотъ день въ «Р. В.» появилась статья весьма популярнаго въ Москвѣ кн. Е. Н. Трубецкого, призывающая избирателей подавать голоса за партію народной свободы. По этому поводу, одинъ изъ лидеровъ торгово-промышленной партіи, г. Баршевъ, на «своемъ» собраніи торжественно заявилъ, что отнынѣ онъ, Баршевъ, кн. Е. Н. Трубецкого не уважаетъ.

Изъятіе изъ обращенія газетъ не принесло однако, ожидаемой пользы почтенному блоку. Къ вечеру они выпущены были вторымъ изданіемъ и затѣмъ на улицахъ и на собраніяхъ безплатно, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, раздавались желающимъ...

Тревожно провела Москва день 25 марта... Партія народной свободы надѣялась на побѣду, но не была увѣрена въ ней, и—скажемъ прямо—даже не надѣялась на такую блестящую, такую повсемѣстную побѣду... Лицомъ къ лицу стояли двѣ, враждебныя другъ-другу, Москвы,—старая Москва, живущая традиціями прошлаго, Москва купцовъ и охотнорядцевъ, и новая, демократическая и интеллигентная Москва.

Нигдѣ исходъ выборовъ не имѣлъ и не могъ имѣть такого огромнаго,—я сказалъ бы *символическаго* значенія, какъ, именно въ Москвѣ. Здѣсь въ самомъ сердцѣ Россіи произошло рѣшительное и рѣшающее сраженіе между старымъ и новымъ порядкомъ.

И новый порядокъ побѣдилъ.

Яркій солнечный день.

Мы побывали съ П. Н. Милюковымъ въ восьми районахъ изъ четырнадцати... Чѣмъ ближе къ избирательнымъ бюро, тѣмъ гуще толпы избирателей, серьезно и сосредоточенно спѣшащихъ къ избирательнымъ урнамъ...

У входа въ бюро необыкновенное оживленіе: агенты различныхъ партій,—народной свободы, союза 17 октября и торгово-промышленной партій, всенароднаго русскаго союза,—предлагаютъ входящимъ наперерывъ свои про-

кламаціи и бюллетени, тѣ же агенты—на лѣстницѣ и въ вестибюлѣ избирательныхъ помѣщеній. Избиратель, повидимому, мало дорожитъ избирательной тайной. «Октябристъ» брезгливо отворачивается отъ «кадетовъ» и цѣдитъ сквозь зубы: «Отстаньте; надоѣли»; и тутъ же, обращаясь къ «своимъ», предупредительно замѣчаетъ: «Благодарю васъ; у меня уже есть". Наиболѣе энергичны агенты партіи народной свободы,—все больше молодежь обоего пола. Гораздо солиднѣй и безучастнѣй агенты союза 17 октября,—приказчики, сидѣльцы, разсыльные, работающіе но вольному найму. Самое жалкое впечатлѣніе производятъ агенты «истинно-русскихъ людей». Сразу бросается въ глаза ихъ крайняя непопулярность среди избирателей: просто-русскіе люди презрительно отворачиваются отъ «истинно-русскихъ людей»; въ нѣкоторыхъ бюро лѣстницы усыпаны клочками ихъ разорванныхъ воззваній. У одного изъ бюро какой-то молодой человѣкъ раздобылъ пачку бюллетеней монархическаго союза и предлагаетъ ихъ проходящимъ: «подавайте голосъ за истинно-русскихъ людей... Если вы хотите быть разстрѣлянным или повѣшеннымъ, если вы облюбовали себѣ мѣстечко въ Бутыркахъ, подавайте голосъ за истинно-русскихъ людей!..»

Вестибюли избирательныхъ бюро увѣшаны воззваніями борющихся партій.

Весьма поучительна и любопытна литература союза 17 октября.

«Если вы хотите, чтобы въ Думѣ начались не безплодныя словопренія, а началась серьезная, созидательная работа, ведущая къ подъему народнаго благосостоянія и къ защитѣ народнаго труда, голосуйте за кандидатовъ союза 17 октября и торгово-промышленной партіи».

«Союзъ 17 октября и торгово-промышленная партія всегда стояли, стоятъ и будутъ стоять за:

Величіе и нераздѣльность Россіи; Царя и народное представительство; благо народа и всеобщее обученіе; всеобщіе равные выборы; немедленную, созн-

дательную мирную работу въ Госуд. Думѣ, при постепенномъ ея усовершенствованіи.

Всегда возставали и будутъ возставать противъ:

Бойкота или ломки (?) Государственной Думы; учредительнаго собранія; республики; полититическихъ забастовокъ; вооруженнаго возстанія; автономіи окраинъ или раздѣла Россіи.

Въ другомъ мѣстѣ—то же воззваніе въ другой редакціи: вмѣсто «всеобщихъ и равныхъ»—общіе и равные выборы; вмѣсто «созидательной работы въ госуд. думѣ»—работа въ государственой думѣ и государственномъ совѣтѣ; вмѣсто «раздѣла Россіи»—развалъ Россіи.

Прекрасное воззваніе, не правда ли? Изъ него мы, во всякомъ случаѣ, впервые узнаемъ, что торгово-промышленная партія «всегда стояла, стоитъ и будетъ стоять за всеобщіе и равные выборы». Мы припомнимъ это воззваніе торговцамъ и промышленникамъ въ государственной думѣ!

Въ Лефортовскомъ районѣ на дверяхъ, ведущихъ въ избирательный залъ, два воззванія союза 17 октября: «Не подавайте голоса за кандидатовъ партіи народной свободы. Господство этой партіи грозитъ распаденіемъ Россіи». «Подавайте голосъ за кандидатовъ союза 17 октября и торгово-промышленной партіи: они—защитники труда и народнаго достоинства. И рядомъ съ этими воззваніями энергичное—быть можетъ, даже слишкомъ энергичное—воззваніе партіи народной свободы: «Не вѣрьте союзу 17 октября и торгово-промышленный партіи. Все, что они пишутъ про партію народной свободы,—*ложь* и *клевета*».

Всего скромнѣе опять-таки воззванія всенароднаго русскаго союза. Рядомъ съ аршинными воззваніями другихъ партій, словно стыдливо прячутся его небольшія афиши:

«Самодержавіе мое останется такимъ, какимъ оно было встарь» и подпись: «Николай II». На другомъ воззваніи—

крестъ и надъ нимъ легенда: «Симъ побѣждай». «Если вы стоите за вѣру православную, царя самодержавнаго, за русскую народность и за единство и недѣлимость Россіи, подайте... избирательную записку съ именами лицъ, которыхъ предлагаетъ въ выборщики всенародный русскій союзъ, объединяющій русскіе монархическіе и патріотическіе кружки, собранія, общества, партіи и союзы».

Входишь въ избирательное бюро и невольно останавливаешься, пораженный: какія яркія краски, сколько движенія и лихорадочной суеты. Между двумя шеренгами агитаторовъ и партійныхъ агентовъ длинной вереницей идетъ избиратель. Вотъ ведутъ подъ руку слѣпого старика; вотъ отставной генералъ, дряхлый и разслабленный, поддерживаемый городовымъ... А шумъ растетъ, и десятки голосовъ все громче и настойчивѣй выкрикиваютъ названія политическихъ партій. И изъ хаоса несвязныхъ звуковъ вырывается, подобной солнечному лучу, женскій голосъ, высокій и звонкій, торжествующій грядущую побѣду: «Голосуйте за партію народной свободы! Граждане, за народную свободу, за народную свободу!..»

Въ Лефортовскомъ районѣ передъ избирательнымъ бюро съ девяти утра и до поздняго вечера—непрерывный митингъ. Толпа разбивается на десятки группъ, и въ центрѣ каждой группы—диспутъ между «октябристомъ» и «кадетомъ». У «октябристовъ»—привычные, давнымъ-давно знакомые аргументы: «жидовская партія; вотъ погодите, сядетъ жидъ вамъ на шею: сломаетъ жидъ матушку Россію». «Вы—за раздѣленіе Россіи... Знаемъ мы этихъ поляковъ! Мятежники они; сколько русской крови пролили. Мало ихъ, видно, учили: дай имъ свободу, они сейчасъ противъ Россіи пойдутъ»!... «Вы противъ царя, а намъ Царь нуженъ. Вы за республику, за вооруженное возстаніе. Довольно съ насъ: видали мы вооруженное возстаніе; не надо намъ больше забастовокъ. Конституціоналисты-демократы, соціалъ-демократы—все одна шайка. Волки въ овечьей шкурѣ, вотъ кто вы...

Долой партію народной свободы!» И на всѣ эти аргументы «кадеты» — въ большинствѣ случаевъ тѣ же «чуйки», крестьяне, рабочіе, мелкіе торговцы и приказчики—горячо и убѣжденно возражаютъ,—возражаютъ «хорошими словами», которыя глубоко запали въ ихъ душу на кадетскихъ, агитаціонныхъ и предвыборныхъ собраніяхъ.

Они говорятъ—говорятъ по своему, безъ вычурныхъ словъ, о свободѣ и равенствѣ, о соціальной справедливости, о національномъ братствѣ.

Они говорятъ, что евреи — тѣ же люди, что полякамъ, какъ и всѣмъ намъ нужна свобода, что крестьянамъ безъ земли нельзя больше жить. И они спрашиваютъ своихъ противниковъ: «Ужъ не вы ли, торгово-промышленники, дадите крестьянамъ землю; ужъ не вы ли, приспѣшники Дубасова, дадите Россіи свободу»?!..

Я переходилъ отъ одной группы къ другой и жадно прислушивался къ простымъ и безыскусственнымъ рѣчамъ. Я спрашивалъ себя: почему, преломляясь въ народномъ сознаніи, и программа союза 17 октября, и программа торгово-промышленной партій превращаются въ проповѣдь человѣконенавистничества, въ проповѣдь національной и классовой вражды? Не потому ли, что программа эта только для вида, только для отвода глазъ. Не потому ли, что въ своей агитаціонной дѣятельности, озабоченные борьбой съ ненавистными «кадетами», октябристы и торгово-промышленники, забывая о положительномъ содержаніи своихъ программъ, всегда апеллировали къ худшимъ инстинктамъ, къ національному шовинизму и нетерпимости къ національнымъ и классовымъ предразсудкамъ темной народной массы? Пусть скажутъ гг. Гучковы и Шиповы, что сдѣлано ими для политическаго воспитанія, для просвѣщенія народной массы, какія новыя истины они внесли въ народное сознаніе, гдѣ та правда, которой они учили народъ?

И съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я видѣлъ результаты великой и культурной работы, которая въ такое короткое время, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія,

уже сдѣлана партіей народной свободы. Наша будущность, какъ политической силы, еще впереди; но какъ культурная сила, мы совершили уже большое и хорошее дѣло.

Пройдетъ немного времени, и никакая контръ-революція Россіи не будетъ страшна: ей не будутъ страшны никакіе провокаторы, – изъ охраннаго ли отдѣленія, изъ «Московскихъ ли Вѣдомостей».

А давно ли наши радикальные друзья, наши товарищи по всевозможнымъ союзамъ, выносили резолюціи о бойкотѣ выборовъ и клеймили насъ, какъ враговъ народа?!..

Московскіе выборы разоблачили одну, несознанную до сихъ поръ, политическую ложь; они доказали отсутствіе какой бы то ни было «самодержавно-монархической партіи» въ Россіи. Въ Москвѣ,—даже въ Москвѣ,—кромѣ Грингмута, Шмакова, Щербатова и ихъ присныхъ, не оказалось «истинно-русскихъ людей». Изъ 34 тысячъ бюллетеней за «монархистовъ» подано было всего 1,612—около 5%. Въ тверскомъ районѣ на 2,729 бюллетеней—1 монархическій, въ Рогожскомъ—центрѣ старообрядчества - на 3,607—91.

Всѣ эти «русскіе монархическіе и патріотическіе кружки, собранія, общества, партіи и союзы» – оказались бумажной выдумкой, бумажною ложью. Представлявшаяся Государю московская депутація «истинно-русскихъ людей» была депутаціей отъ Грингмута, Щербатова и Шмакова. И когда эта депутація говорила отъ имени русскаго народа, она нагло клеветала на русскій народъ.

Въ безмолвіи цензурнаго режима и голосъ Грингмута или голосъ Шмакова могъ казаться голосомъ опредѣленной партіи, или по крайней мѣрѣ, опредѣленной общественной группы.

Во мракѣ ночи призракъ «монархическаго союза», принимая неестественныя размѣры, могъ пугать, и дѣйствительно пугалъ, разстроенное воображеніе скептиковъ, не увѣренныхъ въ русскомъ народѣ.

Но взошло солнце, и призракъ растаялъ и исчезъ. И много еще призраковъ также безслѣдно изчезнетъ, когда солнце поднимется выше.

А пока... пока мы совѣтуемъ провокаторамъ всѣхъ званій и ранговъ придумать новое объясненіе и новое оправданіе для замышляемыхъ ими политическихъ погромовъ и политическихъ убійствъ. Ссылка на «истинно-русскихъ» патріотовъ становится невозможной...

Выборы прошли; къ двѣнадцати часамъ слѣдующаго дня въ бюро конституціонно-демократической партіи необыкновенное оживленіе. Каждую минуту телефонъ приноситъ вѣсти о новыхъ и новыхъ побѣдахъ.

Къ двумъ часамъ общій результатъ выборовъ становится извѣстнымъ: кадеты побѣдили во всѣхъ районахъ, всѣ 160 выборщиковъ прошли по ихъ спискамъ.

Москва—не чета Петербургу; она горяча и экспансивна. На улицахъ знакомые и полузнакомые люди поздравляютъ другъ друга съ побѣдой, обнимаются и цѣлуютъ другъ друга.

Къ вечеру залы литературно-художественнаго кружка переполнены народомъ. Каждый районъ занимаетъ отдѣльную часть зала; у каждаго района свои излюбленные люди; ихъ встрѣчаютъ апплодисментами, ихъ обнимаютъ, подхватываютъ на руки и качаютъ. Появленіе въ залѣ лидеровъ и ораторовъ партіи встрѣчается громомъ апплодисментовъ.

Говорятъ рѣчи, — горячія и восторженныя рѣчи; и во всѣхъ этихъ рѣчахъ сквозитъ одна мысль и одно чувство: «Мы—народная партія. Насъ народъ посылаетъ на великое и отвѣтственное дѣло. Онъ намъ вѣритъ, и мы сильны его вѣрой: мы должны идти и—дерзать».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
XIX вѣкъ	4
Историческій урокъ	26
Основы правопорядка	45
Шиповская программа	118
Государственная Дума	137
Самодержавіе и манифестъ 17 октября	195
Новый избирательный законъ	209
Русская конституція	228
Замѣтки публициста	256—350
Шестидесятые годы и предстоящая реформа	256
Переломъ	263
Паденіе Портъ-Артура	267
Бюрократія и миръ	269
Новый курсъ	271
Конецъ режима	281
9 Января	283
Армія и 9 Января	288
Конецъ довѣрію	292
Годовщина войны	295
Послѣ Мукдена	297
Единство законодательнаго пути	300
Финляндія и Россія	304
Успокоеніе и реформы	306
Упраздненіе особаго совѣщанія	308
О бойкотѣ Государственной Думы	313
Новый порядокъ	318
Министерство Гр. Витте	322
Московскіе дни	326
Еще о бойкотѣ	330
Нейдгардтъ оправданъ	334
Выборы въ Москвѣ	342

Stanford University Libraries
3 6105 0

DATE

STANFORD UNIVER
STANFORD, CALIFO